

А. Т Е Р Н Е.

Въ царствѣ Ленина.

Очерки современной жизни въ
Р. С. Ф. С. Р.

БЕРЛИНЪ - 1922 годъ.

Alle Rechte, einschliesslich des Uebersetzungsrechtes,
vorbehalten.

Copyright 1922 by A. v. Törne, Berlin.

ВСѢ ПРАВА СОХРАНЕНЫ ЗА АВТОРОМЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Пусть 90% русскаго народа погибнетъ лишь бы 10% дожило до міровой революціи“.

Изъ рѣчи В. Ленина.

Въ силу нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ мнѣ пришлось ѣхать изъ Константинополя на Новороссійскъ уже тогда, когда оттуда эвакуировались остатки арміи ген. Деникина. Въ Новороссійскъ я прибылъ на послѣднемъ, дошедшемъ туда, русскомъ пароходѣ „Россія“, на которомъ частнымъ пассажиромъ былъ только одинъ я. Мнѣ пришлось видѣть послѣдніе два дня существованія арміи ген. Деникина, переживать весь ужасъ южно-русской катастрофы: два дня анархіи и полного безвластья, развала арміи и кутежей, безсмысленнаго разбоя и грабежей. Это было начало пожаровъ многомилліонныхъ желѣзнодорожныхъ и портовыхъ складовъ, съ оставленными колоссальными запасами военнаго снабженія, начало массовой гибели, брошенныхъ на произволъ судьбы и измученныхъ длинными переходами, некормленыхъ коней русской кавалеріи.

Но вотъ, на третій день утромъ, на набережной въ порту, появились первые отряды съ красными флагами; послѣдовалъ короткій обстрѣлъ съ моря русскими миноносцами русскаго же города... А затѣмъ, вскорѣ, лишь разстилавшіеся на горизонтѣ дымки кораблей уносили съ собою въ даль разбитыя мечты о разрушеніи большевизма и возрожденіи Россіи — и Новороссійскъ сталъ совѣтскимъ городомъ. Мы, оставшіеся въ немъ, съ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ начнетъ проявлять себя совѣтская власть, такъ какъ на основаніи рассказовъ людей, переживавшихъ уже прелести совѣтскаго режима, ожидали отъ него всего, чуть ли не до людоедства включительно.

Къ вечеру появились первыя расклеенныя по городу объявленія по новой совѣтской ортографіи о занятіи Новороссійска частями красной арміи и съ требованіемъ соблюденія населеніемъ полной тишины и спокойствія. На другое утро — новыя распоряженія! Мужчинамъ явиться для личной регистраціи; всему населенію вмѣняется въ обязанность ловить лошадей, брошенныхъ Деникинскою арміею, и чистить улицы и дороги, сдѣлавшіяся непроходимыми отъ грязи. Приказы составлены были необычайно категорично съ тягчайшими санкціями за неподчиненіе имъ. Вотъ она — „твердая власть“, рѣшилъ я. Однако, тутъ же мнѣ пришлось ознакомиться и съ обратной стороной медали этой „твердой власти“, такъ какъ, благодаря взятымъ мною по совѣту свѣдущихъ лицъ надлежащимъ удостовѣреніямъ, я на вполне законномъ основаніи уклонился и отъ чистки улицъ, и отъ регистраціи. Въ тотъ же вечеръ мнѣ довелось ознакомиться впервые съ коммунистическими приѣмами демагогической пропаганды на всенародномъ митингѣ, на которомъ уже выступали выпущенные изъ тюрьмы большевики, бывшіе въ заточеніи при бѣлыхъ. Еще черезъ день въ Новороссійскѣ вышелъ первый номеръ газеты, состоявшей изъ оффиціальнаго отдѣла и телеграммъ мѣстной радіостанціи, которая почему-то сразу возобновила свою работу, а затѣмъ посыпался, какъ изъ рога изобилія, цѣлый рядъ распоряженій, декретовъ устанавливающихъ, регулирующихъ, предписывающихъ, ликвидирующихъ, угрожающихъ и т. п.

Самъ городъ немедленно измѣнилъ свою внѣшнюю фізіономію. Изъ кипѣвшаго при бѣлыхъ лихорадочною жизнью — Новороссійскъ превратился въ какое-то уснувшее кладбище. Пустыя улицы, замершее движеніе, забитыя окна магазиновъ, закрытые рестораны, тишина (чеки еще не было; она не поспѣвала за красной арміею и пріѣхала уже послѣ моего отъѣзда изъ Новороссійска) — все это вмѣстѣ взятое, совсѣмъ новое, столь необычайное, произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что у меня тогда же родилась мысль

составлять безпристрастные замѣтки о томъ, чему мнѣ придется быть свидѣтелемъ въ Совѣтской Россіи.

Несмотря на категорическій запретъ выѣзда изъ Новороссійска кому бы то ни было, мнѣ удалось поступить по совѣту опытныхъ лицъ такъ, что я очень быстро уѣхалъ въ Ростовъ на Дону съ первымъ воинскимъ эшелономъ, къ которому я, разумѣется, не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія. Въ Ростовъ мы прибыли на первый день Пасхи рано утромъ. На улицахъ было тихо и пустынно. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на разрушенныя зданія и на улицы, заваленныя такимъ количествомъ мусора и грязи, что по нимъ буквально нельзя было идти (а въ Ростовѣ въ это время уже давно наступило тепло). При видѣ этой картины у меня окрѣпла мысль о необходимости такъ или иначе зафиксировать эти необычайныя черты современной русской жизни, которыя, неизбежно должны будутъ со временемъ исчезнуть и изгладиться изъ народной памяти, какъ тяжелый сонъ. Последующая моя служба, при которой мнѣ приходилось сталкиваться съ различными сторонами совѣтскаго строительства и лично видѣть всѣ отрицательныя его стороны, окончательно побудила меня привести задуманное въ исполненіе.

Нынѣ, находясь уже за предѣлами Совѣтской Россіи, я вижу, что несмотря на довольно подробное освѣщеніе ея современнаго положенія въ прессѣ, многія стороны жизни въ ней отражаются неточно и неравномѣрно, такъ что по нимъ нельзя составить себѣ той общей картины современной Россіи, которая получается, у посторонняго зрителя отъ долговременнаго пребыванія въ ней и личныхъ переживаній. Этой работой, составленной на основаніи упомянутыхъ мною выше замѣтокъ, я и хотѣлъ бы восполнить имѣющійся въ этомъ отношеніи, насколько мнѣ извѣстно, пробѣлъ въ зарубежной русской литературѣ.

Конечно, трудъ мой не претендуетъ на всеобъемлемость. Для этого нужны годы и годы; и это серьезная задача будущаго: шагъ за шагомъ.

прослѣдить и изучить развитіе явленій государственной и общественной жизни въ Совѣтской Россіи при большевикахъ. Тѣмъ менѣе можетъ претендовать моя работа на признаніе за ней характера систематическаго изслѣдованія, хотя я и старался въ ней привести имѣющіеся въ моемъ распоряженіи матеріалы и факты въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности, болѣе или менѣе равномерно освѣщающемъ разныя стороны жизни въ Р. С. Ф. С. Р. Напрасно было бы искать въ ней и большой научный матеріалъ статистико-экономическаго характера, ибо это не моя задача. Въ концѣ концовъ — это рядъ живыхъ очерковъ, въ которыхъ авторъ имѣлъ въ виду дать общую картину, рисующую современную жизнь Россіи, какъ она складывается въ дѣйствительности.

Изъ сказаннаго видно, что предлагаемая работа также является далеко неполной и незаконченной, но зато заключающіеся въ ней очерки основаны на достовѣрныхъ данныхъ и въ совокупности даютъ достаточный матеріалъ для составленія себѣ вѣрнаго представленія о современной Россіи и для сужденія о различныхъ сторонахъ производимаго надъ ней соціальнаго опыта. Авторъ считаетъ, что избранный имъ методъ изложенія, переходящій иногда даже въ форму разсказа или разговора, долженъ оставить болѣе яркій слѣдъ въ душѣ читателя, чѣмъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ выполненный научный трактатъ о сущности и формахъ развитія коммунизма въ Россіи.

Моментъ для составленія такого обзора, какъ нельзя болѣе назрѣлъ. Конецъ 1920 года и начало 1921 года являются несомнѣнно кульминаціонной точкой въ исторіи развитія совѣтской власти въ Россіи. Это эпоха самага большаго ея расцвѣта и время интенсивнаго коммунистическаго строительства русской жизни. Дѣйствительно, къ этому времени гражданская война въ широкомъ масштабѣ уже окончена. Послѣдній серьезный врагъ, армія генерала Врангеля, раздавлена. Изъ

западной Европы непрерывно поступают известія о происходящих тамъ революціонныхъ выступленіяхъ. Только что торжественно отпраздновано трехлѣтіе укрѣпившейся власти. Добыть хлѣбъ изъ отвоеванныхъ южныхъ губерній; также—нефть и уголь. Націонализированныя фабрики энергично развиваютъ работу, превосходящую всякія ожиданія. На Всероссійскомъ Съѣздѣ Совѣтовъ предсѣдатель В. С. Н. Х. (Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства) Рыковъ заявляетъ, что новый 1921 годъ начинается при благопріятныхъ симптомахъ надеждъ на восстановление транспорта и русской промышленности. Съѣздъ этотъ даетъ новое направленіе совѣтской политикѣ — переходъ исключительно на фронтъ хозяйственнаго строительства Россіи. Начинается 1921 годъ; появляются знаменитые коммунистическіе декреты Совнаркома о безплатной выдачѣ населенію продуктовъ, о безплатномъ питаніи и т. д.; носятъ слухи о близкомъ аннулированіи денегъ и распредѣленіи всѣхъ хозяйственныхъ благъ между потребительскими коммунами. Однимъ словомъ—еще одно послѣднее усиліе и Россія должна была бы войти въ царство подлиннаго коммунизма. И вдругъ... все мѣняется. Неожиданно возникаетъ необычайный переломъ, всеобщая хозяйственная депрессія, столь сильная къ тому же въ своемъ поступательномъ движеніи, что она буквально сметаешь всѣ расчеты и всѣ предположенія и заставляетъ тѣхъ же коммунистовъ на своемъ партійномъ съѣздѣ вплотную подойти къ вопросу о томъ, какъ быть, чтобы задержать надвигающійся на страну голодъ и тѣмъ самымъ самымъ удержаться у власти. Съ этого момента начинается поворотъ назадъ къ капитализму, причемъ движеніе это въ первое время еле замѣтное, чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлается все стремительнѣе и въ своемъ конечномъ итогѣ неизбежно приведетъ или къ полному отказу и сдачѣ всѣхъ коммунистическихъ позицій и паденію совѣтской власти, или же революціоннымъ порядкомъ это движеніе

вспять будетъ задержано и приведетъ къ углубленію системы террора, усиленію неслыханнаго нажима на населеніе и закончится... также неизбѣжнымъ крушеніемъ совѣтскаго строя.

Интересъ къ познанію современной Россіи возрастаетъ и у иностранцевъ. Постоянно приходится читать и слышать о различныхъ предприимчивыхъ иностранцахъ, испрашивающихъ разрѣшеніе совѣтскаго правительства на вѣздъ въ Совдепію. Делегации тоже неоднократно посѣщали и продолжаютъ посѣщать многострадальную Россію. Однако, надо быть очень опытнымъ въ русскихъ дѣлахъ человѣкомъ и хорошо знать русскую дѣйствительность, чтобы на лету при такихъ кратковременныхъ поѣздкахъ, преимущественно въ Москву, уловить всѣ особенности, а также мелкія, но характерныя детали, изъ которыхъ нынѣ слагается эта грустная дѣйствительность. Поэтому-то тѣ данныя, которыя приводились въ заграничной прессѣ о впечатлѣніяхъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ организацій, побывавшихъ въ Совѣтроссіи, обычно являлись слишкомъ поверхностными и не давали общей картины современной русской жизни, оплетенной коммунистической паутиной. Настоящій трудъ, какъ указано выше, также не претендуетъ на исчерпывающую полноту, однако, во всякомъ случаѣ, въ немъ найдетъ себѣ отраженіе вся русская жизнь въ разныхъ ея областяхъ въ формѣ отдѣльныхъ очерковъ на основаніи того, что автору, хорошо знакомому съ ея условіями, пришлось на протяженіи почти полутора лѣтъ лично переживать, видѣть и слышать.

Имѣя подобную книгу подъ рукой, русскіе, сами не испытавшіе совѣтскаго строя, могутъ получить о немъ вполне достаточное общее представленіе; иностранцы же, при поѣздкѣ въ Совѣтскую Россію, смогутъ лучше разобраться въ цѣнности того матеріала, который обычно преподносится властями для ихъ ознакомленія, ограничиваемаго преимущественно посѣщеніемъ Московскихъ театровъ, Кремля и какого-нибудь

образцоваго предпріятія, заблаговременно подготовленнаго большевиками для того, чтобы произвести должное впечатлѣніе на иностранцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, она должна представить въ должномъ свѣтѣ возвѣщенный Ленинымъ „новый курсъ“, взятый совѣтской властью, и разсѣять создаваемое извѣстными органами зарубежной печати, впечатлѣніе о томъ, что въ Россіи какъ будто-бы произошелъ сдвигъ и что жизнь въ ней течетъ теперь несравненно лучше, чѣмъ раньше. Что это, разумѣется, совсѣмъ не такъ, читатель убѣдится изъ чтенія настоящей книги. Въ Совѣтской Россіи все остается по прежнему и даже хуже. Всѣ опыты примиренія основъ капиталистическаго строя съ коммунизмомъ, которые теперь дѣлаются въ Совдепіи, являются лишь попытками паразитовъ устроиться на новыхъ началахъ и на новомъ мѣстѣ, когда предыдущее перестаетъ уже ихъ кормить. Въ первое время послѣ установленія совѣтской власти, коммунисты паразитировали за счетъ запасовъ хозяйственныхъ благъ, ранѣе произведенныхъ русскимъ народомъ. Во время гражданской войны они сумѣли паразитировать за счетъ русскаго офицерства, которое доставило имъ побѣду надъ бѣлыми арміями. Теперь, когда всѣ ресурсы страны приходятъ къ концу и нужно искать новые объекты для паразитированія, приходится создавать за границей благопріятное впечатлѣніе о томъ, якобы нарастающемъ, политическомъ сдвигѣ, котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ и котораго не будетъ до тѣхъ поръ, пока стоящіе нынѣ у власти не будутъ сброшены, или инымъ путемъ не перейдутъ въ небытіе.

Автору можетъ быть брошенъ упрекъ, что въ описаніяхъ краски слишкомъ сгущены, что въ его очеркахъ новаго по существу мало, и что имъ односторонне представлены лишь однѣ тѣневыя стороны, тогда какъ несомнѣнно есть хоть какія-нибудь свѣтлыя стороны въ самой совѣтской власти, если населеніе такъ безропотно ей подчиняется. На это авторъ можетъ спокойно отвѣтить: да, въ этихъ очеркахъ есть, пожалуй,

много и стараго, такъ какъ они не придуманы авторомъ, а взяты изъ дѣйствительной жизни, но кое-что можно найти въ нихъ и новое. Впрочемъ, вѣдь и о старомъ-то нужно кричать; будить мысль и чувства тѣхъ, которые это старое хотятъ забыть, потому только, что оно ихъ лично не затрагиваетъ. Насталъ моментъ для всѣхъ зарубежныхъ русскихъ сбросить съ себя, наконецъ, маску холодности и равнодушія къ тѣмъ тяжелымъ переживаніямъ, которыя ежедневно и ежечасно принуждено испытывать, оказавшееся подъ ножомъ соціальныхъ экспериментаторовъ, населеніе Россіи, извѣрившееся въ возможности полученія откуда-нибудь помощи, махнувшее рукой на своихъ сытыхъ и въ спокойствіи пребывающихъ за границей соотечественниковъ и продолжающее нести на себѣ тяжелое ярмо безумныхъ хозяевъ, воспитывающихъ его могучимъ и страшнымъ орудіемъ — голодомъ. Тѣхъ, которые хотятъ обязательно видѣть какія-нибудь хорошія стороны совѣтской жизни, авторъ отсылаетъ къ тому матеріалу, который большевики сообщаютъ сами о себѣ. Лицамъ же, желающимъ убѣдиться въ правдивости этихъ послѣднихъ матеріаловъ, авторъ предлагаетъ самимъ съѣздить въ Совѣтскую Россію, поступить на совѣтскую службу, прослужить на ней годъ и, вернувшись обратно, попытаться правдиво написать очерки о свѣтлыхъ сторонахъ жизни въ Совдепѣи.

ГЛАВА I.

Н а ш и п р а в и т е л и.

Каюсь, никого изъ этихъ лицъ, о которыхъ я собираюсь писать, мнѣ лично не приходилось видѣть. Т. е. видѣть-то, собственно говоря, приходилось каждый день, потому что новые Россійскіе правители любятъ всюду выставлять себя на показъ. Нѣтъ такого мѣстечка въ Совдепіи, гдѣ бы не было портретовъ или бюстовъ вождей мірового пролетаріата: въ казенныхъ учрежденіяхъ, на станціяхъ, на заборахъ, на столбахъ, въ окнахъ закрытыхъ магазиновъ — эти любители дешевой популярности помѣщаютъ свои самодержавные лики, куда опережая въ этомъ отношеніи всякіе иные режимы. Однако, какъ выглядятъ они въ личной и общественной жизни мнѣ не приходилось самому наблюдать. Поэтому, настоящій очеркъ основанъ лишь на томъ, что мнѣ приходилось читать въ Совдепіи или слышать отъ другихъ лицъ, дѣлая отсюда свои собственные выводы.

Апостолы коммунизма, стоящіе вопреки волѣ народа съ конца 1917 года у власти въ Россіи, употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы за нее во что бы то ни стало удержаться. Во имя этой цѣли они и осуществили небывалый въ исторіи государствъ соціально-полицейскій режимъ, придерживаясь мнѣнія, что цѣль оправдываетъ средства. Съ этой боязнью за свое будущее связаны и постоянныя колебанія ихъ политики, внѣшне показывающія какъ бы измѣненіе направленія курса. Разсмотримъ этихъ господъ по порядку.

В. И. Ульяновъ-Ленинъ, пользующійся огромной популярностью у всего коммунистическаго населенія и крестьянства, именуемый въ просторѣчьи „Ильичемъ“, доминируетъ по прежнему надъ

всѣми въ коммунистической партіи и въ государствѣ. Если посмотрѣть на его портретъ: узкіе, маленькіе, разбѣгающіеся глаза, раскосый ихъ разрѣзъ, выдающіяся скулы, — то весь его обликъ представляетъ собою типичнаго азіата. Ленинъ гордится этимъ сходствомъ, квалифицирующимъ его хитрость. Для него, какъ и для другихъ его ближайшихъ единомышленниковъ, ясно, что ставка на міровую революцію бита. Моментъ для нея явно упущенъ. Экономическій кризисъ, который въ 1919 году былъ еще въ полномъ развитіи въ Европѣ, съ тѣхъ поръ идетъ на убыль. Поэтому, поводовъ для выступленія рабочихъ дѣлается все меньше и меньше. Съ другой стороны и капиталисты за это время поокрѣпли, и началась уже нѣкоторая активность и въ ихъ лагерѣ. При такихъ условіяхъ ясно, что Россіи предстоитъ еще долго оставаться въ капиталистическомъ окруженіи. А въ этомъ случаѣ совѣтская политика можетъ держаться двухъ направленій: или наступательнаго, или оборонительнаго. Какъ хитрый азіатъ Ленинъ несомнѣнно видитъ упроченіе собственнаго положенія въ осторожной политикѣ. Въ концѣ 1920 года, когда заканчивается гражданская война, весь Совнаркомъ съ Ленинымъ во главѣ, убаюканный оптимистическими докладами Рыкова объ упроченіи экономического положенія республики и о перепроизводствѣ въ промышленности противъ заданій производственныхъ программъ, — готовъ рассчитывать на обращеніе страны на путь мирнаго строительства и слѣдовательно и личнаго самоукрѣпленія. Но для этого строительства нужны матеріальныя и денежныя средства, а онѣ у иностранцевъ. Чтобы возбудить интересъ иностранныхъ капиталистовъ, имъ тогда же выбрасывается кость въ видѣ концесій, къ которымъ сами большевики относятся не серьезно, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго (объ уплатѣ царскихъ долговъ пока еще не говорится открыто — *pour sauver les apparences*). Новый 1921 годъ приноситъ, однако, Ленину однѣ разочарованія: упадокъ добычи топлива, частич-

ная приостановка желѣзно-дорожнаго сообщенія, паденіе производительности труда въ промышленности и съ этимъ вмѣстѣ, самое главное, — прогрессирующее ухудшеніе продовольственнаго положенія. Обстоятельствами этими Ленинъ пользуется для того, чтобы измѣнить тактику въ видѣ такъ называемаго „новаго курса“. Поворотъ дѣлается при этомъ очень рѣзко. Правовѣрные коммунисты указываютъ ему на то, что свобода торговли есть въ сущности начало капитализма и отказъ отъ старыхъ коммунистическихъ позицій. Упреки сыплются со всѣхъ сторонъ. Ленинъ обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ недюжинный дипломатическій талантъ. Передъ 1 мая онъ дѣлаетъ видъ, что собирается вовсе отстраниться отъ дѣлъ. Это даетъ возможность подсчета силъ и — въ результатѣ Ленинъ побѣждаетъ. Открывается новая эра, переменна политики. Мирная эволюція коммунизма, какъ вѣщаютъ заграницей клеветы Ленина, пытающіеся обмануть общественное вниманіе; въ сущности же не эволюція политики, а лишь эволюція тактики. Получивъ свободу дѣйствій, Ленинъ въ маѣ и іюнѣ 1921 года начинаетъ развивать свою работу въ духѣ „новаго курса“. Съ точки зрѣнія ортодоксальнаго коммунизма допущенные имъ новаторства наносятъ непоправимый ущербъ дѣлу коммунистическаго строительства. Отложенный сначала, изъ-за продовольственныхъ осложненій, съѣздъ профессиональных союзовъ, собирается все же въ маѣ 1921 года. Не предвидѣвшіе ничего новаго и собравшіеся со всѣхъ сторонъ профессиональные работники, ошеломлены дѣлаемыми имъ сообщеніями и докладами, какъ на фракціонныхъ совѣщаніяхъ, такъ и въ пленумѣ. Сыплются взаимныя обвиненія, ставятся упреки въ излишнемъ демократизмѣ, въ веденіи линіи поведенія Совнаркома, независимо отъ взглядовъ партійнаго большинства. Подъ такимъ же знакомъ проходитъ въ болѣе блѣдныхъ, однако, тонахъ и съѣздъ совнархозовъ. Нападки на Ленина предполагаетъ использовать въ свою пользу противоположная

группировка партійныхъ руководителей, подводя мину къ моменту созыва 3-го съѣзда Коммунистическаго Интернаціонала. Лица эти съ Троцкимъ во главѣ строятъ большіе планы вооруженной борьбы и активной военной политики. Намѣчаются широкія ассигнованія золотомъ и брилліантами на веденіе военной кампаніи. Положеніе Ленина дѣлается какъ будто менѣе устойчивымъ. Однако, на помощь приходитъ постепенно вырисовывающійся большой неурожай въ Поволжьи, а также свѣдѣнія Наркоминдѣла Чичерина о тѣхъ ударахъ для Совѣтской Россіи, которые подготовила Англія на случай активного выступленія Россіи. Такимъ образомъ одновременно взрывъ снаружи и изнутри, который можетъ погубить все дѣло коммунизма, т. е. вызвать потерю власти правящей клики. Хитрый „азіать“ знаетъ, на какихъ струнахъ играть и онъ одерживаетъ верхъ. Деньги въ большомъ размѣрѣ направляются на внутренній голодный фронтъ и на нѣкоторое время проведеніе системы капиталистическаго коммунизма обеспечено. Ленину развязаны руки въ его „новомъ курсѣ“. Чтобы подчеркнуть свою лойяльность въ дѣлѣ соціальной борьбы, Ленинъ горячо поддерживаетъ политику репрессій. Свободы и демократизма Россіи не видать, пока пролетаріатъ въ опасности — вотъ лозунгъ, который онъ выбрасываетъ для ликвидаціи направленныхъ противъ него нападокъ изъ партійныхъ круговъ. Всѣ реформы коснутся лишь области экономической, внутренняя политика останется безъ переменъ.

Въ своихъ выступленіяхъ Ленинъ постоянно подчеркиваетъ преданность созданному имъ дѣлу. Онъ весьма не чуждъ рекламы. Любитъ подчеркнуть могущество и вліяніе свое и своихъ коллегъ; отмѣчаетъ ихъ роль въ октябрьской революціи, придавая ей характеръ не чего-то неизбежнаго, а рисуя ее исключительно какъ результатъ воли и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Ленинъ любитъ выступать на съѣздахъ. Говоритъ много и обаятельно, слегка насмѣшливо, выжидая результатовъ впечатлѣнія на массы отъ того или иного реторическаго

эффекта. Онъ не чуждъ желанія покрасоваться передъ иностранцами, охотно допускаетъ иностранныхъ корреспондентовъ до интервью, очень интересуется впечатлѣніями, которыя производятъ заграницей тѣ или иные его декреты. Правой рукой Ленина по разработкѣ хозяйственно-экономическихъ декретовъ въ духѣ „новаго курса“ является завѣдующій Центральнымъ Статистическимъ Управленіемъ Григорьевъ, который при помощи своихъ сотрудниковъ выполняетъ различные экономическіе этюды непосредственно по его заказамъ. Внѣшняя политика въ послѣднее время благодаря Чичерину и Красину также всецѣло въ рукахъ Ленина.

Не менѣе честолюбивъ и жаждетъ популярности Л. Троцкій-Бронштейнъ. Послѣдній со всѣмъ темпераментомъ націи, къ которой онъ принадлежитъ, кипучъ, трудолюбивъ, мелочно самолюбивъ и выносливъ. Ему хочется быть на первыхъ роляхъ. Мечталъ онъ объ этомъ еще во время эмигрантской жизни въ Швейцаріи. Стремленіе къ эффектнымъ жестамъ, къ параду, всегда соотвѣтствовало его наклонностямъ и потому онъ былъ вполне на мѣстѣ во время войны. Прекрасно учитывая положительныя стороны своего сотоварища, Ленинъ далъ ему *carte blanche* въ военныхъ дѣлахъ. Результаты гражданской войны на всѣхъ фронтахъ являются несомнѣннымъ слѣдствіемъ организаторскаго таланта Троцкаго и его умѣнія подыскать себѣ выдающихся и преданныхъ сотрудниковъ. Пока Троцкій былъ на войнѣ и занимался разработкой плановъ кампаніи и ихъ осуществленіемъ, а также руководилъ перевозками — никакихъ поводовъ для тренія между двумя главными дѣятелями коммунистической партіи не было.

Начало треній относится именно къ моменту окончанія гражданской войны. Съ прекращеніемъ ея Троцкій сразу оказался какъ бы не у дѣлъ. Пытался сунуться во внутреннюю политику (споръ о роли профессиональных союзовъ въ началѣ 1921 года) — ничего кромѣ конфуза для него не вышло. Пытался пристроиться къ внѣшней по-

литикъ, но Ленинъ заблаговременно прибралъ это вѣдомство къ своимъ рукамъ, посадивъ туда своихъ вѣрныхъ клевретовъ, и Троцкій скоро убѣдился, что здѣсь безъ прямой борьбы съ Ленинымъ ничего не выйдетъ. Съ горя Троцкій укатилъ въ длительную поѣздку по Россіи, во время которой со своими присными придумалъ дальнѣйшій планъ дѣйствій. Было очевидно, что Ленинъ пріобрѣлъ всю полноту власти на гражданскомъ фронтѣ, пока Троцкій работалъ на военномъ; слѣдовательно, оставалось лишь валить его прямой борьбой, а это было бы опасной игрой, потому что отъ такой борьбы случайно могли бы оказаться въ выигрышѣ третьи, совершенно постороннія лица и такимъ образомъ власть оказалась бы выпущеной изъ рукъ правящей клики.

Не рѣшаясь пускаться на подобную авантюру, Троцкій пришелъ къ выводу возвратиться къ прежней дѣятельности—военной, предполагая прикрѣпить окончательно армію къ своей особѣ, чтобы такимъ путемъ, опираясь на нее, можетъ быть со временемъ повторить опытъ Наполеона I. Диктатура, и притомъ единоличная, увлекаетъ Троцкого, который сознаетъ свои крупныя индивидуальныя силы и задыхается, находясь въ тѣни.

Возвратившись изъ поѣздки, Троцкій развиваетъ энергичную дѣятельность. Начинается бряцаніе оружіемъ. Газеты полны алармистскихъ слуховъ. Троцкій устраиваетъ парады, совѣщается съ высшими чинами военного комиссаріата, которые сами тоскуютъ безъ активной работы, постепенно проѣдая заработанныя во время гражданской войны огромныя средства. Затѣвается чуть-ли не походъ на Индію.

Клевретъ Троцкого тов. Сталинъ находится на границѣ Афганистана, откуда шлетъ извѣстія о подготовкѣ совмѣстнаго съ Афганистаномъ похода на Индію. Остается только собрать матеріалы о слабости враговъ и о выгоде нападенія на нихъ. Подготовивъ данныя о внутреннихъ противорѣчіяхъ политическихъ интересовъ Антанты и о

необходимости использованія этого момента для успѣшнаго наступленія на нее, Троцкій выступаетъ съ соотвѣтственнымъ докладомъ въ пленумѣ и въ специальной комиссіи 3 съѣзда Коминтерна. Однако, упомянутая уже болѣе тонкая политика Ленина срываетъ на этотъ разъ намѣренія Троцкаго, которому приходится отказаться отъ выполненія своего первоначальнаго плана.

Очевидно, что этотъ провалъ Троцкаго, которымъ ознаменовался 3-й съѣздъ Коминтерна, не сгладилъ, а углубилъ разногласія въ верхахъ коммунистической партіи и дальнѣйшая, болѣе обостренная борьба здѣсь неизбежна.

Троцкій несомнѣнно жаждетъ разыграть роль Наполеона I, и всѣ дѣйствія его напоминаютъ классическіе примѣры изъ жизни французскаго императора. Онъ нѣсколько заискиваетъ передъ высшимъ прежнимъ команднымъ составомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаетъ на высокіе посты лицъ весьма одаренныхъ изъ неизвѣстности. Я слышалъ самые восторженные отзывы о немъ со стороны крупныхъ военнначальствующихъ лицъ, которые готовы были за него, въ полномъ смыслѣ слова, въ огонь и въ воду. Офицеры краснаго генеральнаго штаба говорили мнѣ, что ихъ поражаетъ, съ какой проникновенной легкостью усваиваетъ онъ труднѣйшіе для пониманія глубоко штатскихъ людей вопросы полевой тактики и стратегіи. Онъ прекрасно разбирается въ нихъ и самъ часто даетъ совѣты, которые по своей оригинальности и практической цѣлесообразности всѣхъ удивляютъ. Онъ сразу же постигъ одно изъ необходимѣйшихъ условій для военныхъ успѣховъ: дисциплину, и дѣйствительно, несмотря на рядъ невѣроятныхъ затрудненій создалъ ее въ красной арміи. Троцкій, какъ я отмѣтилъ, любитъ красивый жестъ. Такъ, напримѣръ, онъ состоитъ слушателемъ Красной Академіи Генеральнаго штаба, одѣвается въ военную форму, любитъ принимать парады, объѣзжая иногда со своей правой рукой т. Муравовымъ, начальникомъ Московскаго гарнизона, наканунѣ парада его мѣсторасположеніе и лично

напередъ устанавливая всѣ детали церемоніи для наибольшей ея эффектности. Поѣздъ его великолѣпенъ и оборудованъ съ большой роскошью. Съ его легкой руки другіе совѣтскіе *dii minores* стали обставлять свои выѣзды съ такимъ же азіатскимъ великолѣпіемъ, какъ и Троцкій. Въ путешествіяхъ его сопровождаетъ походная типографія, которая тутъ же на ходу печатаетъ и выпускаетъ надлежащіе приказы и распоряженія. Троцкій произноситъ рѣчи войскамъ въ духѣ Наполеоновскихъ. Еврейство, изъ которого онъ происходитъ, ему безразлично. Онъ неоднократно подчеркивалъ свою интернаціональность, когда къ нему обращались представители евреевъ съ просьбой облегчить ихъ тяжелое въ Совѣтской Россіи положеніе.

Въ Ленинѣ и Троцкомъ современная Россія имѣетъ, безспорно, выдающихся руководителей. Оцѣнка ихъ, какъ дѣятелей средняго масштаба, въ общемъ не особенно далекихъ, но большихъ интригановъ, которая иногда дѣлается въ заграничной русской и иностранной прессѣ, — безусловно не вѣрна. Несомнѣнно они талантливые люди большого ума и выдающейся воли. Главная ихъ ошибка — это непомѣрная жажда власти. Власть эту они не получили бы при другихъ условіяхъ. Достигнувъ власти насиліемъ, посредствомъ октябрьскаго переворота, они хотятъ ее удержать во что бы то ни стало. Ленинъ, извѣрившись въ возможности міровой революціи, старается сохранить власть въ своихъ рукахъ цѣной великихъ уступокъ, хотя бы даже съ доведеніемъ коммунизма до абсурда.

Троцкій, напротивъ того, считаетъ, что политика уступокъ ни къ чему путному не приведетъ, и вызоветъ лишь разногласія въ коммунистической партіи, расшатавъ ея фундаментъ. Отлично понимая, что на міровое возстаніе рабочихъ по ихъ собственной инициативѣ почти нѣтъ никакихъ надеждъ, онъ хочетъ вызвать революцію снаружи: съ оружіемъ въ рукахъ пойти прививать Европѣ

коммунизмъ съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ и самому постепенно подняться до интернаціональнаго владычества.

Группирующіеся около указанныхъ столповъ російскаго коммунизма ихъ главнѣйшіе соратники въ сущности отражаютъ въ своей дѣятельности основныя различія тактики Ленина и Троцкаго.

Г. Зиновьевъ - Апфельбаумъ, глава Петрогубкоммуны — демагогъ высшей марки. Петроградцы сильно настрадались отъ его пріемовъ ущемленія буржуазіи. Это — митинговый ораторъ и незаурядный публицистъ. Въ своихъ выступленияхъ онъ главнымъ образомъ играетъ на самыхъ скверныхъ струнахъ человѣческой души — зависти и злобѣ. По крайней мѣрѣ рѣчи его на митингахъ въ Ростовѣ на Дону сводились къ слѣдующимъ характернымъ положеніямъ: „Товарищи рабочіе, вы недостаточно зажжены революціоннымъ огнемъ. Вы отстаєте отъ Питерскаго пролетаріата. У васъ еще ходятъ по улицамъ разодѣтые буржуи, гордо поднявъ голову. Они одѣты—вы раздѣты. Вы ютитесь на окраинахъ въ хижинахъ, а они живутъ въ центрѣ города въ дворцахъ. Сбейте съ нихъ эту спѣсь. Отнимите у нихъ одежду и деньги, выгоните ихъ изъ домовъ, садитесь сами на ихъ мѣсто. Чего вы зѣваете? Вѣдь вы хозяева положенія сейчасъ, а между тѣмъ вы не используете своихъ преимуществъ. Углубляйте классовую борьбу. Пролетаріи проснитесь!“ Оба раза, какъ результатъ пріѣзда Зиновьева въ гор. Ростовъ, тамъ начинались сильнѣйшія репрессіи и грабежъ интеллигенціи подъ всѣми предлогами. Въ Петроградѣ онъ тоже сумѣлъ навести порядокъ, „хоть покати шаромъ“. Состоящій подъ его вѣдѣніемъ, подающій большія надежды, Бакаевъ, юный руководитель Петроградской чеки, идетъ путями, не уступающими иногда самымъ темнымъ временамъ Урицкаго (напримѣръ, расправа съ матросами за Кронштадскія событія 1921 года). Въ послѣднее время, въ связи съ „новымъ курсомъ“ Ленина, Зиновьеву какъ-то не по себѣ. Съ одной стороны, онъ примыкаетъ къ группѣ самого

Ленина, съ другой стороны, всѣ новыя мѣропріятія послѣдняго вызываютъ бурю протеста въ душѣ Зиновьева. Напримѣръ, онъ громко заявляетъ, что, пока онъ живъ, „свободной торговлѣ въ Питерѣ не бывать“. Однако, получается внушеніе изъ Москвы и ему приходится подчиниться. Въ послѣднее время Зиновьевъ начинаетъ выпускать возжи по управленію Петроградомъ, главнымъ образомъ сосредоточивъ свое вниманіе на работѣ III Интернаціонала. Объясняется это отчасти и тѣмъ, что Зиновьевъ въ послѣднее время часто болѣлъ.

Другіе экстремисты, т. т. Бухаринъ и Рязановъ примыкаютъ болѣе къ группѣ Троцкаго, особенно первый изъ нихъ. Они стоятъ за углубленіе революціи, за сохраненіе ортодоксальнаго, въ чистомъ видѣ, коммунизма, за продолженіе ожесточенной классовой борьбы въ государствѣ. Вотъ какъ характеризуетъ свое отношеніе къ партіи Бухаринъ въ посвященіи къ одной изъ своихъ книгъ: „Крѣпкой, какъ сталь, воплотившей въ себѣ все величіе и мощь пролетарскаго класса, его героизмъ, ясность его классоваго разума, смертельную ненависть къ капиталу и могучій порывъ къ созданію новаго общества—славной коммунистической партіи посвящаемъ мы эту книгу: посвящаемъ ее партіи, которая командуетъ милліонной арміей и лежитъ въ окопахъ, управляетъ государствомъ огромной страны и грузить дрова на своихъ субботникахъ, готовляя воскресный день человѣчества; мы посвящаемъ ее старой партійной гвардіи, закаленной въ бояхъ и побѣдахъ, и молодымъ побѣгамъ партіи, которымъ суждено додѣлать наше дѣло до конца.“ Таково кредо Бухарина. Одинаковыхъ же взглядовъ придерживается и другой экстремистъ, старикъ Рязановъ. Когда на послѣднемъ съѣздѣ профессиональных союзовъ въ маѣ 1921 года велась борьба противъ прежняго главы ихъ Томскаго, а въ преемники ему выдвигалась кандидатура Рязанова, то самъ Ленинъ въ закрытомъ засѣданіи такъ примѣрно его характеризовалъ: „Я знаю давно Рязанова. Мы

оба старые партійные работники, но онъ чело-
вѣкъ увлекающійся. Онъ доктринеръ и демагогъ.
Наговорить онъ вамъ много, а сдѣлать онъ ничего
не сдѣлаетъ. Повѣрьте мнѣ, какъ опытному въ
этомъ вопросѣ, не выбирайте вы Рязанова. Онъ
погубить вамъ все дѣло.“

Руководителемъ внутренней политики является
Феликсъ Дзержинскій. Хотя онъ числится
предсѣдателемъ Всероссійской Чрезвычайной Ко-
миссіи и въ послѣднее время совмѣщалъ эти
обязанности съ должностью народнаго комиссара
путей сообщенія, но главнымъ образомъ онъ
служить орудіемъ Ленина въ дѣлѣ укрѣпленія
власти. Усвоивъ всю важность осуществленія въ
Россіи режима „твердой власти“, опирающагося на
чека и штыки красной арміи, Ленинъ поручилъ
дѣла арміи Троцкому, и въ противовѣсъ къ ней,
создалъ на всякій случай по совѣту Дзержин-
скаго и внутреннюю охрану, чтобы въ случаѣ
ненадежности полевыхъ войскъ Троцкаго, въ
нужную минуту опереться на войска внутренней
охраны („вохра“).

Дзержинскій организовалъ чрезвычайныя ко-
миссіи по образцу опричнины и политической
полиціи, мудро сочетавъ всѣ мрачныя стороны пер-
ваго учрежденія съ современной техникой искус-
ства палачей. Но при этомъ ему удалось избѣжать
тѣхъ организаціонныхъ ошибокъ, которыя допу-
стилъ Іоаннъ Грозный при созданіи своей оприч-
нины. Теперь дѣйствительно чрезвычайки и кара-
тельные отряды „вохры“ являются грознымъ ору-
жіемъ, держащимъ всю страну въ строгомъ повино-
веніи коммунистической власти. Ленинъ настолько
увѣренъ въ талантливости Дзержинскаго, что
послалъ лично его въ Донецкій бассейнъ, когда
тамъ весной почти пріостановилась добыча угля,
а также привлекъ его къ разработкѣ вопросовъ
по борьбѣ съ голодомъ. Главные сотрудники
Дзержинскаго, проводя въ жизнь начертанную
имъ систему террора, сами цинично сознаются,
что у власти коммунисты могутъ удержаться
лишь при помощи чека, и неудивительно поэтому,

что, когда контръ-революціонная дѣятельность въ Россіи затихаетъ и въ обществѣ начинаютъ носиться слухи объ уходѣ Дзержинскаго, — то сами чекисты устраиваютъ раскрытіе новыхъ заговоровъ и усиленно начинаютъ арестовывать и производить судъ и расправу, какъ это, напримѣръ, имѣло мѣсто въ Петроградѣ въ концѣ мая и началѣ іюня 1921 года, съ цѣлью подчеркнуть необходимость дальнѣйшаго существованія чрезвычайекъ. Ленинъ самъ прекрасно понимаетъ важную при совѣтскомъ режимѣ роль возглавляемаго Дзержинскимъ учрежденія, и потому, несмотря ни на какія перемѣны курса, чрезвычайныя комиссіи будутъ попрежнему свирѣпствовать въ Россіи, являясь главной опорой совѣтской власти.

Русская внѣшняя политика находится въ рукахъ. Чичерина, Красина и Литвинова. Группа эта составляетъ блокъ вокругъ Ленина, причемъ первый изъ нихъ вполне раздѣляетъ взгляды Ленина на то, что для произведенія надлежащаго впечатлѣнія на западныя государства, а также въ цѣляхъ признанія ими Совѣтской Россіи необходимо основательное муссированіе идеи „новаго курса“, хотя бы лишь въ области экономическихъ отношеній. Поэтому, когда въ маѣ 1921 года Троцкій сталъ бряцать оружіемъ и даже замышлялъ военную экспедицію, то Чичеринъ, рѣзко расходясь съ нимъ, поставилъ вопросъ о своемъ уходѣ и сталъ усиленно распространять слухи объ этомъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ иностранной прессѣ. Оба — Красинъ и Литвиновъ должны проводить иностранную политику на мѣстахъ, причемъ первому изъ нихъ отводится роль привлеченія въ Россію иностранцевъ, прельщая ихъ перспективами сказочнаго обогащенія и экономического закабаленія Россіи, а также новымъ курсомъ внутренней политики; на обязанности же Литвинова, пребывающаго въ Ревелѣ, напротивъ того, лежитъ задача объединенія и руководства всѣмъ дѣломъ заграничной пропаганды, рабочей агитаціи и созданія революціоннаго движенія въ Западной

Европѣ. И тотъ и другой, не покладая рукъ работая на пользу совѣтской власти, въ то же самое время не забываютъ и лично себя, справедливо считаясь одними изъ самыхъ богатыхъ людей въ Совдепіи, удачно согласуя интересы совѣтской внѣшней торговли съ выгодами собственного кармана.

Во главѣ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства (В. С. Н. Х.) долгое время стоялъ инженеръ Рыковъ, который съ большимъ успѣхомъ провелъ націонализацию и разрушеніе русской промышленности, а съ ней вмѣстѣ и всей экономической жизни страны, объясняя вызванное государственнымъ вмѣшательствомъ въ промышленную жизнь паденіе производительности на русскихъ заводахъ только военными обстоятельствами. Когда гражданская война окончилась, онъ попытался было по прежнему держать въ заблужденіи общественное мнѣніе страны дутыми цифрами. Однако, ему это не удалось, несмотря даже на то, что имъ создана была прочная организація изъ своихъ же людей, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ, которая и сообщала вездѣ отвѣчающія его видамъ данныя. Въ концѣ концовъ ему пришлось уйти, занявъ менѣе активное мѣсто предсѣдателя Совѣта Труда и Оборона. Во главѣ же В. С. Н. Х. поставили одного изъ его ближайшихъ соратниковъ Богданова, чтобы показать, что основное направленіе политики учрежденія въ общемъ не подлежитъ измѣненію. Новый предсѣдатель В. С. Н. Х., тоже инженеръ, человѣкъ, какъ говорятъ, дѣловой, но не „дѣлецъ“. Кромѣ того онъ не пользуется особымъ вѣсомъ въ правящихъ кругахъ, равно какъ и коллегія, на которую онъ опирается, въ которую вошли, на примѣръ, такіе коммунистическіе дѣятели, какъ бывшій генералъ Ипатьевъ, во время войны при генералѣ Сухомлиновѣ насаждавшій русскую химическую промышленность. Поэтому указанный составъ В. С. Н. Х. врядъ ли будетъ долговременнымъ.

Главѣ вѣдомства Народнаго Просвѣщенія Луначарскому удалось сдѣлать его вполне

автономнымъ. Поэтому въ теченіе долгаго промежутка времени сотрудникамъ Наркомпроса жилось спокойно и привольно, а Луначарскій тѣмъ временемъ писалъ нравоучительныя пьесы, милостиво допуская свободную критику своихъ произведеній на страницахъ совѣтской печати и вступая иногда даже въ полемику со своими оппонентами. Одно время звѣзда Луначарскаго стала было закатываться, но потомъ онъ все же оправился и въ послѣднее время съ прежнимъ успѣхомъ занимается пролетаризаціей русскаго искусства и литературы и систематическимъ искорененіемъ русской культуры духа.

Въ этой же области работаютъ и два борзописца — панегиристы совѣтской власти, Стекловъ-Нахамкесъ и Демьянъ Бѣдный (Придворовъ). Стекловъ ежедневно выступаетъ со статьями, усиленно затѣмъ комментирующимися въ русскихъ эмигрантскихъ изданіяхъ. Передовицы его внимательно читаются также во всей Совѣтской Россіи, такъ какъ въ его статьяхъ проскальзываетъ иногда между строкъ то, — о чемъ тенденціозно утаиваютъ другіе совѣтскіе публицисты, и находятъ отраженіе международныя событія, о которыхъ не сообщается въ официальныхъ телеграммахъ. Главной цѣлью Стеклова является выколачиваніе возможно больше денегъ изъ совѣтской казны, такъ какъ онъ получаетъ за каждую статью гонораръ въ исключительно высокомъ размѣрѣ, и при томъ не совѣтскими, а николаевскими рублями, на которые онъ потомъ, какъ говорятъ, недурно спекулируетъ. Демьянъ Бѣдный держится скромнѣе. Онъ не прочь довольствоваться и натурой, обильными продовольственными пайками, которые ему щедро выплачиваются за его вѣрную службу Ленину и Ко. Въ послѣднее время его лира что-то замолчала и уже давно не слышно его литературныхъ упражненій въ видѣ стиховъ въ псевдонимномъ духѣ.

Максимъ Горькій получилъ на откупъ науку и создалъ пресловутый Домъ Ученыхъ въ Петро-

градѣ, содержимый имъ со своими ближайшими сподвижниками Родэ и Глассомъ, владѣльцами бывшихъ кафешантановъ. Въ послѣднее время онъ усиленно заискиваетъ передъ интеллигенціей и, повидимому, предвидя наступленіе въ недалекомъ будущемъ двѣнадцатаго часа для современныхъ владыкъ Россіи, серьезно обдумываетъ планъ своевременнаго бѣгства за границу, и постепенно подготавливаетъ себѣ соотвѣтственный путь отступленія.

Остальные верхи коммунистической партіи группируются около перечисленныхъ руководителей совѣтской политики и въ большей или меньшей степени вносятъ нѣкоторое разнообразіе и элементъ личнаго начала въ методы ея проведенія. Особую роль играетъ при этомъ такъ называемый „всероссійскій староста“, Предсѣдатель Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета т. Калининъ. Въ его задачи, между прочимъ, входитъ надзоръ за степенью выполненія мѣстными властями декретовъ изъ центра и поѣздки по Россіи для сглаживанія своими рѣчами и распоряженіями отрицательнаго впечатлѣнія на мѣстахъ отъ политики, проводимой представителями совѣтской власти. Въ одну изъ такихъ послѣднихъ поѣздокъ автомобиль всероссійскаго старосты подвергся довольно серьезному обстрѣлу со стороны „благодарныхъ пейзаевъ“ Тверской губерніи, и въ послѣднее время объ инспекторскихъ поѣздкахъ Калинина что-то не слышно.

Всѣ современные вершители судебъ Россіи окружили себя какой-то китайской стѣной отъ народа, которымъ они насильно правятъ. Большая часть изъ нихъ проживаетъ въ Кремлѣ, который сталъ совершенно недоступенъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Наши правители оберегаютъ свою жизнь такой искусно продуманной и организованной В. Ч. К. охраной, что увидѣть ихъ является почти что чудомъ. Несмотря на то, что я прожилъ въ Москвѣ весной 1921 года полтора мѣсяца и ежедневно бывалъ по нѣсколько разъ на цен-

тральныхъ улицахъ, мнѣ довелось только одинъ разъ увидѣть высокую особу самого Дзержинскаго, ѣхавшаго на шикарномъ зеленомъ автомобилѣ съ надписью Н. К. П. С. (Народн. Комис. Путей Сообщенія), и не то злобно, не то боязливо поглядывавшаго по сторонамъ на проходившую публику.

Наконецъ, власть на мѣстахъ принадлежитъ тоже различнымъ достопримѣчательнымъ лицамъ. Предсѣдателемъ ЦИК-а Украинской Соціалистической Совѣтской Республики состоитъ хитрый малороссъ изъ молдаванъ Раковскій. Онъ умѣло поддерживаетъ фикцію независимости Украины. Всюду для вида проводится украинизація: дѣлопроизводство и печать на украинскомъ языкѣ. Созданъ особый Украинскій Совнаркомъ для того, чтобы дать соотвѣтственную работу своимъ людямъ, а также въ угоду сепаратистскимъ тенденціямъ Украины. Вся эта теплая компанія отличается слишкомъ „дѣловымъ“ характеромъ, причемъ „дѣльцами“ являются всѣ, начиная отъ самого Раковского. Не довѣряя особенно любви народной украинскаго селянства, т. Раковскій предпочитаетъ править Украиной изъ Харькова, откуда всетаки легче, чѣмъ изъ Кіева, исчезнуть въ минуту опасности въ Москву.

На Дону, въ началѣ 1921 года, высшую власть осуществлялъ Революціонный Совѣтъ трудовыхъ армій Юго-Востока, въ лицѣ Бѣлобородова, (главнаго палача Царской Семьи) и его замѣстителя, лихого самодура — Фрумкина. Первый изъ нихъ прослылъ экономистомъ, такъ какъ поручалъ своимъ сотрудникамъ и секретарямъ составлять для него различные этюды по хозяйственнымъ вопросамъ, которые и опубликовывалъ затѣмъ въ прессѣ подъ своимъ именемъ. Жилъ онъ въ Ростовѣ какъ большой баринъ. Для него былъ отведенъ наилучшій домъ. Какъ эпикурецъ, познавшій всѣ прелести буржуазнаго существованія, онъ не отказывалъ себѣ ни въ какихъ благахъ богатой жизни. У него на дому постоянно подавалось и вино, и шампанское, и свѣжая икра.

О Лукулловскихъ пирахъ, которые устраивались имъ, ходили легенды по городу. Про казнь Царской Семьи онъ любилъ говорить, но при этомъ подчеркивалъ, что лично онъ никого изъ Семьи не убивалъ. Его замѣститель, т. Фрумкинъ представляетъ ему полную противоположность: онъ — активный работникъ, все хочетъ дѣлать самъ, во все мѣшается, все запутываетъ. Какъ и всѣ недоучки, онъ съ большимъ самомнѣніемъ и съ повышеннымъ чувствомъ самолюбія. Поэтому онъ окружилъ себя людьми, стоящими умственно неизмѣримо ниже его, но которые при этомъ умѣютъ его ловко надуть, превозносить и славословить его особу, всячески рекламируя его дѣятельность. Это—типичный самодуръ въ духѣ Щедринскихъ героевъ. Большое для него несчастье въ томъ, что онъ не современникъ Аракчееву. „Отказаться, арестовать, разстрѣлять“ — вотъ его краткія и вразумительныя резолюціи. Приближенные Фрумкина прекрасно освоились съ особенностями характера своего начальника и умѣло воздействуютъ на него черезъ личнаго секретаря и друга Фрумкина—дѣвицу Воробей, обдѣлывая при ея содѣйствіи свои дѣлишки. Благодаря такой системѣ управленія, развалъ на Дону и на всемъ Юго-Востокѣ Россіи принялъ катастрофическіе размѣры, причемъ несомнѣнно, что руководящая роль въ этомъ развалѣ принадлежитъ самому громовержцу Фрумкину. Благодаря личной близости къ Ленину онъ не только не сломалъ себѣ шеи, несмотря на скандальный провалъ продовольственной кампаніи 1920—1921 г.г. на Юго-Востокѣ, которой онъ самъ руководилъ, но напротивъ того, попалъ въ члены Всероссійскаго ВЦИК-а, и послѣ ухода Бѣлобородова въ апрѣлѣ 1921 года, занялъ на Дону его мѣсто.

Таковы нѣкоторыя черты дѣятельности нашихъ правителей. Составъ главныхъ руководителей судебъ Россіи остается безъ переменъ тотъ же, который былъ и 4 года тому назадъ. Если они удерживаются у власти, то только благодаря проницательному уму Ленина, ловко

балансирующаго между партійными теченіями и выбирающаго направленіе, создающее наиболѣе устойчивое равновѣсіе для всей правящей клики. Благодаря дисциплинѣ и спайкѣ руководителей ~~русской~~ ^{Россійской} коммунистической партіи, среди которыхъ немало дѣйствительно талантливыхъ лицъ, изумительной централизаціи и примѣненію режима „твердой власти“, проводимаго Ленинымъ, наши правители еще довольно долго смогутъ спокойно жить въ Кремлѣ.

К о м и н т е р н ь.

Въ мартѣ 1919 года въ Москвѣ, въ Кремлѣ, состоялся первый международный коммунистическій съѣздъ, на которомъ былъ основанъ Третій Коммунистическій Интернаціональ (Коминтернь). Главной, поставленной ему цѣлью, было парализованіе дѣятельности Лиги Націй и 2-го Амстердамскаго Интернаціонала; а непосредственная практическая задача — революціонный путь насильственнаго ниспроверженія капиталистическаго строя въ западно - европейскихъ странахъ. Путь для этого — черезъ пропаганду „мірового штаба революціи“, какъ большевики называютъ возглавляемый Зиновьевымъ Исполнительный Комитетъ III-го Интернаціонала. Организациа соотвѣтственнаго аппарата была въ первой половинѣ 1921 года примѣрно слѣдующая: пропаганда дѣлилась на западную (Европейскія государства и Америка) и восточную (Азія). Во главѣ центрального бюро пропаганды, работающаго въ полномъ контактѣ съ Коминтерномъ, стоитъ особый Комитетъ, въ составъ котораго входятъ Зиновьевъ, Радекъ, Чичеринъ, Луначарскій и др. Бюро руководить всей организаціей пропаганды, которая раздѣляется на три подотдѣла: 1) оффиціальныи подотдѣлъ: сюда принадлежатъ дипломатическія, а также торговыя представительства за границей, прессъ-бюро, телеграфъ, агентство „Роста“ и радіостанціи въ Москвѣ, Николаевѣ, Севастополѣ,

Одессѣ и др. городахъ. 2) Секретный подотдѣлъ „А“: сюда принадлежатъ многочисленныя агентурныя группы, подчиняющіяся той или иной заграничной миссіи. 3) Секретный подотдѣлъ „Б“: сюда принадлежатъ пропагандныя агентуры, подчиняющіяся опредѣленному центру заграницей. Этотъ подотдѣлъ имѣетъ свою собственную службу связи и информации. Во главѣ него стоитъ членъ ВЧК.

Совѣтское правительство правильно оцѣнило удобное положеніе Ревеля для руководства отсюда всей пропагандой Коминтерна на Западѣ. Тутъ подготовлено все для успѣшной агитаціи: типографіи, інформаціонныя бюро, магазины и т. д. Руководитъ всѣмъ дѣломъ пропаганды, какъ указано выше, Литвиновъ. Контактъ поддерживается посредствомъ оффиціальныхъ и тайныхъ курьеровъ. Кромѣ этихъ оффиціальныхъ совѣтскихъ органовъ и явной ихъ дѣятельности имѣется еще тайный отдѣлъ пропаганды. Его задачей является, кромѣ агитаціи, снабженіе совѣтскаго центра точнымъ и провѣреннымъ інформаціоннымъ матеріаломъ, могущимъ быть полезнымъ большевикамъ.

Наконецъ имѣются заграничныя інформаціонныя бюро Коминтерна, опять таки всецѣло находящіяся на службѣ у совѣтской власти. Имѣются при нихъ и военныя организаціи, такъ называемыя исполнительные штабы революціи въ нѣкоторыхъ городахъ (напр. Берлинъ, Гамбургъ), работающіе по заданію центра и сообщающіе ему інформаціонныя матеріалы.

Образовавъ такую агентурную сѣть, Коминтернъ попробовалъ сразу же перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Однако, рядъ послѣдовательно постигшихъ его общеизвѣстныхъ неудачъ (неудавшіяся революціонныя вспышки и сорванныя крупныя забастовки въ Германіи, Чехословакіи, Баваріи, Норвегіи, Англіи), взаимныя недоразумѣнія Москвы и иностранныхъ коммунистическихъ партій заставили насторожиться и пересмотрѣть рѣшеніе 2-го съѣзда III Интер-

націонала о переходъ въ немедленное наступленіе. Въ этихъ цѣляхъ и созванъ былъ, какъ офіціально указывалось въ совѣтской прессѣ, 3-ій съѣздъ въ іюнѣ 1921 года. Для доклада ему произведена была общая сводка коэффиціентовъ революціонной напряженности и подготовленности отдѣльныхъ странъ къ соціальной революціи. Франція считается Коминтерномъ мало активной. Коммунистическая партія, возглавляемая Кашеномъ, продолжаетъ придерживаться выжидательной тактики и не чужда оппортунизма. Для перехода ея въ наступленіе необходимъ рядъ внутреннихъ кризисовъ для очищенія партіи отъ оппортунистическихъ элементовъ. Въ Англіи, несмотря на наличіе довольно большой коммунистической партіи, возглавляемой Роб. Уильямсомъ, передовыя пролетарскія массы признаются еще незрѣлыми; поэтому соціальная борьба въ Англіи не выходитъ изъ рамокъ парламентской борьбы, гдѣ рабочіе и теряютъ въ борьбѣ съ правительствомъ. Наконецъ, соглашательская политика руководителей трэджюніоновъ во время забастовки углекоповъ, нанесла дѣлу рабочаго движенія большой уронъ. Неудачу революціоннаго возстанія въ мартовскіе дни въ Германіи исполкомъ Коминтерна вмѣняетъ въ вину лишь вождямъ (Леви, Деймигъ, Цеткина) германской коммунистической партіи, которые: отошли отъ слѣпого повиновенія Коминтерну, высказываются противъ руководства міровой революціей изъ Москвы и требуютъ предоставленія автономіи коммунистическимъ партіямъ всѣхъ странъ. Италія признается безнадёжной въ отношеніи міровой революціи. Главными минусами здѣсь Коминтернъ считаетъ измѣну Серратти и Туратти идеѣ мірового активнаго революціоннаго движенія съ отводомъ пролетарскихъ массъ на оборонительныя соглашательскія позиціи, а во — вторыхъ, наличіе перешедшей въ серьезное контръ-наступленіе буржуазной реакціи въ лицѣ фашистовъ. Въ Чехо-словакии послѣдовалъ полный разгромъ партіи, съ вождемъ Шмералемъ во главѣ, въ виду

отсутствія въ партіи революціоннаго духа и самосознанія и меркантильности ея вождей. По этой причинѣ попытка провозглашенія совѣтскаго строя окончилась неудачей въ видѣ уничтоженія коммунистической организаціи, Въ виду наличія въ Венгріи сильного блока буржуазно-реакціонныхъ элементовъ, имѣющаго вліятельныя организаціи, какъ „лига націоналистовъ христіанъ“ и „антибольшевистскій клубъ“, наличія зажиточнаго крестьянства и твердой политики адмирала Хорти; коммунистическая партія фактически вытѣснена изъ Венгріи. Неудача коммунистическаго движенія въ Юго-Славіи и Болгаріи Коминтернъ объясняетъ сильнымъ сопротивленіемъ со стороны организованныхъ буржуазныхъ элементовъ и отсутствіемъ на Балканахъ офіціального представительства, благодаря чему нѣтъ возможности инструктированія и обезвреживанія партіи отъ оппортунистическихъ элементовъ, представляющихъ благодаря ихъ нерѣшительности опасность для партіи. Отсутствіе достаточнаго кадра поляковъ инструкторовъ тормазитъ работу Коминтерна въ Польшѣ, которая пока проходитъ организаціонный періодъ, но въ будущемъ можетъ имѣть успѣхъ при затяженіи экономического кризиса въ Польшѣ. Неудачу попытки раскола соціалистической партіи въ Румыніи Коминтернъ объясняетъ отсутствіемъ офіціального представительства и невозможностью правильной работы съ одними тайными агентами безъ прочной связи съ центромъ. Въ Финляндіи партія, руководимая Кусененомъ, организована и располагаетъ большими средствами и оружіемъ, но лишена надлежащихъ руководителей и верховъ. Турція, Персія и Афганистанъ признаются весьма подготовленнымъ фронтомъ, ибо здѣсь налицо вмѣсто соціальныхъ—національных проблемы, разрѣшаемыя только возстаніями противъ имперіализма. Первые побѣды на восточномъ фронтѣ подъ лозунгами націонализма и пантюркизма повлекутъ за собой усиленіе коммунистическаго вліянія въ Европѣ и дадутъ свѣжіе и

весьма боевые контингенты, могущіе завоевать Европу. Что касается Дальняго Востока, то активнаго выступленія тамъ не предпринималось, а устроено было лишь буферное государство—Дальневосточная Республика.

Исходя изъ всѣхъ вышеуказанныхъ данныхъ, Исполкомъ Коминтерна предлагалъ 3-му съѣзду III-го Интернаціонала слѣдующую схему активныхъ работъ: 1) организація основныхъ ячеекъ коммунистической партіи въ странахъ, гдѣ ихъ пока еще нѣтъ; 2) выдѣленіе коммунистическаго элемента изъ соціалъ-демократической партіи; 3) окруженіе міровой буржуазіи съ тыла путемъ развитія коммунистическаго и профессиональнаго движенія, организаціи стачекъ и активныхъ вооруженныхъ выступленій организованнаго пролетаріата. Какъ нововведеніе было намѣчено: 4) образованіе международнаго профессиональнаго бюро при Коминтернѣ въ Москвѣ для руководства теоретическимъ развитіемъ мірового профессиональнаго движенія и 5) образованіе при Коминтернѣ международнаго кооперативнаго бюро для руководства коммунистическимъ кооперативнымъ движеніемъ.

На съѣздѣ обнаружились тренія между различными группировками прибывшихъ на него представителей, но въ виду солидарности основного ядра, умѣло составленнаго русскими коммунистами, восторжествовало болѣе умѣренное теченіе, возглавляемое Ленинымъ. Былъ выбранъ новый Коминтернъ со старымъ предсѣдателемъ, Зиновьевымъ, формулировавшимъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ результаты работы съѣзда: „Третій съѣздъ доказалъ, что, несмотря на всѣ затрудненія, Коммунистическій Интернаціоналъ представляетъ мощную силу. Въ промежутокъ времени между 3 и 4 съѣздами будетъ подготовлено наступленіе и можетъ случиться, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ намъ удастся его реализовать. Горючаго матеріала достаточно. Нужно перейти отъ пропагандной дѣятельности къ согласованному выступленію нѣсколькихъ комму-

нистическихъ партій. Мы увѣрены, что наши труды увѣнчаются успѣхомъ.“

Засѣдавшій параллельно въ Москвѣ международный Съездъ профессиональныхъ союзовъ, дѣйствующій въ противовѣсъ 2-му Амстердамскому „желтому“, постановилъ: — 1) стремиться къ объединенію всѣхъ революціонныхъ профсоюзовъ въ единую „боевую“ организацію подъ руководствомъ Коминтерна и 2) установить самую тѣсную связь съ нимъ, взаимно делегируя другъ другу своихъ представителей и совмѣстно подготовить и провести въ жизнь революціонныя дѣйствія, какъ въ отдѣльныхъ государствахъ, такъ и въ международномъ масштабѣ.

Помимо приведенныхъ постановленій — въ порядкѣ карательной санкціи отъ Коминтерна отлучена за измѣну коммунистическому дѣлу итальянская коммунистическая партія, а также проведенъ рядъ репрессивныхъ мѣропріятій въ отношеніи германской и чешской коммунистическихъ партій.

Изъ приведенныхъ соображеній видно, что Коминтернъ стоитъ нынѣ опредѣленно на пути борьбы съ буржуазнымъ строемъ. Въ сущности онъ санкціонировалъ лишь то, что уже намѣчали въ своей внѣшней политикѣ руководители ^{русск.} русской компартіи. Коминтернъ является лишь ~~инструментомъ~~ ^{инструментомъ} для проведенія политики московскихъ комиссаровъ. Преимуществомъ ихъ являются ~~наличіе~~ ^{наличіе} денежныхъ и брилліантовыхъ фондовъ, дипломатическое представительство, почта, телеграфъ и весь государственный аппаратъ. При такихъ условіяхъ остальнымъ членамъ Коминтерна приходится идти въ униссонъ съ русскимъ большинствомъ, ибо если бы они стали ему препятствовать, то Москва обошлась бы и безъ нихъ и московскіе заправилы черезъ ихъ головы вели бы свое дѣло и тѣмъ только подорвали бы ихъ личный авторитетъ въ собственной странѣ. Поэтому то Москва по прежнему будетъ играть первую роль въ международномъ коммунистическомъ движеніи, имѣя, разумѣется, и морально

на это право, такъ какъ именно Ленину и его ближайшимъ сотрудникамъ первымъ удалось продѣлать коммунистическій экспериментъ въ самомъ широкомъ государственномъ масштабѣ.

В л а с т ь   с о в ѣ т о в ѣ .

Не чувствуя себя достаточно прочными, пока еще не наступила міровая революція, идейные верхи и руководители русской коммунистической партіи воплотили въ дѣйствительныя формы теоретическія мечтанія социалдемократовъ классиковъ, создавъ свой собственный правительственный аппаратъ, который постепенно видоизмѣняясь на различныхъ партійныхъ и иныхъ конференціяхъ и съѣздахъ въ 1921 году принялъ слѣдующія формы. Для осуществленія коммунистическаго строя пролетаріату необходимо имѣть въ своихъ рукахъ всю власть и всю силу. Онъ не сможетъ перевернуть стараго міра, если не будетъ имѣть въ рукахъ этой силы, если онъ временно не станетъ господствующимъ классомъ. Въ виду встрѣчаемаго сопротивленія рабочая пролетарская власть должна стать рабочей диктатурой. Понятно, что при такомъ положеніи вещей не можетъ быть никакой рѣчи о свободахъ для всѣхъ людей, и аппаратъ управленія долженъ быть построенъ на иныхъ началахъ, чѣмъ въ свободномъ государствѣ. Формой диктатуры пролетаріата и явилась совѣтская власть. Коммунистическая партія первой выступила и провела въ жизнь требованія совѣтской власти. Подъ лозунгомъ „вся власть совѣтамъ“ произошла русская октябрьская революція 1917 года, Этотъ лозунгъ нынѣ сталъ дѣйствительнымъ международнымъ лозунгомъ пролетаріата. Во всѣхъ странахъ рабочіе выставляютъ его и связываютъ съ нимъ режимъ рабочей диктатуры. Въ чемъ же состоитъ его дѣйствительность, и въ чемъ по мнѣнію коммунистическихъ идеологовъ преимущества этого вида пролетарской демократіи?

Совѣтская власть осуществляетъ диктатуру пролетаріата, организованнаго, какъ господствующій классъ, въ своихъ совѣтахъ и подавляющаго, съ помощью крестьянъ, сопротивленіе буржуазіи, капиталистовъ и помѣщиковъ. Въ конституціи Совѣтской республики на первомъ мѣстѣ стоитъ положеніе: „Россія объявляется Республикой Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Вся власть въ центрѣ и на мѣстахъ принадлежитъ этимъ совѣтамъ.“

Такимъ образомъ открыто признается классовый характеръ самой власти, подчеркивается, что правительство въ Россіи не всенародное, а рабоче-крестьянское. Совѣтская власть не останавливается передъ лишеніемъ избирательныхъ правъ и исключеніемъ изъ органовъ власти представителей населенія, не относящихся къ рабочимъ и сельскому пролетаріату. И трудовая интеллигенція, и широкія массы крестьянства, т. е. трудовой элементъ, не говоря уже про всю остальную не трудовую массу населенія, отстраняются отъ управления страной черезъ совѣты, въ выборахъ коихъ они не принимаютъ участія. Кромѣ того съѣзды совѣтовъ (выборные органы совѣтской власти) составляютъ такимъ образомъ, что рабочіе въ городахъ имѣютъ на то же количество больше делегатовъ, чѣмъ крестьяне. Выборы въ совѣты идутъ не по округамъ, а по мѣстамъ работы (по фабрикамъ, заводамъ, учрежденіямъ или какъ принято говорить „по производственнымъ единицамъ“). (О томъ, какъ при этомъ подтасовываются выборы, являющиеся послѣ этого чистой фикціей, будетъ указано ниже. Такимъ образомъ, первой сущностью совѣтской власти является предоставленіе права участія въ управленіи страной лишь незначительнымъ группамъ ея населенія.

Слѣдующей особенностью совѣтской формы правленія въ отличіе отъ парламентарной является соединеніе при ней власти законодательной съ исполнительной. Верховнымъ органомъ страны является Съѣздъ совѣтовъ. „Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ“ говорится въ конституціи Р. С. Ф.

С. Р. — „является высшей властью Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики“. Онъ долженъ собираться не рѣже двухъ разъ въ годъ. Онъ подводитъ итоги всей работѣ и принимаетъ соотвѣтствующія рѣшенія, которыя становятся закономъ. Въ промежуткахъ между съѣздами высшая власть принадлежитъ Центральному Исполнительному Комитету, выбираемому на Съѣздѣ. Онъ одновременно издаетъ и законы, и распоряженія о приведеніи ихъ въ дѣйствіе; въ его рукахъ сосредоточена исполнительная и законодательная власть; его отдѣлы составляютъ народные комиссаріаты—замѣнявшіе министерства; его члены работаютъ въ этихъ комиссаріатахъ. Такимъ образомъ ЦИКъ есть работающая коллегія. Въ свою очередь ЦИКъ находится въ связи съ Исполкомомъ Коммунистической партіи, который и одобряетъ предварительно тѣ или иные его мѣропріятія. Иными словами управленіе страной сосредоточивается въ рукахъ верховъ коммунистической партіи. Въ результатъ это смѣшеніе властей ведетъ за собой ту узурпацію власти и диктатуру меньшинства, отъ которыхъ предостерегалъ еще Монтескье. На 8-омъ Съѣздѣ совѣтовъ въ декабрѣ 1920 года делегаты съ мѣстъ открыто упрекали Совнаркомъ въ оторванности отъ мѣстъ, въ проведеніи имъ политики, не совпадающей часто съ интересами широкихъ партійныхъ круговъ въ декретированіи мѣропріятій для себя и по своему вкусу. Главные дѣятели совѣтской власти замкнулись въ своей кастѣ, образовали свою высшую совѣтскую бюрократію, заботящуюся лишь о томъ, чтобы все оставалось безъ перемѣнъ, и чтобы составъ делегатовъ на Съѣздахъ совѣтовъ, слагающійся и безъ того почти исключительно изъ представителей одной коммунистической партіи, не былъ слишкомъ оппозиціоннымъ для этой, вновь народившейся, бюрократіи.

Создавъ такую схему управленія страной черезъ совѣты, руководители партій придали ей характеръ строгаго централизма. Въ результатъ установился

необычайно сложный и малоподвижный аппаратъ, обладающій полнотою власти для изданія всякихъ декретовъ, также и для проведенія ихъ въ жизнь, а равно для изъясненія постановленій центральной власти. Весь этотъ бюрократизмъ, путаница, параллелизмъ въ дѣятельности отдѣльныхъ учреждений и самые пріемы ихъ работы возвращаютъ страну къ уровню стараго приказнаго строя ХУІ-ХУІІ столѣтія. Къ началу 1921 года неразбериха и централизація достигли своего апогея, а вмѣстѣ съ тѣмъ на центральную власть стали сыпаться упреки за то, что вопреки конституціи мѣстные съѣзды совѣтовъ не собираются, и такимъ образомъ право на управленіе страной фактически монополизировалось непереизбираемыми исполкомами и ихъ президіумами. Пришлось приступить къ реформамъ. Согласно рѣшенію Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ, ВЦИКъ внесъ постановленіе о регулярныхъ перевыборахъ совѣтовъ и о созывѣ въ установленные сроки съѣздовъ совѣтовъ, а равно о возстановленіи городскихъ совѣтовъ и созданіи ихъ вновь тамъ, гдѣ ихъ не было: въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ и фабрично-городскихъ поселкахъ. Этими декретами дѣйствительно было достигнуто расширеніе функцій мѣстнаго самоуправления. Однако, какъ слѣдствіе большей независимости мѣстныхъ властей стали получаться въ ихъ дѣйствіяхъ коллизіи, такъ какъ мѣстные постановленія шли иной разъ даже въ разрѣзъ съ распоряженіями изъ центра.

Созданный коммунистами твердый, глубоко централизованный аппаратъ власти, былъ строго сообразованъ съ условіями гражданской войны. Это и давало возможность апологетамъ совѣтской власти привѣтствовать своеобразную конструкцію совѣтскаго милитаристическаго государства. Но стоило только кончиться войнѣ и странѣ перейти къ условіямъ мирнаго строительства, какъ вся совѣтская система обнаружила свою несостоятельность.

Въ концѣ концовъ не столь важны ужъ самыя учрежденія, какъ тѣ лица, которыя ими руко-

водятъ. Дѣятели же эти въ совѣтскихъ учрежденіяхъ далеко не безупречны и кромѣ того, они совершенно оторваны отъ народа, которымъ они управляютъ. Въ теоріи считается, что Россіей правятъ рабочій и крестьянскій классы, фактически же пролетаріатъ передовѣряетъ свои права коммунистической партіи, которая въ порядкѣ дисциплины подчиняется своимъ верховнымъ руководителямъ. Путемъ ряда подобныхъ исключеній, не ограниченная никѣмъ и ничѣмъ власть оказывается въ рукахъ небольшой группы руководителей коммунистической партіи, которые заинтересованы только въ томъ, чтобы подольше удержаться у власти, и ведутъ соотвѣтственную политику, какъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ. Поэтому то населеніе въ цѣломъ рядѣ возстаній на югѣ Россіи опредѣленно идетъ на лозунгъ „вся власть совѣтамъ“, квалифицируя однако эти совѣты, какъ „безпартійные“ и „безъ коммунистовъ“. Такимъ образомъ система совѣтовъ въ ея современномъ содержаніи приводится въ дѣйствительности къ формулѣ „вся власть партіи коммунистовъ“. Поэтому, въ дальнѣйшемъ придется выяснить, что это за партія, какова ея дѣятельность и къ чему сводится ея деспотическое хозяйничанье на Руси.

ГЛАВА II.

Р. К. II. и диктатура пролетаріата.

Въ программѣ Россійской Коммунистической партіи (большевиковъ), принятой 8 Съѣздомъ партіи 18—23 марта 1919 г., слѣдующимъ образомъ очерчена ея роль. Партія коммунистовъ есть партія передовыхъ рабочихъ и крестьянъ бѣдняковъ. Цѣль партіи — защита интересовъ этого класса. Въ программѣ партіи заключаются, какъ тѣ положенія, которыя она хочетъ осуществить въ будущемъ, такъ и тѣ достиженія, которыя уже фактически проводятся въ жизнь.

По мнѣнію идеологовъ партіи, единственнымъ выходомъ изъ тупика, въ которомъ оказалось человѣчество на данной ступени его развитія, нынѣ является послѣдовательный коммунизмъ, который можетъ быть проведенъ въ жизнь исключительно пролетаріатомъ. Въ своей теоріи они признаютъ пролетаріатъ спасителемъ всего человѣчества отъ ужасовъ капитализма, отъ варварской эксплуатаціи рабочаго класса, отъ разбойничьей колоніальной политики, постоянныхъ войнъ за преобладаніе на міровыхъ рынкахъ, отъ голода и отъ того одичанія, которые, по ихъ мнѣнію, приносятъ съ собой финансовый капиталъ и современный имперіализмъ. Въ этомъ великое историческое значеніе пролетаріата. Правовѣрные коммунисты глубоко вѣрятъ въ то, что пролетаріатъ и коммунистическое движеніе могутъ терпѣть пораженіе въ отдѣльныхъ битвахъ и даже въ отдѣльныхъ странахъ, но что его конечная побѣда неизбежна такъ же, какъ неизбежна въ близкомъ будущемъ гибель буржуазіи.

Старые партійные руководители, много лѣтъ работавшіе въ подпольи, выработали въ себѣ элементы стойкости, рѣшительности, твердости и

дисциплины. Основная ихъ точка зрѣнія на внѣшній характеръ партіи—не большая количественно, но сильная качественно. Въ указанномъ отношеніи коммунистическая партія безспорно заслуживаетъ къ себѣ пристального вниманія. Вся организація ея является собою правильно построенный аппаратъ не общественно — факультативнаго значенія, а — чисто государственный, со всѣми атрибутами принудительной власти. Периодически созываемые съѣзды партіи, а при невозможности собрать ихъ—конференціи, устанавливаютъ на опредѣленный періодъ времени директивы для Центрального Комитета партіи, откуда таковыя въ свою очередь поступаютъ ВЦИК-у для проведенія ихъ въ жизнь. Такимъ образомъ, компартія непосредственно вліяетъ на государственное управленіе черезъ ВЦИК. Послѣдній же въ свою очередь, также опирается на мѣстные партійные органы въ странѣ и на профессиональные союзы, руководящій составъ коихъ—все тѣ же дѣятели компартіи.

Мѣстныя партійныя организаціи строго централизованы. Такъ напр., на Сѣверномъ Кавказѣ имѣется, какъ объединяющій органъ, Кавбюро Ц. К. Р. К. П.; въ Донской области — Донкомъ Р. К. П., въ свою очередь разбивающійся на райпарткомы (районные партійные комитеты). Низшей единицей коммунистическаго строительства являются коммунистическія ячейки (ком-ячейки), которыя имѣются на каждомъ заводѣ, въ каждой войсковой части, въ каждомъ совѣтскомъ учрежденіи. Въ задачу „ком-ячейки“ входитъ, во-первыхъ, вербовка новыхъ членовъ партіи, затѣмъ наблюденіе за общимъ направленіемъ политики даннаго предпріятія или учрежденія и оказаніе надлежащаго давленія на учрежденіе во всѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ данный политическій моментъ (выборы, субботники, резолюціи и митинги).

Всякій, желающій записаться въ партію, долженъ пройти въ извѣстномъ порядкѣ искусъ. Если онъ состоитъ на службѣ въ какомъ —нибудь

совѣтскомъ учрежденіи, гдѣ уже имѣется „ком-
ячейка“, онъ подаетъ въ нее соотвѣтственное зая-
вленіе, скрѣпленное притомъ подписью и ручатель-
ствомъ двухъ членовъ партіи съ длительнымъ
партійнымъ стажемъ. Кандидатура заявителя
баллотируется, и, если ячейка не возражаетъ, то
прошеніе его передается въ соотвѣтственный пар-
тійный комитетъ, откуда и выдается партійный
билетъ на званіе кандидата партіи. По истеченіи
полугодового срока принятый кандидатъ перехо-
дитъ въ разрядъ дѣйствительныхъ членовъ пар-
тіи. Болѣе упрощенный способъ для вступленія
въ партію устанавливался коммунистической пар-
тіей, когда она испытывала потрясенія, грозившія
самому ея существованію. Въ такихъ случаяхъ
объявлялись такъ называемыя „партійныя недѣли“,
во время которыхъ всякій, подавшій заявленіе,
принимался въ члены партіи, минуя кандидатство.
Такъ было, напримѣръ, на Донѣ въ іюль 1920 года,
когда арміи генерала Врангеля перешли въ успѣш-
ное наступленіе, а на Азовскомъ побережьи
состоялась высадка отряда полковника Назарова.
Многіе партійные дѣятели въ это время уже
стремились скрыться изъ Ростова. Для поднятія
духа была объявлена партійная недѣля, но, на-
сколько мнѣ приходилось слышать, никто въ то
время особенно не польстился на подобное пред-
ложеніе.

Комитетскіи обыкновенно имѣютъ въ учрежденіи
свое особое помѣщеніе, въ которомъ и происходятъ
собранія ихъ членовъ, не менѣе одного раза въ
недѣлю. Впрочемъ, разнообразная въ этомъ
отношеніи практика, существовавшая у различ-
ныхъ комитетскъ, въ послѣднее время замѣнена од-
нородной инструкціей для комитетскъ и ихъ секре-
тарей. При комитетскѣ бываетъ обычно библіотека,
снабжаемая изъ мѣстнаго отдѣленія Государствен-
наго издательства специфической агитаціонной
литературой. Тутъ же получаютъ газеты и
другіи изданія, брошюры, листовки. Члены ком-
итетскіи должны обязательно выступать на собра-
ніяхъ сотрудниковъ соотвѣтственнаго учрежденія,

строго придерживаясь директивъ, выработанныхъ на засѣданіяхъ комячейки, — какъ одинъ человѣкъ голосовать и поддерживать заранѣе намѣченныхъ кандидатовъ, проводя при всякихъ выборахъ исключительно партійныхъ работниковъ. Комячейка выдѣляетъ изъ своей среды наиболѣе толковыхъ ораторовъ для публичныхъ выступленій и дискуссій.

Всѣ органы правительственной власти къ услугамъ коммунистической партіи. Таковыми она обычно въ предѣлахъ инструкціи Ц. К. партіи и пользуется какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ.

Партійная работа, несмотря на привилегированное положеніе компартіи, довольно тяжела и сложна. Одной изъ характерныхъ чертъ коммунистической партіи, которую надлежитъ особо отмѣтить, является то, что партійная принадлежность оказывается не однимъ только правомъ лица, имѣющаго партійный билетъ, но создаетъ для него и цѣлый рядъ обязанностей. Первое условіе, которое ставитъ партія своимъ членамъ, — это безусловное подчиненіе партійной дисциплинѣ. Всѣ порученія и обязанности должны строго выполняться безпрекословно каждымъ членомъ партіи. Время отъ времени въ совѣтскихъ газетахъ помѣщаются замѣтки, что такіе-то товарищи въ порядкѣ дисциплины должны явиться въ соответственный партійный комитетъ для полученія указаній по поводу возлагаемыхъ на нихъ порученій; такіе-то члены партіи должны руководить субботникомъ; такіе-то въ ближайшее воскресенье обязаны выѣхать на мѣста для устройства митинговъ и т. п. При этомъ вызываются не только рядовые члены партіи, но нерѣдко и самые верхи ея. Неисполнившій такого постановленія членъ партіи получаетъ выговоръ, фамилія его публикуется въ газетахъ, самъ онъ заносится на черную доску и, какъ высшая мѣра наказанія, ему даже можетъ грозить исключеніе изъ партіи. Впрочемъ, выходъ изъ партіи можетъ состояться и односторонне по заявленію самого партійнаго работника. Хотя по партійнымъ правиламъ это

44

и разрѣшается, однако, такой выходъ грозитъ для отказывающагося рядомъ непріятныхъ послѣдствій, и потому лица, желающія уйти изъ партіи, обыкновенно нарочно совершаютъ такіе служебные поступки, за которые парткомъ (партійный комитетъ) ихъ самъ исключаетъ изъ партіи.

Въ послѣднее время ростъ партій остановился. Недовольные партійнымъ составомъ руководители партіи придумываютъ цѣлый рядъ поводовъ для того, чтобы очистить партію отъ лицъ, которыя попали въ нее случайно и которыя не содѣйствуютъ ея укрѣпленію, а лишь распыляютъ силы. Неоднократно изъ партійнаго центра даются указанія о чисткѣ партіи и провѣркѣ ея состава. Сопровождается это требованіемъ завершенія членами партіи особыхъ анкетъ съ каверзными вопросами, устанавливающими, чѣмъ они занимались раньше, не состояли ли членами какихъ-нибудь другихъ партій и проч. Въ послѣднее время намѣчено полное прекращеніе пріема новыхъ членовъ, чтобы произвести пересортировку и провѣрку состава партіи; въ которую, по признанію самихъ большевиковъ, втерлось много шкурниковъ и лицъ, гонящихся за лишнимъ индивидуальнымъ пайкомъ и другими выгодами, которыя даетъ въ Совѣтской Россіи званіе члена Р. К. П.

Свѣтъ и тѣни партійной принадлежности.

Преимущества для членовъ коммунистической партіи установлено дѣйствительно очень много. Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что для коммунистовъ широко открыты всѣ двери въ правительственныя сферы. Партійные работники безоговорочно могутъ занимать всѣ должности на совѣтской іерархической лѣстницѣ. Должности же руководителей въ органахъ управленія отводятся безусловно только коммунистамъ; если и безпартійныхъ допускаютъ иногда до занятія отвѣтственныхъ служебныхъ постовъ, то къ нимъ во всякомъ случаѣ приставляютъ для контроля или особыхъ комиссаровъ или кого-нибудь

изъ президіума соотвѣтственной комячейки. Что касается командныхъ должностей красной арміи, то тамъ первое время терпѣли офицеровъ лишь постольку, поскольку не было своихъ красныхъ командировъ. Нынѣ, когда уже состоялся рядъ послѣдовательныхъ выпусковъ красныхъ курсантовъ и въ армію влился большой контингентъ красныхъ командировъ, вводится новое правило о томъ, что на всѣ командныя должности, начиная чуть — ли не съ отдѣленнаго командира, могутъ назначаться лишь коммунисты. Въ связи съ этимъ Реввоенсовѣтъ республики неоднократно напоминалъ даже самому главнокомандующему Каменеву о необходимости для него записаться въ партію въ виду того, что онъ по прежнему числится въ рядахъ безпартійныхъ.

Равнымъ образомъ и въ національномъ вопросѣ большевики, охотно представляясь покровителями узкаго націонализма, на самомъ дѣлѣ тѣсно связываютъ развитіе его съ требованіемъ признанія коммунистическаго строя. Получается какое-то внутреннее противорѣчіе. Чистый коммунизмъ несомнѣнно явленіе надгосударственное, интернациональное, а между тѣмъ, руководители его въ личныхъ цѣляхъ усиленно прививаютъ и поддерживаютъ націоналистическія тенденціи. Конечно, это относится къ вопросамъ тактики. По существу же каждая вновь самоопредѣляющаяся въ составѣ Россійской республики національность, вродѣ чувашской, киргизской и т. п., получаетъ прежде всего готовый исполкомъ, состоящій изъ надлежаще подготовленныхъ Сталинымъ коммунистовъ, спецовъ по пропагандѣ. Поэтому, фактическая самостоятельность этихъ новоявленныхъ, невѣдомыхъ ранѣе республикъ, по существу — меньше, чѣмъ въ любой области съ болѣе или менѣе развитой мѣстной автономіей. Независимо отъ степени ихъ подготовки, лица, вступающія въ партію имѣютъ возможность работать и въ дѣлѣ внѣшней политики, т. е. въ той области, къ которой ихъ не допускало прежнее правительство. Теперь бывшее министерство Иностранныхъ дѣлъ наполнено цѣ-

лымъ рядомъ такихъ дипломатовъ, плеяду которыхъ открылъ славный т. Иоффе со своимъ бессмертнымъ „похабнымъ“ Брестскимъ миромъ.

Во внутренней жизни страны коммунисты тоже пользуются различными преимуществами. Партийный билетъ стоитъ любого дипломатическаго паспорта и отворяетъ для его обладателя тѣ двери, которыя закрыты для обыкновеннаго смертнаго. „Входъ по предъявленіи партийныхъ билетовъ“ — вотъ аншлагъ, который виситъ на видномъ мѣстѣ въ цѣломъ рядѣ учрежденій. Если васъ, коммуниста, куда-нибудь не пускаютъ, или отказываютъ въ выдачѣ какого-нибудь разрѣшенія, то стоитъ только вамъ предъявить билетъ съ печатью Р. К. П. (б), чтобы услышать немедленно въ отвѣтъ: „Ахъ, простите, вы партийный, въ такомъ случаѣ — пожалуйста“. Этотъ билетъ служить чудеснымъ талисманомъ на всѣ случаи жизни. Когда въ квартиру вашу врываются во время повальныхъ обысковъ, то предъявленіе партийнаго билета служить достаточной гарантіей для вашей личной неприкосновенности.

Точно такъ же и карательныя санкции за проступки для коммунистовъ иныя, чѣмъ для другихъ. Цѣлый рядъ наказаній не налагается на коммунистовъ за такіе преступленія, за которыя несутъ отвѣтственность безпартийные. Я видѣлъ цѣлый рядъ судебныхъ рѣшеній ревтрибуналовъ, гдѣ коммунистъ, признанный виновнымъ, приговаривался къ опредѣленному наказанію, послѣ чего тутъ же слѣдоваль риторнелъ въ такомъ родѣ: „Принимая же во вниманіе чистосердечное признаніе подсудимаго, а также принадлежность его къ Россійской коммунистической партіи большевиковъ, — отъ наказанія освободить, замѣнивъ его общественнымъ порицаніемъ“, — т. е. равнымъ счетомъ, ничѣмъ. Въ послѣднее время большевистскіе юристы пошли еще дальше и въ одномъ изъ изданныхъ ими въ концѣ мая 1920 года декретовъ о пресѣченіи должностныхъ преступленій они уже въ самый законъ ввели указаніе на

цѣлый рядъ облегченій для коммунистовъ. Такимъ образомъ, законодательство создаетъ привилегированное положеніе для коммунистовъ. Поэтому многіе и записываются въ партію, имѣя въ виду занять затѣмъ какую — нибудь руководящую должность, чтобы красть во всю и строить на коммунизмѣ свое личное обогащеніе. Отсюда и нарощеніе новаго класса „совбуржуевъ“ и „комбуровъ“. Господа этого рода чрезвычайно интересны для компартіи, ибо они готовы за нее на все. Они же, какъ элементъ рѣшительный, нужны для чрезвычайныхъ комиссій. Поэтому то контингентъ послѣднихъ и вербуетъ исключительно изъ коммунистовъ и къ тому же изъ числа записавшихся въ партію, начиная лишь съ 1918 года и позднѣе. Конечно, своихъ сотрудниковъ чрезвычайка не трогаетъ и потому записавшіеся въ партію, какъ общее правило, избавляются отъ непріятныхъ визитовъ агентовъ чека. Коммунистамъ предоставлено болѣе широкое пользованіе благами жизни. И вотъ къ услугамъ пролетаріата, т. е., какъ я указалъ выше, въ дѣйствительности, къ услугамъ членовъ партіи коммунистовъ квартиры, домашній комфортъ и всевозможныя развлеченія. Это они — коммунисты — по партійнымъ протекціямъ въ профсоюзахъ, куда поступаютъ для распредѣленія театральные билеты, слушаютъ Шаляпина и Собинова; для нихъ спеціально создается пролетарская культура („пролсткультъ“). Это имъ читаютъ лекціи о наукѣ и объ искусствѣ; они черезъ свои ком-ячейки знакомятся съ газетами, журналами и новѣйшими беллетристическими произведеніями. Посѣщеніе различныхъ зрѣлищъ есть тоже привилегія коммунистовъ. „Входъ для красноармейцевъ и членовъ Р. К. П. по предъявленіи партійныхъ билетовъ“ — вотъ сплошь и рядомъ встрѣчающіеся плакаты, обидные для рядового гражданина Совдепіи. Организуется встрѣча Новаго Года и къ услугамъ г. г. партійныхъ и вино, и пиво, и закуски, которыя отпускаютъ имъ Главки и Центры.

Совѣтскіе праздники устраиваются также въ

интересахъ коммунистовъ преимущественно. Имъ принадлежатъ главныя роли и на парадахъ, и въ шествіяхъ, и въ рѣчахъ, и въ угощеніяхъ, и въ театрахъ, куда попадаютъ партійные съ большимъ выборомъ. Это не національные и даже не пролетарскіе праздники, такъ какъ пролетаріямъ на нихъ нечего дѣлать и нечему радоваться, — а чисто коммунистическіе.

Ученіе тоже дѣлается въ извѣстной степени кастовымъ, партійнымъ преимуществомъ. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ созданіемъ особыхъ факультетовъ при университетахъ, такъ называемыхъ „рабочихъ факультетовъ“, на которые принимаются исключительно партійные работники обоего пола. Пресса, какъ извѣстно, всецѣло передана на служеніе коммунистической партіи. Поэтому она и ведетъ пропаганду въ интересахъ послѣдней. На ряду съ этимъ, однако, она отводитъ мѣсто и для внутренней переписки между различными партійными организаціями, не представляющей ровно никакого интереса для широкой читающей массы и тѣмъ не менѣе занимающей въ иномъ номерѣ газеты до одной трети всего числа столбцовъ. Заботясь объ удобствахъ своихъ сочленовъ партійные коммунисты обеспечиваютъ для нихъ сносныя условія путешествія, столь тяжелыя вообще нынѣ въ Совѣтской Россіи. Не говоря уже про крупныя коммунистическія имена, и мелкая партійная сошка всегда имѣетъ полную возможность получить нумерованное мѣсто въ такъ называемомъ „делегатскомъ“ вагонѣ, т. е. въ обыкновенномъ классномъ вагонѣ, тогда какъ рядовымъ пассажирамъ приходится почитать за особое счастье, если имъ удастся вскарабкаться въ полуразбитый товарный вагонъ, набитый людьми до послѣдней стѣны. Чтобы не утруждать товарищей коммунистовъ долгими ожиданіями въ очередяхъ, имъ выдаютъ особыя удостовѣренія, дающія право получать проѣздныя билеты внѣ всякой очереди, тогда какъ остальнымъ, даже ѣдущимъ въ служебную командировку, приходится стоять въ безконечныхъ совѣт-

скихъ очередяхъ. Въ пути партійные работники избѣгаютъ непріятной процедуры провѣрки багажа ограничиваясь предъявленіемъ военнымъ контролерамъ своего партійнаго билета. Они легко получаютъ по ходатайству парткомовъ отдѣльные вагоны и разъѣзжаютъ въ нихъ, несмотря на транспортную разруху, въ цѣляхъ развлеченія или спекуляціи. Мнѣ лично приходилось быть свидѣтелемъ тому, какъ, не взирая на катастрофическое состояніе рѣчного транспорта, пароходы на Дону неоднократно назначались для увеселительныхъ групповыхъ поѣздокъ членовъ комячеекъ и партійно-професіональныхъ организацій.

Понятно, что, такъ какъ во главѣ почти всѣхъ учрежденій стоятъ коммунисты, они всегда охотнѣе оказываютъ различныя услуги своимъ же партійнымъ товарищамъ. Всякому, числящемуся въ партіи и состоящему на службѣ, легче, чѣмъ безпартійному, пробраться въ начальство. На сотрудничествѣ съ комячейкой многіе строятъ свою карьеру, такъ какъ оно содѣйствуетъ быстрому восхожденію по іерархической лѣстницѣ, при наличіи у комячеекъ права непосредственнаго сношенія съ высшимъ начальствомъ и рекомендаціи ему того или иного изъ своихъ сочленовъ для занятія открывающихся вакансій.

Очевидно, что всякаго рода спорныя дѣла, просьбы, ходатайства, также разрѣшаются руководителями учрежденій въ пользу своихъ партійныхъ. Что же дѣлать — „рука руку моетъ“.

Въ сферѣ экономической коммунисты проникли также на верхи экономическихъ комиссаріатовъ и извлекаютъ для себя изъ этого большую пользу. Здѣсь знакомство въ партійныхъ кругахъ значитъ все: крупная денежная награда за разработку какого — нибудь фантастическаго проекта и кредиты для производства опытовъ, и ассигнованія на постановку той или иной промышленной отрасли. Попробовалъ бы настоящій пролетарій съ завода сунуться въ это дѣло. Его несомнѣнно отпугнули бы, указавъ на малую сознательность, на отсутствіе пониманія и опытности.

Зато достаточно знать творенія Энгельса и быть послѣдователемъ теоріи Маркса, чтобы считаться подготовленнымъ для возстановленія Донецкаго бассейна и пускать въ ходъ фабрики и заводы, лишенные топлива. Одинъ знакомый агрономъ передавалъ мнѣ свою бесѣду по поводу поданнаго имъ въ земельный отдѣлъ прошенія о предоставленіи одной изъ вакантныхъ должностей завѣдывающаго совѣтскимъ имѣніемъ. — „А вы, товарищъ, партійный?“ заявилъ нѣкто, отъ кого зависѣло принятіе на службу, ознакомившись съ содержаніемъ прошенія. — „Я не думалъ, товарищъ, что званіе ученаго агронома съ практическимъ пятнадцатилѣтнимъ стажемъ мнѣ меньше пригодится для руководства совхозомъ, чѣмъ принадлежность къ коммунистической партіи“, возразилъ мой знакомый агрономъ. — „Товарищъ“, съ живостью замѣтило начальство, „здѣсь не мѣсто для остротъ; я спросилъ о вашей партійной принадлежности, которая не вытекаетъ изъ вашего прошенія, и долженъ васъ предупредить, что это вовсе не такъ безразлично, какъ вы полагаете, въ чемъ вы и убѣдитесь“. Конечно, агрономъ не получилъ просимаго мѣста, и, какъ на курьезъ можно указать, что завѣдывающимъ этимъ совхозомъ сдѣлался бывший настройщикъ, конечно, партійный, за отсутствіемъ частной практики рѣшившій устроиться по иному. Какъ результатъ дѣятельности такихъ спецовъ въ націонализованной внѣшней торговлѣ, къ которой допускаются только коммунисты, и явилось напримѣръ полученіе изъ-заграницы нѣсколькихъ десятковъ тысячъ паръ обуви съ картонными подошвами, покупка собственныхъ дровъ въ качествѣ иностраннаго товара или пріобрѣтеніе въ началѣ зимы огромной партіи лекарствъ исключительно по борьбѣ съ гастрическими заболѣваніями.

Профессіональные союзы, какъ я указывалъ, полны исключительно партійными дѣятелями и къ управленію ими никто изъ рядовыхъ рабочихъ не допускается. Послѣдніе этимъ чрезвычайно недовольны и на различныхъ рабочихъ производ-

ственных конференціяхъ выступаютъ противъ коммунистовъ, — засѣвшихъ въ профсоюзахъ, обвиняя ихъ въ „непотизмѣ“, въ „самоснабженіи“ Однако, это мало мѣняетъ дѣло.

Въ коммунисты рѣдко кто идетъ по убѣжденію, а чаще всего для того, чтобы повластвовать и безнаказанно пограбить, придавая, однако, всей своей дѣятельности съ внѣшней стороны характеръ защиты интересовъ трудящихся съ призывами къ труду и дисциплинѣ. Много ли, однако, работаютъ они сами? Вся ихъ личная предприимчивость обычно направляется къ изысканію способовъ самоснабженія. Устраивая субботники, показательныя работы и т. п., товарищи коммунисты предпочитаютъ занимать въ нихъ командныя должности, распредѣляя между участниками ихъ задачи, инструктируя ихъ, регистрируя, кто работалъ и кто уклонился, а также наблюдая за степенью интенсивности работъ участниковъ.

Создавъ свой коммунистическій способъ распредѣленія предметовъ массоваго потребленія и продуктовъ, который кромѣ голода на практикѣ ни къ чему не приводитъ, — въ интересахъ своихъ однопартійниковъ они тѣмъ не менѣе предусмотрительно создали рядъ обходовъ зтого порядка. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ всѣмъ рядовымъ сотрудникамъ какого — либо учрежденія приходится отстаивать въ хвостахъ у продовольственныхъ лавокъ свое право на четверть фунта соли и двѣ коробки спичекъ, для членовъ комячейки того же учрежденія вопросъ значительно упрощается. Всѣ они обыкновенно пользуются особыми преимуществами: получаютъ лучшіе „ударные“ пайки, вытребываютъ себѣ всѣ продукты въ комячейки, гдѣ и производятъ ихъ распредѣленіе между собою безъ излишней волокиты. Они первые узнаютъ о появленіи на складѣ учрежденія какихъ — нибудь рѣдкихъ предметовъ внѣ-планового снабженія, какъ мануфактуры, обуви, одежды и тому подобныхъ интересныхъ предметовъ и захватываютъ ихъ въ первую очередь. А такъ какъ этого рода вещей поступаетъ всегда

для распредѣленія очень мало (напримѣръ, на весь союзъ кожевенниковъ въ Ростовѣ на Дону, насчитывающій нѣсколько тысячъ членовъ, было выдано всего 65 паръ обуви), то ясно, что остальнымъ работникамъ учрежденія, не коммунистамъ, зтихъ предметовъ обыкновенно не приходится и видѣть, доколѣ они не вступятъ въ партію. Кумовство, взяточничество, партійное неравенство, свили себѣ прочное гнѣздо и въ кооперативахъ, гдѣ теперь весь руководящій персоналъ состоитъ изъ коммунистовъ.

Чтобы получить что — нибудь лучшее изъ товаровъ, имѣющихся въ кооперативахъ, нужно быть вліятельнымъ коммунистомъ. Въ кооперативномъ распредѣлителѣ 10 покупателей откажутъ, ссылаясь на отсутствіе товара, а 11-ый, партійный, получитъ именно этотъ товаръ. „Какъ не услужить родному человѣчку!“ Этимъ же принципомъ руководятся партійныя организаціи, чтобы во-время обезопасить своего сочлена отъ непріятныхъ послѣдствій, которыми можетъ грозить примѣненіе какого-нибудь вновь издаваемого декрета. Такъ, напримѣръ, въ Ростовѣ на Дону, при изданіи лѣтомъ 1920 года распоряженія объ аннулированіи дотолѣ имѣвшихъ свободное хожденіе денегъ Донского правительства и Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи, партійнымъ работникамъ тайнымъ образомъ, въ частныхъ бесѣдахъ, было рекомендовано возможно скорѣе избавиться отъ зтихъ денегъ, обмѣнявъ ихъ на совѣтскіе знаки. Дѣйствительно, черезъ пару дней вышло въ свѣтъ соотвѣтственное, въ тайнѣ разработанное постановленіе, разорившее многихъ не коммунистовъ, не знавшихъ о готовившейся мѣрѣ.

Въ области народнаго здравія и соціальнаго обезпеченія коммунисты также создаютъ поводъ для зависти и недовѣрія для широкихъ массъ безпартійнаго населенія. Всѣ знаютъ, что кавказскіе курорты, а также южное побережье Крыма, якобы служащіе для леченія больного пролетаріата, на самомъ дѣлѣ наводнены хорошо заработавшими коммунистами съ ихъ дамами, старающимися пу-

ститъ другъ другу пыль въ глаза и проводящими время въ нескончаемыхъ кутежахъ. Получить отпускъ по болѣзни на службѣ трудно, но коммунисту въ порядкѣ партійной протекціи это всегда удастся легко устроить, такъ какъ главныя врачебныя комиссіи, устанавливающія право на отпускъ, повидимому для того и поставлены, чтобы отдѣлять козлицъ (безпартійныхъ) отъ овецъ (коммунистовъ), приче́мъ, увы, зтими козлицами обычно являются рядовые пролетаріи. Попробуйте-ка только, если вы не коммунистъ походить въ Сѹбѹзъ (Отдѣлъ Соціального Обезпеченія), чтобы выхлопотать какое-нибудь пособіе или пенсію. Изъ васъ вымотаютъ всѣ нервы и все-таки вы уйдете ни съ чѣмъ. Если же вы состоите въ партіи, за васъ всѣ надлежащія формальности успѣшно выполнитъ партійный комитетъ.

Широкое пользованіе коммунистами своими особыми преимуществами и привилегіями вызываетъ, не говоря уже о зависти, массу недоразумѣній, претензій и жалобъ, разрѣшеніе которыхъ сосредоточено въ такъ называемой Рабоче-Крестьянской инспекціи (Рабкринъ). Непріятное для партійнаго работника дѣло по возможности кладется подъ сукно, ретивымъ же контролерамъ въ зтомъ случаѣ, въ особенности, если они сами изъ партійныхъ, можетъ основательно влетѣть отъ партійнаго комитета за излишнее служебное рвеніе. Партійные комитеты дѣйствительно играютъ крупную роль: они въ центрѣ и на мѣстахъ являются тѣмъ органомъ, который, оставаясь какъ бы въ тѣни, за сценой, фактически даетъ общее направленіе мѣстной политикѣ. Пролетаріатъ же какъ таковой, несмотря на такъ называемую его диктатуру, какъ видно, въ сущности серьезной роли не играетъ. Въ Совѣтской Россіи налицо не диктатура пролетаріата, а вѣрнѣе диктатура надъ пролетаріатомъ коммунистической партіи, которую сами большевики въ своихъ официальныхъ изданіяхъ такъ и называютъ правящей партіей.

Я долженъ, однако, оговориться, что принадлежность къ коммунистической партіи создаетъ

не только однѣ привилегіи. Есть много и непріятныхъ сторонъ для тѣхъ, кто обладаетъ партійнымъ билетомъ. Прежде всего это относится къ дѣлу защиты коммунистической власти. Во время гражданской войны партійные работники принудительно мобилизовались для борьбы съ бѣлыми. Въ сраженіяхъ, политкомы (политическіе комиссары) въ полкахъ должны были идти въ атаку рядомъ съ полковыми и баталіонными командирами. Правда, что многіе ловкіе коммунисты обходили эту крупную непріятность для себя тѣмъ, что устраивались въ военныхъ органахъ снабженія, которыя имѣли столь же непомѣрно разросшіеся штаты, какъ и всѣ вообще совѣтскія учрежденія. Кромѣ того, партійнымъ работникамъ обычно вмѣняется въ обязанность изученіе военного строя, причемъ неявки на подобныя занятія строго караются. Хочешь, не хочешь, а маршируй и учись стрѣлять.

Далѣе характерной особенностью партіи является обязательное прикрѣпленіе членовъ партіи къ опредѣленнымъ обязанностямъ, ради выполненія коихъ коммунисты перебрасываются изъ одного учрежденія въ другое, переводятся съ одной работы на другую. Характерный приказъ въ этомъ отношеніи былъ изданъ Ц. К. партіи въ связи съ прекращеніемъ гражданской войны и переходомъ арміи на мирное положеніе: „Происходящее въ послѣднее время увольненіе изъ арміи въ безсрочный отпускъ старшихъ возрастовъ имѣетъ главною цѣлью улучшить армію качественно за счетъ количества, поэтому это увольненіе и не было распространено на коммунистовъ, мобилизованныхъ по партійнымъ и профессиональнымъ организаціямъ и политработниковъ вообще. Одновременно, въ виду необходимости использовать временное затишье на военныхъ фронтахъ въ цѣляхъ укрѣпленія фронта хозяйственного, Центральный Комитетъ Р. К. П. черезъ политуправленіе Р. В. С. Р. постановилъ по спеціальнымъ нарядамъ откомандировать рядъ работниковъ на отдѣльныя

отрасли хозяйственной работы въ центрѣ и на мѣстахъ. Между тѣмъ, рядъ коммунистовъ по разнымъ поводамъ, пользуясь временными командировками, отпусками, проездомъ, съ согласія соответствующихъ наркомовъ, остаются на мѣстахъ, нарушая такимъ образомъ общій планъ и порядокъ перераспределенія партійныхъ силъ. Центральный комитетъ Р. К. П. категорически подтверждаетъ къ неуклонному выполнению циркуляръ о порядкѣ откомандированія военныхъ коммунистовъ, опубликованный въ „Правдѣ“ отъ 6 января 1921 г. № 4 и предупреждаетъ, что онъ вынужденъ будетъ примѣнять самыя рѣшительныя мѣры, вплоть до роспуска парткомовъ и преданія партійному суду, какъ дезертировъ, тѣхъ коммунистовъ, которые самовольно, внѣ установленнаго порядка ушли изъ арміи и военныхъ учреждений. Центральный Комитетъ Р. К. П. предлагаетъ парткомамъ немедленно откомандировать всѣхъ задержанныхъ военныхъ коммунистовъ въ соответствующія части“.

Совѣтскія газеты каждый день пестрятъ объявленіями и приказами объ обязательныхъ явкахъ и выполненіи различныхъ работъ партійными работниками. Вотъ для примѣра распределеніе занятій по Донскому Комитету Р. К. П. на нѣсколько дней февраля 1921 года: 9 февраля—обязательное заслушаніе ячейками доклада: „Роль профессиональных союзовъ“; 11 февраля—очередныя задачи партіи; 12-го февраля—обязательный субботникъ; 13 февраля — всеобщее военное обученіе; 14-го февраля — собраніе секретарей ячеекъ; 15-го февраля—представленіе матеріаловъ по переучету членовъ партіи; 16-го февраля — обязательное заслушаніе доклада „Исторія жизни социалистической республики въ капиталистическомъ окруженіи“ и т. д. Немудрено, что создаются дѣйствительно тиски, въ которыхъ буквально задыхаются партійные работники, какъ стоящіе внѣ ячеекъ, такъ и прикрѣпленные къ нимъ для партійной работы. Находя, что всѣхъ этихъ мѣръ еще недостаточно, мѣстные комитеты партіи

сплошь и рядомъ назначаютъ еще дополнительные работы въ различные спеціальныя недѣли: „по продовольственному фронту“, „по укрѣпленію партіи“, когда бѣдные товарищи коммунисты на мѣстахъ буквально сбиваются съ ногъ.

Вступающіе въ партію прекрасно отдають себѣ отчетъ въ томъ отношеніи, которое они, какъ коммунисты, встрѣтятъ къ себѣ отъ населенія, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Одинъ довольно видный коммунистъ изъ молодыхъ, но подающій большія надежды по Внѣшторгу (Нар. Ком. внѣшней торговли), на мой вопросъ, почему онъ не выѣдетъ за границу съ однимъ изъ совѣтскихъ представительствъ, что для него, какъ коммуниста, не представляетъ никакихъ трудностей, отвѣтилъ, что его тяготитъ то презрѣніе и недовѣріе, которое сквозитъ въ обращеніи иностранцевъ, когда имъ приходится имѣть дѣло съ совѣтскими работниками, не говоря уже про русскіе эмигрантскіе круги. За совѣтскими миссіями слѣдятъ, и всякій человѣкъ, имѣющій съ ними сношенія, ставится подъ подозрѣніе. Однимъ словомъ-положеніе очень скверное. — „На тебѣ точно лежитъ какое-то „каиново пятно“. Нѣтъ ужъ лучше оставаться въ Россіи, тутъ по крайней мѣрѣ хоть открыто въ глаза никто не осмѣлится выразить тебѣ свое презрѣніе“, закончилъ онъ. Правда, что и въ самой Россіи коммунисты обычно держатся изолированно, бывая только другъ у друга. Положеніе дѣйствительно незавидное. Бываетъ такъ: компанія не коммунистовъ сидитъ, мирно бесѣдуетъ, не стѣсняясь критикуетъ совѣтскую власть. Стоитъ войти коммунисту, какъ сразу же начинается усиленное переглядываніе, рты какъ-то поджимаются и возникаетъ натянутый разговоръ, въ которомъ одинаково неловко чувствуютъ себя и ранѣе бесѣдовавшіе и вновь вошедшій. Дѣйствительно, внѣ служебныхъ дѣловыхъ отношеній для коммунистовъ создается довольно ложное положеніе, почему они и избѣгаютъ бывать въ средѣ безпартійныхъ. Въ народѣ понятія — коммунистъ и чекистъ, мало чѣмъ

другъ отъ друга отличаются, поэтому приемы воздействия, применяемые чрезвычайками еще болѣе озлобляютъ населеніе противъ коммунистовъ, дѣлая ихъ ненавистными для общества. Насколько раньше принадлежность къ социалистическимъ партіямъ создавала вокругъ cadaго социалиста какой-то ореолъ, настолько нынѣ званіе коммуниста является предосудительнымъ и позорнымъ.

Хотя принадлежность къ коммунистической партіи покрываетъ сплошь и рядомъ всѣ прошлые грѣхи провинившагося особой партійной индульгенціей, — все же иногда, чтобы создать шумъ вокругъ судебныхъ дѣлъ и явить міру доказательство партійной безпристрастности парткомы избираютъ для этой цѣли своей мишенью именно партійныхъ работниковъ, специально опубликовывая въ газетахъ сущность ихъ строгаго и якобы нелицепріятнаго суда. Вотъ образецъ такого постановленія, обыкновенно публикуемаго надъ рекламнымъ заголовкомъ: „Кого судить совѣтская власть“. — „Преступленіе Голубова (осужденнаго по должности районнаго начальника милиціи) еще усугубляется его принадлежностью къ коммунистической партіи и бывшей работой въ различныхъ отрасляхъ партійной дѣятельности. Онъ не могъ не знать, что каждый его шагъ подрываетъ авторитетъ Р. К. П. и вооружаетъ все новыхъ враговъ, которые его преступную дѣятельность готовы приписать всей партіи въ цѣломъ.“

Коммунистовъ не только принуждаютъ пропагандировать, угрожая за отказъ исключеніемъ изъ партіи, но также принудительно заставляютъ и учиться, причемъ не тому, къ чему имѣетъ склонность тотъ или иной коммунистъ, а лишь тому, чему хочетъ заставить его научиться партійный комитетъ. Обязательныя откомандированія для ученія постоянно имѣютъ мѣсто въ Совдепіи, причемъ иногда они вызываются необходимостью имѣть большее число учащихся въ новообразованныхъ учебныхъ заведеніяхъ, куда добровольно никто не желаетъ поступать. Въ виду от-

58

рицанія партіей идеи Божества, всѣ коммунисты жестоко караются вплоть до исключенія изъ партіи за приверженность къ какому-нибудь религіозному культу, и потому мнѣ приходилось видѣть, какъ нѣкоторые изъ вѣрующихъ коммунистовъ тайкомъ пробирались въ церковь, стараясь въ укромномъ уголкѣ смѣшаться съ толпой, чтобы на нихъ какъ-нибудь не донесли.

Когда передъ совѣтской властью встаетъ какая-нибудь новая задача на фронтѣ экономическаго строительства, власть эта примѣняетъ систему мобилизації въ порядкѣ партійной дисциплины. Какъ примѣръ можно привести мобилизації 1921 года: на борьбу съ топливнымъ голодомъ, на организацію посѣвной кампаніи, на фронтъ продработы по усиленію извлеченія продуктовъ у населенія и т. п. Всѣ эти мобилизації весьма тягостны, неожиданны и сопряжены для мобилизуемыхъ съ цѣлымъ рядомъ непріятностей, вплоть до риска жизнью. Многіе коммунисты поплатились жизнью, энергично содѣйствуя сбору продовольствія у населенія, упорно отказывавшагося отъ добровольной его выдачи. Также много гибнетъ коммунистовъ въ различныхъ экспедиціяхъ карательнаго характера противъ развившагося повсемѣстно въ Совѣтской Россіи повстанческаго и бандитскаго движеній.

При налетахъ бандитовъ на пассажирскіе поѣзда наличіе у ѣдущихъ коммунистовъ партійныхъ билетовъ служить для ихъ обладателей вѣрнымъ паспортомъ для отправленія на тотъ свѣтъ. „Къ стѣнкѣ“ — короткій и рѣшительный вердиктъ для всѣхъ обнаруженныхъ бандитами въ поѣздѣ коммунистовъ и отвѣтственныхъ совѣтскихъ работниковъ. Вотъ каково въ общихъ чертахъ отношеніе широкихъ массъ населенія къ членамъ партіи, руководящей государственной жизнью Россіи.

Повидимому, однако, въ послѣднее время положеніе партіи дѣлается менѣе устойчивымъ, потому что мечтой многихъ коммунистическихъ лидеров является: сначала заблаговременно переправить свои семьи за границу, потомъ незамѣтно получить

туда же командировку и скрыться пока не поздно по добру — по здорову. При окончательной ликвидации коммунизма расплачиваться за грѣхи партіи очевидно будутъ второстепенные партійные работники въ центрѣ и на мѣстахъ. Въ Ц. К. партіи обращено серьезное вниманіе на этотъ исходъ изъ Россіи многихъ коммунистовъ, особенно въ связи съ тѣмъ, что отъѣзжающіе за границу захватываютъ сплошь и рядомъ и казенныя совѣтскія деньги, придерживаясь очевидно поговорки: „семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ“.

Очевидно, что при взвѣшиваніи всѣхъ данныхъ за и противъ вступленія въ коммунистическую партію въ послѣднее время опасеніе за свою жизнь начинаютъ брать верхъ, потому что несмотря на цѣлый рядъ исключительныхъ выше отмѣченныхъ существенныхъ благъ и привилегій для записавшихся въ партію, количество зарегистрированныхъ членовъ партіи невелико. Коммунистическая партія, насчитывавшая въ своихъ рядахъ въ 1903 г. — 825 членовъ, въ началѣ 1921 г. имѣла 705.245 членовъ, составляя въ общемъ около $\frac{1}{2}\%$ всего населенія Россійской республики въ 137 милліоновъ душъ. Характернымъ для развитія партіи является то, что начиная съ 1921 г. дальнѣйшій ростъ ея состава останавливается и даже понемногу начинаетъ идти на убыль въ связи съ постоянно отмѣчаемымъ превышеніемъ количества выходящихъ изъ партіи надъ числомъ вновь въ нее вступающихъ. Въ послѣднее время это весьма симптоматическое явленіе приняло настолько острый характеръ, что даже самъ присяжный совѣтскій фельетонистъ Стекловъ, обыкновенно точно отражающій въ своихъ статьяхъ теченіе Ц. К. партіи, нашелъ возможнымъ въ связи съ обозначившимся неурожаемъ въ Поволжьи, написать слѣдующія знаменательныя строки: „Въ коммунистической партіи, этой отборной гвардіи рабочаго класса, на периферіи замѣчается кое-гдѣ упадокъ духа, отступленіе передъ громадностью выпадающей на долю коммунистовъ задачи. Вдобавокъ, здѣсь дѣйствуетъ

усталость послѣ 4 лѣтъ непрерывной работы. Нетвердымъ людямъ начинаетъ казаться, что они не справятся съ обрушившимся на страну стихійнымъ бѣдствіемъ, да еще въ обстановкѣ повсемѣстной разрухи. Отсюда, мѣстами замѣчается уклоненіе отъ возлагаемыхъ на нѣкоторыхъ товарищей обязанностей, а кое-гдѣ и бѣгство малодушныхъ изъ партійныхъ рядовъ. Конечно, пусть слабые уходятъ, отъ этого дѣло можетъ быть только выиграетъ. Но все же этому болѣзненному явленію долженъ быть положенъ конецъ.“

Что касается качественного состава партіи коммунистовъ, то она представляется далеко не блестящимъ. Изъ кого только не состоитъ эта партія, особенно на мѣстахъ. Мнѣ приходилось видѣть въ рядахъ партійныхъ работниковъ: и мелкихъ чиновниковъ, пропойцъ, не могшихъ раньше выдвинуться дальше канцеляриста, а у большевиковъ занимавшихъ сразу мѣста начальниковъ канцелярій; и замѣшанныхъ въ грязныхъ продѣлкахъ инженеровъ; и бывшихъ сутенеровъ-шуллеровъ и мелкихъ спекулянтовъ, важно выступающихъ въ качествѣ членовъ торговыхъ делегацій за границей; и потерявшихъ образъ человѣческій садистовъ, кокаинистовъ, готовыхъ на всякія преступленія и звѣрства, и всякихъ иныхъ „бывшихъ людей“, вступившихъ въ ряды партіи ради собственнаго обогащенія. Я уже не говорю про лицъ съ опредѣленнымъ уголовнымъ прошлымъ. Среди всей этой массы партійныхъ работниковъ попадалось иногда 5—10% идейныхъ коммунистовъ. Я не сомнѣваюсь, что если бы была проведена анкета о нравственномъ обликѣ товарищей коммунистовъ, снабженная кстати и справками о судимости даннаго лица подъ одной изъ 3—5 различныхъ фамилій, подъ которыми фигурировало данное лицо въ своей прежней дѣятельности, а также дополненная его краткимъ профессиональнымъ curriculum vitae, то не менѣе 75% партійныхъ работниковъ оказались бы совершенно неподходящими для всякой иной партіи, какъ по своей

предшествующей подготовкѣ, такъ и по степени своего моральнаго уровня. Партія готовится для своихъ будущихъ кадровъ пополненія въ видѣ такъ называемаго „коммунистическаго союза молодежи“, чрезвычайно вреднаго учрежденія, вырабатывающаго методами чрезвычайкѣ и разлагающей коммунистической пропаганды изъ рядовъ русской молодежи будущихъ кандидатовъ на скамьи подсудимыхъ. Всѣ лица, близко знакомыя съ этимъ учрежденіемъ, единогласно утверждаютъ, что выдвинутая въ этомъ учрежденіи, въ противовѣсъ Союзу христіанской молодежи система занятій а также практикуемые въ немъ способы развлечения молодежи обоего пола, ведутъ лишь къ полному ея нравственному одичанію и озвѣрѣнію, систематически развращая какъ физически, такъ и духовно молодыя души.

Конечно, все приведенное здѣсь касается лишь рядовыхъ коммунистическихъ работниковъ. Общая характеристика лицъ, играющихъ въ партіи первую роль и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, сдѣлана мною выше. На верхахъ партіи также есть свои собственные радости и печали, болѣе или менѣе аналогичныя здѣсь указаннымъ. Специфическимъ печальнымъ для большевиковъ явленіемъ на верхахъ партіи являются различныя партійныя теченія и разногласія. Это дѣло сравнительно недавняго происхожденія. Раньше въ партіи замѣчалось только извѣстное мѣстничество. Одинъ передъ другимъ коммунисты-руководители старались отмѣтить, что они въ партіи съ самаго ея основанія или вступили до начала февральской революціи. Вторую группу составляли тѣ, которые вошли въ партію во времена Временнаго правительства. Третью — вступившіе во время октябрьскаго переворота или непосредственно послѣ него и, наконецъ, послѣднюю — всѣ менѣе заслуженные коммунисты, вошедшіе недавно и продолжающіе вступать до послѣдняго времени въ партію.

Это мѣстничество, принимавшее подчасъ оригинальныя формы, было, однако, довольно поверхностнымъ, ибо по существу всѣ руководители

были одинаково мыслящими, а остальные члены партіи пѣли въ униссонъ съ ними. Все это партійное единодушіе продолжалось пока шла борьба по искорененію буржуазіи и осуществлялось разрушеніе русской промышленности, для чего программа партіи и ея тактическіе приемы были вполне пригодны. Когда же наступилъ новый періодъ и пришлось приниматься за созидательную работу, сразу же обнаружилось, что на воссозданіе промышленнаго зданія коммунисты не способны. Запасы же не безконечны и стали быстро приближаться къ концу. Какъ слѣдствіе, начались нападки, взаимное недовѣріе, перешедшіе подъ конецъ въ открытыя тренія между лидерами партіи, что повлекло за собою окончательный расколъ, дотолѣ одинаково мыслившей партіи. Главныхъ теченій партіи насчитывалось въ началѣ 1921 года четыре, причемъ изъ нихъ всего менѣе многочисленной группой, какъ показала газетная полемика въ 1921 года по поводу роли профессиональныхъ союзовъ, являются представители экстремистскихъ теченій, какъ праваго, такъ и лѣваго крыла партіи. Центръ слагается изъ двухъ главныхъ направленій, такъ называемыхъ ленинцевъ и троцкистовъ. Февраль и мартъ 1921 года явились роковыми для коммунистовъ. Дѣло въ томъ, что въ верхахъ партіи еще есть много членовъ, которые хотя и запятнали свои руки кровью, но не занимались воровствомъ. Вотъ этимъ чистымъ фанатикамъ - коммунистамъ и пришлось столкнуться съ тѣми элементами, которые за время бурнаго періода гражданской войны накопили огромныя состоянія. Хотя эти фанатики знали о цѣломъ рядѣ злоупотребленій своихъ товарищей, занимавшихъ отвѣтственные посты, но пока война требовала напряженія всѣхъ силъ, они закрывали на это глаза. Съ момента же прекращенія войны они хотѣли внести въ партію прежнюю духовную дисциплину. На этотъ разъ пришлось встрѣтиться съ открытымъ сопротивленіемъ разбогатѣвшихъ путемъ преступленій коммунистовъ.

Въ настоящее время положеніе представляется въ слѣдующемъ видѣ: имѣются четыре главныя группы. Главнѣйшая, насчитывающая до 65% всей партіи, — группа Ленина. Небольшая, но вліятельная группа, возглавляемая Коллонтай, экономистомъ. Шмитомъ и Дыбенко, стоящая за народовластіе и проведеніе реформъ: свободная торговля, упорядоченіе финансовъ и введеніе налоговъ, открытіе банковъ и т. п. Группа Троцкого — 20% всей партіи главнымъ образомъ опирается на группу Бухарина и красный генералитетъ, который держится за Троцкого, какъ за своего покровителя и защитника и добивается черезъ него всякихъ льготъ и преимуществъ для улучшенія своего быта. Четвертая группа рабочаго Игнатьева, который хотя и стоитъ за ленинскія реформы, но только отчасти; проявляетъ рѣзкое отрицаніе интеллигенціи—все дѣлаетъ только народъ, какъ таковой.

Что же касается самой партіи, то 98% ея составляютъ представители интеллигенціи. Только небольшая кучка рабочихъ еще сохранилась главнымъ образомъ изъ числа тѣхъ, кто занялъ теплое мѣстечко въ совѣтахъ. Что касается національностей, то кромѣ еврейства въ коммунистической партіи много поляковъ и представителей другихъ народностей, какъ-то эстонцевъ, латышей и армянъ.

Отношеніе къ другимъ партіямъ.

Въ совѣтской прессѣ постоянно встрѣчаются указанія на то, что отсутствіе политическихъ убѣжденій есть абсурдъ. Каждаго гражданина Совѣтской Россіи коммунисты хотятъ втянуть въ занятія политикой, а, такъ какъ всякая политическая работа можетъ протекать организованно лишь въ партіяхъ, то большевики находятъ принципъ партійной оріентаціи гражданъ вполне цѣлесообразнымъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что въ Совѣтской Россіи самой многочисленной является партія „безпартійныхъ“, т. е.

лицъ, не причисляющихъ себя ни къ какой изъ существующихъ партійныхъ группировокъ. Эта группа лицъ составляетъ теперь около 90% всего населенія. Остальной составъ гражданъ относится къ одной изъ существующихъ партій: народной свободы, эсэровъ, меньшевиковъ, коммунистовъ и анархистовъ. Конечно, офіціальная регистрація здѣсь невозможна, потому что въ виду тѣхъ репрессій, которыя примѣняются въ Совѣтской Россіи противъ инако мыслящихъ, всякій, даже состоящій въ какой-либо партіи, за исключеніемъ очень крупныхъ именъ, старается умолчать о своей партійной принадлежности.

Призывая всѣхъ къ занятію политикой, совѣтская власть въ то же время не разрѣшаетъ легальнаго существованія другихъ партій и преслѣдуетъ своихъ политическихъ противниковъ за ихъ политическія убѣжденія. Впрочемъ, въ отношеніи къ другимъ партіямъ не обходится безъ частыхъ перемѣнъ политики: то напр., разрѣшаютъ анархистамъ демонстраціи, то запрещаютъ; то держатъ ихъ лидеровъ подъ замкомъ, то выпускаютъ на свободу, предоставляя возможность даже устраивать анархическія черныя похороны умершаго князя Крапоткина. То преслѣдуютъ кадетовъ, то приглашаютъ ихъ въ составъ комитета помощи голодающему населенію съ тѣмъ, чтобы потомъ, разогнавъ Комитетъ, усилить противъ его членовъ репрессіи. То вдругъ начнутъ усиленно разсаживать по тюрьмамъ эсэровъ и меньшевиковъ, какъ напр. это было весной 1921 года послѣ Кронштадтскихъ событій.

Сильно побаиваясь вліянія на населеніе другихъ партій, большевики непрерывно ведутъ противъ нихъ агитацію, пользуясь при этомъ всѣми, находящимися въ ихъ распоряженіи средствами пропаганды и выступая противъ отдѣльных лицъ изъ другихъ партій. Окна и залы всякихъ многочисленныхъ „Роста“ изобилуютъ остротами и карикатурами на другія партіи. У коммунистическихъ художниковъ выработались даже опредѣленные

шаблоны для такихъ каррикатуръ: если нужно изобразить черносотенцевъ, то совѣтскіе каррикатуристы рисуютъ браваго генерала или пузатаго мужика-кулака; кадетъ — обязательно индивидуумъ въ визиткѣ съ цилиндромъ и толстымъ брюшкомъ, съ массивной золотой цѣпочкой (иногда та же фигура изображаетъ капиталистовъ вообще), социаль-демократы — это худой высокій интеллигентъ съ взъерошенными волосами, съ небрежно повязаннымъ галстукомъ, съ темными очками, со сверткомъ бумаги подъ мышкой; тотъ же вариантъ, но съ дымящейся бомбой въ рукахъ вмѣсто свертка — означаетъ эсэра; иногда каррикатуристы такимъ же образомъ изображаютъ и анархистовъ, хотя обыкновенно у нихъ анархистъ — это рыжій дѣтина, въ высокихъ сапогахъ и фуражкѣ, съ открытымъ ртомъ, съ оскаленными зубами, въ позѣ готоваго къ прыжку съ занесенной рукой, держащей дымящуюся бомбу.

Коммунисты не щадятъ силъ для того, чтобы скомпрометировать въ глазахъ населенія Совдепіи всѣ существующія партіи. Лейтъ-мотивъ подобнаго тенденціознаго освѣщенія дѣятельности всѣхъ ^{русскихъ} партій тотъ, что всѣ онѣ, за исключеніемъ коммунистической, продались иностранному капиталу. Цѣль подобной сдѣлки объясняется затѣмъ по различнымъ вариантамъ. Такъ — кадеты хотятъ посадить Царя, отобрать землю у крестьянъ, фабрики у рабочихъ и, однимъ словомъ, возвратиться къ старому. Отъ осуществленія ихъ вождедѣній могутъ выиграть только помѣщики, капиталисты, генералы, попы и кулаки. Вотъ все несложное построение программы партіи народной свободы въ истолкованіи ея народу коммунистами. Соціалистическія партіи въ статьяхъ и рѣчахъ коммунистическихъ агитаторовъ именуются социаль-соглашателями и социаль-предателями. Пышными и, въ большей или меньшей степени, туманными фразами эсэры и меньшевики хотятъ лишь замаскировать подлинныя желанія ихъ лидеровъ, продавшихся иностраннымъ капиталистамъ. Вся игра ихъ построена на ловкомъ об-

66

манъ и одураченіи народа, который въ дѣйствительности не найдетъ въ нихъ подлинныхъ защитниковъ интересовъ трудящихся. Анархисты въ изображеніи совѣтской прессы — простые разрушители и безпринципные грабители. Теоріи ихъ абсурдны и уродливы. Опасны они тѣмъ, что результатами ихъ разрушительной работы могутъ воспользоваться реакціонные элементы.

Несомнѣнно, что больше всего беспокоятъ коммунистовъ соціалистическія партіи и поэтому они старательно примѣняютъ всѣ средства для выявленія двусмысленнаго, по мнѣнію большевиковъ, отношенія этихъ партій къ международному капитализму. Особенно тщательно совѣтская власть использовала это оружіе противъ русскихъ соціалистическихъ партій въ связи съ Парижскимъ съѣздомъ виѣпартійнаго объединенія. Ухватившись за это, большевики во всѣхъ своихъ изданіяхъ отмѣчали назрѣвающее объединеніе соціалистическихъ партій съ буржуазными группами, подчеркивая сдачу первыми своихъ соціалистическихъ позицій и соглашательскій переходъ на служеніе интересамъ капитала. Травля эта была упорная и долго составляла главнѣйшій полемическій матеріалъ на страницахъ совѣтскихъ газетъ. Подъ конецъ она приняла столь острый характеръ, что центральный комитетъ партіи меньшевиковъ счелъ нужнымъ опубликовать въ московской печати слѣдующую свою резолюцію: „Въ заграничныхъ газетахъ появилось сообщеніе объ участіи представителей нѣкоторыхъ соціалистическихъ партій въ начатыхъ въ Парижѣ по инициативѣ князя Львова и группы ка-де переговорахъ о созданіи единаго „національнаго“ блока для борьбы съ большевиками на основаніи платформы завоеваній мартовской революціи. И. К. Р. С. Д. Р. П. констатируетъ, что такого рода коалиціи соціалистовъ съ партіями имущихъ классовъ, какимъ бы флагомъ эти коалиціи ни прикрывались, не могутъ въ дѣйствительности и не имѣютъ цѣли снова зажечь пожаръ гра-

жданской войны и снова вызвать явное или скрытое вмѣшательство имперіалистическихъ державъ во внутреннія дѣла революціонной Россіи. Въ виду этого Ц. К. Р. С. Д. Р. П. заявляетъ самымъ категорическимъ образомъ, что партія не только не будетъ поддерживать никакой коалиціи социалистовъ съ партіями имущихъ классовъ, несмотря на свое отношеніе къ политикѣ большевистской власти, но и будетъ бокъ о бокъ съ ней бороться съ этой новой формой контръ-революціи имперіалистическаго интернаціонализма.“ Равнымъ образомъ, не безъ комментаріевъ о соглашательствахъ, было напечатано въ совѣтскихъ газетахъ перехваченное извѣстное письмо Чернова въ Ц. К. партіи эсзровъ.

Всякій мелкій фактъ изъ жизни другихъ партій раздувается большевиками въ крупное событіе. Этимъ партіямъ ставится буквально каждое лыко въ строку. Наряду съ этимъ совѣтская власть привыкла огуломъ валить на всѣ русскія партіи и вину за экономическую разруху, въ которой очутилась по милости большевиковъ Россія. Далѣе русскимъ партіямъ инкриминируется разжиганіе внутри государства гражданской войны, поддерживаніе дѣйствія повстанческихъ отрядовъ, иногда именуемыхъ Савинковскими бандами и подогрѣваніе интервенціонныхъ стремленій на Западѣ. Совѣтская власть съ удовольствіемъ уничтожила бы, если бы только могла, всѣхъ инако мыслящихъ.

Много хлопотъ доставляютъ ей и „безпартійные“, къ разряду которыхъ совѣтская власть относитъ всѣхъ не коммунистовъ. „Кто не съ нами, тѣ противъ насъ“ — такъ рассуждаютъ и такъ говорятъ большевики, стараясь объяснить оппозиціей безпартійныхъ срывъ всѣхъ тѣхъ начинаній, которыя ими проводятся въ порядкѣ коммунистическаго строительства. Какова истинная фізіономія этого массоваго политическаго новообразованія „безпартійныхъ“ сейчасъ трудно сказать. Несомнѣнно, однако, что въ моментъ осво-

68

божденія Россіи отъ совѣтской власти именно эта всероссійская партія „безпартійныхъ“ скажетъ свое рѣшительное слово въ опредѣленіи дальнѣйшаго государственнаго курса для своей изстрадавшейся родины.

ГЛАВА III.

Какъ избираются совѣты.

Большевики громко заявляютъ, что при совѣтской власти громадное большинство населенія принимаетъ непосредственное участіе въ управленіи страной. Между тѣмъ, какъ выше указано, всякій не слѣдующій слѣпо за коммунистической партіей устраняется отъ участія въ активномъ государственномъ строительствѣ. Передъ выборами въ совѣты соціалистическіе кандидаты предусмотрительно арестовываются. Въ совѣтскихъ учрежденіяхъ мѣстныя комячейки спеціально составляютъ списки сотрудниковъ учрежденія, которыхъ не разрѣшается избирать, причемъ въ такомъ порядкѣ наиболѣе активный и сознательный элементъ отстраняется отъ выборовъ. Передъ выборами, комячейки, имѣя къ этому всѣ надлежащія средства и возможности, усиленно агитируютъ за своихъ кандидатовъ. На предвыборныхъ собраніяхъ разъясняется, что всѣ обязаны голосовать только за коммунистовъ, ибо только они смогутъ, благодаря исключительному вліянію партіи на государственное управленіе добиться улучшенія матеріальнаго положенія служащихъ. Дальше избирателей предваряютъ, что при выборѣ неугодныхъ кандидатовъ выборы все равно будутъ кассированы. Обычно правила о порядкѣ производства выборовъ опубликовываются въ мѣстной прессѣ въ самый день выборовъ. Дѣлается это нарочно въ тѣхъ видахъ, чтобы сорвать по разнымъ формальнымъ причинамъ кандидатуры безпартійныхъ (изъ-за пропущенныхъ сроковъ представленія въ избирательныя комиссіи кандидатскихъ списковъ и по разнымъ другимъ поводамъ отвода). Большевиковъ ни мало не смущаетъ такой поря-

докъ вещей, что въ правилахъ о производствѣ выборовъ, появляющихся въ газетахъ 20-го числа говорится о томъ, что дѣйствительными признаются лишь списки, представленныя въ комиссіи не позже 19-го числа того же мѣсяца. Въ результатѣ этой комедіи выборовъ обычно проваливаются всѣ иные кандидаты, кромѣ коммунистическихъ. Зная заранѣе такой исходъ всякихъ выборовъ въ Совдепіи, граждане обычно ихъ бойкотируютъ. Однако, большевикамъ этотъ абсентеизмъ не на руку, ибо во всемъ они прибѣгаютъ къ создаванію фикціи правомѣрности своихъ дѣйствій и приверженности народной къ совѣтской власти; такъ и въ отношеніи выборовъ. Они всегда стараются изобразить, что въ нихъ участвовало 90—100% избирателей, а не 25—30%, какъ это бываетъ въ дѣйствительности. Если почему-либо, несмотря на всѣ принятыя мѣры, на собраніи проваливается и коммунистическій списокъ, то руководители собранія, не смущаясь, идутъ на прямое передергиваніе. Такъ, на примѣръ, на предвыборномъ собраніи въ мѣстный совдепъ сотрудниковъ воднаго транспорта въ Ростовѣ на Дону въ мартѣ 1921 года при голосованіи путемъ поднятія рукъ, подавляющее большинство было противъ выдвинутыхъ мѣстной комячейкой кандидатовъ, однако, предсѣдательствующій, большевикъ, заявилъ, что большинство высказалось именно за этихъ кандидатовъ. Въ виду явной передержки, допущенной предсѣдателемъ собранія, послѣдовали бурные протесты участвующихъ, однако, выборы всетаки были объявлены законченными и засѣданіе закрытымъ. На перевыборахъ въ Московскій совдепъ въ концѣ апрѣля 1921 года сотрудники Всевобуча (учрежденія, руководящаго всеобщимъ военнымъ обученіемъ), провели кандидатовъ отъ группы безпартійныхъ, проваливъ предложенный мѣстной комячейкой списокъ кандидатовъ коммунистовъ, во главѣ съ начальникомъ Всевобуча, небезызвѣстнымъ Подвойскимъ. Послѣдній почувствовалъ себя обиженнымъ этимъ и кассировалъ выборы,

назначивъ для производства ихъ новый день. Повторилась та же исторія. Перевыборы были произведены нѣсколько разъ, пока, наконецъ, благодаря искусственно созданному большинству (командированіе наряда красноармейцевъ для участія въ голосованіи) не удалось провести намѣченныхъ кандидатовъ. Въ развитіе этого порядка большевиками широко практикуется система, при которой служащіе учрежденій, неблагонадежныхъ въ коммунистическомъ отношеніи голосуютъ вмѣстѣ съ сотрудниками такихъ образцовыхъ учреждений, какъ милиція, чрезвычайныя комиссіи, ревтрибуналы. Дѣлается это, разумѣется, съ цѣлью устрашенія голосующихъ и большаго единодушія въ проведеніи угодныхъ совѣтской власти кандидатовъ. Рабочіе также уклоняются въ предѣлахъ возможности отъ участія въ выборахъ, какъ и интеллигенція, причемъ при голосованіи они, поскольку властью не оказывается на нихъ спеціальнаго давленія, идутъ противъ выдвигаемыхъ рабоче-крестьянской властью кандидатовъ. Такъ, на большихъ выборахъ въ Московскій совдепъ въ апрѣлѣ 1921 года наибольшій процентъ избранныхъ беспартійныхъ дали именно рабочіе кварталы, Москвы, въ то время, какъ коммунисты проходили преимущественно въ центральныхъ районахъ, гдѣ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ „совбарышни“ и „совслужащіе“ избирали коммунистовъ примѣрно такимъ же порядкомъ, какъ въ приведенномъ мною эпизодѣ съ выборами во Всевобучѣ. Такое положеніе вещей очень обезпокоило московскіе правящіе круги и въ руководящихъ „Извѣстіяхъ М. С. Р. и К. Д.“ появился рядъ инспирированныхъ свыше статей, указывавшихъ на большую инертность, проявленную коммунистическимъ элементомъ фабрично-заводскихъ комитетовъ во время выборовъ и на необходимость замѣны ихъ болѣе благонадежными и дѣятельными коммунистами.

Несмотря на указанный выше абсентеизмъ избирателей и на постоянную подтасовку самыхъ выборовъ, въ послѣднее время беспартійные начинаютъ все сильнѣе и сильнѣе просачиваться въ

выборные совѣтскіе органы и, если бы уставшіе уже отъ борьбы безпартійныя массы проявили нѣсколько большій интересъ къ выборнымъ кампаніямъ, мѣстные совдепы по своему составу дѣлались бы все болѣе и болѣе оппозиціонными Московскому правительству. Не лишнее будетъ привести нѣкоторыя цифры результатовъ выборовъ въ 1921 году въ Совдепіи въ тѣхъ городахъ, предыдущій составъ которыхъ слагался почти изъ однихъ только коммунистовъ. Ростовъ на Дону—коммунистовъ — 577, безпартійныхъ — 151, меньшевиковъ — 24; Саратовъ—коммунистовъ — 487, безпартійныхъ — 133; Одесса—коммунистовъ — 650, безпартійныхъ — 326; Енисейскъ — коммунистовъ — 35, безпартійныхъ — 40; Темиръ-Ханъ-Шура (исполкомъ) — только безпартійные.

И н т е л л и г е н ц і я и р а б о ч і е.

Коммунистическая партія стремится нынѣ, какъ указано въ ея программѣ, къ временному подавленію буржуазіи. Понятіе буржуазіи, однако, весьма растяжимое, недостаточно опредѣлительное и дающее широкое поле для произвольнаго толкованія. „Буржуй“ опредѣляется по фамиліи, по своей внѣшности, по манерамъ, по матеріальному состоянію; „буржуй“ — это вообще всякій интеллигентъ, а потому до-чиста разоренные полуголодные служащіе совѣтскихъ учрежденій, въ большинствѣ сохранившіе еще сильно потертые отъ времени признаки буржуиства, являются въ глазахъ правящей партіи для нея элементомъ одіознымъ и на нихъ, какъ изъ рога изобилія, сыплются всякія невзгоды. Впрочемъ, въ послѣднее время въ центрѣ и сами коммунисты стали по внѣшности преображаться въ буржуевъ. Кожаные авіаторскіе костюмы, составлявшіе обычно предметъ одѣянія комиссаровъ и коммунистовъ, начинаютъ уступать мѣсто буржуазнымъ тройкамъ, (о безвкусномъ великолѣпіи комиссарскихъ „содкомшъ“ — гражданскихъ женъ комиссаровъ — и говорить не

приходится). Однако, въ провинціи и особенно на югѣ, всѣ власть имущіе считаютъ необходимымъ своимъ внѣшнимъ коммунистическимъ видомъ, съ огромнымъ маузеромъ на боку, внушать трепетъ и уваженіе мѣстной интеллигенціи.

Когда Зиновьевъ въ маѣ 1920 года впервые пожаловалъ въ занятый красными войсками Ростовъ на Дону, онъ, какъ я уже выше упоминалъ, въ пламенныхъ рѣчахъ, обращенныхъ въ рабочему пролетаріату на митингахъ, указывалъ на необходимость ущемленія буржуевъ, важно разгуливающихъ по улицамъ въ изящныхъ костюмахъ и женщинъ, шикарно разодѣтыхъ. Въ результатъ его вообще возмутительныхъ по содержанію рѣчей началось преслѣдованіе всѣхъ безъ исключенія лицъ, подходящихъ подъ неопредѣленное понятіе буржуазности.

Обезкровленіе интеллигенціи идетъ полнымъ ходомъ. Большевики точно задались цѣлью вывести ее всю „въ расходъ“, обрекая даже работающихъ на нихъ на полуголодное существованіе. Въ результатъ число трудовой интеллигенціи непрерывно сокращается и культурныя силы страны, не успѣвшіе спастись за границу, быстро убываютъ.

Ухаживая всячески за рабочими и подчеркивая это на каждомъ шагу въ прессѣ и отчасти на дѣлѣ, совѣтская власть создала совершенно невыносимыя условія жизни для всѣхъ остальныхъ лицъ (за исключеніемъ, конечно, коммунистовъ). Это сказывается во всѣхъ мѣлочахъ. Когда въ провинціальныхъ городахъ производятся массовые обыски (въ столицахъ они какъ будто уже вовсе прекращены), рабочія жилища не осматриваются. Преимущественное и даже почти исключительное право для пользованія немногими сохранившимися въ Совдепіи культурными благами, какъ театры, кинематографы, клубы, газеты и т. п. предоставляется рабочимъ. Даже въ вопросахъ желудка, когда голодаетъ все населеніе, газеты цинично оповѣщаютъ, что по мѣрѣ прибытія продовольствія, въ первую очередь имъ будутъ

обеспечиваться рабочіе и такимъ образомъ остальнымъ лицамъ такъ называемой трудовой интеллигенціи, совѣтскимъ служащимъ и прочему населенію предоставляется право на постепенное умирание отъ голода. Не приходится уже говорить о томъ, что при распредѣленіи предметовъ первой необходимости, дровъ, мануфактуры, обуви — ихъ въ первую очередь получаютъ рабочіе (конечно, тоже далеко не всѣ). Пасынкамъ же Совѣтской Россіи приходится лишь констатировать различіе между единой потребительской коммуной въ теоріи и фактическимъ осуществленіемъ вопіющаго соціального неравенства при коммунистическомъ режимѣ въ дѣйствительности. Хотя въ своихъ программахъ большевики подчеркиваютъ, что диктатура пролетаріата есть явленіе временное и скоропреходящее, однако, на самомъ дѣлѣ, объективныя данныя неизбѣжно приводятъ къ заключенію, что при дальнѣйшемъ существованіи совѣтской власти ею и впредь въ этомъ дѣлѣ будетъ проводиться принципъ неравенства, въ зависимости отъ различной оцѣнки степени зависимости власти отъ тѣхъ или иныхъ группъ населенія.

Какъ выше было отмѣчено, въ дѣйствительномъ управленіи страной принимаютъ участіе весьма немногіе изъ интеллигенціи, а изъ коммунистовъ, благодаря кастовому характеру совѣтской власти и мѣстничеству, сильно развившемуся въ послѣднее время въ партіи, только лица, давно въ ней состоящія. Мнѣ пришлось слышать, какъ про начальника одного изъ второстепенныхъ совѣтскихъ учрежденій въ Ростовѣ на Дону, человѣка весьма энергичнаго и вообще недюжиннаго, но всего лишь въ 1920 году записавшагося въ партію (кстати сказать, бывшаго офицера, служившаго въ Деникинскомъ Освагѣ) въ Москвѣ говорили: „Ну, надо еще его испытать въ партійномъ отношеніи — это человѣкъ новый. Еще неизвѣстно, можно ли ему и довѣряться.“ А рѣчь шла всего только о предоставленіи ему полномочій по сбору и сортировкѣ нѣсколькихъ архивовъ. Въ дѣйствительности, при неслыханномъ доселѣ бюрократи-

ческомъ централизмѣ, который какъ нельзя болѣе ярко характеризуетъ теперешнюю Россійскую социалистическую республику, власть на мѣстахъ лишена какой-либо дѣйствительной силы и отъ нея отстранены и интеллигентныя силы, и рабочіе. Последніе такъ же, какъ и интеллигенція, прекрасно это понимаютъ, иронизируя, когда имъ говорятъ: „Чего же вы недовольны дѣйствіями власти, вѣдь вы теперь сами хозяева своей страны; вѣдь въ Россіи установилась власть рабочихъ и крестьянъ — и слѣдовательно совѣтское правительство — это вы сами.“

Вотъ какъ описываетъ дѣйствительное положеніе рабочихъ лицо, близко знакомое съ ихъ теперешнимъ бытомъ. Цѣлые раіоны русскихъ фабрикъ и заводовъ, когда-то кипѣвшихъ жизнью, превратились въ тихія огромныя кладбища; въ нихъ мирно покоится отжившее и незамѣтно ростковъ будущаго. Оставшіеся рабочіе влечатъ жалкое существованіе. Голодные, раздѣтые, подъ вѣчной угрозой чрезвычайки, они на своей спинѣ изучаютъ отрицательныя стороны большевизма. Обѣщанія октябрьскаго переворота уже давно отошли въ область преданій. На заводахъ царятъ комиссары, въ своей грубости и пониманіи власти далеко оставившіе за собою старыхъ тюремныхъ надсмотрщиковъ. Стоитъ лишь какому-нибудь рабочему выразить свой протестъ, и онъ можетъ быть увѣренъ, что ему придется ночевать въ чека и затѣмъ быть высланнымъ изъ столицы. Въ Кронштадтскіе дни 1921 года перепуганные коммунисты не рискнули на массовые аресты рабочихъ, выловили кого имъ надо по одиночкѣ, наобѣщали и отмѣну „заградителей“ на желѣзной дорогѣ, и кооперацію, и „комиссію по улучшенію быта рабочихъ“. Но обѣщанія эти не улучшили положенія рабочихъ, которое мѣсяць отъ мѣсяца ухудшается. Въ концѣ апрѣля 1921 г. броженіе началось снова. Рабочіе заявили успокаивавшимъ ихъ большевикамъ изъ Петросовѣта и обѣщавшимъ выдать хлѣбъ, что дальше такъ „продолжаться не можетъ. Дѣло не въ хлѣбѣ, а въ

измѣненіи существующаго строя.“ Съ Пасхи начались забастовки . и продолжались полторы недѣли. Когда Кронштадтскія событія были окончательно ликвидированы, перепуганные большевики оправились и забыли свои обѣщанія, перейдя къ испытаннымъ методамъ ущемленія населенія. Гдѣ не удавалось подслушать, тамъ они сами втягивали рабочихъ въ споръ, а ночью всѣхъ говорившихъ арестовывали. Всѣ газеты и отчеты рабоче-крестьянской власти пестрятъ жалобами на отсутствіе квалифицированныхъ рабочихъ и нерѣдки сообщенія прессы, что на „такой-то заводъ прибыло три квалифицированныхъ рабочихъ“, и дальше слѣдуютъ выводы, — на сколько процентовъ увеличится отъ этого производительность завода. Но вся эта казенная пресса никогда не заикается о томъ, что изъятіе два-три раза въ годъ сотенъ квалифицированныхъ рабочихъ не только понижаетъ производительность, но и въ корнѣ разрушаетъ заводы. Рабочіе изъ политики власти дѣлаютъ такой выводъ: нуженъ квалифицированный рабочій, но покорно гнущій спину или бездѣльничающій, но упорно молчащій. Не убѣжавшій въ деревню и оставшійся въ Петроградѣ рабочій можетъ существовать лишь при условіи: отработавъ 6 дней на заводѣ и сдѣлавъ что-нибудь подходящее для обмѣна въ деревню — молотокъ, лопаты, топоръ, сковородку и т. п., въ субботу выѣзжаетъ изъ города въ деревню и возвращается въ понедѣльникъ утромъ на работу, протащивъ на спинѣ 2—2½ пуда картофеля верстъ за 20—30 отъ станціи. Во время же забастовки онъ лишенъ возможности выѣхать, такъ какъ безъ заводскаго удостовѣренія его снимутъ съ поѣзда и отправятъ на 2 недѣли на пилку дровъ. Такимъ образомъ, предѣлъ продолжительности забастовокъ не можетъ быть большимъ. Репрессіи со стороны власти не ограничиваются арестомъ, высылкой и лишеніемъ проѣздныхъ удостовѣреній. Обычно послѣ начала забастовки дѣлаются увѣщанія приступить къ работамъ и вслѣдъ за этимъ на воротахъ вывѣ-

шивается объявленіе о закрытіи завода. Заводъ закрывается и начинается перерегистрація рабочихъ или просѣиваніе ихъ по степени лойяльности. Въ результатѣ на заводѣ остаются лишь покорные меньшевики и эсэры, и безпартійные. Весь остатокъ въ видѣ „зачинщиковъ“, „волынщиковъ“, „соглашателей“ выбрасывается въ „рабую силу“ (Отдѣлъ распредѣленія рабочей силы) и въ результатѣ слесарей везутъ пилить дрова. Въ весеннюю забастовку это „просѣиваніе“ особенно отразилось на петроградскомъ трамваѣ: изъ работающихъ тамъ выброшена половина, состоящая исключительно изъ старыхъ рабочихъ, специалистовъ.

Умеръ очагъ революціи, остались лишь лозунги, забытые или выброшенные за ненадобностью. Умираетъ въ непосильной борьбѣ за существованіе рабочій, три десятка лѣтъ выносившій на своихъ плечахъ всю тяготу революціонной борьбы за торжество трудящихся. Каковы же отношенія между властью и рабочими? На собраніяхъ коммунисты съ одной стороны сыплютъ обѣщаніями все и всѣхъ побѣдить, съ другой стороны проливаютъ крокодиловы слезы о томъ, что имъ мѣшаютъ эсэры и меньшевики. Въ послѣднее время раздался кличъ Зиновьева: „Коммунисты— на заводы! Безпартійные — на отвѣтственные посты!“ Но коммунисты работать не желаютъ; иные заболѣли, иные явились въ мастерскія лишь въ качествѣ надсмотрщиковъ и похаживаютъ между станковъ, положа руки въ карманы, да покрикивая: „Работай, работай, эй, вы, саботажники!“ Въ отвѣтъ слышатся реплики: „Ты самъ саботажникъ, берись за инструментъ, да работай, а крикуновъ мы выметемъ, какъ вывели февральской метлой надсмотрщиковъ!“

Нѣсколько словъ о женскомъ вопросѣ.

Женское движеніе въ Россіи, возглавляемое Коллонтай, выражается въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. Во многихъ совѣтскихъ газетахъ от-

78

водятъ по праздникамъ послѣднюю страницу для женскаго авторства подъ заголовкомъ: „Страничка женщины работницы“, которая заполняется нелѣпой и безграмотной болтовней, обычно никѣмъ не читаемой. Совѣтскія учрежденія набиты до краевъ бездѣльничаящими и зѣвающими или занимающимися своими дѣлами и флиртомъ „совбарышнями“, усугубляющими классическую совѣтскую волокиту и поступающими на службу большею частью для того только, чтобы избавиться отъ трудовыхъ повинностей и иныхъ непріятныхъ коммунистическихъ экспериментовъ.

Наконецъ, заботы совѣтской власти о женщинѣ, не исключая и женщины-матери, не мѣшаютъ ей привлекать женщинъ, особенно въ провинціальныхъ городахъ, напр. въ Ростовѣ на Дону, къ очисткѣ улицъ, закапыванію палыхъ животныхъ, рытью траншей и къ принудительному шитью бѣлья для рабочихъ и красной арміи. Впрочемъ, повинность послѣдняго рода оканчивается обычно тѣмъ, что у раздатчиковъ работы сплошь и рядомъ на лицо не оказывается нитокъ и матеріи, необходимыхъ для шитья. Происходитъ нѣкоторый конфузъ и работа отменяется.

Вопросъ о проституціи въ Совѣтской Россіи до нельзя упростился, въ виду той легкости заключенія легитимныхъ браковъ, которая введена коммунистическими декретами. Изъ отношеній половъ не вытекаетъ ровно никакихъ гражданскихъ обязательствъ сторонъ и любой бракъ можетъ быть такъ же легко расторгнутъ, какъ и заключенъ, причемъ обоюдное согласіе нужно только для заключенія брака, а для расторженія достаточно желанія одной стороны. Понятно, что всѣ проститутки дѣлаются теперь законными женами на срокъ по взаимному соглашенію съ берущими ихъ мужьями. Охраной женскаго, какъ и дѣтскаго труда большевики занимаются больше на бумагѣ и всѣ тѣ основныя положенія, которыя по этому предмету содержатся въ кодексѣ труда, остаются, увы, лишь словами. Такъ, по даннымъ совѣтской же статистики, женщины и подростки

до 18 лѣтъ составляли на заводахъ центральной Россіи: въ 1913 г. — 7 %; въ 1916 г. — 17 % и въ 1920 — 30 % всего числа рабочихъ.

Родильницѣ полагается въ презентъ отъ совѣтскаго отечества 6 аршинъ кумачу или другой матеріи („полагается“ — въ Совѣтской Россіи еще не значить, что фактически выдается), и при настойчивости ея мужа, если онъ состоитъ на совѣтской службѣ, ей могутъ пожаловать паекъ первой категоріи, т. е. дать совершенно даромъ двѣ коробки спичекъ, 4 фунта крупы, по одному фунту хлѣба и четверть фунта соли. А въ то же время о молокѣ для новорожденнаго не приходится и думать, а соска представляетъ рѣдкій предметъ неслыханной роскоши. Какъ же послѣ всего этого русскимъ женщинамъ не радоваться и не благословлять свое коммунистическое отечество!

„Твердая власть“ и бюрократизмъ.

Такъ какъ при существующемъ положеніи вещей въ Совѣтской Россіи власть законодательная соединяется съ исполнительной, то абсолютизмъ правящей клики сталъ въ ней безграничнымъ. Обстоятельство это, сопровождающееся необычайной централизаціей всего административнаго аппарата, опирающагося притомъ на штыки красной арміи и на спеціальныя карательныя органы въ видѣ чрезвычайныхъ комиссій, — создало въ странѣ ту, поистинѣ, „твердую власть“, которой такъ настойчиво добивалась русская интеллигенція въ 1915—16 годахъ. Созданный большевиками аппаратъ „твердой власти“ безусловно заслуживаетъ особеннаго къ себѣ вниманія. Въ измученной совѣтскимъ режимомъ странѣ, дѣйствительно, никто не смѣетъ громко поднять голоса протеста, несмотря на всѣ творящіяся въ ней вопіющія безобразія. Всякія же глухія проявленія недовольства въ видѣ броженія, даже попытокъ вооруженныхъ выступленій, если только они, съ точки зрѣнія совѣтской власти, признаются опасными, въ самомъ зародышѣ радикально по-

давляются органами всероссійской чеки. Гражданамъ же свободнаго государства не остается ничего другого дѣлать, какъ слѣдовать ходовой совѣтской поговоркѣ: „Не волнуйтесь, ѣшьте вашу картошку и не безпокойтесь“. Благодаря крайнему централизму, настойчиво проводимому сверху до низу, несмотря на большое количество лицъ, принимающихъ участіе въ работѣ государственнаго аппарата, фактически, какъ это подробно было указано выше, всѣ эти лица являются третьестепенными агентами, машинально и безоговорочно исполняющими лишь указанія, получаемыя сверху отъ небольшой группы лицъ, являющихся вершителями дѣлъ во всей странѣ. Послѣдніе держатъ Россію въ ежовыхъ рукавицахъ, довольные тѣмъ, что благодаря проведенной ими системѣ, народный ропотъ и стenanія обычно до нихъ не доходятъ и не портятъ имъ хорошаго настроенія. Система совѣтскаго бюрократическаго аппарата возглавляется Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ, состоящимъ изъ отдѣльных наркоматовъ, замѣнившихъ прежнія министерства. Въ составъ Совнаркома входили въ 1921 году слѣдующія лица: Предсѣдатель — Ленинъ; наркомвнудѣль — Дзержинскій; наркомвоенъ — Троцкій; наркомфинъ — Крестинскій; наркоминдѣль — Чичеринъ; наркомпродъ — Цурюпа; наркомпросъ — Луначарскій; наркомпутъ — Емшановъ; наркомздравъ — Семашко; наркомвиѣшторгъ — Красинъ (замѣститель — Лежава); Пред. В. С. Н. Х. Богдановъ; рабкринъ — Аванесовъ; наркомземъ — Осинскій; наркомтрудъ — Шмидтъ; наркомсобезъ — Винокуровъ; временно и. о. наркомпочтель — Николаевъ; наркомюсть — Курскій; наркомнацъ — Сталинъ; управдѣль Совнаркома Горбуновъ; секретарь Фотіева. Въ составъ президіума В. Ц. И. К. входили въ то же время слѣдующія лица: Калининъ, Владимірскій, Залуцкій, Каменевъ, Кутузовъ, Лутовиновъ, Петровскій, Рыковъ, Сидовичъ, Сапроновъ, Сталинъ, Томскій ■ Енукидзе (секретарь). Эти-то лица, дѣйствующія по ближайшимъ указаніямъ Центральнаго комитета

коммунистической партіи, и являются отвѣтственными за всю политику совѣтской власти, осуществляемую ими въ порядкѣ „твердой власти.“

Для борьбы съ пышно расцвѣтшимъ на почвѣ централизаціи бюрократизмомъ, большевики выдвигаютъ рецепты: 1) привлеченія каждого партійнаго работника къ управленію государствомъ; 2) послѣдовательной смѣны этихъ лицъ для ознакомленія всѣхъ и каждого изъ нихъ со всѣми частями государственной машины и постепеннаго вовлеченія всего населенія въ государственное строительство. О послѣднемъ мы уже говорили, что же касается первыхъ двухъ рецептовъ, то, въ дѣйствительности, они сводятся къ слѣдующему.

Комиссарами въ различныя учрежденія обыкновенно попадаютъ лица, до того не имѣвшія по своей подготовкѣ никакого отношенія къ данному учрежденію. Примѣровъ этого рода, какъ для центра, такъ и чисто мѣстныхъ, можно привести очень много. Вотъ нѣсколько изъ нихъ: приказчика Московской ситце-набивной фабрики, никогда не видавшего моря, назначаютъ однимъ изъ комиссаровъ воднаго транспорта; бывшій мельникъ дѣлается руководителемъ крупнѣйшаго экономического органа; многіе артисты безъ ангажемента превращаются въ комиссаровъ и т. п. Второе условіе имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что лицо, хотя и не подготовленное, но благодаря личному дарованію уже начавшее было приспособляться къ дѣлу, — отъ него отрывается и перебрасывается на другое мѣсто, на новое незнакомое дѣло. Поэтому, на примѣръ, упомянутый приказчикъ-комиссаръ воднаго транспорта, освоившійся въ концѣ концовъ съ грѣхомъ пополамъ съ этимъ дѣломъ, попалъ черезъ нѣкоторое время въ руководители сложнѣйшаго дѣла составленія плана железнодорожныхъ перевозокъ, а въ водномъ транспортѣ въ качествѣ руководителя эксплоатаціи началъ учиться вновь командированный партійной организаціей комиссаръ-коммунистъ, по прежней профессіи парикмахеръ. Все это вмѣстѣ взятое ведетъ къ тому, что подобнаго рода комиссары

по служебной, а иногда по общей своей неграмотности вовсе не вмѣшиваются въ дѣло и механически лишь подписываютъ доклады и дѣловые бумаги, составляемыя болѣе опытными специалистами, имъ подчиненными. Отъ такой постановки дѣло еще страдаетъ немного. Хуже бываетъ тогда, когда комиссары сами желаютъ входить во всѣ детали дѣла, при этомъ въ нихъ, очевидно, не разбираются, путаютъ, тормазятъ дѣло и дѣлаютъ совершенно невозможной какую-либо совместную съ ними работу. При смѣнѣ партійныхъ работниковъ сызнова повторяется та же исторія и такъ *ad infinitum*. Разумѣется, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, и рядовымъ служащимъ, и комиссарамъ влетаетъ за неисполненіе какихъ-либо циркуляровъ центра или за самостоятельное разрѣшеніе болѣе сложныхъ вопросовъ безъ предварительной санкціи своего центрального учрежденія. Такимъ образомъ, прописанныя лекарства для леченія бюрократизма являются недѣйствительными и послѣдній продолжаетъ безраздѣльно царить въ Совѣтской Россіи.

К р е с т ь я н с т в о .

Первоначально большевики рѣшительно придерживались политики предоставленія преимуществъ промышленному пролетаріату въ сравненіи съ крестьянствомъ, однако, въ послѣднее время повсемѣстные крестьянскія волненія и безысходный продовольственный кризисъ заставилъ совѣтское правительство нѣсколько пріостановить и смягчить проводившійся имъ порядокъ систематическаго разоренія сельскаго населенія. Впрочемъ, эти запоздалыя мѣры не смогутъ заполнить пропасти, образовавшейся между городомъ и деревней.

Крестьянство является безспорно послѣдовательнымъ врагомъ коммунизма, такъ какъ въ немъ сильно развиты мелкособственническіе инстинкты. Коммунисты прекрасно понимаютъ, что идеологія

этого класса, къ несчастію для нихъ, являющагося подавляющимъ по своей численности въ Россійской республикѣ,—антагонистична и противорѣчить въ корнѣ идеѣ обобществленія орудій и продуктовъ производства. Тѣмъ не менѣе, нужда заставляетъ совѣтскую власть вступить на путь уступокъ этому классу, дотолѣ совершенно устраненному отъ государственнаго строительства. Въ силу общей экономической разрухи размѣръ уступокъ долженъ все время увеличиваться, не вызывая въ то же время у крестьянства ровно никакого чувства признательности къ совѣтской власти. Поэтому-то, несмотря ни на какія уступки, сельское населеніе по прежнему остается въ реальной, хотя пока и молчаливой, оппозиціи къ этой власти. Сама по себѣ идея совѣтовъ не чужда крестьянской массѣ, но съ лишеніемъ собственности и съ однопартійнымъ гнетомъ крестьяне никогда не согласятся. „Да здравствуютъ совѣты, долой коммунизмъ и коммунистовъ!“ — вотъ лозунги, которые бросаютъ въ крестьянство оперирующіе на югѣ повстанческіе отряды. И эти лозунги вызываютъ въ крестьянской средѣ подчасъ сочувствіе, если и не открытое, то тайное.

По поводу экономической стороны современнаго положенія русскаго крестьянства я приведу слѣдующія сужденія компетентныхъ въ этомъ вопросѣ лицъ. Въ виду того, что противоположность между городомъ и деревней, всегда существовавшая и ранѣе, стала въ связи съ общей политикой большевиковъ и большимъ вмѣшательствомъ ихъ въ городскую жизнь, еще болѣе увеличиваться, — Совнаркомъ испугался подобной пропасти, боясь какъ бы подъ этимъ флагомъ деревня не оказалась на поводу у социаль-революціонныхъ партій, и принялъ мѣры къ уничтоженію этого различія. Желая создать и въ деревнѣ коммунистическіе кадры, большевики придумали расколоть деревню путемъ противопоставленія бѣднѣйшихъ слоевъ деревни кулацкимъ элементамъ.—„Только въ томъ случаѣ, если мы сможемъ расколоть деревню на два непримиримыхъ враждебныхъ лагеря“,

заявилъ въ В. Ц. И. К-ѣ. Свердловъ: „если мы сможемъ разжечь тамъ ту же гражданскую войну, которая шла не такъ давно въ городахъ, если намъ удастся возстановить деревенскую бѣдноту противъ деревенской буржуазіи, только въ томъ случаѣ мы можемъ сказать, что мы въ деревнѣ сдѣлали то, что мы могли сдѣлать для города“. Проводя эти характерныя тенденціи въ жизнь, Р. К. П. создаетъ партійныя ячейки въ деревнѣ, комбѣды (профессіональные союзы пролетаріевъ и полупролетаріевъ въ деревнѣ), сближая ихъ всемѣрно съ городскимъ пролетаріатомъ и вырывая ихъ изъ подъ вліянія деревенской буржуазіи и мелкособственническихъ интересовъ. Этимъ путемъ партіи, дѣйствительно, сначала удалось зажечь пожаръ въ деревнѣ. Вопросъ этотъ сталъ моднымъ, имъ много занимались. Однако, уже въ 1919 году сталъ намѣчаться переломъ: совѣтской власти пришлось пойти на уступки среднему крестьянству и бороться съ его отсталостью только мѣрами идейнаго воздѣйствія, но отнюдь не мѣрами подавленія. Затѣмъ вопросъ этотъ сталъ, однако, менѣе занимать большевиковъ, въ связи съ военными дѣлами, и отошелъ на задній планъ. Вся деревня подравнялась въ имущественномъ отношеніи и на нее не только махнули рукой, но уже на Всероссійскомъ съѣздѣ агрономовъ и посѣвкомовъ въ 1921 году категорически раздавались даже изъ устъ коммунистовъ требованія не производить никакихъ ломокъ въ хозяйственномъ укладѣ деревни для успѣха посѣвной кампаніи въ 1921 году. Тѣмъ не менѣе, травля болѣе зажиточнаго честнаго крестьянства не прекращается и понынѣ. Всѣ бѣды и неуспѣхи предпринимаемыхъ шаговъ по отношенію къ продовольственной кампаніи и посѣвной валятся на эту группу крестьянскаго населенія. „Во всемъ виноваты крестьянскіе кулацкіе элементы“ объясняютъ большевики въ оправданіе систематическихъ проваловъ продовольственныхъ кампаній послѣднихъ лѣтъ. Однако, понятіе „кулакъ“ въ совѣтской концепціи столь же растяжимое и неопредѣленное, какъ

излюбленное второе жупельное для коммунистовъ слово „буржуй“.

Итоги проведенной аграрной реформы для крестьянства весьма ничтожны. Въ результатѣ ея у крестьянъ прибавилось земли сущій пустякъ, отъ половины до одной десятины на дворъ, развѣ только лѣсомъ попользовались они въ волю, да и его мало. Свою прежнюю землю передѣлили основательно — многоземельныхъ не осталось вовсе, безземельныхъ мало — всѣ сплошь „средняки“ (2—6 десятинъ) на потребительской „нормѣ“. Тутъ не то, что для экспорта, — для промышленныхъ центровъ не можетъ получиться большихъ „излишковъ“ которые старательно требуетъ отъ нихъ совѣтская власть. Однако, самый укладъ деревенской жизни и настроеніе въ деревнѣ старое.

Крестьяне потеряли больше, чѣмъ получили, обезлошадѣли, сидятъ безъ орудій, безъ утвари, должны отдавать правительству свѣше половины урожая (чистаго) и все же они какъ-то расправили окоченѣлые члены, до извѣстной степени пріосанились, испытываютъ чисто отвлеченное удовольствіе отъ вольностей въ деревнѣ: вѣдь никакого начальства нѣтъ — комиссары, продотряды и т. п. саранча налетаетъ раза два — три въ годъ, правда съ великими тогда утѣсненіями. Все остальное время — только свой сходъ. Эта вольность не утратила еще своей прелести, въ особенности у молодежи. Постепенно только тамъ, гдѣ натискъ коммунистическихъ заторовъ становится ужъ очень силенъ, нестерпимъ, — тамъ они начинаютъ выражать неудовольствіе на дѣлѣ, а не на словахъ только. Это преимущественно бываетъ только въ „производящихъ“ губерніяхъ. Впрочемъ, неудовольствіе и соотвѣтственная „реакція“ можетъ сказаться шире, когда осенью и зимой при плохомъ урожаѣ приступятъ къ сбору дани. Все же мужики пока единственные, кто теперь по настоящему работаетъ на Руси.

Н а ц і о н а л ь н ы й   в о п р о с ь .

Коммунистическая партія по своей программѣ интернаціональна, ибо интересы рабочаго класса во всѣхъ государствахъ однородны. По этимъ соображеніямъ, какъ указано выше, созданъ былъ III-ій Московскій Интернаціональ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, національный вопросъ усиленно всюду выдвигается большевиками. Ни въ какую эпоху русской исторіи Русское государство не слагалось изъ такого большого числа офиціально признанныхъ сомодовлѣющихъ національностей, какъ въ настоящее время. Украинская республика, Бѣлорусская республика, Башкирская республика, Туркестанская республика, Киргизская республика, Татарская республика, Карельская автономная область, Чувашская республика и т. д. — все это государственныя образованія съ большей или меньшей степенью призрачности самостоятельнаго существованія, причемъ, въ дальнѣйшемъ можно ожидать послѣдовательнаго признанія Вогульской, Вотяцкой, Черемисской и другихъ аналогичныхъ національностей. Совѣтская власть всячески муссируетъ національный вопросъ не только въ предѣлахъ Россіи, но не менѣе горячо отстаиваетъ принципъ развитія національнаго самосознанія и въ другихъ государствахъ, гдѣ имѣется налицо національное угнетеніе, и всячески старается разжечь тамъ національную распрю. На остатки русскаго золотого запаса господъ изъ Коминтерна поддерживаютъ и подогрѣваютъ всякое броженіе на національной почвѣ. Въ Ирландіи, Юго-Славіи, въ Галиціи, Греціи, Малой Азіи, Египтѣ, Афганистанѣ, Индіи, словомъ, всюду, гдѣ только представляется возможность, работаютъ агенты Коминтерна, всячески развивая національный шовинизмъ и на дѣлѣ препятствуя экономическому сближенію всѣхъ странъ и образованію единаго мірового интернаціональнаго пролетарскаго государства, о чемъ, однако, столь краснорѣчиво гласятъ ихъ программы.

Создавая внутри — государственныя автономныя области, большевистская власть, однако, какъ и во многихъ другихъ своихъ дѣйствіяхъ, допускаетъ обманъ. Въ своемъ реальномъ содержаніи автономія эта сводится къ нулю. Во главѣ Наркоматовъ (Народныхъ комиссаріатовъ) такихъ самодовлѣющихъ областей ставятся лица по назначенію Москвы, работающія строго по ея указаніямъ, и потому отъ самостоятельности подобныхъ государственныхъ образований остается одна фикція и они мало въ сущности чѣмъ отличаются отъ рядовыхъ русскихъ губерній, если не считать обязательнаго изученія въ школахъ мѣстныхъ языковъ. На всѣ эти республики въ Совѣтской Россіи никто никогда серьезно не смотритъ, но все-таки въ рукахъ совѣтской власти онѣ безспорно являются нѣкоторымъ козыремъ, которымъ она въ должной мѣрѣ пользуется. Царское правительство, молъ, угнетало и подавляло отдѣльныя національности, совѣтская же власть не только поддерживаетъ ихъ, но даже какъ общее правило предоставляетъ имъ самостоятельность. Примѣръ — такія-то совѣтскія республики.

Въ дѣйствительности же, для нуждъ мѣстнаго населенія эта фиктивная автономія ничего реального не даетъ, ибо при всемъ желаніи, правительства этихъ республикъ лишены возможности внести какія-либо улучшенія въ мѣстную жизнь въ соотвѣтствіи съ ихъ потребностями. не испросивъ санкціи центральной власти. Нѣсколько особнякомъ стоитъ Украинская республика, имѣющая свой Ц.И.К., но, впрочемъ, ея населенію живется отъ этого не лучше, а пожалуй, еще хуже, чѣмъ прочему населенію Россійской республики, въ виду весьма неудачнаго подбора ея руководящихъ верховъ.

К р а с н а я а р м і я.

Отлично понимая, что настоящая „твердая власть“ можетъ покоиться только на штыкахъ, большевики съ начала своей открытой работы въ

88

Россіи въ 1917 году сосредоточили свое вниманіе на русской арміи. Въ то время, какъ другія партіи, въ томъ числѣ и социалистическія, боролись другъ съ другомъ и старались выиграть на выборахъ другъ у друга мѣста рѣшительно во всѣхъ избирательныхъ раіонахъ, большевики съ того момента, какъ они поселились въ Петроградѣ въ домѣ Кшесинской, повели устную и всякую иную пропаганду въ запасныхъ частяхъ Петроградскаго гарнизона, а также приняли мѣры для дальнѣйшаго разложенія арміи на фронтѣ. Развращая своими демагогическими пріемами молодыхъ солдатъ и потворствуя наиболѣе низменнымъ инстинктамъ солдатскихъ массъ, они постепенно почти полностью привлекли петроградскій гарнизонъ на свою сторону. Обстоятельство это, какъ извѣстно, сыграло затѣмъ руководящую роль въ октябрьскихъ и послѣдовавшихъ за ними событіяхъ.

Достигнувъ главенства, создавая „твердую власть“ и проводя во всѣ отрасли государственной жизни крайній централизмъ и абсолютное повиновеніе, коммунистическая партія въ лицѣ ея руководителей сумѣла, и въ этомъ ея несомнѣнная заслуга, прибрать къ своимъ рукамъ революціонные полки. Постепенно возстановивъ разрушенную ихъ же руками дисциплину въ полкахъ, состоявшихъ, казалось, изъ всякаго, никому не повинующагося сброда, большевики обратили ихъ въ послушное себѣ орудіе, которое въ дальнѣйшемъ направлялось совѣтской властью на борьбу съ врагами этой власти на всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ фронтахъ.

Красная армія всегда служитъ предметомъ особыхъ заботъ Совнаркома. Она лучше одѣта, обута и накормлена. Дѣлается это сплошь и рядомъ даже въ ущербъ другимъ слоямъ населенія съ единственной цѣлью держать ее на своей сторонѣ, сохраняя ее въ тоже время на всякій случай въ намордникѣ, т. е. въ строжайшей дисциплинѣ, чтобы она вдругъ какъ-нибудь не обернулась противъ своихъ покровителей. Наряду съ этимъ,

въ цѣляхъ самозащиты отъ красной арміи, большевики создали, какъ еще болѣе надежную защитницу совѣтскаго престола, опричину, въ видѣ нѣкоторыхъ образцовыхъ полковъ, красныхъ курсантовъ, интернаціональных баталіоновъ (преимущественно латышей), находящихся во всѣхъ отношеніяхъ въ несравненно болѣе привилегированномъ положеніи, даже по сравненію съ красной арміей.

Сознательно разваливъ русскую армію, большевики изъ первыхъ же боевыхъ опытовъ на Украинѣ съ нѣмцами и въ районахъ гражданской войны убѣдились, что военный успѣхъ немыслимъ безъ примѣненія оперативнаго и техническаго опыта міровой войны и что боевыя силы должны быть организованы и поставлены подъ оперативное руководство офицеровъ, прошедшихъ школу старой арміи. Поэтому, существовавшая первое время красная гвардія, съ ея выборнымъ начальствомъ, была упразднена и замѣнена красной арміей, дѣйствующей примѣрно на старыхъ началахъ. Былъ созданъ комсоставъ (командный составъ), т. е. привлечены въ красную армію старые офицеры, военные врачи, ветеринары и военные чиновники. Объявлялись и до послѣдняго времени происходятъ регистраціи и по разнымъ случаямъ мобилизаціи бывшихъ воинскихъ чиновъ. Изъ подъ палки привлекая въ красную армію офицеровъ, совѣтская, власть, однако, не очень-то довѣряла имъ.

Поэтому для всѣхъ войсковыхъ частей былъ созданъ институтъ политическихъ комиссаровъ, на обязанности которыхъ лежало: во всѣ глаза глядѣть за тѣмъ, какъ-бы въ средѣ комсостава не оказалось контръ-революціонныхъ элементовъ, слѣдить политически за офицерами и безпощадно расправляться при малѣйшей попыткѣ съ ихъ стороны къ измѣнѣ. Въ результатѣ коммунистическій порядокъ былъ наведенъ, военные ревтрибуналы и особые отдѣлы чека перестрѣляли достаточное количество офицеровъ, какъ въ дѣйствующихъ арміяхъ, такъ и въ цен-

90

тральныхъ учрежденіяхъ и остальнымъ, не желавшимъ подвергнуться участи своихъ погибшихъ товарищей, пришлось смириться. Всѣ побѣды, которыя были одержаны на фронтахъ гдажданской войны противъ генераловъ Деникина, Колчака, Юденича и Врангеля, были не побѣдами красной арміи и ея классовыхъ вдохновителей-коммунистовъ, а являлись результатомъ руководства этими арміями стараго рядового русскаго офицерства и прежняго генеральнаго штаба. Коммунисты открыто теперь объ этомъ говорятъ въ центрѣ: „если бы намъ не удалось заплучить къ себѣ такихъ руководителей бывшей царской арміи, какъ Каменевъ, Лебедевъ и другіе, а также прекрасно испытанныхъ и опытныхъ исполнителей ихъ предначертаній изъ того же царскаго офицерства—насъ давно бы не было въ Москвѣ!“

Используя до конца опытъ и знанія русскаго закаленнаго въ бояхъ офицерства, Реввоенсовѣтъ Республики (учрежденіе, состоящее въ большинствѣ изъ генераловъ старой службы и выполняющихъ слѣпо распоряженія, исходящія отъ Троцкаго и Склянскаго) думаетъ теперь избавиться отъ него, создавъ свое красное офицерство. Въ этихъ цѣляхъ объявлены правила, облегчающія старымъ офицерамъ, не-коммунистамъ, уходъ изъ арміи, а съ другой стороны создаются различные, довольно кратковременные (какъ и все вообще образованіе у большевиковъ), командные курсы и школы, выпускающіе малообразованныхъ людей и полуневѣждъ въ военномъ дѣлѣ. Говорятъ, что первый опытъ дѣйствія частей съ красными офицерами имѣлъ мѣсто въ русско-польскую войну и оказался весьма неудачнымъ. Красноармейцы, охотно повинующіеся бывшимъ офицерамъ, совершенно не желаютъ признавать авторитета вышедшихъ изъ ихъ же среды товарищей командировъ и на этой почвѣ разыгрывалось много курьезовъ. Въ цѣляхъ дальнѣйшаго проведенія въ жизнь принципа „коммунисты на всѣ руководящіе посты“ Реввоенсовѣтъ Республики создалъ Красную Ака-

демію Генеральнаго Штаба въ Москвѣ, курсъ которой, за исключеніемъ самаго объема преподаваемыхъ знаній, да введенія коммунистической догмы, мало чѣмъ отличается отъ бывшей Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Троцкій, мнящій себя великимъ стратегомъ, для поднятія ея авторитета самъ числится, какъ сказано выше, слушателемъ этой Академіи.

Набравъ огромные по численности кадры арміи и не имѣя возможности въ создавшихся условіяхъ ихъ содержать, большевики, начиная съ декабря 1920 года, стали распускать по домамъ постепенно старшіе возрасты. Мѣру эту пришлось ускорить проведеніемъ въ виду того, что солдаты сами стали разбѣгаться изъ полковъ. Последніе отпускные негодовали, что передъ выпускомъ у нихъ отнимали сапоги и шинели, предоставляя отправляться чуть-ли не въ одной натѣльной рубахѣ. Еще значительнѣе ухудшилось положеніе отпускныхъ въ апрѣлѣ и маѣ 1921 года, когда имъ предложено было, въ виду плачевнаго состоянія желѣзныхъ дорогъ, двигаться не поѣздами, а по способу пѣшаго хожденія, причемъ на волостные исполкомы была возложена строжайшая обязанность срочно устроить этапные пункты, обезпечить ихъ водой и продовольствіемъ для проходящихъ командъ. Такъ какъ распоряженіе это опубликовано было лишь тогда, когда фактически движеніе отпускныхъ уже началось, то разумѣется, въ нужную минуту никакихъ этапныхъ пунктовъ на лицо не оказалось. Солдаты, голодные и утомленные, прямо звѣрѣли и, вопреки полученнымъ предписаніямъ, стремились къ станціямъ, гдѣ все-таки можно было какъ-нибудь раздобыть денегъ и купить себѣ ѣду. Поэтому всѣ вокзалы Центральной Россіи весной 1921 года были буквально завалены отпускными, и, чтобы пробираться черезъ такой живой полъ на перронъ, необходимо было проявлять чисто акробатическую ловкость. Въ результатѣ такого порядка демобилизаціи арміи, постепенно сокращенной съ 2.000.000 до 500.000 солдатъ,

появились заразные заболѣванія, въ частности, старая знакомая гостя—холера, распространившаяся, начиная съ юго-востока, повсемѣстно въ Россіи.

Разбросанные по разнымъ городамъ Россіи, гдѣ раньше не было стоянки войскъ, полки красной арміи принуждены были поневолѣ расквартировываться по частнымъ домамъ. Поэтому обыватели такихъ городовъ въ порядкѣ реквизицій помѣщеній, были уплотнены до абсурда, и, тѣмъ не менѣе, до конца демобилизаціи войска не могли быть размѣщены по квартирамъ и во многихъ городахъ до весенняго роспуска красноармейцы должны были ютиться въ наскоро построенныхъ легкихъ баракахъ, въ которыхъ и умирали отъ холода, такъ какъ зима 1921 года была продолжительной и необыкновенно холодной.

Выше было уже отмѣчено, что совѣтская власть употребляла всѣ средства для того, чтобы привязать къ себѣ красноармейцевъ и одновременно держать ихъ въ почтительномъ страхѣ. Это достигалось усиленнымъ питаніемъ и предоставленіемъ имъ развлеченій — съ одной стороны, и строгими наказаніями за проступки съ другой. Когда начались перерывы въ доставленіи продовольствія зимой 1921 года, то В. Ц. И. К., не задумываясь, издалъ декретъ о роспускѣ старшихъ возрастовъ въ красной арміи, чтобы такимъ путемъ сократить число ртовъ. Въ видахъ болѣе надежнаго полученія продуктовъ для войсковыхъ частей, большевики создали спеціальныя военные органы продовольственнаго снабженія арміи, которые благодаря большей ихъ гибкости обильнѣе и регулярнѣе получаютъ провіантъ, чѣмъ гражданскія продовольственныя организаціи.

Служба для красноармейца не сложная: валяйся себѣ цѣлый день на собственной койкѣ, постой немного (или вѣрнѣе — посиди) въ караулѣ, позаймись слегка гимнастическими упражненіями, да спой нѣсколько разъ въ день „интернаціоналъ“. Вотъ въ сущности и всѣ несложныя обязанности красноармейца въ мир-

ной обстановкѣ. Только не преступай правилъ устава, чтобы не оказаться подѣ судомъ. Для развлеченія красноармейцевъ устроены спеціальныя театры, кинематографы, клубы. Какъ же не благословлять послѣ этого совѣтскую власть и не быть ея ревностнымъ защитникомъ! Впрочемъ, „какъ волка не корми, а онъ все въ лѣсъ смотреть“. Поэтому и въ совѣтскихъ войскахъ далеко не такъ все благополучно, какъ это кажется съ перваго взгляда. Ноябрьскія событія въ Москвѣ въ 1920 году, потомъ Кронштадтское возстаніе и волненія въ отдѣльныхъ дивизіяхъ весной 1921 года показываютъ, что красная армія также не лишена фермента броженія. Совѣтская власть, какъ извѣстно, безпощадно расправляется съ такими попытками возстаній и пока они ни разу успѣха не имѣли. Несмотря на усиленное вытравленіе русскаго національнаго духа у солдатъ красной арміи, всетаки чувство любви къ Родинѣ и притомъ не къ теперешней — угнетаемой, а къ свободной, у нихъ не заглухло. И теперь, когда эти солдаты проходятъ по улицамъ стройными рядами и несутся по улицамъ ихъ залихватскія разудалыя пѣсни, въ нихъ слышатся все тѣ же старые родные мотивы. Все, томящееся въ Совѣтской Россіи населеніе съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда наконецъ проснется русскій солдатъ, скинетъ съ себя рабскія цѣпи совѣтской власти, сброситъ съ своей головы кожаную „спринцовку“, въ которой онъ теперь щеголяетъ, вновь одѣнетъ свои погоны и пойдетъ подѣ трехцвѣтнымъ знаменемъ на освобожденіе земли Русской, оглашая воздухъ лихой пѣсней, но уже съ припѣвомъ не „за власть совѣтовъ“, а за „Русь святую“.

В с е в о б у ч ѣ.

Коммунистамъ не удалось создать армію въ формѣ всенародной соціалистической милиціи, а пришлось ограничиться сформированіемъ красныхъ армій по старому методу, придавая имъ по возможности классовый характеръ. Чтобы, однако,

ближе подойти къ милиціонной системѣ, большевики придумали Всеовобучъ, т. е. всеобщее военное обученіе трудящихся, которое должно сократить до минимума казарменное обученіе. Граждане должны быть обучены военному дѣлу, не отрываясь отъ производства, что должно содѣйствовать образованію въ каждой волости и каждомъ городѣ военного резерва, не нарушая въ то же время нормальной работы трудящихся. Вопросъ этотъ былъ въ большой модѣ лѣтомъ 1920 года. Надо, кстати, замѣтить, что при возникновеніи у большевиковъ новыхъ вопросовъ, съ ними обыкновенно первое время носятъ, ими всѣ интересуются, а затѣмъ они постепенно удаляются изъ сферы правительственнаго и общественнаго вниманія и постепенно сходятъ на нѣтъ. Такъ было и со Всеовобучемъ.

Въ Ростовѣ на Дону, гдѣ мнѣ пришлось познакомиться съ этимъ дѣломъ, всеобщее военное обученіе было организовано, какъ и все у большевиковъ (кромѣ красной арміи, чека и пропаганды), безтолково. Въ одинъ прекрасный день во всѣ совѣтскія учрежденія пришли изъ центра грозные циркуляры о немедленномъ введеніи военного обученія служащихъ. Началось составленіе списковъ привлекаемыхъ къ этой повинности и, такъ какъ декретъ свалился какъ снѣгъ на голову, то отъ него никто не успѣлъ забронироваться при посредствѣ формальныхъ свидѣтельствъ о болѣзни, о другихъ занятіяхъ и прочихъ законныхъ поводахъ для неявки. Послѣ окончанія занятій всѣ служащіе построились на ближайшей площади и долго стояли въ ожиданіи начала занятій. Потомъ оказалось, что еще нѣтъ инструктора военного обученія. Нечего дѣлать — всѣхъ распустили. На другой день та же исторія. На третій день, когда наконецъ состоялись кое-какія занятія, уже мало кто на нихъ явился, такъ какъ къ этому времени, всѣ, кто только могъ, уже успѣли запасть освобождающими ихъ отъ военного обученія документами. Черезъ недѣлю занятія стали рѣже, а потомъ сами собою какъ-

то прекратились. Въ томъ же, примѣрно, видѣ протекало всеобщее военное обученіе во всѣхъ Ростовскихъ учрежденіяхъ. Зимой и весной 1921 года военными упражненіями, да и то, кажется, лишь по праздникамъ, и больше изъ подъ палки, занимались одни коммунисты, но и они манкировали ими, вызывая наложеніе на себя, въ порядкѣ партійной дисциплины, взысканій.

Теперь же и самое Главное Управленіе всеобщаго обученія въ Москвѣ переживаетъ кризисъ; оно не въ модѣ, не въ фаворѣ: штаты его сокращаются и вообще серьезно о немъ никто не думаетъ. Предполагается слить это учрежденіе съ Гувузомъ (Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній). Вопросъ о переходѣ къ милиціонной системѣ комплектованія вновь былъ поставленъ на очередь послѣ весенняго съѣзда коммунистической партіи, и онъ находится нынѣ въ стадіи разработки въ Наркомвоенѣ (Военномъ Комиссаріатѣ).

М а т р о с ы.

Хотя флота въ Россіи въ сущности почти нѣтъ, тѣмъ не менѣе, матросовъ можно видѣть во всѣхъ городахъ въ большомъ количествѣ. Носить матроску—большой шикъ. Матроска создаетъ право свободнаго входа во всѣ учрежденія. Всякій обыватель глядитъ на матроса съ восхищеніемъ и не безъ трепета. Матросы и лица, одѣтые матросами (а такихъ очень много), всюду требуютъ для себя всевозможныхъ удобствъ и преимуществъ въ воздаяніе ихъ заслугъ по утвержденію совѣтской власти въ Россіи. Однако, теперь въ центрѣ крылья матросамъ уже нѣсколько пообрѣзаны. Поэтому, будируя на ту власть, которая, по мнѣнію матросовъ, обязана имъ своимъ существованіемъ и тѣмъ не менѣе недостаточно ихъ цѣнить, они поневолѣ вынуждены перебираться на окраины и тамъ либо исполнять роль чекистовъ или комиссаровъ, либо вступать въ открытую оппозицію къ власти, въ

результатъ которой имъ неоднократно уже приходилось предстать передъ лицомъ чрезвычайныхъ трибуналовъ. Примѣръ Кронштадта уже показалъ, что нынѣ — это элементъ для совѣтской власти ненадежный. Матросы уже начинаютъ потихоньку поговаривать: „Мы начали революцію, мы должны ее и кончить.“ Во всякомъ случаѣ, большевистская власть посматриваетъ на матросовъ не совсѣмъ дружелюбно и не препятствуетъ имъ списываться съ кораблей на берегъ. Такимъ образомъ, на военныхъ судахъ теперь въ подавляющемъ большинствѣ уже не тѣ люди, которые запечатлѣли свое участіе въ революціи 1917 года массовыми звѣрскими убійствами офицеровъ и истребленіемъ гражданскаго населенія.

Всѣ бывшіе матросы при большихъ деньгахъ и въ силу этого по прежнему пользуются успѣхомъ у совѣтскихъ дѣвицъ. Если кто и позволяетъ себѣ кататься на лихачахъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ они еще сохранились въ Россіи, то это обычно — молодые люди либо одѣтые въ кожаные куртки, либо въ матросскую форму.

Что же касается собственно самихъ судовъ флота, то таковые почти все время стоятъ въ портахъ или изъ-за отсутствія угля, или въ ремонтѣ, и предпочитаютъ никуда не показываться. По поводу современнаго состоянія флота и подготовки специалистовъ военморовъ газета „Красный балтійскій флотъ“ писала: „Прекрасно сознавая, что флотъ нельзя строить безъ специалистовъ моряковъ, мы пооткрывали немало специальныхъ военноморскихъ школъ; въ результатъ рабоче-крестьянское правительство затратило большія средства, а пользы и специалистовъ все нѣтъ.“ „Что же дѣлали“, спрашиваетъ названная газета, — „молодые люди, пришедшіе служить во флотъ? Ровнымъ счетомъ ничего. Изъ нихъ 5% дѣйствительно пошли учиться въ спеціальныя школы, но практики у нихъ нѣтъ. Но гдѣ же 95% остальной молодежи въ „формѣ моряка“. 50% изъ нихъ можно видѣть въ каждомъ почти городѣ, въ садахъ и танцулькахъ, а 45% — это такъ называемые

гастролеры, разъѣзжающіе туда и обратно по желѣзнымъ дорогамъ, а лѣтомъ и на пассажирскихъ пароходахъ по Волгѣ. Такое положеніе является не только ненормальнымъ, но преступнымъ.“ Чтобы избавиться отъ этихъ элементовъ рѣшено исключить изъ состава флота всѣхъ, поступившихъ во флотъ въ 1918 и 1919 годахъ. Намѣчено также образованіе учебныхъ отрядовъ, путемъ выдѣленія учебно-практическихъ небольшихъ эскадръ на всѣхъ моряхъ. Въ нихъ входятъ, будутъ пока лишь мелкія суда.

ГЛАВА IV.

С о в ѣ т с к а я д и п л о м а т і я.

Работа органа внѣшней политики рабоче-крестьянскаго правительства Народнаго Комиссаріата Иностранныхъ дѣлъ, возглавляемаго бывшимъ воспитанникомъ Пажескаго корпуса, Чичеринымъ, за границей болѣе видна, чѣмъ въ Россіи. Поэтому впечатлѣнія, которыя получаютъ во всемъ мірѣ о совѣтской власти, какъ слѣдствіе многократныхъ выступленій ея въ области международныхъ отношеній значительно разнятся отъ взглядовъ на внѣшнюю политику большевиковъ, которые слагаются у населенія Совѣтской Россіи, остающагося не посвященнымъ въ ея детали. Однако, основныя теченія этой политики В. Ц. И. К.—а понятны и для гражданъ Совдепіи. Конечной ея задачей является революціонный путь насильственнаго ниспроверженія капиталистическаго строя во всѣхъ странахъ. Внѣшнія политическія послѣвоенныя отношенія сначала этому какъ будто-бы содѣйствовали. Событія въ Германіи, потомъ въ Венгріи и въ Финляндіи, укрѣпляли совѣтскую власть въ убѣжденіи близости міровой соціальной революціи, какъ неизбежнаго послѣдствія изнурительно затянувшейся міровой войны. Большеvistскіе ресурсы были направлены на поддержаніе и раздуваніе искръ возстанія вездѣ, гдѣ только для этого была подготовлена благопріятная почва. Однако, наступившія обстоятельства гражданской войны оторвали Совнаркомъ отъ внѣшней дѣятельности, приковавъ его вниманіе къ вопросамъ внутренняго фронта. Наступленіе съ ^{свободной} русской стороны на міровой капиталъ ослабѣло и послѣ громкихъ словъ на тему о томъ, что „мы міровой пожаръ раздуемъ“, пришлось констатировать постепенное

ослабленіе революціонной напряженности въ Европѣ. Не рассчитывая на собственные силы, большевики рѣшили создать международное объединеніе рабочихъ въ видѣ III Интернаціонала. Какъ уже подробно отмѣчено выше, учрежденіе это образовано русскими коммунистами въ противовѣсъ Лигѣ Націй и Амстердамскому II Интернаціоналу, какъ учрежденіямъ, своею дѣятельностью способствующимъ, по мнѣнію большевиковъ, лишь преобладанію мірового капитала надъ трудомъ. Къ попыткамъ созданія другихъ некоммунистическихъ международныхъ объединеній коммунисты относятся иронически, указывая на то, что середины въ области классовой борьбы быть не можетъ, и что при нынѣшнемъ положеніи вещей среднія теченія будутъ всегда: либо идти на поводу у капитала, или же естественно втянутся въ кругъ коммунистическихъ идей и сольются воедино съ III Интернаціоналомъ.

Роль послѣдняго, какъ центрального очага революціонной пропаганды въ международномъ масштабѣ мною уже выяснена. Поэтому здѣсь надлежитъ его коснуться постольку, поскольку дѣятельность III Интернаціонала совпадаетъ съ международной политикой совѣтской дипломатіи.

Считая Англію однимъ изъ главныхъ столповъ современнаго реакціоннаго имперіализма, большевистскіе руководители рѣшили использовать въ цѣляхъ пропаганды мусульманскую фракцію III Интернаціонала для поднятія возстанія въ мусульманскихъ англійскихъ владѣніяхъ и первый же съѣздъ народовъ Востока, имѣвшій мѣсто въ маѣ 1920 года въ Баку подъ общимъ руководствомъ Зиновьева, намѣтилъ пути націоналистическаго движенія въ разныхъ странахъ Востока, отвѣчающія этимъ заданіямъ. Несомнѣнно, что непосредственнымъ результатомъ этого Съезда и дальнѣйшихъ дипломатическихъ шаговъ Наркоминдѣла Чичерина явилось броженіе въ Египтѣ, Персіи, Афганистанѣ и въ самой Индіи.

Никогда, даже имперіалистическая Россія не проявляла такого повышеннаго интереса къ своему

100

за-туркестанскому сосѣду—Индіи, какимъ отличаются большевики. И если англичане въ прежнее время по-напрасну боялись похода русскихъ царскихъ войскъ на Индію, то въ настоящее время при коммунистическомъ правительствѣ Россіи, эта опасность въ зависимости отъ преобладанія шовинистскихъ, теченій въ коммунистической партіи не можетъ считаться исключенной. Опасность эта угрожаетъ Индіи прежде всего въ видѣ яда пропаганды, который просачивается черезъ границу въ формѣ золота, а въ особенности въ формѣ всевозможныхъ брошюръ коммунистическаго содержанія на тюркскихъ языкахъ, образцы коихъ можно видѣть въ Москвѣ за зеркальными стеклами дома бывшей гостиницы Метрополь, гдѣ нынѣ помѣщается книжный складъ III Интернаціонала. Напрасно англичане думаютъ защититься отъ этой пантюркистской пропаганды, заключая торговые договоры съ Совѣтской Россіей и включая въ эти договоры пункты о взаимномъ отказѣ отъ политической агитаціи. Намъ извѣстно изъ недавней исторіи, что даже такія высоко-культурныя и честныя государства, какъ Германія, признавали договоры лоскутами бумаги. Тѣмъ болѣе, большевики въ душѣ могутъ потѣшаться надъ людьми, думающими, что обмѣнъ подписями на торговомъ договорѣ англичанъ съ Красинымъ избавитъ ихъ владѣнія отъ проникновенія коммунистической пропаганды. Совѣтская власть, чтобы формально не навлекать на себя упрековъ въ вѣроломствѣ, можетъ отказаться отъ непосредственной агитаціи, продолжая ее въ то же время развивать черезъ подставныя государства, какъ Азербейджанъ, Афганистанъ и Туркестанскую республику, слѣпо слѣдующихъ во всемъ приказамъ изъ Москвы.

Въ этихъ же цѣляхъ большевики усиленно поддерживали турецкое націоналистическое движеніе въ Малой Азіи, тенденціозно придавая ему въ своихъ сообщеніяхъ коммунистическую окраску. Новидимому, однако въ послѣднее время взаимныя симпатіи нѣсколько охладѣли, ибо туркамъ стало ясно, что благодаря заключенному соглашенію

имъ приходится для Совѣтской Россіи своими руками жаръ загребать, а это имъ повидимому не особенно улыбается. Коренное расхожденіе во взглядахъ Анґоры и Москвы на коммунизмъ заключается въ томъ, что послѣдняя естественно въ коммунизмѣ видитъ конечную цѣль. Анґора же, лишь — средство для достиженія пантюристскихъ идеаловъ.

Воздѣйствіе Наркоминдѣла на страны Запада въ силу образованныхъ территоріальныхъ барьеровъ въ видѣ ряда окраинныхъ государствъ съ созданнымъ въ нихъ строгимъ политическимъ надзоромъ за большевиками представляется дѣломъ значительно болѣе сложнымъ. Однако и тутъ коммунисты, подъ видомъ всякихъ торговыхъ делегацій, командируютъ пропагандистовъ, везущихъ въ своихъ чемоданахъ агитаціонную литературу и русское золото для революціонной пропаганды. Такъ, на примѣръ, еще сравнительно недавно на границѣ Швеціи и Норвегіи былъ задержанъ совѣтскій торговый представитель, у котораго на много десятковъ тысячъ кронъ было найдено иностранной и ^{русской} русской золотой валюты, а также коммунистическая литература и приказы III Интернаціонала на норвежскомъ языкѣ.

Первоначально, когда Совѣтская Россія находилась въ блокадѣ, Ц. К. Р. К. П. относился весьма благосклонно къ идеѣ созданія прибалтійскихъ самостоятельныхъ государствъ, служившихъ передаточными пунктами для снабженія Россіи необходимыми ей товарами. Когда же блокада отпала, налічіе подобныхъ загородокъ оказалось весьма обременительнымъ и совѣтская власть несомнѣнно охотно бы стерла всѣ эти мелкія государства съ лица земли, подобно Грузинской республикѣ. Повидимому, средствомъ для достиженія этого является надлежащимъ образомъ поставленная пропаганда черезъ мѣстные профессиональные союзы, въ которые изобильно притекаетъ ^{русское} русское золото и отравленная соблазномъ легкаго обогащенія рабочихъ за чужой счетъ коммунистическая литература на мѣстныхъ язы-

кахъ. Къ сожалѣнію, несмотря на очень внимательную слѣжку за всѣми неофициальными лицами, прибывающими изъ Совѣтской Россіи, эстонскія, латышскія и литовскія власти лишены этой возможности по отношенію къ содержимому чемодановъ офиціальныхъ сотрудниковъ многочисленныхъ совѣтскихъ учреждений въ Ревелѣ и Ригѣ. Здѣсь установлено полное равенство. Эстонскіе и латышскіе представители въ Москвѣ могутъ привозить въ своихъ дипломатическихъ вагонахъ, что имъ угодно, но также могутъ поступать и совѣтскіе представители. Въ результатѣ, на примѣръ, младшіе дипломатическіе агенты окраинныхъ государствъ используютъ это свое право для провоза въ Москву, подъ видомъ дипломатической переписки, спирта, сахара и другихъ спекулятивныхъ товаровъ, наживая на каждой такой поѣздкѣ по нѣскольку сотъ процентовъ, а зато господа изъ Наркоминдѣла и Наркомвнѣшторга (учрежденія по своему составу близкаго чекѣ), — всякаго рода коммунистическую литературу. Очевидно, что результаты этого кажущагося равновѣсія, не къ выгодѣ Прибалтійскихъ государствъ. Наживающіеся господа прибалтійскіе дипломаты, конечно, не смогутъ окончательно спойть спиртомъ всѣхъ русскихъ коммунистовъ и комиссаровъ, но зато несомнѣнно, что привозимая этими послѣдними литература въ маленькія государства, достаточна для распропагандированія всего социалистически настроеннаго пролетаріата, что и показали опытъ съ арестомъ и высылкой вожаковъ коммунистическаго движенія въ Эстоніи и Латвіи.

Во всякомъ случаѣ, нынѣ, въ политикѣ Наркоминдѣла начинаетъ замѣчаться уклонъ въ сторону необходимости приближенія русскихъ границъ непосредственно къ берегамъ Балтійскаго моря и вытекающія отсюда нѣкоторыя перемѣны въ отношеніяхъ къ окраиннымъ государствамъ. А такъ какъ Совдепія является по своему существу военно-коммунистической республикой, то не исключена возможность разныхъ въ этомъ отно-

шеніи серьезныхъ военныхъ осложненій, если шансы на внутреннюю революцію въ этихъ странахъ окончательно провалятся. Впрочемъ, неудачный опытъ войны съ Польшей долженъ былъ бы нѣсколько расхолаживать пылъ большевистскихъ стратеговъ.

Для обывателя Совдепіи вся иностранная политика Наркоминдѣла, поскольку таковая отражается въ мѣстной прессѣ, (а другихъ источниковъ освѣдомленія почти не имѣется), представляется въ трехъ главныхъ моментахъ: 1) знаменитыя радіотелеграммы Чичерина къ главамъ отдѣльныхъ государствъ (ибо классическіе „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ“ перваго періода совѣтской власти уже прекратились); 2) извѣстія о революціонныхъ вспышкахъ въ разныхъ углахъ міра, которыми иногда заполнены лицевые столбцы совѣтскихъ газетъ (особенно много такихъ извѣстій было въ 1920 году, теперь уже фабрикуется ихъ меньше) и, наконецъ, 3) извѣстія о торговых конвенціяхъ, заключаемыхъ совѣтскими представителями за границей. На этихъ же трехъ китахъ строятся и всѣ передовицы въ газетахъ. Особенно много восторга и ликованія вызываютъ сообщенія послѣдняго рода. Извѣстіе о каждомъ новомъ торговомъ договорѣ истолковывается какъ одержанный весьма крупный дипломатическій успѣхъ, равносильный юридическому признанію совѣтскаго правительства. Данныя этого рода искусственно используются умѣлыми совѣтскими агитаторами на митингахъ въ цѣляхъ укрѣпленія совѣтской власти.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаютъ слѣдующіе выводы объ основныхъ задачахъ совѣтской дипломатіи. Надежда на всеобщую революцію отпала. Въ связи съ этимъ приходится пока оставаться въ пріятномъ одиночествѣ въ условіяхъ капиталистическаго окруженія. Положеніе Совѣтской Россіи облегчается міровымъ соперничествомъ отдѣльныхъ государствъ Антанты. Возникающая между ними конкуренція въ погонѣ за сырьемъ можетъ быть легко использована совѣтской властью,

искусными дипломатическими шагами создающей интервенцію въ свою пользу. Экономическая разруха вызываетъ необходимость въ продовольственныхъ товарахъ и машинахъ изъ Европы. Нуженъ, слѣдовательно, товарообмѣнъ и торговые договоры, путемъ которыхъ можно постепенно подойти къ признанію въ Россіи совѣтской власти, а пока получать въ товарообмѣнъ нужные предметы. Для развитія товарообмѣна надлежитъ придвинуть границы къ морямъ и, наконецъ, оставаясь вѣрными идеямъ всемірной соціалистической революціи, необходимо противопоставить III Интернаціональ дѣятельности буржуазіи въ Лигѣ Націй и использовать всѣ его личныя и матеріальныя средства для пропаганды въ ближайшихъ странахъ. Вотъ тѣ главнѣйшія вѣхи, на которыхъ ведется внѣшняя политика Наркоминдѣла, обслуживаемая за границей четырьмя съ лишнимъ тысячами офіціальныхъ его представителей.

Д ѣ л а в н у т р е н н і я .

Послѣ сверженія большевиками Временнаго Правительства повсемѣстно созданы были ревкомы (революціонные комитеты), которыхъ затѣмъ замѣнили исполкомы, обладавшіе всей полнотой власти на мѣстахъ и выполнявшіе, между прочимъ, функціи прежняго М-ва Внутреннихъ Дѣлъ. Народный Комиссаріатъ по внутреннимъ дѣламъ, какъ особое вѣдомство, возникъ позднѣе другихъ центральныхъ учрежденій и задачи его въ общемъ столь незначительны и мало опредѣленны, что по объему своего бюджета, это вѣдомство занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Организациа „твердой власти“ поручена Совнаркомомъ отчасти мѣстнымъ исполнительнымъ комитетамъ и въ большей степени чрезвычайнымъ комиссіямъ. Паспортная операція упрощена теперь въ томъ отношеніи, что значительная часть населенія, особенно городского, состоитъ на совѣтской службѣ и получаетъ паспорта въ видѣ удостовѣреній или „трудовыхъ

книжекъ“ по мѣсту службы. Такимъ образомъ, для этого вѣдомства остается еще: милиція, регистрація актовъ гражданскаго состоянія, а также эвакуація бѣженцевъ и переселенцевъ. Такъ называемый Центроэвакъ—учрежденіе, пользующееся широкой въ совдепѣ извѣстностью, по составу большое вѣдомство, но съ весьма ничтожными результатами дѣятельности. Благодаря Центроэваку многіе русскіе, за мзду конечно, получили возможность въ качествѣ иностранцевъ уѣхать за границу. Это же учрежденіе производитъ безконечныя регистраціи и перерегистраціи иностранныхъ подданныхъ. Циркуляровъ и декретовъ въ этомъ отношеніи въ центрѣ издають столько, что само вѣдомство въ концѣ концовъ на мѣстахъ совершенно запуталось и пріостановило всякую работу. Населеніе, однако, нашло для себя выходъ изъ этого положенія: „плати, сколько потребуютъ и получишь отъ губэвака все, что тебѣ нужно“. Въ виду полнаго развала транспорта, правильныя эвакуаціи, начиная съ зимы 1921 года, почти совершенно остановились, причемъ даже очень крупныя взятки мѣстнымъ отдѣленіямъ Центроэвака совмѣстно съ желѣзнодорожнымъ начальствомъ не помогали, такъ что планомерное движеніе бѣженцевъ уже не могло болѣе совершаться.

За отсутствіемъ органической работы въ вѣдомствѣ, ее приходится искусственно создавать, и потому Наркомвнудѣль ввелъ необычайно сложную систему надзора за проѣздомъ по Совѣтской Россіи, съ грандіозными организаціями во всѣхъ городахъ, вѣдающими дѣло выдачи пропусковъ на поѣздки, какъ служебныя, такъ и по личнымъ дѣламъ. Что касается послѣднихъ, то на бумагѣ они совершенно пріостановлены въ Совдепѣ; въ дѣйствительности же разрѣшенія на поѣздки выдаются послѣ соотвѣтственнаго приношенія отъ просителя къ лицу, отъ котораго зависитъ выдача такого разрѣшенія. Что же касается визъ на настоящія служебныя командировки, то добываніе ихъ вызываетъ значительное промедленіе, связанное съ простаива-

ніемъ командидуемаго въ рядѣ очередей и съ шансами на отказъ по разнымъ формальнымъ причинамъ. Этой системой пропусковъ нынѣ, какъ паутиной, опутаны всѣ ѣдущіе по Совѣтской Россіи, и всѣмъ она достаточно отравляетъ существованіе, подобно тѣмъ тягостнымъ условіямъ полученія визъ, которыя какъ послѣдствія войны, до сихъ поръ сохранились и въ Западной Европѣ. Однако, господа изъ Кремля, какъ мною уже отмѣчено выше, избавили себя отъ этой волокиты, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ особый бесплатный билетъ для проѣзда по всей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ вагонахъ особаго назначенія, каковой билетъ одновременно служить для его владѣльца окончательнымъ и повсемѣстнымъ пропускомъ по всей Россіи.

При наличіи всемогущей чека съ ея особыми отрядами роль милиціи болѣе скромна. Въ ней постоянный некомплектъ, особенно въ провинціальныхъ городахъ, такъ какъ служить въ чрезвычайкахъ, разумѣется, гораздо выгоднѣе. Для вящаго устрашенія населенія милиціонеры носятъ за спиной винтовки (одно изъ пріобрѣтеній революціи) и на головѣ особыя кэпи съ совѣтской эмблемой „серпъ и молотъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обысковъ (продовольственныхъ и спекулятивныхъ) принимаютъ участіе и милиціонеры. На нихъ же обычно возлагаются и операціи по оцѣпленію базаровъ и рынковъ и изгнанію изъ нихъ торгующихъ. Наконецъ, они являются грозой для окрестныхъ жителей, везущихъ въ городъ продовольственные продукты, такъ какъ подъ видомъ обслѣдованія и провѣрки количества перевозимаго, чины милиціи пополняютъ свои личные запасы продовольствія за счетъ изъятія изъ излишковъ.

Ч р е з в ы ч а й к и.

„Твердая власть“ и „чека“ въ Совѣтской Россіи являются синонимами. Въ послѣсловіи къ книгѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1919 году подъ

заглавіемъ „Два года борьбы на внутреннемъ фронтѣ“, видный чекистскій дѣятель латышъ Лацисъ, отмѣчая руководящую роль чрезвычайекъ въ дѣлѣ подавленіи попытокъ ниспроверженія совѣтскаго строя, приходитъ къ слѣдующему выводу: „Такимъ образомъ изъ предыдущаго видно, какую крупную роль сыграли чрезвычайныя комиссіи въ ликвидаціи контръ-революціонныхъ выступленій. Можно опредѣленно сказать, что безъ ихъ наличія совѣтская власть перестала бы существовать“ и далѣе цинично добавляетъ: „для дальнѣйшаго укрѣпленія этой власти необходимо, чтобы каждый гражданинъ въ своей дѣятельности на благо родины работалъ бы въ чека“. Такое заявленіе не какого-нибудь юмориста, а виднаго партійнаго работника, является чрезвычайно любопытнымъ, такъ какъ пріобрѣтаетъ характеръ оффиціозности. И дѣйствительно практика показываетъ, что въ Совѣтской Россіи помимо безконечнаго числа добровольныхъ доносчиковъ, имѣющихся повсюду, чрезвычайныя комиссіи устроены почти въ каждомъ крупномъ населенномъ пунктѣ. Въ послѣднее время, впрочемъ, намѣчено уѣздныя чека упразднить. Конечно, объ этомъ замѣчательномъ учрежденіи, явившемся произведеніемъ „пломбированныхъ“ завсегдатаевъ швейцарскихъ кафэ, можно говорить безконечно много. Настолько все въ этомъ учрежденіи грандіозно и отвратительно, настолько оно въ своихъ оригинальныхъ пріемахъ превосходитъ всѣ до сихъ поръ бывшіе въ исторіи примѣры моральнаго подавленія и физическаго истребленія человѣчества. Очевидно, не одинъ десятокъ будущихъ изслѣдователей посвятитъ время изученію исторіи этого мрачнаго упречденія и печальнаго памятника главамъ русскаго коммунизма, пришедшимъ насаждать всеобщій рай для людей, но успѣвшихъ создать его только лично для себя, а остальныхъ ввергнувшихъ въ „плачь и скрежетъ зубовный“. Характерно, что нигдѣ въ своихъ программахъ коммунисты не говорятъ о чрезвычайкахъ, оставляя оффиціально всѣхъ въ невѣ-

дѣній объ истинномъ характерѣ своей системы. Нѣсколько типичныхъ для этого учрежденія чертъ мнѣ всетаки хотѣлось бы здѣсь воспроизвести.

Въ составъ чрезвычайныхъ комиссій попало подавляющее большинство людей съ темнымъ прошлымъ, съ сердцами огрубѣвшими, не знающими чувства состраданія и жалости, людей-дегенератовъ по внѣшности и по поведенію. Это и предопредѣлило характеръ дѣятельности В. Ч. К. *) и наложило какую-то каинову печать на все ея существованіе. Правда, усиленно поговариваютъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ о томъ, что въ этихъ учрежденіяхъ сотрудничаютъ и лица, принадлежащія къ представителямъ мѣстной плутократіи и даже родовой аристократіи и что дѣлается это въ цѣляхъ сохраненія своего имущества и изъ чувства самосохраненія, а отчасти въ цѣляхъ окончательнаго дискредитированія совѣтской власти: „чѣмъ хуже“, молъ, „тѣмъ лучше“. Разумѣется, судить о цѣляхъ и побужденіяхъ каждаго интеллигента, сдѣлавшагося чекистомъ—дѣло трудное и, пожалуй, нестоющее. Фактъ одинъ, что послѣ крушенія совѣтской власти, и установленія причастности тѣхъ или иныхъ лицъ къ дѣятельности В. Ч. К.—многихъ ожидаютъ весьма неожиданные сюрпризы. Настолько является удивительнымъ и непостижимымъ комбинація прежняго высокаго положенія на государственной или общественной лѣстницахъ нѣкоторыхъ лицъ съ ихъ нынѣшней причастностью къ дѣятельности чека.

Сдѣлаться въ Совѣтской Россіи чекистомъ—что далеко теперь не такъ легко—значить получить право на самое независимое и безшабашное существованіе. Поэтому понятно, отчего такое огромное количество милыхъ, но погибшихъ созданий мужского пола попало въ это учрежденіе. Вотъ кстати нѣсколько фактическихъ справокъ о

---

*) Юмористы, а такіе до сихъ поръ не перевелись, хотя и рѣдко встрѣчаются въ Совдеціи, читаютъ это такъ: В. (великодушіе), Ч. (человѣколюбіе), К. (кротость).

выгодѣ службы въ чрезвычайныхъ комиссіяхъ. Если вы — чекистъ и вамъ нужна, на примѣръ, комната, вы обходитесь безъ квартирнаго отдѣла по уплотненію помѣщеній, котораго не избѣжать рядовому совѣтскому обывателю. Вы просто являетесь къ хозяину облюбованной вами комнаты и заявляете требованіе очистить черезъ часъ понравившееся вамъ помѣщеніе. Никакія хлопоты, никакія пререканія съ агентомъ чека ни къ чему не приводятъ; противящемуся вашему вселенію вы пригрозите чекой — и дѣло въ шляпѣ. Онъ можетъ оказаться и на улицѣ, до этого вамъ нѣтъ никакого дѣла, но зато вы уже въ комнатѣ. О послѣдствіяхъ вы не беспокоитесь. Въ чека онъ не посмѣетъ сунуться, боясь попасть туда на казенное иждивеніе. Остается только толкнуться въ единственное совѣтское учрежденіе, которое имѣетъ отдѣленіе для разсмотрѣнія жалобъ на дѣйствія администраціи, т. е. въ Рабоче-Крестьянскую инспекцію („РАКИ“ или „РКИ“ по совѣтски). Но вы спокойно улыбаетесь въ душѣ, предвкушая разговоръ, который будетъ имѣть тамъ проситель: — „Вы по какому дѣлу?“ — „У меня захватилъ комнату сотрудникъ чека.“ — „Было ли у васъ право на комнату?“ — „Да, три охранныхъ свидѣтельства отъ учреждений, въ которыхъ я совмѣщаю службу, и надлежащій ордеръ отъ мѣстнаго квартирнаго отдѣла.“ — „Гм, знаете, что я вамъ посоветую, обратитесь скорѣе въ квартирный отдѣлъ объ отводѣ новой комнаты, и мы поддержимъ ваше ходатайство, а дѣло это съ агентомъ чека бросьте.“ — „?!!“ — „Да такъ, сами знаете, съ чекой лучше не связываться. У насъ есть такое (я вамъ скажу по секрету) довѣрительное предписаніе къ ней не придирайтесь. Мы во всякомъ случаѣ по этому дѣлу входить въ переписку съ чека не станемъ. И вамъ я дамъ хорошій совѣтъ, самому туда тоже лучше не соваться, а то знаете, неравенъ часъ...“ И только всего. Такимъ гласомъ вопіющаго въ пустынь должны оказаться всѣ обращенія за помощью противъ предприимчивыхъ агентовъ чека.

Въ такомъ же родѣ происходитъ пользованіе и прочими благами жизни. Понравится чскиустрояль—тащи его къ себѣ! Если онъ закрѣпленъ даже за мѣстнымъ казеннымъ учрежденіемъ — Наробразомъ — это ничего не значить. И въ этомъ случаѣ, какъ показываетъ опытъ, все сходится чекисту съ рукъ безнаказанно. Нужно обставить свою комнату — обыскъ гдѣ-нибудь — и готово: обстановка найдена и въ видѣ буржуазнаго излишка перевезена къ себѣ. Потомъ можно приглядѣться ближе и найти, что у квартирохозяевъ есть много и другихъ преинтересныхъ вещей, которыя можно было бы перемѣстить къ себѣ. И это тоже можно легко осуществить. Если ограбляемые поднимутъ подъ конецъ слишкомъ большой шумъ, начнутъ немного брыкаться, то для вящаго ихъ успокоенія есть прекрасное средство. Тиснуть на нихъ коротенькій доносъ къ себѣ же въ учрежденіе — и готово. Можно даже учинить легкій арестъ для пущей острастки и — хозяева снова какъ шелковые. Но „l'appetit vient en mangeant“. Въ своей комнатѣ не очень-то разгуляешься. Хотя хозяева послѣ обысковъ, какъ шелковые и всячески заискиваютъ передъ тобой, все же для обсужденія деталей нѣкоторыхъ налетовъ, а также для веселаго проведенія ночей въ большихъ компаніяхъ обоего пола, необходимо и большое помѣщеніе. Кто-то изъ сотрудниковъ чека ознакомился при обыскѣ съ другими комнатами квартиры и высказался въ томъ смыслѣ, что недурно было бы занять для себя всю квартиру. Сказано — сдѣлано. И вотъ всѣ жильцы злополучной квартиры, въ которой помѣщается не одна только семья квартирохозяина, но также и другіе жильцы, мелкіе совѣтскіе же служащіе, — получаютъ предписаніе выселиться всѣмъ изъ квартиры, такъ какъ она отводится подъ общежитіе (!?) чеки, — однако, безъ права что-либо вывезти изъ нея, кромѣ нѣкотораго количества носильнаго бѣлья и постели. Все это не выдуманные примѣры, а одинъ изъ многочисленныхъ печальныхъ фактовъ повседневной русской жизни въ провинціи. Въ столицѣ дѣло

обстоять не такъ примитивно грубо, хотя по существу тамъ творятся такія же безобразія.

Внѣшняя жизнь чекистовъ также течетъ, какъ сплошной праздникъ. Одѣтый въ казенную кожаную тройку, въ военной фуражкѣ и высокихъ сапогахъ съ револьверомъ для острастки на боку — чекистъ, обычно молодой человѣкъ съ бритымъ лицомъ безъ усовъ (отчего почти всѣ чекисты болѣе или менѣе на одно лицо, какъ актеры), отправляется утромъ на службу или сидитъ дома. Потомъ слѣдуетъ посѣщеніе кафэ или вечеромъ театровъ въ цѣляхъ освѣдомленія. Повсюду агентъ чека пользуется различными привилегіями. Трамвай полонъ — по правиламъ входъ въ него спереди запрещенъ, — чекистъ войдетъ въ вагонъ черезъ площадку для вагоновожатаго, ибо ему все можно. Съѣстъ въ кафэ пирожки и въ моментъ расплаты съ меланхолическимъ видомъ замѣтитъ что портмонэ забылъ дома. Разъ онъ чекистъ — это прощается и онъ можетъ повторять это „ad infinitum“. Въ театрахъ отводятся для чекистовъ особые мѣста. Существуютъ спеціальныя притоны, гдѣ чекистами ведется крупная карточная игра на николаевскую и иностранную валюту, брилліанты и т. п. Стоитъ кому-нибудь проигратъся и онъ затѣваетъ походъ на обывателей для возмѣщенія своихъ убытковъ. На всѣхъ торжествахъ чекисты почетные участники и предметъ особой заботливости устроителей. Когда есть какая-нибудь серьезная опасность возстаній, для сотрудниковъ чека дежурятъ готовые составы поѣздовъ съ паровозами подъ парами для заблаговременнаго удиранія.

Но вотъ наступаетъ ночь и вмѣстѣ съ ней — страдная пора для чекистовъ. Въ Ростовѣ на Дону зимой 1921 года изъ-за недостатка топлива не горѣло почти нигдѣ электричество. Вдругъ иногда около 12 часовъ ночи въ квартирахъ появляется свѣтъ. Всѣ ростовцы волнуются, звонятъ другъ другу по телефону, спрашиваютъ, появился ли и въ другихъ районахъ свѣтъ; оказывается, что — да. Начинается невообразимая паника, жители ста-

раются упрятывать подальше послѣднее оставшееся недограбленнымъ имущество, изошряясь въ виртуозности скрыванія такихъ вещей. Сплошь и рядомъ оказывается, что производятся повальные обыски. Въ нихъ также принимаютъ участіе, конечно, и чекисты. Другіе обыски бываютъ по ордерамъ на опредѣленные квартиры. Бѣднымъ председателямъ квартальныхъ комитетовъ часто приходится чуть-ли не ежедневно не спать по ночамъ; ихъ постоянно тревожатъ то для одного, то для другого обыска. Появленіе чекистовъ въ квартирѣ вызываетъ конечно, величайшую панику, чѣмъ они и пользуются въ личныхъ цѣляхъ, похищая многія вещи во время обысковъ.

Оффициально чека называется „Чрезвычайной комиссіей по борьбѣ съ контръ-революціей, саботажемъ, спекуляціей и должностными преступленіями“. Деликтами послѣдняго рода чека почти никогда не интересовалась. Главная работа чрезвычайекъ заключается въ области контръ-революціи и саботажа и отчасти спекуляціи. Нынѣ саботажъ правительственныхъ служащихъ уже прекратился, контръ-революція внѣшне какъ будто-бы, за исключеніемъ окраинъ, тоже подавлена и потому въ центрѣ главная работа сосредоточена на преслѣдованіи спекулянтовъ. Послѣднее понятіе, конечно, весьма растяжимое, въ особенности при условіи, что въ теоріи — вольной торговли въ Совдепіи нѣтъ, а на практикѣ отдѣльными декретами торговать дозволяютъ. Обычная система ловли спекулянтовъ, напримѣръ, въ Москвѣ съ иностранной валютой, брилліантами или съ золотомъ заключается въ томъ, что работающіе въ контактѣ съ чекой агенты пускаютъ слухъ о продажѣ или покупкѣ крупной партіи валюты на 20—30 милліоновъ совѣтскихъ рублей и болѣе. Комиссіонеры иногда ловятся на эту удочку и, попадая въ чеку, влекутъ за собою цѣлый хвостъ промежуточныхъ посредниковъ и участниковъ сдѣлки. Всю компанію сажаютъ въ Бутырки или другое укромное мѣсто и черезъ нѣкоторое время начинаютъ выпускать за

взятки, по хлопотамъ и т. п. Аналогичные же способы чека примѣняетъ, предлагая черезъ подставныхъ лицъ покупку разрѣшеній на полученіе и провозъ неразрѣшенныхъ или нормированныхъ продуктовъ. Другой случай раскрытія чекой крупной спекуляціи имѣлъ мѣсто въ Москвѣ въ маѣ 1921 года. Несмотря на существовавшія еще въ то время строгія запрещенія содержать кафэ, одна бойкая дама на Никитскомъ бульварѣ имѣла частную квартиру, гдѣ было и кафэ, и ресторанъ, и комнаты для прїѣзжающихъ, и вино. Словомъ, всевозможныя удобства. Конечно, и милиція, и чека были объ этомъ прекрасно осведомлены, и что преобладающую кліентуру этого учрежденія составляли спекулянты всѣхъ видовъ также имъ было хорошо извѣстно. Но видимо и милиція, и чека были достаточно заинтересованы матеріально въ успѣхъ этого предпріятія и потому оно процвѣтало. Выручка кафэ доходила въ нѣкоторые дни до трехъ милліоновъ рублей. Въ концѣ-концовъ, однако, „коса нашла на камень“, и въ одинъ прекрасный день отрядъ В. Ч. К. нагрянулъ въ кафэ, опечаталъ вино, арестовалъ владѣльцевъ и устроилъ засаду, въ которую въ продолженіе нѣсколькихъ дней попадали завсегдатаи и посѣтительницы этого учрежденія. Вся эта компанія провела вмѣстѣ Пасху въ тюръмѣ, откуда ихъ потомъ понемногу начали выпускать. Такими путями чека, между прочимъ, содѣйствуетъ накопленію золотого и брилліантоваго фондовъ совѣтскаго правительства.

Любопытно, что чека въ результатѣ ея работы по борьбѣ со спекуляціей и по извлеченію у буржуазнаго населенія различныхъ излишковъ стала главнымъ конфекціоннымъ учрежденіемъ республики. Мой знакомый, попавшій случайно въ Дончека, былъ пораженъ, когда ему показали огромную комнату съ безчисленнымъ рядомъ шкафовъ, въ которыхъ въ большемъ порядкѣ на вѣшалкахъ висѣлъ различный мужской гардеробъ. На его вопросъ, что должно обозначать такое количество готоваго мужского платья, чекистъ объяснилъ,

что все это вещи, отобранные у буржуазіи, которыя служатъ фондомъ для представительства для обмундированія совѣтскихъ дѣятелей костюмами съ чужого плеча при командировкахъ ихъ за границу.

Въ области борьбы съ контръ-революціей, провокація чекистами практикуется широко, причемъ захватываются и правые, и виноватые. Случаи раскрытыхъ дѣйствительныхъ и миѳическихъ заговоровъ насчитываются тысячами и объ нихъ уже достаточно много писалось въ газетахъ Россіи и заграницей. Мнѣ хотѣлось бы только отмѣтить тяжелое положеніе, въ которое часто попадаютъ въ Совѣтской Россіи обыватели, благодаря легкости доносовъ. Въ русской провинціальной прессѣ время отъ времени появляются исходящія отъ мѣстныхъ чрезвычайныхъ комиссій сообщенія о необходимости бороться съ попытками „бѣлогвардейской сволочи“, и ея прихвостней соціалъ-предателей эсэровъ и меньшевиковъ, взорвать рабоче-крестьянскую власть и ввергнуть трудящихся вновь подъ ярмо иностраннаго капитала при помощи наемниковъ этого капитала, всевозможныхъ бѣло-зеленыхъ бандъ. Обращеніе обыкновенно заканчивается призывомъ сообщать бдительному оку мѣстной чрезвычайки о всѣхъ подозрительныхъ лицахъ и дѣлахъ. И вотъ люди слабые, мстительные, завистливые, безпринципные начинаютъ строчить доносы на своихъ же знакомыхъ, сводя такимъ безчестнымъ способомъ свои личные съ ними счеты. Чека такіе доносы, даже анонимные, не провѣряетъ, а сразу же назначаетъ обыски. Благодаря этому, лица, совершенно невинныя, аполитичныя, въ результатѣ посѣщенія ихъ агентами чеки, попадаютъ въ симпатичное учрежденіе, откуда не такъ-то потомъ легко и скоро выберешься, даже будучи совершенно безпорочнымъ. Какое множество лицъ пострадало именно такимъ путемъ! Во время періода усиленныхъ арестовъ захваченныхъ набирается такое значительное количество, что уже по соображеніямъ о невозможности размѣстить ихъ

всѣхъ по мѣстамъ заключенія, чекѣ приходится останавливать рвеніе доносчиковъ, дополнительными разъясненіями примѣрно слѣдующаго рода. Анонимные доносы чекой въ разсмотрѣніе впредь приниматься не будутъ; необходимо указывать въ доносѣ свою фамилію и адресъ. Сообщать можно только проверенные факты; въ противномъ случаѣ будетъ арестованъ самъ донесшій. Затѣмъ, однако, пріѣзжаетъ новый предсѣдатель чека, происходитъ смѣна управленія, усиливается подъ вліяніемъ какихъ-либо выступленій или по какимъ-нибудь инымъ причинамъ репрессивное давленіе на интеллигенцію и опять появляется обращеніе, подобное приведенному выше, и такъ все время.

Чтобы легче оперировать съ выемками, арестами и всевозможными ущемленіями буржуазнаго элемента, мѣстными чрезвычайками многократно производятся подробнѣйшія анкеты о всѣхъ „бывшихъ“ людяхъ. Перечень заключающихся въ анкетѣ вопросовъ настолько любопытенъ, что я позволю себѣ его полностью здѣсь привести: 1) Имя, отчество и фамилія, 2) Возрастъ, 3) Мѣсто постоянного жительства, 4) Національность, 5) Бывшее сословіе, 6) Занятіе родителей, 7) Семейное положеніе и адресъ семьи, 8) Образованіе: общее и специальное, 9) Профессія, 10) Чѣмъ занимался до революціи, 11) Последняя должность и чинъ передъ революціей, 12) Имущественное положеніе до революціи и въ настоящее время, 13) Имѣетъ ли родственниковъ въ бѣлой арміи, кого и гдѣ именно, 14) Не былъ ли когда — либо арестованъ, когда и по какому дѣлу, 15) Когда прибылъ въ Ростовъ, 16) Откуда прибылъ, 17) По какой причинѣ прибылъ, 18) Чѣмъ занимался до прибытія въ Ростовъ, 19) Чѣмъ занимался со времени прибытія въ Ростовъ до занятія его совѣтскими войсками, 20) Не состоялъ ли на службѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ (указать занятія, мѣсто и должность), 21) Не служилъ ли въ полиціи или жандармеріи, (время, мѣсто и должность), 22) Не служилъ ли въ государственной стражѣ, 23) Не

служилъ ли въ охранныхъ отдѣленіяхъ или въ контръ-развѣдкѣ, 24) Почему не уѣхалъ съ арміей Деникина, 25) Состоялъ ли членомъ политическихъ партій, гдѣ и когда, 26) Принималъ ли какое-либо участіе въ общественномъ движеніи, гдѣ, когда и въ чемъ оно выразилось, 27) Вашъ взглядъ на октябрьскую революцію, 28) Вашъ взглядъ на коммунистическую партію, 29) Вашъ взглядъ на Деникина, 30) Чѣмъ можете оказать помощь Р. С. Ф. С. Р., 31) Точный адресъ, 32) Приложить всѣ имѣющіеся документы по списку. За дачу неточныхъ или невѣрныхъ свѣдѣній заполнитель анкеты несетъ строжайшую отвѣтственность. Таковы каверзные вопросы, на которые въ Совдепѣ приходится всѣмъ отвѣчать.

Благодаря этимъ анкетамъ, и, даже прямо на основаніи ихъ, напримѣръ, въ Ростовѣ на Дону осенью 1920 года производились массовые обыски, выемки, аресты и т. п. Жизнь стала совсѣмъ несносной; все населеніе изнервничалось до послѣдней степени изъ-за непрерывнаго страха обыска. Такъ какъ при существующемъ уплотненіи квартиръ обыскъ, производимый по ордеру на лицо, снимающее комнату въ данной квартирѣ, естественно переносится и въ другія комнаты той же квартиры, то упомянутой непріятной процедурѣ подвергаются совершенно непричастныя и постороннія лица, проживающія на ихъ несчастье въ той же квартирѣ. Въ цѣляхъ огражденія своихъ служащихъ отъ проявленія чекистскаго террора, совѣтскія учрежденія, а также нѣкоторые, не упраздненные еще въ то время иностранные національные комитеты стали выдавать своимъ служащимъ и иностраннымъ подданнымъ особыя охранныя грамоты о томъ, что эти лица обыску и задержанію безъ вѣдома своего начальства или своего національнаго комитета не подлежатъ. Чрезвычайки, однако, съ этими охранными грамотами совершенно не считались, а потомъ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ распоряженій вообще строжайше запрещено было выдавать кому-либо охранныя грамоты. Впрочемъ, иногда полно-

мочные мандаты, которыми снабжаются наиболее ответственные работники, содержат указание, что такой-то начальник или уполномоченный обыску или личному задержанию не подлежит и что по дѣламъ этого рода чека обязана обращаться къ самой старшей мѣстной власти (напр., въ Ростовѣ на Дону къ Фрумкину — Зампред-ревсовтударму, обладающему полномочіями прежняго генераль-губернатора).

Благодаря налаженной сѣти филеровъ, собственнымъ провокаціоннымъ кафе, продажнымъ женщинамъ, наличію собственной агентуры во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ и массѣ добровольцевъ доносчиковъ — сыскъ у большевиковъ поставленъ образцово. Видно, что организаторы этого дѣла хорошо по своей прежней практикѣ съ нимъ ознакомлены. Работа въ какой-нибудь контръ-революціонной группѣ назрѣваетъ; послѣдняя готовится уже къ открытому выступленію и въ этотъ моментъ главные ея участники схватываются чекой. Освѣдомленность чрезвычайекъ поразительная. Сколько случаевъ было съ Ростовѣ, что въ квартирахъ, изъ которыхъ бывшіе владѣльцы бѣжали за границу, чекисты умудрялись доставать запрятанныя деньги, даже замуравленные въ стѣнахъ ящики съ брилліантами и золотомъ, а также зарытыя въ погребахъ вещи. У проѣзжающихъ въ поѣздахъ отбирали запеченныя въ хлѣбъ драгоценности, умудрялись извлекать цѣнные вещи изъ мыла и изъ дорожныхъ вещей. Чекисты часто пускались и на слѣдующую провокацію: въ поѣздѣ начинаются разговоры съ критикой существующихъ порядковъ, которые обычно находятъ себѣ откликъ у другихъ пассажировъ, а затѣмъ, когда поѣздъ подходит къ конечной цѣли путешествія, то болѣе разоткровенничавшагося путника приглашаютъ на собесѣдованіе въ чека.

Казни, санкціонируемыя постановленіемъ стоящихъ во главѣ чрезвычайекъ коллегій, въ помещеніи самой чрезвычайки обыкновенно производятся подъ шумъ заводимаго автомобиля-

118

грузовика. Иногда практикуется вывозъ для разстрѣла на болѣе отдаленное загородное мѣсто на платформахъ. Для регистраціи казенныхъ создана при чрезвычайкахъ особая должность „завѣдующаго учетомъ тѣлъ“ (завучтѣль).

Въ Ростовѣ Дончека рѣшила перемѣнить свое мѣстопробываніе, ибо подвалъ, который имѣлся въ старомъ помѣщеніи, плохо заглушалъ крики истязуемыхъ. Поэтому коллегія Дончека постановила искать болѣе подходящее помѣщеніе. Остановились на прекрасномъ огромномъ домѣ извѣстнаго ростовскаго промышленника Мелконова - Езекова, помѣщающемся въ центрѣ города противъ собора. Потребовали у мѣстнаго Коммунхоза (преемника бывшей городской управы) заново отдѣлать и бетонировать подвалъ, устроить полъ со скатомъ, провести по краямъ его желобки и устроить нѣсколько крановъ съ помпами. Когда рабочіе Коммунхоза догадались, для чего требуется такого рода ремонтъ, они отказались отъ участія въ работѣ. Какъ ни грозила имъ чека за саботажъ, они все-таки, къ чести ихъ сказать, не приняли участія въ этомъ ремонтѣ. Тогда указанная работа была произведена красноармейцами мѣстной инженерной дистанціи. Черезъ нѣсколько дней домъ Мелконова былъ обтянутъ проволочнымъ загражденіемъ, подвалъ отремонтированъ. Разставили часовыхъ; Дончека въѣхала въ новое помѣщеніе и опять закипѣла ея позорная кровавая работа.

С у д ъ т р у д я щ и х с я.

Странно было бы искать правовые институты у власти, исключившей почти полностью большую часть юридическихъ дисциплинъ изъ числа предметовъ, читаемыхъ въ высшей школѣ. И въ самомъ дѣлѣ, современныя правовыя нормы находятся въ рѣзкомъ противорѣчій съ коммунистической дѣйствительностью. Однако, сама жизнь выдвинула для большевиковъ необходимость созданія какихъ-то государственныхъ орга-

новъ, стоящихъ на защитѣ коммунистическаго права. Послѣдовательно совѣтская власть, вмѣсто обычной демократической формулы, выдвинула классовый лозунгъ: выборность судей изъ однихъ только трудящихся. Вмѣсто прежнихъ отмѣненныхъ законовъ, въ руководство такимъ судьямъ вмѣнено одно: пользоваться революціонно-соціалистическимъ правосознаніемъ. Этимъ же правосознаніемъ полуграмотнымъ совѣтскимъ судьямъ съ одной стороны приходится восполнять существенные пробѣлы въ совѣтскомъ законодательствѣ, а съ другой еще и согласовывать чрезвычайно запутанныя и зачастую прямо другъ другу противорѣчащія постановленія совѣтской власти, изданныя въ послѣднее время. Въ виду того, что на представителей старой судебной власти велось усиленное гоненіе, регистраціи, аресты и заточенія, и что совѣтской властью принимались всѣ мѣры къ устраненію отъ активной дѣятельности всего налаженного аппарата судоустройства и судопроизводства, большевики лишились опытныхъ юристовъ и ввели въ свое судоговореніе необычайную пестроту и произволь въ зависимости отъ характера и степени революціоннаго правосознанія каждаго народнаго судьи.

Однако, начиная съ лѣта 1920 года, въ этомъ направленіи точно также замѣчается переломъ. Въ правозаступники (институтъ, соотвѣтствующій прежней защитѣ) начинаютъ поступать бывшіе адвокаты, юристы и лица съ судебно-административнымъ служебнымъ стажемъ. Всѣ они стараются внести элементъ порядка и строгой законности и согласованности судебныхъ рѣшеній.

Благодаря тому, что многія категоріи судебныхъ дѣлъ совѣтская власть относитъ къ компетенціи чрезвычайныхъ комиссій, то крупныя дѣла уголовнаго характера въ народные суды обыкновенно не попадаютъ. Военно-революціонные трибуналы получаютъ обычно дѣла, уже предварительно просмотрѣнные слѣдователями чека съ ихъ резолюціями. Если дѣло обвиняемаго не закончилось его разстрѣломъ по

приговору коллегіи чека, то онъ обычно можетъ уже считать себя спасеннымъ, такъ какъ въ судопроизводствѣ ревтрибунала имѣются уже нѣкоторыя основныя гарантіи справедливости и безпристрастности. Карательная система, усвоенная этими трибуналами, весьма несложна и не лишена остроумія. Виновнаго, если онъ вообще не освобожденъ отъ всякаго наказанія, либо присуждаютъ къ разстрѣлу, либо все сводится къ заключенію его на срокъ не свыше 5 лѣтъ, причемъ послѣдній срокъ, уже при отбываніи наказанія послѣдовательно сокращается по разнымъ поводамъ и обычно не превышаетъ въ общемъ одного года. Разрѣшаются: досрочное освобожденіе, условное осужденіе и другія облегченія участи приговоренныхъ къ отбыванію наказанія.

Сидѣніе въ совѣтскихъ тюрьмахъ представляетъ изъ себя мало пріятнаго. Объ этомъ уже многократно писалось и я на этомъ останавливаться не буду. Въ лучшихъ условіяхъ по сравненію съ другими оказываются заключенные, которымъ разрѣшается приносить изъ дому пищу. Право это по большей части обставляется всевозможными ограниченіями, чрезвычайно тягостными для приносящихъ їду. Иногда дежурные красноармейцы еще жестоко потѣшаются надъ послѣдними, отказываясь принимать передачу. Можно себѣ представить, какое волненіе овладѣваетъ ими, знающими, что обычно отказъ въ пріемѣ передачи означаетъ отсутствіе въ живыхъ самого адресата. Послѣ этого наводятся справки и оказывается, что это недоразумѣніе: заключенный живъ и ему можно приносить пищу.

Репрессіи, чинимыя въ послѣднее время большевиками въ тюрьмахъ противъ заключенныхъ ихъ политическихъ противниковъ, эсэровъ и меньшевиковъ, вызвали въ концѣ апрѣля 1921 года въ различныхъ тюрьмахъ Москвы, куда они были свезены изъ разныхъ концовъ Россіи, серьезныя волненія, выразившіяся въ буйствѣ, кошачьихъ концертахъ и голодовкѣ. Тюремнымъ началь-

ствомъ въ отвѣтъ были еще болѣе усилены репрессіи, а заключенные постепенно были высланы въ другіе города, преимущественно во Владимірскую тюрьму, гдѣ ихъ поставили въ еще болѣе тяжкія условія существованія, чѣмъ въ Москвѣ. Какъ на курьезъ можно указать, что въ послѣднее время въ тюрьмахъ стали образовываться свои комячейки изъ уголовныхъ заключенныхъ, успѣвшихъ уже получить нѣкоторыя преимущества по сравненію съ рядовыми арестантами. Однако, центръ не нашелъ возможнымъ пойти въ этомъ отношеніи такъ далеко и запрещаетъ образованіе такихъ комячеекъ.

Обыкновенно періодически, въ связи съ переполненіемъ тюремъ, начинается работа по разгрузкѣ ихъ. Надежда на близкое освобожденіе у заключенныхъ увеличивается. Дѣйствительно, нѣкоторое время идутъ усиленные выпуски изъ тюремъ. Но, увы, волна эта проходитъ и для заключенныхъ снова начинается безпросвѣтное сидѣніе въ большевистской неволѣ.

Такъ какъ вопросы гражданско - правового характера при коммунистическомъ строѣ полностью исключаются, то и дѣлъ подобнаго рода, вытекающихъ изъ права собственности, представляется на судебное разбирательство немного. Однако, крутой поворотъ совѣтской политики въ связи съ „новымъ курсомъ“ долженъ поставить на очередь вопросъ о созданіи своего законодательства, своеобразно сочетающаго коммунистическія идеи съ интересами частной собственности. Пока же юридическая работа сосредоточена въ области уголовной политики. Въ этомъ отношеніи надлежитъ отмѣтить, что мелкіе грабежи и убійства въ странѣ какъ будто-бы значительно сократились. Можетъ быть это, отчасти, объясняется отсутствіемъ интереса къ подобнымъ фактамъ со стороны совѣтскихъ газетъ. На уменьшеніе преступности вліяютъ также суровыя мѣры, которыми совѣтская власть борется съ грабителями и ворами. Примѣняемая къ этимъ преступленіямъ смертная казнь, безусловно, является одной изъ причинъ сокращенія

уголовной хроники. Съ другой стороны, при этомъ нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что многія лица, съ большимъ уголовнымъ прошлымъ, заняли теперь видныя комиссарскія мѣста и могутъ продолжать свою прежнюю дѣятельность въ иномъ масштабѣ и уже вполне легально.

Дѣйствительно, если обратиться къ вопросу о взяточничествѣ и должностныхъ преступленіяхъ, то придется констатировать, что этотъ видъ деликтовъ процвѣтаетъ, какъ уже было многократно мною указано раньше, значительно шире, чѣмъ при царскомъ режимѣ. Этотъ фактъ отмѣчаютъ и большевистскія изданія, но какъ бороться съ этимъ зломъ, никто не знаетъ, такъ какъ благодаря нелѣпой системѣ служебнаго обезпеченія, явленіе это стало чуть-ли не основнымъ бытовымъ явленіемъ въ совѣтской жизни. Вотъ нѣсколько разительныхъ примѣровъ. Нельзя съ собой везти больше одного пуда продовольствія. Однако, стоитъ заплатить и дадутъ удостовѣреніе изъ какого — нибудь продотдѣла на провозъ хоть 10 пудовъ. Хочешь выбратъся изъ города — опять плати. Мѣста въ вагонахъ спеціального назначенія созданы для служебныхъ командировокъ, но въ нихъ преимущественно разъѣзжаютъ крупные спекулянты, работающіе заодно съ желѣзнодорожными комиссарами. Выѣздъ за границу русскимъ нельзя организовать, не располагая нѣсколькими свободными милліонами для взятокъ. Чтобы сдѣлаться иностранцемъ — нужно заплатить руководителямъ конторъ „народныхъ нотаріусовъ“, замѣнившихъ бывшія нотаріальныя конторы, которые создадутъ вамъ надлежащіе фиктивные документы и дадутъ вамъ надлежаще засвидѣтельствованную съ нихъ копію. О такомъ способѣ превращенія въ иностранцевъ прекрасно освѣдомлены вѣдающіе дѣломъ эвакуаціи и выѣзда на родину изъ Россіи, но молчатъ, такъ какъ обыкновенно сами участвуютъ въ этихъ прибыльныхъ махинаціяхъ.

Словомъ, нынѣ въ Р. С. Ф. С. Р. спекуляція

совѣтскихъ служащихъ и взяточничество свили себѣ самое прочное гнѣздо и современная организація „суда трудящихся“ не даетъ ему возможности справиться съ этимъ зломъ такъ, какъ съ нимъ боролись прежнія судебныя установленія, эмблемы коихъ — „зерцала“ — разбитыя, исковерканныя, нынѣ валяются гдѣ-нибудь на заднихъ дворахъ или въ подвалахъ совѣтскихъ ревтрибуналовъ.

Г Л А В А V.

П р о с в ѣ щ е н і е.

Далѣе упрощенія и опрощенія русскаго правописанія Народный комиссаріатъ просвѣщенія въ своей борьбѣ съ безграмотностью юпока не подвинулся. Несмотря на объявлявшіеся дни и недѣли „борьбы съ безграмотностью“, Наркомпросъ въ этомъ дѣлѣ не достигъ положительныхъ результатовъ. При существующей нынѣ въ Россіи постановкѣ вопроса, не только „недѣли“, но даже и мѣсяцы борьбы съ безграмотностью не принесутъ пользы, хотя бы „фронтомъ борьбы съ безграмотностью“ была объявлена вся Россія, а не только какіе — нибудь отдѣльные раіоны. Никто въ Совѣтской Россіи и не считается серьезно съ тѣми свѣдѣніями, которыя чуть - ли не ежедневно преподносятся въ газетахъ подъ рубрикой, „борьба съ безграмотностью“. Зато въ дѣлѣ народнаго развращенія вѣдомствомъ тов. Луначарскаго достигнуты опредѣленные результаты. Къ этому дѣлу приспособлены трудовыя школы первой ступени и въ особенности второй ступени (соотвѣтствующія прежнимъ гимназіямъ). Школы эти, вслѣдствіе безобразнаго поведенія въ нихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, обучающихся совмѣстно, пріобрѣли въ Совдепѣи такую дурную славу, что всѣ родители, если только могутъ, стараются не помѣщать въ нихъ своихъ дѣтей, предпочитая видѣть ихъ недорослями, чѣмъ навсегда испорченными и морально развращенными. Очевидно, въ цѣляхъ раскрѣпощенія женщины, какъ о томъ краснорѣчиво вѣщаютъ коммунистическія программы, своими трудовыми школами совѣтская власть достигла чрезмѣрнаго повышенія числа абортонъ и иныхъ скандаловъ этого рода у дѣвочекъ подростковъ, посѣщающихъ классы совмѣстнаго обученія единой трудовой совѣтской школы.

Большевики усиленно рекламируют свою трудовую школу, приписывая ей технический прикладной характер. На самомъ же дѣлѣ это является однимъ изъ обычныхъ обмановъ или самообмановъ совѣтской власти. Когда не только нѣтъ простыхъ учебниковъ, но когда даже такіе предметы, какъ тетради и карандаши являются для учениковъ неслыханной роскошью, а наличие запаса топлива для обогрѣванія школы отмѣчается уже какъ какое-то исключительное чудо, — ясно, въ какомъ масштабѣ можетъ производиться ознакомленіе полузамерзшихъ и голодныхъ дѣтей безъ какихъ-либо пособій „въ теоріи и на практикѣ со всѣми основными отраслями производства“. Лицемѣрные плакаты, вродѣ: „дѣти—наше богатство, наше будущее“, „коммунизмъ заботится о дѣтяхъ“, „совѣтская власть тратитъ на дошкольное воспитаніе больше, чѣмъ всѣ буржуазныя правительства“, — которые имѣются повсюду въ Совдепії и рассчитаны больше на наивность иностранцевъ, могутъ вызывать у знающихъ истинное положеніе вещей, лишь презрѣніе къ завѣдомому лганью правящей официальной Россіи.

Что же есть на самомъ дѣлѣ? Какъ поставлено у большевиковъ начальное образованіе? А вотъ какъ. Имѣются отобранные у буржуазіи хорошіе особняки, изъ которыхъ власть имѣющіе комиссары развезли къ себѣ по домамъ всю наилучшую обстановку и оставили пустыя стѣны. Въ эти комнаты внесли наскоро сдѣланные плохіе столы и скамьи, пригласили „совбарышень“ и „совстардѣвъ“, предварительно испытавъ ихъ коммунистическое правовѣріе — и совѣтскій дѣтскій садъ готовъ. О ѣдѣ для дѣтей долженъ позаботиться Наркомпродъ, о пособіяхъ и забавахъ—Наркомпросъ, о здоровьи Наркомздравъ. Результаты слѣдующіе—(примѣръ по Ростову на Дону): дѣти одного изъ пріютовъ заболѣваютъ сапомъ и для ликвидаціи этой заразной болѣзни ихъ нарочно отравляютъ. Топливо бываетъ не всегда и дѣти мерзнутъ, синѣютъ отъ холода. Многіе заболѣ-

ваютъ и умираютъ. Ёда. — Какая же ёда, когда продовольствія не хватаетъ: „все буржуи проклятые виноваты“, — вѣчный припѣвъ продоргановъ и, конечно, пріюты не получаютъ пищу, особенно въ весеннее и лѣтнее время, передъ реализаціей новаго урожая. Сидятъ бѣдные дѣти ежедневно на голодномъ пайкѣ, получаютъ какіе-то бурые макароны, хлѣбъ и бурду вмѣсто чая. Начинаются перебои въ полученіи этихъ продуктовъ, и не получающіе даже такой скудной пищи, замерзающіе дѣти возвращаются домой, составляя еще болѣе тяжкое бремя для своихъ матерей. Если родители и посылаютъ своихъ дѣтей въ совѣтскіе дѣтскіе сады, то только по двумъ основаніямъ: всетаки дѣти хоть изрѣдка, но получаютъ ёду въ добавокъ къ домашней проголоди и не торчатъ безъ толку дома. Что же касается одежды и обуви, которыя дѣти въ теоріи должны получать отъ государства, то первоначально въ Ростовѣ это было достигнуто повальнымъ массовымъ грабежомъ буржуазіи, подъ видомъ изъятія у нея излишковъ (лѣто 1920 года); этимъ дѣло и кончилось. Какъ и чѣмъ снабжать дѣтей далѣе — вопросъ. Въ области развлеченія и игръ дѣло тоже обстоитъ плохо, ибо Наркомпросъ, а въ особенности провинціальныя его отдѣлы — весьма убогія учрежденія и кромѣ различныхъ циркуляровъ „о правилахъ“, ничего другого дать не могутъ. Государство не можетъ обезпечить школу даже простой бумагой. Такимъ образомъ въ оборудованіи школы все зависитъ отъ личной ловкости руководительницъ. Но послѣднія по большей части сами мало заинтересованы въ успѣшности дѣла. Какъ и всѣ совѣтскіе служащіе, онѣ относятся халатно къ своимъ обязанностямъ и думаютъ лишь о томъ, какъ бы спровадить скорѣе дѣтей, да разъ въ мѣсяцъ представить рекламный отчетъ о своей дѣятельности. Зато онѣ весьма налегаютъ на изученіе дѣтьми „интернаціонала“ и учатъ ихъ вырѣзывать совѣтскія звѣзды и красныя флаги, съ которыми дѣти потомъ разъѣзжаютъ по городу на автомобильныхъ платфор-

махъ 1-го мая и въ другіе дни „пролетарскихъ торжествъ“. Очевидно, что „интернаціональ“ и красные флажки — и суть задачи совѣтскихъ дѣтскихъ садовъ — предварительная подготовка будущихъ „всесторонне развитыхъ членовъ коммунистическаго общества“.

Что касается образованія для взрослыхъ, уже грамотныхъ лицъ, то оно поставлено дѣйствительно весьма широко въ Совдепіи. Объясняется это упрощеннымъ способомъ превращенія каждаго интеллигента въ преподавателя и въ „профессора“ въ совѣтскомъ смыслѣ. Какъ ни странно, на-ростаніе огромнаго количества всякихъ обще-образовательныхъ и техническихъ учебныхъ за-веденій всевозможныхъ наименованій объясняется, однако, весьма просто. Не желая участвовать въ совѣтскомъ строительствѣ и будучи по совѣтскимъ правиламъ обязанными такъ или иначе тру-диться, многія интеллигентныя силы открываютъ подъ эгидой совѣтской власти разныя учебныя заведенія. Общее число подобныхъ разсадниковъ знанія, конечно, значительно превышаетъ дѣй-ствительную въ нихъ потребность. Такъ, на-примѣръ, въ 1921 г. въ Совѣтской Россіи числилось 4432 спеціальныхъ учебныхъ заведеній съ 483.000 учащихся, изъ нихъ считали себя высшими 211 училищъ со 180.000 учащихся. Въ одномъ Ростовѣ на Дону за сезонъ 1920—1921 г. всякихъ учебныхъ заведеній, курсовъ долго- и кратко-временныхъ числилось до 200. Естественно, что, при такомъ обиліи учебныхъ заведеній, учащихся приходится въ нихъ чуть-ли не зазывать. Въ ре-зультатѣ этого получается такое уродливое явле-ніе, что многіе вступаютъ въ спеціальныя школы, руководимыя матеріальными благами, которыя въ нихъ предоставляются учащимся. Рабочій факуль-тетъ, напри-мѣръ, самый выгодный, даетъ слушате-лямъ и деньги, и солидный красноармейскій паекъ. Но поступать въ него невыгодно по другимъ причинамъ. Факультетское начальство строго слѣдитъ за посѣщеніемъ лекцій и за политическимъ міровоззрѣніемъ своихъ слушателей; археологи-

128

ческій институтъ, правда, политическими убѣжденіями своихъ слушателей вовсе не интересуется, да и посѣщеніе лекцій въ немъ не обязательно, къ вящему удовольствію преподавателей и слушателей, но зато онъ не обезпечиваетъ слушателямъ пропитанія. Хорошая столовая при одногодичныхъ курсахъ по сбору лекарственныхъ растений, но зато на курсахъ никто не получаетъ денежнаго соціального обезпеченія. Этого послѣдняго нѣтъ и на курсахъ кожевеннаго производства и пожарнаго строительства, но зато эти послѣдніе приносятъ числящимся на нихъ въ видѣ преміи по парѣ сапогъ, а они стоятъ въ продажѣ 100.000 руб. Вотъ какого рода соображеніями руководствуются теперь лица, состоящія въ Совдѣніи слушателями разныхъ институтовъ, курсовъ, техникумовъ и политехникумовъ! Многіе поступаютъ въ эти учрежденія изъ желанія избавиться отъ трудовой повинности; другіе, чтобы сѣдать 2 обѣда, третьи, чтобы получить лишній окладъ совѣтскаго жалованія и т. п. Благодаря этому въ спискахъ какого-нибудь политехникума значатся одновременно и молодой коммунистъ, и сѣдой бывшій петроградскій чиновникъ, и недоучившаяся совѣтская барышня, нехотя совмѣщающая ученіе со службой въ какомъ-нибудь Главфармазавѣ, и буржуазнаго типа дама, терпѣливо посѣщающая курсы стенографіи, чтобы только избѣжать такимъ путемъ принудительной уборки улицъ и т. п. работъ, къ которымъ женщины привлекаются въ порядкѣ трудовой повинности.

Хаосъ въ преподаваніи въ высшей школѣ не меньшій, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ народнаго просвѣщенія. Прекращено преподаваніе цѣлаго ряда юридическихъ дисциплинъ, какъ римское право, гражданское право, оба процесса и т. д. Введены факультеты общественныхъ наукъ и рабочіе факультеты съ весьма расплывчатыми и неопредѣленными программами при незамѣщенныхъ кафедрахъ. Однако, сдѣлаться ученымъ очень не трудно; достаточна протекція къ комачейкѣ университета или къ стоящему во главѣ ея ректору.

Три года непрерывнаго чтенія лекцій закрѣпляютъ за лекторомъ званіе профессора, независимо отъ его дѣйствительнаго ученаго стажа. Въ сущности, ни въ средней, ни въ высшей школѣ нѣтъ никакихъ испытаній для провѣрки успѣшности усвоенія учащимися пройденнаго и потому можно легко себѣ представить тотъ общеобразовательный и научный багажъ, съ которымъ они покидаютъ свои учебныя заведенія.

Условія, въ которыя поставлено преподаваніе, нельзя назвать иначе, какъ неслыханнымъ издѣвательствомъ надъ ученіемъ. Конечно, и въ высшей школѣ нѣтъ никакихъ пособій для учащихся. Въ матеріальномъ отношеніи послѣдніе такъ же плохо устроены, питаются кое-какъ, сидя большей частью на одномъ совѣтскомъ супѣ въ столовкахъ. Въ Донскомъ университетѣ въ Ростовѣ, несмѣтря на близость угольнаго раіона, въ теченіе зимы 1920—1921 г. г., помѣщенія, кромѣ кабинета ректора, не отапливались вовсе. Занятія происходили частью по вечерамъ, причемъ аудиторіи не освѣщались и не отапливались, такъ что слушателямъ и профессорамъ приходилось сидѣть въ нихъ, не раздѣваясь и приносить съ собою ночники или свѣчные огарки, чтобы не очутиться въ полномъ мракѣ. Можно себѣ представить эту картину аудиторіи, пребывающей въ полумракѣ, профессора въ зимнемъ пальто и шапкѣ, закутаннаго въ башлыкъ, читающаго, при 3° тепла въ комнатѣ, охриплымъ отъ холода голосомъ, при свѣтѣ тускло мерцающаго ночника свою лекцію! Извольте въ такой обстановкѣ что-нибудь записать, а для лектора попытаться изобразить на доскѣ какой-нибудь пояснительный чертежъ. Ясно, до какой степени обалдѣнія отъ холода доходятъ къ концу занятій всѣ въ аудиторіи и съ какой исключительной неохотой посѣщаются лекціи. Наконецъ, лекціи закончены; изъ нетопленныхъ и темныхъ аудиторій стремительно бѣгутъ домой продрогшіе и полуголодные профессора, и русская учащая молодежь. А въ это время рядомъ съ этимъ уни-

верситетомъ, въ содержимомъ на средства того же Наркомпроса циркъ, отопливаемомъ и залитомъ свѣтомъ, жадная до зрѣлищъ толпа, глазѣтъ на то, какъ откормленные свиньи въ цилиндрахъ на аренѣ изображаютъ изъ себя недорѣзанныхъ буржуевъ. Нельзя не отмѣтить и того самопожертвованія, съ которымъ старыя русскія ученые силы приносили себя въ жертву любимому ими дѣлу. Сколько ученыхъ съ крупными именами перемерло въ Совѣтской Россіи исключительно изъ-за своей преданности долгу и чтенію лекцій въ подобныхъ неслыханныхъ въ мірѣ условіяхъ. Въ виду того, что зимой 1922 года положеніе съ продовольствіемъ будетъ еще хуже, надо полагать, что академическій годъ будетъ опять сорванъ.

Чтобы нѣсколько улучшить положеніе русскихъ ученыхъ, созданъ былъ не такъ давно въ Петроградѣ „Домъ ученыхъ“. Учрежденіе это обнимаетъ собою и учебно-просвѣтительныя задачи, и продовольственную помощь для ученыхъ. При названномъ домѣ имѣется и баня, (довольно регулярно функціонирующая), и продовольственная лавка, и общежитіе, куда могутъ направляться пріѣзжающіе въ городъ ученые. Издательская часть даетъ довольно крупные по совѣтскому масштабу гонорары за представляемые труды, которые потомъ за отсутствіемъ матеріала для печатанія мирно почіютъ подъ спудомъ. Во главѣ учрежденія, какъ уже мною было отмѣчено, стоитъ Максимъ Горькій. Долгое время онъ былъ въ большомъ фаворѣ у большевиковъ и это имѣло глубокое значеніе для успѣшности развитія задачъ, поставленныхъ Дому, которому на его нужды отпускались Совнаркомомъ большія средства. Учрежденіе было изъято изъ обычнаго контроля и однимъ словомъ находилось въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, въ какія въ Совдепіи попадаетъ далеко не всякое учрежденіе, даже находящееся въ модѣ. Горькій, для оборудованія дѣла, взялъ себѣ въ ближайшіе помощники небезызвѣстнаго Родз, бывшаго владѣльца крупнѣйшаго лѣтняго кафе-шантана столицы,

который и поставилъ всю хозяйственную сторону на должную высоту, не забывая при этомъ, конечно, своихъ личныхъ выгодъ и интересовъ. Собственные маршрутные продовольственные поѣзда дали возможность Дому ученыхъ, при наличіи крупныхъ средствъ, закупать продукты на мѣстахъ изъ первыхъ рукъ и доставлять ихъ въ Петроградъ, и мѣстные ученые дѣйствительно оказались въ болѣе привилегированномъ положеніи, чѣмъ другія лица. Однако, личное вліяніе Максима Горькаго въ послѣднее время нѣсколько уменьшилось, а вмѣстѣ съ этимъ и все, организованное имъ дѣло, быстро стало клониться къ упадку. Послѣдовало сокращеніе числа лицъ, состоявшихъ на академическомъ продовольственномъ пайкѣ — индивидуализація продовольственного обезпеченія распространена и на ученыхъ. Къ Пасхѣ 1921 года положеніе ученыхъ въ Петроградѣ въ связи съ обозначившимся катастрофическимъ положеніемъ продовольственныхъ ресурсовъ страны, стало опять ухудшаться. Одинъ весьма пожилой, изъ видныхъ бывшихъ профессоровъ Петроградскаго Университета, говорилъ мнѣ: „Занимаю я въ общей сложности 17 мѣстъ, бѣгаю цѣлый день. Иногда приходится продѣлывать пѣшкомъ до 20 верстъ, и видите, сегодня уже третій день, какъ не могу получить хлѣба для себя и семьи, кромѣ вотъ этой крупы, которую мнѣ дали.“ У профессора черезъ спину продѣта была котомка, въ которой лежало фунтовъ 10 какой-то крупы.

Тяжелое положеніе ученыхъ силъ въ Петроградѣ повлекло за собой обращеніе въ началѣ мая 1921 г. Дома ученыхъ въ лицѣ М. Горькаго къ профессорамъ Финляндіи съ воззваніемъ о помощи голодающимъ ученымъ, состоящимъ на иждивеніи названнаго Дома. Населеніе Петрограда, однако, въ общемъ отрицательно отнеслось къ этой мѣрѣ, находя, что нельзя создавать новыя привилегіи для маленькой категоріи гражданъ города, когда рядомъ, не менѣе заслуживающія государственнаго попеченія лица,

какъ инженеры, архитекторы и т. д., будутъ умирать съ голоду, — тѣмъ болѣе, что въ Домъ ученыхъ попало и много лицъ, имѣющихъ, по прежнимъ представленіямъ, къ „учености“ мало отношенія и, наконецъ, въ него не входятъ всѣ ученныя силы остальной Россіи, поскольку онѣ находятся внѣ Петрограда.

„Р а б и с ь.“

Театры и музеи также находятся въ завѣдываніи Наркомпроса (Народнаго Комиссара просвѣщенія). Учитывая огромное психологическое значеніе зрѣлищъ для народа, большевики на первыхъ же порахъ приняли театры подъ особое покровительство, создавъ имъ коммунистическую няньку въ лицѣ Луначарскаго. Благодаря этому, артисты все время находились въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ остальное населеніе Совѣтской Россіи, и этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему въ Совдепіи до послѣдняго времени сохранилось много артистическихъ силъ. На первыхъ порахъ послѣ большевистскаго переворота многія интеллигентныя женщины входили въ профессиональный союзъ Рабисъ (работниковъ искусства) и приписывались къ какому-нибудь мелкому театрику на третьестепенныя амплуа, чтобы сохранить за собой всѣ свои носильныя вещи и предметы домашняго обихода. Поскольку артисты и художники не занимались политикой, имъ жилось не въ примѣръ лучше прочихъ гражданъ Совѣтской Россіи и они долго сохраняли свое привилегированное положеніе. Переломъ въ отношеніи къ нимъ наступилъ на порогѣ 1921 года, когда стали закрываться спеціальныя столовыя Рабиса, въ которыхъ служащіе театровъ считались лучше, чѣмъ граждане, обѣдавшіе въ совѣтскихъ столовыхъ. Съ этого же времени у артистовъ провинціи и центра, не состоящихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Кремлевскимъ и Лубянскимъ сферамъ и не выступающихъ на интимныхъ вечерахъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, стали отнимать болѣе повышенные оклады жалованія,

деньги на представительство и даже самую возможность получать обмундирование и косметику изъ советскихъ запасовъ. Это заставило артистовъ броситься въ спекуляцію. Многіе изъ нихъ открывали маленькія лавченки или составили кооперативные театры для параллельной работы съ правительственными театрами. Я не знаю, выиграло ли русское театральное искусство отъ того, что всѣ театры стали государственными, хотя прежніе государственные-Императорскіе театры и стояли на высотѣ положенія, являя примѣръ высокаго служенія искусству, за которыми тянулись уже и другія частныя театральныя антрепризы. Тѣ же мелкіе примѣры, которые мнѣ пришлось видѣть, убѣждаютъ меня въ обратномъ.

Театры въ Ростовѣ на Дону были націонализированы не сразу. Долше всѣхъ держался частный театръ типа Московской Летучей Мыши — „Гротескъ“, до начала осени 1920 года. Это былъ единственный уголокъ въ Ростовѣ, гдѣ можно было нѣсколько отдохнуть часокъ — другой и пожить старыми переживаніями. Публика на спектакли въ „Гротескъ“ приходила какъ-то аккуратнѣе, чѣмъ въ другіе театры. Съ своей стороны и оркестръ былъ подтянутъ и артисты играли дружно, доставляя эстетическое удовольствіе ростовской публикѣ, охотно посѣщавшей этотъ театръ. Правда, слѣдуя духу времени, буфетъ въ „Гротескъ“ закрыли и создали даже въ духѣ советскихъ установленій должность Зампредрежкола (замѣстителя предсѣдателя режиссерской коллегіи), какъ о томъ объяснялъ съ ramпы талантливый директоръ и конференсье Гротеска г. Алексѣевъ. Но началось лѣто 1920 г.: наступленіе барона Врангеля, высадка полковника Назарова повлекли за собой большіе аресты въ Ростовѣ, въ томъ числѣ и среди артистовъ театра Гротескъ. Отношенія съ мѣстной властью обострились и вотъ въ одинъ прекрасный день въ театръ явился нарядъ чека и опечаталъ его. Театръ очень долго стоялъ закрытымъ; артисты сидѣли

безъ работы, и въ концѣ концовъ о Гротескѣ всё какъ-то позабыли. Много времени спустя я встрѣтилъ главнаго капельмейстера театра, который мнѣ сообщилъ, что театръ опять уже работаетъ, но подъ другимъ названіемъ. Въ него пригоняютъ по наряду красноармейцевъ изъ Ростовскаго гарнизона. — „Что же, вы ипопрежнему усиленно разучиваете музыку съ вашимъ оркестромъ?“ поинтересовался я. — „Какое тамъ“, улыбнулся мой собесѣдникъ и безнадежно махнулъ рукой. „Теперь я цѣлый день самъ даю частные уроки, чтобы только прокормить свою семью.“ — „А какъ же программа?“ вновь спросилъ я. — „Да все тѣ же старыя заигранныя вещи, идущія безъ репетиціи. Къ тому же и сама труппа порастаяла и куда-то вся разбѣжалась,“ закончилъ мой собесѣдникъ. Потомъ мнѣ приходилось слышать отъ лицъ, попадавшихъ по особой коммунистической протекціи въ этотъ театръ, что дѣло тамъ идетъ плохо и спектакли совершенно не похожи на прежнія постановки. Таково же, по общимъ отзывамъ, положеніе во всѣхъ провинціальныхъ театрахъ и во многихъ столичныхъ. Артисты плохо одѣты, нехотя и небрежно исполняютъ свои роли, все болѣе и болѣе дѣлаясь похожими своей профессиональной дѣятельностью на рядовыхъ совѣтскихъ служащихъ.

Театры могутъ служить средствомъ пропаганды. Поэтому въ Россіи они прибраны къ рукамъ совѣтской властью, являясь, между прочимъ, однимъ изъ средствъ для успокоенія голодныхъ и удовлетворяя потребности народной массы къ дрѣвлицамъ. Поэтому-то въ нихъ могутъ попадать преимущественно лишь совѣтская буржуазія или диктаторствующій пролетаріатъ, т. е. рабочіе и красноармейцы. Раньше можно было пріобрѣтать билеты въ театръ всѣмъ рядовымъ гражданамъ. Недавно, однако, это дѣло окончательно обобществлено; получать ихъ можно только черезъ профессиональные союзы, т. е. въ жизнь проведено положеніе, что театръ только для трудящихся. Однако, это дѣло поставлено истинно по совѣтски.

Напримѣръ, вы рѣшили завтра пойти въ театръ и дѣлаете соотвѣтственное заявленіе своему ком-служу, обычно получая въ отвѣтъ: „На сегодня билеты свободные есть, на завтра же нѣтъ.“ Черезъ нѣкоторое время опять обращаетесь съ аналогичной просьбой. Оказывается, есть только три билета на дѣтскій спектакль. И такъ всегда! Вы хотите пойти въ концертъ, а вамъ предлагаютъ билеты въ циркъ; хотите въ оперу, а вамъ навязываютъ мѣсто въ оперетку и т. д. Благодаря такой системѣ, всякій служащій, въ концѣ-концовъ, махнетъ рукой на это дѣло и вовсе перестанетъ ходить въ театры. Этимъ и объясняется большое подчасъ количество пустыхъ мѣстъ въ театрахъ. Съ другой стороны это влечетъ за собою ростъ барышничества билетами, которое и теперь процвѣтаетъ, но уже въ иномъ масштабѣ, чѣмъ раньше. За билетъ на большіе спектакли барышнику платятъ въ Москвѣ до 50.000 руб. и выше за мѣсто. Кинематографы тоже трудно посѣщать и публика въ нихъ бываетъ только чисто пролетарская.

Пролеткультъ — учрежденіе, мода на которое уже прошла, когда оно докатилось до Ростова. Ростовскій Пролеткультъ обосновался въ зданіи, въ которомъ до того помѣщалось Управление Финансовъ генерала Деникина; еще раньше, мѣстный кафешантанъ „Марсъ“ (такова переменчивая судьба зданія). Двери его плотно закрылись и до широкихъ слоевъ ростовской публики не доходило извѣстій о томъ, чѣмъ тамъ занимаются посѣщающіе его коммунисты. Позднѣе, изъ разспросовъ въ Москвѣ, я убѣдился, что это учрежденіе, имѣющее заданіемъ давать рабочимъ возможность развивать свои дарованія въ области искусства, трактуемаго въ пролетарскомъ масштабѣ, находится въ періодѣ маразма, застоя и отмиранія, служа скорѣе мѣстомъ для rendez-vous и пролетарскаго флирта. Поэтому къ Пролеткульту, съ которымъ прежде связывалось столько надеждъ, совершенно отпалъ нынѣ правительственный и общественный интересъ.

Концерты въ Совѣтской Россіи составляютъ довольно обыденное явленіе. Музыканты часто даютъ концерты, такъ какъ они предоставляютъ участникамъ возможность усиленно зарабатывать деньги. Кромѣ того состава публики, который теперь посѣщаетъ концерты, они въ общемъ мало измѣнили свой характеръ. Однако, въ Ростовѣ минувшимъ лѣтомъ появилось курьезное объявленіе мѣстныхъ властей, расклеенное на всѣхъ улицахъ, рисующее отношеніе къ музыкальному исполненію властей, примѣрно, слѣдующаго содержанія: „Въ послѣднее время номера музыкальных программъ, исполняемые оркестрами и на концертахъ, или слишкомъ трудны для пониманія народныхъ массъ, — относясь всецѣло къ области буржуазнаго искусства, или же прямо контръ-революціонны (какъ, на примѣръ“ отрывки изъ сюиты 1812 г. Чайковского, оперы „Жизнь за Царя“ и т. д.). Поэтому, въ цѣляхъ облегченія усвоенія широкими пролетарскими массами предлагаемой ихъ вниманію музыки, а также для пресѣченія контръ-революціонныхъ тенденцій, усматриваемыхъ въ выборѣ капельмейстерами пьесъ, указанному нежелательному явленію долженъ быть положенъ конецъ. Впредь для каждаго концерта, гдѣ бы таковой ни имѣлъ мѣсто, музыкальная программа должна составляться предварительно и представляться на разсмотрѣніе и утвержденіе мѣстнаго Наробраза и военнаго начальства и, лишь послѣ одобренія ими такой программы, она можетъ исполняться передъ публикой“. Казалось бы, что подобное щедринское распоряженіе не могло долго оставаться въ силѣ. Официальной отмѣны его, однако, не послѣдовало. При этомъ самый фактъ опубликованія такого приказа показываетъ, какъ серьезно смотрѣли на этотъ вопросъ товарищи-составители подобнаго распоряженія.

Выставки картинъ—о нихъ что-то мало слышно въ Совѣтской Россіи. Активныхъ художниковъ почти нѣтъ. Они или эмигрировали, или устроились въ совѣтскія учрежденія на канцелярскую службу, или же поступили въ различные агит-

отдѣлы, украшая окна бывшихъ магазиновъ различными безобразными въ пролеткультовскомъ вкусѣ плакатами, или же рисуя каррикатуры на Европу (юмористическіе обзоры политической хроники). Красокъ нѣтъ. Нѣкоторыя краски не получить ни за какія деньги. Выгоднѣе спекулировать этими красками, чѣмъ ими работать. Журналовъ и художественныхъ изданій почти нѣтъ; во всякомъ случаѣ то, что есть, является какимъ-то крайнимъ убожествомъ. Однимъ словомъ, русское искусство постепенно сходить на нѣтъ.

Музейное дѣло развито шире, ибо большевики свозятъ въ музеи всѣ награбленные въ буржуазныхъ квартирахъ предметы искусства, поскольку таковые не прилипаютъ по дорогѣ къ рукамъ чекистовъ. Многіе могутъ видѣть въ музеяхъ свои вещи. Нѣкоторыя лица, случайно сберегшія художественные предметы, зная, что въ музеяхъ ихъ вещи лучше могутъ сохраниться, чѣмъ дома, передаютъ ихъ туда въ видѣ пожертвованія для храненія. Теперь въ это дѣло внесено немного больше порядка, благодаря тому, что на службѣ въ музейной администраціи устраиваются многіе интеллигенты. Хуже обстояло дѣло раньше, когда во главѣ этихъ учрежденій стояли лица съ коммунистическими взглядами на право собственности и не дѣлавшими большой разницы между личными вещами и казенными, ввѣренными ихъ храненію. Благодаря этому, экспортъ русскихъ *objets d'art* (въ особенности благодаря сотрудничеству чиновниковъ нѣкоторыхъ иностранныхъ миссій) въ зимній сезонъ 1921 года принялъ характеръ массовыхъ ликвидацій художественныхъ цѣнностей русскихъ столицъ, и въ особенности, Петрограда. Многіе собственники сами охотно перепродавали принадлежащія имъ антикварныя рѣдкости, чтобы такимъ образомъ получить средства для жизни. На бумагѣ, конечно, дѣло вывоза за границу иностранцами и оптантами предметовъ художественной старины и рѣдкостей, обставлено строгостями, граничащими съ полной,

казалось бы, невозможностью такого вывоза. Фактически же, въ дипломатическихъ вагонахъ и въ товарныхъ, слѣдующихъ съ имуществомъ оптантовъ, русскія художественныя сокровища продолжали и продолжаютъ уплывать за границу. Въ городахъ нѣкоторые особняки обращены въ музеи, куда свозятся и другіе предметы, имѣющіе историческую цѣнность. Такъ, на примѣръ, домъ Хомяковыхъ, на Собачьей площадкѣ въ Москвѣ, обращенъ въ музей 40-хъ годовъ, причемъ въ немъ сосредоточиваются также и поступленія, имѣющія отношеніе къ инымъ эпохамъ изъ другихъ квартиръ, такъ что сами хранители и руководители музея затрудняются иногда объяснить любознательному посѣтителю происхожденіе нѣкоторыхъ вещей и отношеніе ихъ къ той эпохѣ (40-хъ годовъ), быть которой долженъ характеризовать названный музей. Равнымъ образомъ и подмосковныя дачи прежнихъ вельможъ, какъ Кусково, Архангельское и другія, обращены въ музеи, которые охотно посѣщаются многочисленной публикой, особенно по праздникамъ. Помимо чисто художественныхъ, возникло много и другихъ музеевъ, въ частности, на примѣръ, исторіи февральской революціи и коммунистическаго переворота. Всѣ музеи и картинныя галлерей, открыты ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ, и обычно полны публикой, отдыхающей въ нихъ на время отъ тяжелаго совѣтскаго режима и наглядно видящей въ нихъ разницу жизни въ прежней и новой коммунистической Россіи.

П р о п а г а н д а.

Большевики въ своей программѣ начертали задачей развитіе самой широкой пропаганды коммунистическихъ идей и использованіе для этой цѣли аппарата и средствъ государственной власти. Развивая эту мысль и претворяя ее въ действительность, они работали въ двухъ направленіяхъ: всячески старались развивать собственную пропаганду и одновременно парализо-

вать всякую анти-коммунистическую пропаганду, откуда бы таковая не исходила.

Пропаганда всегда была мощнымъ орудіемъ укрѣпленія совѣтской власти и пользовались большевики ею весьма умѣло. Прежде всего нужно было наладить письменную и устную агитацію. Въ этихъ цѣляхъ сразу же создается рядъ военно-политическихъ организацій по пропагандѣ въ арміи. Организуются агитотдѣлы, которые обеспечиваются надлежащимъ персоналомъ и средствами. Затѣмъ подобные и аналогичные имъ органы образуются во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ. На профессиональные союзы, равнымъ образомъ возлагается задача пропаганды. Такимъ образомъ, каждый органъ управленія: Покавфронтъ, Главгвоздь, Центропоташъ, Донутиль и т. п. въ лицѣ своей комячейки являются орудіемъ пропаганды; иными словами, чуть-ли не вся Россія въ лицѣ ея городского населенія распропагандировывается въ такомъ принудительномъ порядкѣ. Дальнѣйшее зависитъ только отъ умѣлости и дарованія руководителей пропаганды. Если дѣло агитаціи налаживается плохо и необходимъ коммунистическій нажимъ, какъ, напримѣръ, лѣтомъ 1920 года при наступленіи ген. Врангеля и поляковъ, устраиваются собранія служащихъ, которымъ чуть-ли не подъ страхомъ дисциплинарнаго взысканія за неявку на собраніе, приходится выслушивать трафаретныя, съ большимъ или меньшимъ пафосомъ произносимыя рѣчи все на ту же тему о скоромъ наступленіи мірового торжества коммунистической идеи, о грядущей всемірной революціи и т. п. и угрозы по адресу саботажниковъ и разгильдяевъ, наемниковъ иностраннаго капитала. Затѣмъ подносится заранѣе подготовленная комячейкой безграмотная резолюція. Приведу дословно одну, случайно у меня сохранившуюся: „Мы, сотрудники и рабочіе (такого-то учрежденія) рѣшили вступить въ окончательный бой съ разрухой, которую намъ оставили въ наслѣдіе паразиты. Мы считаемъ себя сынами Совѣтской Россіи и, не считаясь со своей тяжестью и уста-

лостью здоровья, идемъ впередъ съ молоткомъ въ рукахъ и уничтожаемъ все, что мѣшаетъ намъ добиться свѣтлой будущей жизни. Наступаетъ весна, которая угрожаетъ сильнымъ разливомъ воды и можетъ затопить наши ремонтирующіеся пароходы. Да здравствуетъ упорный трудъ по ремонту пароходовъ до спуска ихъ на воду. Рабочіе-водники учили, что только общими усиліями на трудовомъ фронтѣ мы достигаемъ побѣдъ. Не взирая ни на какія невзгоды и лишенія они твердой, увѣренной рабочей рукой куютъ свое счастье. Высокое сознаніе, проявленное рабочими-водниками, да послужитъ примѣромъ для всѣхъ рабочихъ Ростова и Нахичевани, заставивъ замолчать всѣхъ тѣхъ, кто злонамѣренно своимъ змѣинымъ шипѣніемъ стремится затмить великія побѣды рабочихъ Совѣтской Россіи. Да здравствуетъ рабоче-крестьянская республика и ея вожди т. т. Ленинъ и Троцкій! — Да здравствуетъ III Интернаціональ! — Да здравствуетъ всемірная коммунистическая революція!“

Конечно, большая часть принудительно присутствующихъ на такихъ митингахъ интеллигентовъ и рабочихъ иронически прислушивается къ тому, что говорится на нихъ по набившимъ оскомину вопросамъ. Однако, все же постоянное одностороннее и тенденціозное освѣщеніе происходящаго во всемъ остальномъ мірѣ въ совѣтской прессѣ, угнетающе дѣйствуетъ на населеніе. Тѣло умучили, волю убили, душу сожрали у интеллигенціи Совѣтской Россіи чрезвычайными и всякими агитотдѣлами!

Дабы поднять интересъ у болѣе интеллигентной публики, уже не посѣщающей обычныхъ митинговъ на открытомъ воздухѣ, — въ послѣднее время введена новая форма пропаганды, въ видѣ концертовъ-митинговъ. Въ началѣ на такихъ митингахъ публику увлекаютъ обычными концертными номерами, затѣмъ начинаютъ выступать агитаторы, а чтобы публика не разошлась, конецъ программы опять улаживаютъ музыкальными номерами. Съ цѣлью пропаганды устраиваются спеціальныя пока-

зательные суды надъ интеллигенціей, буржуазіей и всѣми политическими врагами. Дѣло ставится широко, выступаютъ и обвинители и защитники (проводится почти весь судебный процессъ) и, наконецъ, выносится приговоръ, всегда, конечно, отвѣчающій интересамъ совѣтской власти. Пропаганда переносится и на рельсы; образуются спеціальныя агитпоѣзда, которые перебрасываются изъ одного мѣста въ другое, служа для разъѣзжающихъ въ нихъ коммунистовъ средствомъ хорошо спекулировать, ускользая отъ надзора заградительныхъ отрядовъ. Но не эта сторона вопроса насъ здѣсь интересуетъ, а государственная. Въ этомъ отношеніи работа агитпоѣздовъ слагается изъ слѣдующихъ элементовъ: въ поѣздахъ на собственныхъ типо-машинахъ печатаются агитгазеты; въ нихъ продается и раздается специфическая литература; ѣдущіе съ поѣздомъ агитаторы читаютъ лекціи, устраиваютъ митинги и собранія. Особенно продуктивна ихъ дѣятельность, въ тѣхъ случаяхъ, когда администрація ихъ ловко и незамѣтно вплетаетъ чисто политическую агитацію въ вопросы спеціальной производственной пропаганды; когда вмѣстѣ съ лекціями на тему объ улучшенномъ землепользованіи, о пользѣ фосфоритнаго удобренія, тутъ же, между прочимъ, подносятся и раздаются различныя коммунистическія изданія и брошюры.

Начиная съ 1921 года, въ виду поставленной на очередь задачи возстановленія разрушеннаго народнаго хозяйства, выдвинулся и вопросъ о производственной пропагандѣ. Темой этой усиленно занимались газеты, придавалось огромное значеніе профессиональнымъ союзамъ, которые своимъ участіемъ въ пропагандѣ должны были увеличить ея значеніе — Повсюду расклеивались соотвѣтственные плакаты и воззванія. — Но гора родила мышь. Началась недѣля производственной пропаганды. Всѣ завкомы, профсоюзы, и комслужбы устраивали конференціи, засѣданія, собранія, на которыхъ доказывалось, что въ хозяйственной разрухѣ виновата Западная Европа и бѣ-

догвардейцы, что улучшить имущественное положение населенія можно только усиленіемъ производительности своего труда и сознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу, всемѣрно борясь въ своей средѣ съ проявленіями разгильдяйства, шкурничества и лодырничества, изгоняя всѣхъ бѣлогвардейскихъ шептуновъ, тормозящихъ дѣло совѣтскаго строительства и тѣмъ самымъ мѣшающихъ покончить съ хозяйственной разрухой. Выносились громкія резолюціи, допущена была, на рабочихъ производственныхъ конференціяхъ даже легкая критика дѣйствій власти. Обо всемъ этомъ покричали газеты, а затѣмъ дѣло кончилось, какъ всегда—ничѣмъ.

Такія недѣли пропаганды затѣмъ вошли въ моду и въ центрѣ, и на мѣстахъ. То смотришь объявленіе: „Недѣля борьбы съ заразными болѣзнями“ и на столбцахъ газетъ и на стѣнахъ появляются плакаты съ изображеніемъ наглядныхъ послѣдствій чахотки и сифилиса, а въ кинематографахъ въ это время ставятъ какихъ-нибудь „Бѣлыхъ рабынь“ и т. п. картины правоучительнаго содержанія. Ее смѣняетъ „Недѣля ребенка“ — развѣзжаютъ по улицамъ пріютскія изможденные дѣти, читаются лекціи на тему: „Дѣти — наше будущее“, попутно отбираютъ у населенія бѣлье, якобы для дѣтей, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующей „Недѣлѣ тары“ отбирать у населенія городовъ и въ деревняхъ мѣшки, ящики, пополняя такимъ упрощеннымъ способомъ недостатокъ казенной тары и читая въ то же время повсюду лекціи о важности для всего населенія Р. С. Ф. С. Р. продразверстки и о необходимости для успѣшности ея — „тары“ въ видѣ мѣшковъ. Потомъ смотришь наступаетъ „Недѣля чистки“, когда служащіе совѣтскихъ учреждений обязываются мыть полы, чистить служебныя помѣщенія, а рядовые граждане получаютъ такую неслыханную привилегію, какъ сходить въ баню, помыться. Ее смѣняетъ опять какая-нибудь „Недѣля краснаго пахаря“ или „Женщины работницы“ и т. д. Въ результатѣ въ Совѣтской Россіи вы совер-

шенно теряете счетъ всякимъ официальнымъ недѣлямъ и на любознательный вопросъ врядъ ли сможете точно отвѣтить, что сейчасъ идетъ— „Недѣля беременной женщины“ или какая-нибудь „Недѣля ловли майскихъ жуковъ“.

Всѣми этими недѣлями голодное населеніе, по правдѣ сказать, очень мало интересуется, кромѣ, разумѣется, всякихъ недѣль „Борьбы съ буржуазіей“ съ изъятіемъ у нея излишковъ, которыя невольно выводятъ изъ состоянія равнодушія даже самыхъ апатичныхъ гражданъ.

Находя, что всѣ эти отдѣльные недѣли недостаточны, центральная власть организовала специальную Всероссійскую недѣлю пропаганды. Во время этой недѣли въ городахъ разъѣзжали автомобили и разбрасывали всякія листовки. Секретари и президіумы комячеекъ усиленно созывались на всевозможныя засѣданія. Усерднѣе посѣщался театръ Революціонной Сатиры (теревсать) въ Москвѣ, гдѣ, въ угоду кровавымъ комиссарамъ, артисты кощунственно издѣвались надъ всѣмъ, что остается неоплеваннымъ и чистымъ въ душѣ и сердцахъ бѣдныхъ русскихъ гражданъ. Въ разграбленныхъ помѣщеніяхъ бывшихъ магазиновъ, обращенныхъ въ залы информации и телеграммъ, носящихъ имена разныхъ героевъ революціи товарищей Свердлова, Урицкаго, Луначарскаго, Горькаго всѣ стѣны были иснещены ругательскими, а подчасъ граничащими съ площадной бранью истерическими выкриками по адресу всего капиталистическаго міра, окружающаго Совѣтскую Россію. Тутъ же висѣли плакаты, превозносившіе всякія вымышленныя побѣды на трудовомъ фронтѣ, необычайныя открытія разныхъ невѣдомыхъ самоучекъ, дающія или чудовищную экономію топлива на 200 % или рабочей силы на 300 % или выполненіе фабриками заданій на 100—200 %, занесеніе на красную доску губерніи, выполнившей подразверстку. На ряду съ этимъ, посѣтители— бывшіе люди, могли видѣть творенія мѣстныхъ, продавшихся совѣтской власти художниковъ, измывающихся надъ бѣдными буржуями, генера-

лами, попами, эсэрами и меньшевиками, а также иные пасквили, всякими способами оплевывающіе ту самую русскую интеллигенцію. Тутъ же иногда организуется по праздникамъ и устная газета, т. е. поочередныя выступленія, въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени одного за другимъ агитаторовъ, которые дѣлаютъ сообщенія по рубрикамъ, соотвѣтствующимъ подраздѣленіямъ газетъ.

Развивая такую энергичную агитацію, большевики стараются укрѣпить и корни своей работы, совершенствуя самый механизмъ ея. Въ этомъ направленіи орудуютъ всевозможныя школы пропаганды, агиткурсы и т. п. специфическія учрежденія, въ которыхъ производится надлежащая политическая обработка слушателей, а затѣмъ и обученіе ихъ всевозможнымъ навыкамъ околпачиванія массы и внѣдренія въ нее коммунистическихъ истинъ. Проходится курсъ, какъ устраивать бюро информации, гдѣ можно получить всякія справки, писать жалобы и запросы, опуская ихъ въ тутъ же находящійся почтовый ящикъ, и читать всѣ большевистскія изданія. Опытные агитаторы получаютъ большіе оклады и проходятъ въ специальныхъ школахъ высшій курсъ пропаганды въ міровомъ масштабѣ. Закулиснымъ заправилою этого дѣла является III Интернаціональ, который и снабжаетъ находящіяся въ Россіи иностранныя коммунистическія организациі милліонными средствами и литературой для пропаганды коммунизма у нихъ на родинѣ.

П е ч а т ь.

Прессы въ Совѣтской Россіи, въ широкомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ, а есть только официальные изданія, единовременныя и періодическія. Главнымъ орудіемъ печатной пропаганды служитъ Госиздатъ (Государственное Издательство), дѣятельность коего сводится къ систематическому искорененію всякихъ слѣдовъ буржуазнаго міровоззрѣнія во всѣхъ вопросахъ и которое является могучимъ орудіемъ для созданія новой идеологіи,

новѣхъ навыковъ и новаго міропониманія у гражданъ коммунистическаго общества. Націоналізація всѣхъ запасовъ бумаги и всѣхъ типографій даетъ возможность пролетарскому государству издавать въ милліонахъ экземпляровъ то, что соответствуетъ видамъ правительства и которое выпускается засимъ въ широкія массы населенія въ видѣ книгъ, брошюръ, воззваній, иллюстрацій, картинъ, плакатовъ, газетъ и журналовъ. Недостатокъ бумаги заставляетъ въ данный моментъ совѣтскую власть сокращать всякаго рода печатаніе и потому для средней руки коммунистовъ дѣлается все болѣе и болѣе затруднительнымъ печатать свои произведенія. Подборъ допускаемыхъ къ печати книгъ все болѣе съужается и сводится въ послѣднее время почти исключительно къ изданіямъ агитаціоннаго характера или къ матеріаламъ и трудамъ различныхъ партійныхъ совѣщаній и съѣздовъ. Поэтому, учебники и другія необходимыя книги на русскомъ языкѣ, большевики заказываютъ и покупаютъ за границей, преимущественно въ Германіи и Прибалтійскихъ государствахъ.

Книгъ мало и получаютъ ихъ отъ Экспедиціи Центропечати и различныхъ мѣстныхъ ея отдѣловъ индивидуально почти невозможно. Книги выдаются лишь служебнымъ или ученымъ учрежденіямъ и партійнымъ ячейкамъ. Обходъ этого правила обыкновенно производится слѣдующимъ образомъ. Печатается на бланкѣ какого-нибудь учрежденія требованіе на данную книгу; затѣмъ лицо, желающее ее получить, отправляется за ней само и получаетъ ее въ Экспедиціи Центропечати, какъ бы для учрежденія за плату. Цѣны на книги установлены въ совѣтскихъ рубляхъ примѣрно такія, сколько онѣ стоили прежде въ копѣйкахъ, т. е. стоимость книгъ невелика. Что касается другихъ способовъ пополненія государственныхъ книжныхъ запасовъ то совѣтская власть разрѣшаетъ это дѣло просто, націонализируя всѣ частныя собранія и направляя потомъ эти книги въ такъ называемые книжные коллекторы, от-

куда ихъ могутъ получать опять — таки или учрежденія, или же частныя лица, во временное пользование, особымъ бюрократическимъ порядкомъ, послѣ того, какъ соотвѣтственное прошеніе предварительно пропутешествуетъ цѣлый рядъ инстанцій. Въ развитіе установленной системы книгоснабженія были изданы и строжайшія правила о недопущеніи частной торговли книгами и, еще минувшей зимой, лицъ, занимавшихся въ разносъ такой торговлей, сажали въ чеку. Однако, къ веснѣ вѣтеръ подулъ съ другой стороны и вольная продажа книгъ, наконецъ, была разрѣшена официально. Теперь въ Москвѣ на Остоженкѣ, на Никитскомъ бульварѣ, на Моховой и въ другихъ мѣстахъ, можно видѣть уличныхъ продавцевъ, раскладывающихъ свои книги для продажи на приступкахъ домовъ и на заборахъ. Цѣна продаваемыхъ ими книгъ колеблется въ тысячахъ рублѣхъ, при этомъ учебники, въ виду сильнаго недостатка въ нихъ, идутъ по болѣе высокой цѣнѣ.

По существующимъ правиламъ Наркомпросъ обязанъ регистрировать домашнія библіотеки, какъ равно и художественныя собранія картинъ и музыкальные инструменты и, только доказавъ, что та или иная библіотека, или коллекція, или музыкальный инструментъ является профессиональной необходимостью даннаго лица, — оно получаетъ спеціальное удостовѣреніе отъ Наркомпроса, дающее право на сохраненіе у себя тѣхъ или иныхъ указанныхъ здѣсь предметовъ.

Газеты, которыхъ выходитъ въ каждомъ большомъ городѣ 3—4, печатаются изъ-за недостатка бумаги въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Поэтому ихъ индивидуально рассылаютъ только виднымъ мѣстнымъ коммунистамъ и въ совѣтскія учрежденія, предоставляя всей остальной публикѣ ознакомляться съ ихъ содержаніемъ изъ экземпляровъ, расклеиваемыхъ на улицахъ въ спеціальныхъ маленькихъ витринахъ и у предсѣдателей квартальныхъ комитетовъ, которымъ газета также высылается въ одномъ экзем-

пляръ для нуждъ района. Впрочемъ, послѣдняя мѣра проводится не во всѣхъ городахъ, и въ Ростовѣ на Дону она даже была отмѣнена, причемъ мотивировка этой мѣры была чрезвычайно любопытна. Газетъ недостаточно, тиражъ ихъ уменьшается, потребность же въ нихъ на фабрикахъ и заводахъ не уменьшается. Поэтому, надо сохранить газеты для рабочихъ, отнявъ ихъ у прочаго населенія. Буржуи, молъ, и иные прочіе, могутъ обойтись безъ газетъ. Разумѣется, отъ этого обыватели теряютъ не много, но характеренъ самый принципъ проводимаго властью неравенства однихъ слоевъ населенія передъ другими даже въ такомъ дѣлѣ, какъ чтеніе газеты. Что же преподносится въ этихъ газетахъ читающему населенію? Какъ я уже сказалъ, газеты являются однимъ изъ главныхъ средствъ пропаганды. Поэтому и содержаніе ихъ рассчитано на то, чтобы развивать въ письменной формѣ надоѣвшія уже всѣмъ шаблонныя темы народныхъ митинговъ. Матеріаль же подобнаго рода дѣлаетъ газеты столь же однообразными и нудными, какъ и митинговыя выступленія ораторовъ или какъ упомянутая уже устная газета. Провинціальныя газеты отличаются отъ петроградскихъ и московскихъ тѣмъ, что онѣ еще блѣднѣе; элементъ неустаннаго славословія коммунистовъ и хуленія всего некоммунистическаго выявляется въ нихъ еще рѣзче и примитивнѣе. Кромѣ того, въ центральныхъ газетахъ, нѣтъ-нѣтъ, да и сорвется что-нибудь, вродѣ критики совѣтской власти, что сразу же нѣсколько повышаетъ къ нимъ интересъ. Наконецъ, многіе факты въ провинціи еще больше замалчиваютъ и даже свѣдѣнія московскихъ газетъ какъ-бы цензуруются. Такъ, на-примѣръ, въ Ростовѣ долгое время не разрѣшали расклеивать московскія газеты съ извѣстіями о Кронштадтскомъ возстаніи и только тогда, когда мятежъ былъ ликвидированъ, о немъ появились замѣтки въ мѣстныхъ газетахъ на тему: „громъ побѣды раздавайся“, и въ витринахъ Роста (Россійскаго Телеграфнаго Агентства) вновь за-

мелькали скрывшіеся было одно время заголовки „Извѣстія“ и „Правда“. Понятенъ поэтому исключительный интересъ, который эти послѣднія вызываютъ къ себѣ въ провинціи. Какъ горячо обсуждаются въ провинціи передовыя статьи этихъ газетъ, причемъ пытливые умы стараются какъ можно больше прочесть въ этихъ статьяхъ между строкъ и расшифровать ихъ скрытый подлинный смыслъ.

Данныя, такимъ путемъ извлеченныя изъ совѣтскихъ газетъ, да слухи, почерпаемые изъ рассказовъ возвращающихся изъ командировокъ въ центръ, являются источникомъ всякихъ невѣроятныхъ слуховъ, которыми полна не только провинція, но даже и столицы. Критиковать совѣтскую власть, какъ уже указано, въ газетахъ не позволено. Можно только непрерывно хвалить ее, восторгаясь ея успѣхами и замалчивать все дурное. Сколько приходилось читать въ совѣтской прессѣ о разрушительномъ проявленіи стихійныхъ силъ: наводненіяхъ, землетрясеніяхъ и пожарахъ во всѣхъ частяхъ свѣта, но въ тѣхъ же газетахъ, напримѣръ, ни строчки не было отведено мѣсту о страшныхъ пожарахъ въ Ростовѣ на Дону, благодаря которымъ, напримѣръ, до тла сгорѣло два большихъ театра, нѣсколько крупнѣйшихъ складовъ, много самыхъ большихъ домовъ. Тоже ни однимъ словомъ не обмолвились газеты о взрывѣ артиллерійскаго поѣзда, имѣвшемъ мѣсто при переходѣ его черезъ рѣку Донъ въ маѣ 1920 года и т. п. Поэтому, когда, въ видѣ рѣдкаго исключенія, въ газетѣ появляются какія-нибудь слова критики—то они сразу уже обращаются въ исключительное событіе. За цѣлый годъ я не смогъ бы указать болѣе двухъ случаевъ, когда въ газету какими-то путями, по винѣ ли редакціи, или еще какъ, — попала серьезная и ядовитая критика мѣстной власти.

Вотъ то общее впечатлѣніе однообразной простоты сообщеній, которое можетъ получиться у свѣжаго человѣка, который одолѣлъ бы нѣсколько номеровъ совѣтскихъ газетъ, не дѣлая имъ никакихъ комментаріевъ. Въ Россіи

все настолько усердно налаживается, что действительно, въ ней какъ въ какомъ-то благословенномъ раю вся жизнь течетъ тихо и спокойно. Всѣ граждане въ ней честны и непорочны и обожаютъ стоящую надъ ними власть; есть, правда, какіе то скверные дяди, но ихъ зато строго караетъ бука-чека. Въ остальномъ: электрофикація и „рѣки молочныя, берега кисельные“; только вотъ немножечко бы понатужиться и одолѣть хозяйственную разруху, которую устроили какіе-то злостные бѣлогвардейскіе офицеры и иностранные капиталисты. Кругомъ же этого истиннаго рая—мірѣ юдоли и печали. Капиталистическія страны запутаны въ своихъ внутреннихъ противорѣчіяхъ. Вся Европа, какъ на вулканѣ; одно государство подсиживаетъ другое. Всѣ собираются воевать другъ съ другомъ. Повсемѣстно растетъ безработица, наступаетъ сильнѣйшій экономическій кризисъ. Государства находятся наканунѣ полного краха. Общій фонъ картины дополняется всеобщими забастовками и революціонными возстаніями, изображаемыми, какъ первый актъ грядущей міровой соціальной борьбы для установленія коммунистическаго рая на всей землѣ. Къ такому содержанию приспособлены и оффиціальныя телеграммы. Затѣмъ слѣдуютъ разсужденія въ передовыхъ фельетонахъ на тѣ же темы. Потомъ одна или двѣ статьи на тему изъ области экономики и народнаго образованія, что нынѣ въ такой то отрасли то-то и то-то—какъ будто плохо, но зато все вскорѣ будетъ хорошо. Потомъ слѣдуетъ рядъ партійныхъ статей и дискуссій, нѣсколько столбцовъ сообщеній, тенденціозно освѣщающихъ хозяйственное положеніе страны подъ общимъ заголовкомъ „Экономическій фронтъ“, рядъ декретовъ и распоряженій совѣтской власти и, наконецъ, всякаго рода правительственныя и партійныя извѣщенія и объявленія. Вотъ примѣрно изо дня въ день повторяющееся содержаніе всякихъ „Извѣстій“, „Красныхъ газетъ“, „Правдъ“, „Гудковъ“, „Свистковъ“, „Станковъ“, „Маховиковъ“ и т. п. органовъ печати. Кромѣ

телеграммъ и передовицъ, остального текста обыватель обыкновенно не пробѣгаетъ; настолько тамъ все убого и безцвѣтно.

Особо стоятъ такія газеты, какъ „Экономическая жизнь“ и нѣкоторыя другія спеціальныя изданія, которыя ведутся недурно и представляютъ довольно большое значеніе для всякаго экономиста, интересующагося русскими дѣлами.

Кромѣ витринъ Роета и газетъ, печатныхъ и устныхъ, другихъ повременныхъ изданій весьма мало. Большихъ журналовъ общаго характера нѣтъ, ибо, повидимому, они разематриваются, какъ своего рода буржуазныя затѣи, которымъ не должно быть мѣста въ пролетарской Россіи. Зато почти каждое самостоятельное совѣтское учрежденіе имѣетъ свой печатный органъ въ видѣ журналовъ, вѣстниковъ и бюллетеней, дающихъ однообразный матеріалъ по спеціальности даннаго учрежденія. Въ изданіяхъ подобнаго рода участвуютъ по большей части сотрудники такого учрежденія, разематривая свое занятіе журналистикой какъ средство для дополнительнаго заработка.

Русская изящная литература, взятая подъ охрану и надзоръ Луначарскаго, первое время послѣ революціи дала рядъ крупныхъ произведеній русскихъ беллетристовъ и поэтовъ. Однако, придерживаясь скорѣе утилитаристическаго міровоззрѣнія, большевики не склонны были особенно содѣйствовать развитію этого вида искусства, въ особенности, если оно старалось выйти изъ круга коммунистическихъ идей и лакейскаго служенія временнымъ владыкамъ. Постепенно русскіе литераторы, остававшіеся въ Россіи попадали во все болѣе тяжелое матеріальное положеніе, не отличаясь отъ прочей массы. Въ результатъ—рядъ тяжелыхъ утратъ, какъ Блокъ и нѣкоторыя другіе, которые своими революціонными произведеніями все же внесли новую страницу въ исторію русской художественной литературы. Намѣренно вызывая своей прессой неблагопріятное отношеніе совѣтскихъ подданныхъ къ Европѣ и русскимъ

эмигрантамъ, совѣтская власть, съ другой стороны, принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы огородить ихъ китайской стѣной отъ проникновенія извнѣ въ Совдепію тлетворныхъ вліяній, въ видѣ частныхъ писемъ, и особенно газетъ и всякихъ иныхъ печатныхъ изданій. И дѣйствительно, получить въ Совѣтской Россіи какую — нибудь иностранную газету представляется дѣломъ архи-труднымъ. Зато какую сенсацию производитъ появленіе случайно въ какомъ-нибудь Ростовѣ на Дону стараго номера Парижской или Берлинской русской газеты. Составляются компаніи, которыя сообща покупаютъ номера такихъ газетъ, котирующихся иногда по десяткамъ тысячъ совѣтскихъ рублей, и читаютъ ихъ, передавая дальше изъ рукъ въ руки, пока отъ такой газеты не останутся одни обрывки.

Р е л и г і я и к о м м у н и з м ъ.

„Религія — опиумъ для народа“ гласить бросающійся въ глаза на стѣнѣ плакатъ съ красной звѣздой всякому проходящему или проѣзжающему мимо величайшей Московской святыни — часовни Иверской Божьей Матери. А разъ религія опиумъ, дурманъ, — то на государственной власти лежитъ обязанность предохранить отъ него свой народъ. Къ этому и направлена въ Россіи дѣятельность большевистскихъ дѣятелей. Особенно сильныя атаки приходилось выдерживать православной церкви въ періодъ гражданской войны 1918—1920 годовъ. Нынѣ давленіе на религію замѣтно ослабѣло. Та бѣшенная антирелигіозная пропаганда, которая велась первое время коммунистами, и тѣ рѣзкія формы, которыя она сплошь и рядомъ принимала, вели лишь къ непрерывному оскорбленію чувствъ вѣрующихъ, соотвѣтственно закрѣпляя и развивая религіозный фанатизмъ въ массахъ. Теперь уже прекращены и принудительное вскрытіе мощей, и запечатываніе церквей, и ограбленіе церковныхъ святынь, а также снятіе и закрашиваніе иконъ и все это дѣло замѣнено теперь областью агитаціонно - просвѣтительной. Но и эти мѣры, какъ, на примѣръ, чтеніе лекцій,

долженствующихъ убить вѣру въ Бога, періодическое запрещеніе крестныхъ ходовъ, богослуженій въ нѣкоторые дни, исключеніе Закона Божьяго изъ предметовъ школьнаго преподаванія, изданіе спеціальной стѣнной газеты антирелигіознаго направленія, печатаемой въ Кремлѣ и проводящей мысль, что священничество паразитируетъ за счетъ трудовыхъ массъ, что Иверская часовня является сосудомъ, для высасыванія священникаами изъ народа въ свою пользу милліоновъ, и что приходскіе совѣты, состоящіе изъ столповъ стараго режима, желаютъ вновь взять власть надъ народомъ при помощи церкви и т. д. и какъ, наконецъ, тѣмъ болѣе, расклеиваемыя на стѣнахъ кощунственнаго характера каррикатуры, въ которыхъ при этомъ въ равной мѣрѣ достается и священникамъ, и ксендзамъ, и раввинамъ — все это не убиваетъ въ народѣ вѣры, а напротивъ того, поддерживаетъ вѣру, какъ въ существѣ ея, такъ и въ формахъ религіознаго ея проявленія.

Церкви теперь усиленно посѣщаются народомъ. Въ провинціи это еще не такъ бросается въ глаза, но когда мнѣ пришлось быть въ Москвѣ, гдѣ церкви на каждомъ шагу, и когда я увидѣлъ, что онѣ буквально каждое богослуженіе переполнены молящимися, я былъ прямо удивленъ. Особенностями внѣшней стороны церковныхъ службъ въ настоящее время въ Россіи является то, что въ виду недостатка воока и вытекающей отсюда большой дороговизны свѣчей, въ православныхъ церквахъ ихъ теперь почти не ставятъ (но все же въ дни Страстной седмицы и на Заутрени 1921 года Московскія церкви сіяли огнями свѣчей молящихся). Есть еще новшество: въ богослуженіи введено новое прошеніе въ ектенію, а именно: „О страждущей державѣ Россійской“.

Хотя церковь отдѣлена отъ государства, а государство не даетъ ни копѣйки на содержаніе духовенства, оно по общему отзыву, находится въ матеріальныхъ условіяхъ не худшихъ, а даже лучшихъ, чѣмъ въ прежнее время, такъ какъ каждый прихожанинъ, хотя бы уже изъ чувства

протеста противъ гонимой вѣры, считаетъ своимъ долгомъ внести лепту для поддержанія церкви и ея причта. Та же кооперація наблюдается и въ дѣлѣ ремонта и содержанія зданія. Въ послѣднее время стала проявляться еще одна черта взаимоотношеній между причтомъ и мірянами, которая создаетъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на вѣрующихъ. Я имѣю въ виду отказъ священнослужителей брать деньги за совершаемыя частныя требы. Замѣняется это тѣмъ, что въ церкви ставится спеціальная тарелка „на причтъ“, куда всякій кладетъ свою лепту. Я нарочно оставался послѣ богослуженія и наблюдалъ, какъ лица, которыя заказывали различныя требы, какъ панихиды, крещеніе ребенка, обрученіе и т. п., безъ всякаго напоминанія сами подходили и клали деньги въ такую тарелку.

Такое же примѣрно отношеніе у совѣтской власти и къ другимъ культамъ. Въ чрезвычайкахъ и тюрьмахъ сидятъ и священники, и пасторы, и раввины. Такъ въ Ростовѣ на Дону, на примѣръ, лютеранская кирка подвергалась всевозможнымъ гоненіямъ: запрещалось богослуженіе въ ней, домъ причта подвергали обыскамъ, реквизиціямъ и, наконецъ, онъ былъ занятъ и отведенъ подъ одну изъ многочисленныхъ чрезвычайныхъ комиссій. Много лицъ православнаго и армянскаго духовенства арестовано по подозрѣнію въ причастности къ контръ-революціи; такъ, на примѣръ, во время упомянутаго уже мною выше Назаровскаго деесанта, въ Ростовѣ можно было часто видѣть провожаемыя конвоемъ длинныя вереницы арестованныхъ и среди нихъ много священниковъ. Церковь въ этомъ отношеніи взята совѣтской властью подъ подозрѣніе и самъ Всероссійскій патріархъ Тихонъ пребываетъ какъ бы подъ домашнимъ арестомъ, хотя порою и совершаетъ богослуженіе въ разныхъ церквахъ. На Пасхѣ ему было предложено переселиться въ Кремль, съ отводомъ помѣщенія въ Чудовомъ монастырѣ, очевидно для упрощенія наблюденія за архипастыремъ.

Предоставляя въ общемъ свободу отправленія религіозныхъ обрядовъ рядовымъ гражданамъ, большевики зато рѣшительно пресѣкаютъ всякое проявленіе чувства религіозности своими сопартійниками. Не дай Богъ кому-нибудь изъ нихъ позволить себѣ посѣтить церковь или же выполнить другіе обряды, напримѣръ, вѣнчаться въ ней. Такое лицо сочтутъ за ренегата и просто выбросятъ изъ партіи.

Какъ извѣстно, всѣ вопросы регистраціи актовъ гражданского состоянія изъяты большевиками изъ церковной юрисдикціи и переданы въ отдѣлы коммунальнаго хозяйства. Однако, обычай сильнѣе принужденія, — и многіе продолжали и продолжаютъ и вѣнчаться, и крестить дѣтей по прежнему въ церквахъ, регистрируя эти акты въ метрическихъ книгахъ и получая изъ нихъ выписки. Желая положить этому конецъ, совѣтская власть потребовала осенью 1920 года у всѣхъ священниковъ выдачи хранящихся у нихъ метрическихъ книгъ къ опредѣленному сроку и за сопротивленіе этому распоряженію, сажала ихъ въ чеку. Однако, и по сейчасъ въ церквахъ, совершающими требы священниками, выдаются по желанію справки, съ особой въ нихъ оговоркой, что онѣ не могутъ служить удостовѣреніемъ.

Совокупность приведенныхъ фактовъ давленія на религію, соединенная съ насиліями надъ служителями церкви и издѣвательствами, хотя, правда, и въ болѣе смягченной степени, чѣмъ раньше, надъ религіозными обрядами и предметами культа, — какъ уже отмѣчено, отнюдь не ускоряло, а наоборотъ тормазило намѣченное коммунистами въ ихъ программахъ искорененіе религіознаго чувства у населенія. Церковь, въ качествѣ гонимой, начала пользоваться еще большимъ сочувствіемъ массъ и пробудила въ нихъ, наравнѣ съ развитіемъ религіознаго фанатизма, давно забытое чувство связи между религіей и защитой національной свободы, усиливая вмѣстѣ съ тѣмъ антисемитизмъ массъ.

Видя кары, которымъ подвергаются лица священническаго сана, видя причастность ихъ къ разнымъ выступленіямъ, направленнымъ противъ большевиковъ, слыша подчасъ исключительно смѣлыя обличительныя рѣчи и призывы въ проповѣдяхъ къ моральному и національному возрожденію, широкія массы населенія и рабочій пролетаріатъ проникаются все большимъ чувствомъ уваженія къ служителямъ церкви. Въ результатѣ послѣдніе не гнушаются уже, какъ было годъ тому назадъ, показываться на улицѣ въ священническомъ одѣяніи. Усиленно начинаютъ организовываться крестные ходы по разнымъ случаямъ. Рабочіе, вопреки республканскому календарю, упразднившему церковные праздники, демонстративно отказываются работать въ дни двенадесятихъ праздниковъ и т. д.

Примѣръ религіознаго подъема на юго-востокѣ Россіи явила собою ранняя весна 1921 года. Въ это время начинаютъ носиться слухи о явленіи новыхъ чудотворныхъ иконъ, появляются проповѣдники, вѣщающіе близкое паденіе ненавистой всему населенію совѣтской власти. Одинъ священникъ въ Нахичевани, пользующійся широкой популярностью, и потому хорошо ознакомленный съ камерами для заключенныхъ въ Дончека, многозначительно призываетъ всѣхъ къ покаянію и смыванію съ себя моральныхъ грѣховъ и тѣлесной нечистоты въ виду предстоящаго скоро крупнаго обновленія Россіи. Вскорѣ за его проповѣдями появляется извѣстіе о Кронштадтскихъ событіяхъ и потому надежда на близкое крушеніе совѣтской власти еще сильнѣе разносится по Донской области и по Прикубанью. Начинается общій подъемъ и въ этотъ моментъ происходитъ необычайное явленіе. Въ силу какихъ-то атмосферическихъ условій многіе купола и кресты церквей юго-востока Россіи начинаютъ золотиться безъ всякой видимой причины. Это доводитъ населеніе уже до настоящаго волненія. Говорятъ о знаменіи съ неба и проч. Я самъ наблюдалъ это исключительное явленіе и, приходя ежедневно къ Ростовскому

156

собору, былъ свидѣтелемъ, какъ купола его дѣлались свѣтлѣе день ото дня и блестѣли все больше и больше. То же стало дѣлаться и съ нѣкоторыми наружными образами. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе эти явленія стали производить на настроеніе народныхъ массъ. У храмовъ съ обновляющимися куполами и крестами стали собираться толпы народа, напоминавшія Петроградъ 1917 года; въ толпѣ на разные лады комментировалось это событіе и высказывались мысли, враждебныя совѣтской власти, и главнымъ въ представленіи народныхъ массъ, виновникамъ народнаго бѣдствія — евреямъ. Антисемитическія тенденціи стали возрастать, особенно въ связи съ разнесшимся въ городѣ слухомъ о томъ, что одновременно съ обновленіемъ крестовъ въ мѣстной хоральной синагогѣ рухнула съ престола „тора“ и разбилась вдребезги. Въ толпѣ истолковывали это, какъ указаніе Провидѣнія на близкое освобожденіе христіанскаго населенія, угнетеннаго коммунистами-евреями. Волненіе перебросилось на базары и могло бы принять формы погромовъ и революціоннаго выступленія. Тогда въ это дѣло сочла нужнымъ вмѣшаться Дончека, передъ зданіемъ которой, какъ на грѣхъ, обновлялись кресты собора и собирались толпы народа. Въ официальномъ органѣ появилось по этому поводу разъясненіе, указывавшее, что никакого чудеснаго обновленія иконъ и крестовъ нѣтъ, а что на лицо имѣются нѣкоторыя послѣдствія дѣйствія радіотелеграфа. Далѣе приводилось для вящей убѣдительности соотвѣтствующее заключеніе по этому поводу какого-то священника, вызваннаго экспертомъ въ чеку, и, наконецъ, подчеркивалось, что явленіе это используется бѣлогвардейскими бандитами и мѣстной интеллигенціей для возбужденія населенія противъ неустанно пекущейся о немъ совѣтской власти, а также для устройства погромовъ. Поэтому, впредь, какія бы то ни было собранія или разговоры на тему о чудесахъ и обновленіяхъ иконъ и крестовъ категорически воспрещались, съ угрозой заключенія въ тюрьму всѣхъ неповинующихся.

Распоряженіе „твердой власти“, какъ всегда, возымѣло дѣйствіе. Народныя сборища послѣ нѣсколькихъ арестовъ прекратились, но волненіе еще не сразу улеглось и остановила его лишь новая, прокатившаяся тогда волна террора, направленная противъ эсэровъ и меньшевиковъ, по указаніямъ изъ Москвы, въ связи съ Кронштадтскими событіями.

Такова въ общихъ чертахъ картина современной церковно-религіозной жизни Совѣтской Россіи, наружно въ церквахъ сравнительно мало измѣнившейся. Къ этому можно еще прибавить, что, такъ какъ Кремль въ Москвѣ окопчательно обращенъ былъ большевистскими главарями въ ихъ цитадель и входъ въ него для всѣхъ постороннихъ закрытъ, то въ немъ запечатаны и всѣ храмы. Поэтому въ Пасхальную ночь молчалъ колоколъ Ивана Великаго и другихъ Московскихъ святынь. Москвичи по этому поводу говорили: „Ничего, пускай эти колокола молчатъ, пока царить совѣтская власть. Терпѣли уже много, пождемъ и пострадаемъ еще, Богъ дастъ, не долго. А тамъ вновь, какъ и встарь, въ день воистину подлиннаго воскресенія зазвучатъ вновь колокола сѣдого Кремля, вѣщая всѣмъ жителямъ Москвы, а за ними и всей Россіи, что егинула темная сила, истерзавшая землю Русскую, опоганившая и оплевываящая сердце и душу русскихъ гражданъ!“

ГЛАВА VI.

П у т и с о о б щ е н і я.

Очевидно, дѣло налаживанія русскаго транспорта, съ точки зрѣнія нашихъ правителей, вещь несложная, потому что, послѣ ряда производившихся надъ нимъ экспериментовъ Троцкаго, Народный Комиссаріатъ Путей Сообщенія перешелъ въ 1921 году въ завѣдываніе къ самому Дзержинскому, который, со свойственной ему рѣзвостью приступилъ къ дальнѣйшему разрушенію остатковъ того, что носило раньше названіе Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Вопросъ о современномъ положеніи русской желѣзнодорожной и водной сѣти является вопросомъ скорѣе техническимъ, чѣмъ публицистическимъ. Однако, опуская въ моихъ очеркахъ по возможности тотъ подробный цифровой матеріалъ, который, несомнѣнно, будетъ приведенъ въ спеціальныхъ, посвященныхъ этому вопросу изданіяхъ, я останавлиюсь на личныхъ впечатлѣніяхъ по этому вопросу, подкрѣпивъ ихъ нѣкоторыми главнѣйшими статистическими данными о современномъ положеніи русскаго желѣзнодорожнаго хозяйства.

Только внимательный анализъ и сопоставленіе этихъ голыхъ цифръ съ другими факторами экономического характера можетъ создать приблизительную картину страшнаго развала русскаго желѣзнодорожнаго транспорта. Вотъ нѣкоторыя офіціальныя цифры, характеризующія состояніе этой отрасли народнаго хозяйства, на поддержаніе коей во второй половинѣ 1921 года Народный Комиссаріатъ включилъ въ свою смѣту кредитъ въ 349 милліардовъ рублей, т. е. сумму прямо астрономическую.

По исчисленіямъ вѣдомства на 1921 годъ, изъ числа 46 тысячъ верстъ желѣзнодорожныхъ путей,

было восстановлено уже 40 % и изъ 3.377 мостовыхъ сооружений, къ июлю 1921 года восстановлено 1.426. Данные о паровозахъ и вагонахъ: первыхъ было на I-ое января 1920 года 9.400, а на I-ое января 1921 года — 18.800, изъ нихъ половина здоровыхъ. Такимъ образомъ, на одинъ паровозъ въ 1920 году приходилось 12½ тысячъ верстъ пути, а въ 1921 году — 8 тысячъ верстъ. Увеличился и суточный пробѣгъ паровозовъ съ 62 верстъ въ 1920 году до 80 верстъ въ январѣ 1921 года. Въ 1920 году по программѣ Наркомпути должны были быть отремонтированы 48 тысячъ вагоновъ, фактически же программа выполнена съ превышеніемъ: отремонтировано 57 тысячъ вагоновъ. Въ связи съ увеличеніемъ количества паровозовъ, увеличился и пробѣгъ вагоновъ. Въ 1920 году въ среднемъ одинъ вагонъ пробѣгалъ 24 версты въ сутки, а въ январѣ 1921 года — 42 версты. Однако, въ 1921 году началось уже ухудшеніе и на желѣзныхъ дорогахъ въ связи съ усиленіемъ общей экономической разрухи. Такъ, на примѣръ, наличіе паровозовъ было въ маѣ уже 18.430, изъ нихъ больныхъ 11.078. Объясняется это ухудшеніемъ выпуска паровозовъ изъ ремонта: такъ, на май задание по ремонту было 845 паровозовъ, выпущено же изъ ремонта 762, т. е. меньше на 83 единицы или 10 %. Точно такъ же было и съ выпускомъ новыхъ вагоновъ. Если принять за 100 программу работъ 14 ударныхъ заводовъ центра Россіи (Коломенскаго, Сормовскаго, Кулебакскаго и др.) въ отношеніи выпуска новыхъ вагоновъ, то процентъ выполненія этотъ непрерывно падалъ, составляя для января 42 %, для февраля 55 %, для марта 47 %, для апрѣля 29 %. На 20 мая вагонный паркъ составлялъ 422.052 вагона, изъ нихъ больныхъ 109.834 и подлежащихъ исключенію 8.970; затѣмъ взятыхъ подъ жильё и складъ 23.527, выдѣленныхъ для пассажирскихъ поѣздовъ 14.750. Шпалы — недостатокъ ихъ на 1921 годъ опредѣлился въ 20 милліоновъ штукъ. Рельсъ надо смѣнить 3.000 верстъ; въ счетъ этого заказано половина. Дешевыхъ знаковъ для подачи теле-

160

граммъ нужно 20 милліардовъ, а по разверсткѣ вѣдомствомъ получено — 14½. Такова общая картина состоянія транспорта. Наилучшаго положенія онъ достигъ на рубежѣ 1920—1921 года и теперь непрестанно падаетъ, такъ что принятая Наркомпутъ весною 1921 года мѣра по сокращенію движенія и закрытію отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ участковъ продолжала прогрессировать. Катастрофическое положеніе съ топливомъ особенно остро отражалось на положеніи желѣзныхъ дорогъ: на 20-ое іюня, на примѣръ, наличіе топлива для обезпеченія желѣзнодорожнаго движенія составляло для дровъ 38 дней, для угля 9 дней и нефти — 30 дней. Однако, съ другой стороны, совѣтская власть не прекращала желѣзнодорожнаго строительства: такъ въ 1920 году Ужедострой сдалъ въ эксплоатацію 2.000 верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Программа 1921 года обнимаетъ собою 2½ тысячи верстъ новыхъ дорогъ.

Фактическое же положеніе дѣла на желѣзныхъ дорогахъ, какъ оно бросается въ глаза частному наблюдателю, таково. Одной изъ самыхъ могущественныхъ профессиональных ассоціацій въ Россіи является Цектранъ, объединившійся въ 1920 году въ профессиональный союзъ рабочихъ желѣзнодорожнаго и воднаго транспорта. Когда Троцкій сталъ во главѣ Народнаго Комиссаріата Путей Сообщенія, онъ, какъ любитель всякихъ зѣффектныхъ жестовъ, издалъ знаменитый приказъ № 1042—1920 года, который въ эпической формѣ Наполеоновскихъ приказовъ фиксировалъ то количество паровозовъ, которые должны ремонтироваться и изготовляться вновь. Имъ же былъ введенъ въ началѣ того же года институтъ политическихъ комиссаровъ, распространенный засимъ и на водный транспортъ. Были приняты всякія понудительныя мѣры къ новышенію производительности труда линейныхъ служащихъ и работающихъ въ мастерскихъ. Въ цѣляхъ созданія себѣ популярности Троцкій поставилъ служащихъ Наркомпути сразу же въ бо-

лѣе привилегированное положеніе, по сравненію съ служащими и рабочими другихъ отраслей государственнаго хозяйства. Свои собственные органы распределенія продуктовъ, подчиненіе мѣстныхъ организацій непосредственно центральной власти, минуя губернскіе и областные исполкомы, и т. п. мѣропріятія, выдвигали органы желѣзнодорожнаго и воднаго транспорта по своему положенію и обезпеченію на ближайшее мѣсто послѣ военно-служащихъ. Поэтому, въ то время какъ въ другихъ учрежденіяхъ оказывался большой некомплектъ, въ Наркомпути не прекращался притокъ новыхъ служащихъ, легко сманивавшихся и привлекаемыхъ большими пайками на желѣзные дороги. Управление дорогъ занимало обыкновенно въ городахъ самыя лучшія и большія помѣщенія. Тщательнѣе были оборудованы и учрежденія желѣзнодорожнаго вѣдомства въ отношеніи инвентаря, матеріаловъ и денежныхъ средствъ Много бывшихъ инженеровъ путейцевъ, изъ числа приспособившихся къ новому режиму, вступило въ коммунистическую партію съ тѣмъ, чтобы продолжать свою работу на желѣзныхъ дорогахъ на отвѣтственныхъ постахъ. Всевозможныя хищенія, совершаемыя въ матеріальной службѣ и въ области подрядовъ и поставокъ, были значительно больше, чѣмъ въ прежнее время. Долгое время въ вѣдомствѣ продолжалъ царить этотъ не коммунистическій способъ заготовокъ, пока и ему не былъ положенъ конецъ уже на порогѣ 1921 года. Новые путейскіе генералы обзавелись казенными автомобилями, на которыхъ и раскатывали по городамъ. Въ Ростовѣ н/Д. въ управленіи Владикавказской желѣзной дороги главнымъ комиссаромъ былъ долгое время извѣстный палачъ, латышъ Петерсъ. По своемъ прибытіи къ мѣсту служенія, онъ обратилъ главное вниманіе на внутреннюю чистоту помѣщеній. — „Если завтра я замѣчу хоть одну папироску на полу корридора, я разстрѣляю завѣдующаго хозяйственной частью, завхоза“, заявилъ онъ. Внѣшній порядокъ, дѣйствительно, былъ сразу наведенъ. За этой мѣрой

послѣдовали и другіе курьезные приказы въ томъ же родѣ. Введена была своя собственная чрезвычайка, такъ называемая Ортчека, и свой революціонный трибуналъ. Аракчеевско - помпадурскіе приемы, примѣнявшіеся комиссарами и на другихъ дорогахъ, влекли за собою лишь то, что всѣ отъ верха до низа изъ всѣхъ силъ старались, чтобы наружно все было исправно, чтобы служащіе являлись во время на службу и чтобы можно было особыми диспетчерскими телеграммами сообщать ежедневно въ Москву разнаго рода статистическія свѣдѣнія, сводки которыхъ, какъ я уже сказалъ, ничего въ сущности не выражающія, могли бы затѣмъ помѣщаться въ совѣтскихъ газетахъ, какъ рекламный матеріалъ.

Когда въ этомъ отношеніи все идетъ исправно, комиссары не сажаютъ спецовъ въ чеку и жизнь въ учрежденіи не проявляется никакими особыми происшествіями, въ особенности, если всѣ направляющія работу лица сумѣютъ дружно спѣться со своими комиссарами. Тогда на нихъ начинаютъ сыпаться, какъ изъ рога изобилія, всякія мелкія блага, но по масштабу всеобщаго оскудѣнія въ Совѣтской Россіи, значительныя. То перепадетъ немного керосину, то аршинъ 10 матеріи удастся перехватить, то уголь не въ примѣръ прочимъ, или какая-нибудь выгодная командировочка. Послѣднія совѣтскіе желѣзнодорожные служащіе очень любятъ, такъ какъ перспектива прокатиться, скажемъ, изъ Ростова н/Д., захвативъ съ собою старыя платья, и вымѣнять ихъ потомъ гдѣ-нибудь на Кубани на бѣлую муку, медъ, картофель, представляется весьма соблазнительной, въ особенности, если при этомъ удастся вывезти какіе-нибудь излишки и на нихъ спекулировать! Почти къ каждому совѣтскому поѣзду прицѣпляется одинъ, а то и больше, служебныхъ вагоновъ, служащихъ исключительно, какъ я указалъ, цѣлямъ этого рода спекуляціи. Подобными прибыльными операціями не пренебрегаютъ, не говоря уже о желѣзнодорожной милиціи, и товарницы изъ Ортчека и ревтрибунала. Многіе изъ

нихъ переводятся спеціально на югъ, чтобы подкармливаться. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ председатель мѣстнаго желѣзнодорожнаго трибунала, коммунистъ, конечно, и притомъ мальчишка, отправился изъ Ростова н/Д. въ Баку, въ выѣздную сессію, для борьбы со злоупотребленіями желѣзнодорожныхъ служащихъ по части спекуляціи, послѣ чего самъ, однако, вернулся въ Ростовъ чуть-ли не съ цѣлымъ вагономъ различнаго продовольствія. Вскорѣ затѣмъ онъ перевелся обратно въ Москву, вывезя съ собой все привезенное изъ командировки, чего конечно, хватило бы не только ему одному на жизнь въ теченіе очень продолжительнаго времени.

Не лучше обстоитъ дѣло и на линіи, и въ ремонтныхъ мастерскихъ. Сначала, когда, какъ мною было сказано, борьба съ желѣзнодорожной разрухой была въ особенной модѣ и желѣзнодорожники были въ фаворѣ, ремонтные рабочіе старались во всю и пожалуй были одними изъ самыхъ искреннихъ сторонниковъ совѣтской власти. Ремонтъ шелъ усиленнымъ темпомъ, поскольку, конечно, этому не мѣшала общій недостатокъ матеріаловъ и топлива. (Цифры приведены мною выше.) Рабочіе ремонтныхъ мастерскихъ всегда были первые на сторонѣ коммунистовъ на всякихъ митингахъ, субботникахъ, чтеніяхъ и голосованіяхъ. Но постепенно всеобщее политическое отрезвленіе стало сказываться и здѣсь, а параллельно, въ связи съ общимъ развитіемъ экономическаго кризиса страны, начало усиливаться и броженіе среди рабочей массы, выразившееся въ попыткахъ перейти къ забастовкамъ и кончавшееся каждый разъ высылкой главныхъ вожаковъ движенія куда-нибудь за сѣверный полярный кругъ. Эти мѣры, дѣйствительно, заставляли рабочихъ дѣлаться осторожными въ своихъ выступленіяхъ, но отнюдь не убивали въ нихъ назрѣвавшего внутренняго недовольства властью. Равнымъ образомъ, и про линейныхъ служащихъ можно сказать, что время измѣнчиво. Еще лѣтомъ 1920 года пріѣзжавшій

на югъ Россіи Троцкій благодарилъ линейныхъ служащихъ Владикавказской и Екатерининской желѣзныхъ дорогъ, блестяще справившихся со сложной задачей переброски въ кратчайшій срокъ войскъ для ликвидаціи десанта генерала Врангеля на Кубани, а уже зимой 1921 года, и въ особенности въ періодъ Кронштадскихъ событій, были попытки забастовокъ служащихъ на линіи, конечно, мотивировавшіяся экономическими соображеніями. Коммунисты упрекають обычно въ такихъ случаяхъ желѣзнодорожниковъ въ шкурничество, въ заботѣ о своемъ желудкѣ, указываютъ на пренебреженіе интересами пролетаріата, но хлѣба имъ все же не даютъ.

Общее ухудшеніе положенія всѣхъ служащихъ желѣзнодорожного транспорта началось съ конца 1920 года, когда Троцкій отошелъ отъ этого дѣла, вслѣдствіе чего и Народный Комиссаріатъ Путей Сообщенія потерялъ свое преобладающее значеніе. Питаніе и всякое внѣплановое снабженіе служащихъ и положеніе ихъ стало одинаковымъ, если еще не хуже, чѣмъ въ другихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Никакая пропаганда, никакія мѣры строгости не помогали, также, какъ не пріостановили паденіе транспорта никакія производственныя недѣли и недѣли возстановленія транспорта. Транспортная разруха стала принимать катастрофическій характеръ, скоро былъ позабытъ и пресловутый приказъ № 1042 о ремонтѣ паровозовъ. Назначеніе комиссаромъ Путей Сообщенія тов. Дзержинскаго не улучшило дѣла. Перенесеніе въ обстановку желѣзнодорожного дѣла пріемовъ работы В. Ч. К. не принесло ожидавшихся отъ нихъ результатовъ, а система террора, имъ примѣненная, повлекла категорическое требованіе Цектрана, поддержанное и комиссарами, объ отправленіи его куда-нибудь въ длительную командировку, что повидимому и было тогда сдѣлано Совнаркомомъ.

Недостатокъ многихъ предметовъ заводского оборудованія и матеріаловъ дѣлаетъ невозмож-

нымъ сколько-нибудь серьезный ремонтъ; здѣсь дѣло попадаетъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго прямо не выберешься. Для ремонта подвижного состава и паровозовъ нуженъ уголь, а для подвоза этого послѣдняго въ должномъ количествѣ опять-таки нужны паровозы и товарные вагоны. При коммунистическомъ способѣ веденія хозяйства изъ круга этого дѣйствительно не выбратъся. Примѣняемые способы составленія одного паровоза изъ частей, отбираемыхъ на паровозныхъ кладбищахъ, являются слабымъ палліативомъ. Нужны новые паровозы, нужны вагоны, нужны запасныя части и желѣзнодорожный матеріалъ, а это все можетъ дать внѣшняя торговля, Палѣдняя при большевикахъ тоже не можетъ наладиться, создавая лишь поводъ для заграничныхъ поѣздокъ на русское золото авантюристовъ изъ путейцевъ во главѣ различныхъ делегацій и для веденія безконечныхъ переговоровъ о заказахъ и покупкѣ желѣзнодорожнаго имущества. Другая бѣда — отсутствіе желѣзнодорожныхъ шпалъ. Руководимое чекистомъ вѣдомство точно забыло, что существуетъ шпальный вопросъ и что шпалы надо иногда мѣнять. Объ этомъ лишь впервые сдѣлалъ докладъ минувшей весной инж. Борисовъ и газеты, подхвативъ это новое откровеніе, въ одинъ голосъ завопили: „Надвигается шпальный голодъ, шпалы разрушаются, надо во всю заготовлять шпалы.“ Заготовка шпалъ признана ударной, но спрашивается, какъ можно эти шпалы заготовить, когда лѣсозаготовки и погрузка лѣсного матеріала катастрофически падаютъ.

Вопросъ о службѣ эксплоатаціи и службѣ пути, а также о ремонтѣ станцій стоитъ довольно остро. Фактически, на примѣръ, до послѣдняго времени точно не были зафиксированы предѣлы полномочій начальниковъ станцій и потому иногда въ техническія распоряженія желѣзнодорожныхъ агентовъ позволяли себѣ вмѣшиваться различные совершенно постороннія лица и учрежденія, какъ исполкомы, посадочныя комиссіи, комендатура, желѣз-

нодорожная милиція и мѣстная чека. Благодаря этому возникаетъ много недоразумѣній и въ точное дѣло веденія желѣзнодорожнаго хозяйства вносится, особенно въ провинціи, большая халатность. Конечно, о движеніи поѣздовъ по расписанію, кромѣ линіи Москва—Петроградъ, никто и не помышляетъ. Обмѣнъ вагонами между дорогами постоянно нарушается. На узловыхъ станціяхъ образуются иногда такія пробки, что нужны прямо героическія усилія, чтобы движеніе поѣздовъ вовсе не остановилось. Такое, напри- мѣръ, положеніе было весной 1921 года, на Харьковскомъ узлѣ, о чемъ осмѣлились громко кричать даже совѣтскія газеты. На боковыхъ линіяхъ движеніе становится постепенно все болѣе и болѣе случайнымъ. Попасть изъ Крыма въ Ростовъ н'Д. представляется теперь дѣломъ почти неосуществимымъ и смѣльчаки, предпринимающіе подобное рискованное пу- тешествіе, пускаются въ путь по старинкѣ, на перекладныхъ вдоль берега Азовскаго моря. Если къ этому прибавить еще безконечное простаиваніе вагоновъ на станціяхъ, изъ-за отсутствія смѣннаго паровоза или топлива для него, нерѣдко про- изводящіяся въ южной полосѣ Россіи нападенія на поѣзда различныхъ повстанческихъ отрядовъ, частую порчу вагоновъ въ пути и разрывъ составовъ изъ-за перегруженности поѣздовъ, — то полу- чится довольно вѣрная картина того хаоса, ко- торый царитъ теперь на желѣзныхъ дорогахъ. Этимъ легко объясняется и то странное, на первый взглядъ, явленіе, что несмотря на сильное сокра- щеніе поѣздовъ и отмѣну почти всякихъ графи- ковъ пассажирскаго движенія, оно тѣмъ не менѣе какъ будто-бы отвѣчаетъ объему потребности. Понятно, что въ тѣхъ условіяхъ, съ кото- рыми нынѣ связано путешествіе по Россіи, мало кто рискуетъ бросаться, очертя голову, въ по- добное трудное предпріятіе и потому дѣйстви- тельно сама собой отпадаетъ надобность въ этихъ поѣздкахъ. Тѣмъ не менѣе, описанное выше было бы еще съ польбѣды. Самый ужасъ на же-

лѣзныхъ дорогахъ начинается лишь зимой, какъ это было въ 1921 году, когда подъ снѣжные заносы, заброшенные на недѣлю на какой-нибудь мелкой станціи, замерзшіе и изголодавшіеся люди, съѣвши всѣ скудные запасы въ ближайшихъ селеніяхъ вокругъ, съ ужасомъ и трепетомъ ожидаютъ прибытія поѣзда, съ которымъ исполкомъ ближайшаго города умудрится доставить голодающимъ корку хлѣба. На топку въ такіе дни уйдетъ рѣшительно все: рубятъ и жгутъ, чтобы какъ-нибудь согрѣться шпалы, рубятъ вагоны, разбираютъ даже станціонныя зданія, приводя своими дѣйствіями транспортъ въ такое состояніе, изъ котораго ему не удастся подняться въ теченіе десятковъ лѣтъ, и что въ свою очередь возвращаетъ всю Россію вспять ко временамъ поѣздовъ въ колымагахъ и рыдванахъ съ подорожными. Разумѣется, въ такую пору, когда поѣздъ изъ Москвы въ Ростовъ доходитъ лишь на 15-ый день, среди пассажировъ поѣзда, скученныхъ до послѣдней степени и переносящихъ описанныя невѣроятныя лишенія, начинаются заболѣванія, смертные случаи отъ голода и инфекціонныхъ болѣзней. Многіе, возвращавшіеся зимой 1921 года, изъ дальнихъ командировокъ, прибывали въ Ростовъ съ такимъ подорваннымъ здоровьемъ, что большинство изъ нихъ, какъ общее правило, сейчасъ же заболѣвали. Что же ждетъ бѣдную Россію въ слѣдующую зиму, когда условія поѣздовъ будутъ гораздо хуже. Къ вопросу о томъ, въ какихъ условіяхъ теперь путешествуютъ по Совѣтской Россіи, въ виду его интереса, я еще вернусь въ дальнѣйшемъ. Теперь же скажу нѣсколько словъ о состояніи вагоннаго парка.

Какъ извѣстно, совѣтская власть отмѣнила дѣленіе вагоновъ на классы и постепенно стала исключать изъ оборота большую часть классныхъ вагоновъ, отводя ихъ подъ жилье или забронировывая за разными учрежденіями. Нынѣ всѣ бывшіе классные вагоны дѣлятся на: 1) штабные, забронированные за военными учрежденіями;

2) делегатскіе — за мѣстнымъ исполкомомъ и
3) особаго назначенія (бывшіе международные),
забронированные за краевой властью и чекой.
Въ этихъ вагонахъ могутъ ѣздить лица съ ко-
мандировочными удостовѣреніями. Благодаря зна-
комствамъ или взяткамъ можно всегда въ нихъ
устроиться, чтобы избѣжать поѣздки въ обыкно-
венныхъ вагонахъ, предоставляемыхъ для ѣзды
гражданъ Р. С. Ф. С. Р., т. е. попросту говоря,
товарныхъ вагонахъ, куда рядовой публики на-
бивается всегда видимо-невидимо.

Большіе генералы отъ коммунизма имѣютъ въ
своемъ распоряженіи цѣлые поѣзда съ особыми
паровозами, въ которыхъ и раскатываютъ внѣ
всякаго росписанія и внѣ всякихъ очередей. Мнѣ
въ одну изъ поѣздокъ пришлось встрѣтиться съ
пронесшимся поѣздомъ изъ 8 залитыхъ электри-
чествомъ вагоновъ, чистенькихъ классныхъ I-го
класса, съ вагонъ-рестораномъ, ну, словомъ, какъ
въ былое время какой-нибудь *train de luxe*. Я
спросилъ моего освѣдомленнаго спутника (мы си-
дѣли въ это время въ международномъ вагонѣ,
но, увы, при свѣтѣ огарка, который я предусмо-
трительно захватилъ съ собой), не поѣздъ ли это
Троцкаго, о великолѣпіи котораго я много слыхалъ.
— „О, нѣтъ, это поѣздъ штаба командующаго Черно-
морскимъ флотомъ“, былъ отвѣтъ. Я очень
удивился, ибо упомянутая при этомъ фамилія
мнѣ ничего не говорила, какъ не встрѣчавшаяся
въ совѣтскихъ газетахъ, а затѣмъ я не предпола-
галъ, что у совѣтской власти есть на Черномъ
морѣ большой военный флотъ съ командующимъ
и съ особыми штабами, носящимися изъ Москвы
въ Севастополь и обратно. — „Многіе наши руко-
водители, пользующіеся вліяніемъ въ Совнаркомѣ,
получили въ свое распоряженіе спеціальные
поѣзда, не говоря уже объ отдѣльныхъ вагонахъ,“
продолжалъ мой спутникъ; „наиболѣе богато
устроился, конечно, Троцкій; онъ захватилъ
себѣ бывшіе царскіе поѣзда и во много разъ ихъ
пріукрасилъ. Путешествуетъ онъ обычно въ од-
номъ изъ трехъ экстренныхъ поѣздовъ, слѣдую-

щихъ одинъ за другимъ на короткомъ разстояніи и тождественно оборудованныхъ. Дѣлается это, само собой, изъ вполне понятныхъ цѣлей предосторожности. Вдругъ неровень часъ — попытка покушенія. Конечно, внутренняя пышность устройства соотвѣтствуетъ маніи величія Троцкаго. Въ его поѣздѣ есть и спальня, и кабинеты, и салонъ для музыки, и кухни и, чего никогда не было раньше, пулеметы и отряды личной охраны.“

В о д н ы й т р а н с п о р т ъ.

Налаживать водный транспортъ на Дону, а также Азовскомъ и Черномъ моряхъ, изъ Москвы, вскорѣ послѣ занятія Ростова красными, прислали нѣкоего пѣвца. Обладая въ общемъ недюжинными умственными, а въ особенности голосовыми данными и прочтя внимательно нѣсколько популярныхъ книжекъ Госиздата, — это лицо считало себя, конечно, вполне подготовленнымъ, чтобы приняться за воссозданіе совѣтскаго коммерческаго флота, состоящаго изъ отобранныхъ у частныхъ владѣльцевъ судовъ. Но навигація 1920 года открылась; суда были налицо, а движеніе чѣмъ-то тормазилось. Грузы лежали подолгу на берегу. Пока можно было еще успѣть сдѣлать рейсы вверхъ по Дону, привезти оттуда лѣсъ и перекинуть туда нефтяные продукты (главная задача навигаціи), этого сдѣлано не было. Пѣвца за нераспорядительность убрали, замѣнивъ болѣе надежнымъ въ политическомъ отношеніи человекомъ. Главной же задачей центръ поставилъ себѣ поднять производительность труда служащихъ воднаго транспорта. А для этого, по его мнѣнію, нужна была палка. Палку эту дали въ видѣ института политическихъ комиссаровъ. Въ Ростовѣ созданъ былъ Дончерноморполитводъ, который, въ лицѣ главнаго комиссара воднаго транспорта и сталъ фактически хозяйничать на всѣхъ водныхъ системахъ юго-востока. Начались строгости, посыпались аресты, наказанія служащихъ, вскрытія служебныхъ столовъ въ ихъ отсутствіи, доносы,

обыски у нихъ; свирѣпствовалъ бывшій карманникъ, въ качествѣ предсѣдателя Труддезертирккомиссіи, сажавшій сотрудниковъ въ чеку за малѣйшее опозданіе на службу, хотя бы и не по ихъ винѣ; подтянулась комячейка, чаще ею стали назначаться собранія служащихъ и на нихъ выносятся резолюціи съ протестами противъ бѣлогвардейскихъ шпіоновъ и съ засвидѣтельствованіемъ преданности обожаемой власти. А въ это время пароходы терпѣли аваріи, одинъ даже умудрился сгорѣть; баржи сплошь и рядомъ ходили пустыми и, захватываемыя военными властями, безплодно простаивали на мѣстахъ. „Дон-черноморы,“ однако, не унывали: они усердствовали въ мѣстной прессѣ, рекламируя свою дѣятельность и показывая въ дутыхъ цифрахъ, какъ блестяще налажена работа воднаго транспорта. Въ Москву летѣли телеграммы, отчеты, вѣдомости погрузокъ, отправокъ, разгрузокъ и перегрузокъ, состоянія глубинъ и перекаатовъ; пріѣзжали и уѣзжали изъ центра инспектора движенія, что-то записывая и представляя кому-то отчеты.

Между тѣмъ, въ то же самое время, не принимались никакія мѣры къ тому, на примѣръ, чтобы до ледостава вывезти необходимый для слѣдующей навигаціи уголь, лежащій на пристаняхъ по р. Дону, не производилось дноуглубительныхъ работъ, не было создано никакого реального плана эксплуатаціи рѣчного флота и не приняты были мѣры къ тому, чтобы во-время заготовить матеріалъ для его ремонта. Комиссаръ Д. К. О. У. В. Т. чувствовалъ себя тѣмъ не менѣе прекрасно, завелъ шикарный русскій выѣздъ, въ пару рысаковъ, устраивалъ по праздникамъ увеселительныя катанія на пароходѣ со знакомыми дѣвицами и, разумѣется, смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что дѣлалось по заготовительной и матеріальной частямъ управленія. Результаты не замедлили сказаться. Надо было представить къ ростовской выставкѣ годовщины октябрьской революціи діаграммы, рисующія поло-

женіе воднаго транспорта на Дону. Когда ихъ составили, то сравнительно съ данными предыдущихъ лѣтъ опредѣлилась такая ужасающая разница не въ пользу совѣтскаго хозяйничанья на Дону, что руководители Д. К. О. У. В. Т. не знали, какъ выйти изъ этого непріятнаго положенія. На желѣзныхъ дорогахъ Ростовскаго узла въ этомъ отношеніи картина была все же болѣе благопріятная. Думали, гадали и рѣшили дать діаграммы болѣе затемненные и труднѣе расшифровываемыя для рядового обывателя, вродѣ данныхъ о потокахъ грузовъ или же діаграммы глубины Дона и тому подобныя нейтральныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ, тутъ-то и „нашла коса на камень“ для Дончерноморполитвода. Это оказалось куда сложнѣе, чѣмъ писать радужныя реляціи въ мѣстныхъ газетахъ о побѣдахъ пролетаріата въ дѣлѣ возстановленія воднаго транспорта. А тутъ еще новыя непріятности! Упомянутого мною комиссара убрали. Выражено было неудовольствіе изъ центра и назначена ревизія продовольственной и заготовительной частей. Рокowymъ образомъ вслѣдъ за назначенной ревизіей въ зданіи воднаго транспорта ночью возникъ пожаръ, охватившій вскорѣ весь домъ. И весь Доно-Кубанскій водный транспортъ, самый большой въ Ростовѣ семиэтажный домъ, со всѣмъ дѣлопроизводствомъ, документами, матеріалами и отчетностью полностью въ ночь на 11-ое января 1921 года сгорѣлъ. Этимъ актомъ и закончился первый годъ навигаціи на Дону при совѣтской власти.

Повидимому не лучше обстояло дѣло и въ другихъ частяхъ Всероссійскаго воднаго транспорта, ибо о томъ, что онъ вообще находится на послѣднемъ мѣстѣ въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій страны, совѣтскіе информаторы, не стѣняясь, писали въ „Экономической жизни“ и другихъ совѣтскихъ изданіяхъ, такъ же, какъ они отмѣчали и ту исключительную роль, которую могла бы сыграть рѣка для перевозки грузовъ. Вотъ нѣкоторыя цифры, характеризующія дѣй-

ствительное положеніе рѣчного и морского транспортовъ. На рѣкахъ въ 1912 году числилось 21.138 лодокъ и парусныхъ судовъ, а въ 1921 году 9.430. Такъ же плохо обстоитъ дѣло и съ пароходами. Для ремонта судовъ и для судостроенія нужно 540 тысячъ пудовъ металла, каковое количество и предусмотрено производственной судоремонтной программой. Въ счетъ этого количества получено лишь 101 тысяча пудовъ. По программѣ, изъ 9.430 судовъ не паровыхъ, отремонтировано только 1.115 и изъ 3.896 паровыхъ судовъ рѣчного флота исправлено лишь 575 судовъ. По программѣ ремонта судовъ морского транспорта изъ 580 паровыхъ судовъ исправлено 77, изъ 617 непаровыхъ судовъ отремонтировано 23. Причинами плохого состоянія дѣла судоремонта являются тѣ же общія основанія нашей экономической разрухи, которыя будутъ своевременно указаны ниже.

Въ результатъ такого состоянія воднаго транспорта институтъ политическихъ комиссаровъ упразднили. Дончерноморполитводъ палъ. Не успѣлъ въ Ростовъ придти приказъ о расформированіи его, какъ изъ занимаемаго имъ помѣщенія всю конторскую обстановку забрало давно точившее на него зубы и конкурирующее съ нимъ учрежденіе Донрайкомводъ, т. е. мѣстный професіональный союзъ водниковъ, пополненный присланными изъ центра коммунистами и ставшій третьимъ по счету руководителемъ воднаго транспорта. Въ противоположность тому, что двумя мѣсяцами раньше Ростовскія газеты не могли нахвалиться своимъ рѣчнымъ флотомъ, тѣ же самыя газеты, съ кѣной у рта стали бранить рухнувшую власть политическаго воднаго управленія и отмѣчать милліоны дефектовъ въ системѣ его работы. Самый характеръ дѣятельности былъ измѣненъ. Професіональный союзъ водниковъ началъ собирать производственныя конференціи, выяснявшія нужды рѣчного флота и мѣры увеличенія его производительности. Тѣмъ не менѣе этотъ горячій періодъ работы былъ непродолжительнымъ; черезъ

нѣкоторое время все стало входить въ свою норму въ водномъ транспортѣ и пошло прежнимъ порядкомъ. Изъ Москвы приехали въ качествѣ начальника бывшаго артиста, стремившагося подчинить себѣ Донрайкомводъ и въ своей свирѣпости и садизмѣ по отношенію къ служащимъ превзошедшаго всѣхъ прежнихъ комиссаровъ. Онъ сосредоточилъ только въ отличіе отъ послѣднихъ свою ненависть не на младшихъ, а на самыхъ старшихъ инженерахъ и специалистахъ, которыхъ онъ сталъ третировать, какъ мальчишекъ, и даже сажать подъ арестъ. Тѣмъ не менѣе и послѣ этого дѣло на ладъ не пошло, и начало навигаціи 1921 года застало совѣтскій рѣчной флотъ на Дону въ положеніи еще худшемъ, чѣмъ раньше. Ремонтъ судовъ не былъ законченъ, угля не могло бы хватить даже для длиннаго рейса вверхъ по Дону до Калача. Часть баржей была разобрана на топливо, такъ же какъ и пристани и причалы. Къ ремонту пристаней не приступали. Однимъ словомъ, катастрофа наступила сразу, за одинъ только годъ хозяйничанья большевиковъ. Дѣйствія самодура-актера, какъ начальника Д. К. О. У. В. Т. наконецъ, переполнили чашу терпѣнія служащихъ. Въ центрѣ стало извѣстно о чинимыхъ имъ безобразіяхъ и его убрали, замѣнивъ молодымъ евреемъ. Режимъ измѣнился. Спецы опять стали какъ будто-бы въ фаворѣ. Всѣ легче вздохнули. Предсѣдатель Комтруддезертира ходилъ съ мрачнымъ видомъ, подыскивая за отсутствіемъ работы, новыхъ подходящихъ для себя занятій. Центръ продолжалъ засыпать Управленіе разными новыми заданіями, однако, вполнѣ неосуществимыми, и уже по ходу майской навигаціи можно было опредѣлить, что и навигація 1921 года будетъ потеряна такъ же, какъ и предшествующая. Ясно, что дѣло не въ пѣвцахъ или актерахъ, стоящихъ во главѣ воднаго хозяйства, а въ общей правительственной системѣ и въ невозможности для коммунистическаго режима справиться съ хозяйственной разрухой въ странѣ.

П о ч т а ъ .

Средства связи достались коммунистамъ въ лучшемъ состояніи, чѣмъ желѣзнодорожный транспортъ, и совершенное разстройство почтъ и телеграфовъ является уже прямымъ результатомъ ихъ хозяйничанья. Отеутетвіе правильнаго почтоваго сообщенія, частыя исчезновенія даже заказной корреспонденціи, безконечная медленность въ доставленіи писемъ, вскрываніе корреспонденціи чекой, свели частную корреспонденцію почти къ нулю, тѣмъ болѣе, что совершенно замерли и дѣловыя отношенія людей другъ съ другомъ. Продолжалась въ сущности лишь казенная почта, но и она, несмотря на огромный, значительно увеличенный противъ прежняго штатъ служащихъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ, не оказалась на высотѣ положенія. Такъ же мѣсяцами залеживается казенная корреспонденція въ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ, и иногда такъ же безслѣдно исчезаетъ. Благодаря этому, регулярная связь провинціальныхъ учрежденій между собою и въ особенности съ центромъ совершенно нарушена. Для того, чтобы получить отвѣтъ отъ запрошеннаго учрежденія, иногда приходится ждать мѣсяцами. Поэтому, отдѣльныя учрежденія предпочитаютъ непосредственно командировать въ центръ своихъ еотрудниковъ, за одно принимающихъ на себя рядъ другихъ порученій. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, получившая полное право гражданства въ частномъ обиходѣ система посылки дѣловыхъ бумагъ оказіями, входитъ въ обыкновеніе и въ казенныхъ учрежденіяхъ.

О томъ, что есть почта и что можно ею пользоваться и что существуетъ она спеціально для обслуживанія нуждъ частныхъ лицъ въ посылкѣ писемъ, — все какъ-то забыли. Поэтому, неожиданное разъ въ году полученіе какимъ-нибудь семействомъ письма черезъ почтовое учрежденіе— есть своего рода событіе, о которомъ все съ удивленіемъ говорятъ: „Прямо поразительно, письмо тошло, не пропало и кажется даже не вскрыто. Вотъ

чудеса-то; должно быть, действительно, начинаетъ эмансипироваться наша власть“.--Зато предетоящій отъѣздъ кого-нибудь въ дорогу представляетъ большой соблазнъ въ смыслѣ пересылки корреспонденціи съ оказіей. Объ этомъ заранѣе знаютъ и пользуются такимъ случаемъ, заготовляя письма. Перевозящему, правда, — порученія подобнаго рода мало улыбаются. Совѣтская власть борется съ этимъ явленіемъ, начиная, однако, какъ и всегда, не съ того конца. Вмѣсто того, чтобы дать населенію гарантію быстрой и точной доставки писемъ, она старается лишить обывателей послѣдней возможности, путемъ оказій, еноситься другъ съ другомъ. Обыкновенно берущіе съ собою письма ставятъ условіемъ, чтобы они не были заклеены, чтобы лично убѣдиться въ томъ, что они ничего не имѣютъ въ себѣ контрреволюціоннаго. Дѣлается это изъ боязни широко практикующихся обысковъ во время пути разными военно-контрольными отрядами и чекой. Благодаря этому, у всѣхъ выработался какой-то эзоповскій языкъ писемъ. Говорятъ только осторожно намеками. Пишутъ аллегорически. Если знакомый сообщаетъ мнѣ, что жить у него въ городѣ стало хорошо, какъ въ Метехскомъ замкѣ, я знаю, что это значитъ, ибо Метехъ — тюрьма въ Тифлисѣ. Скоро можно будетъ дойти до такихъ юмористическихъ образчиковъ писемъ: „у насъ все здѣсь прекрасно. Мы все живемъ хорошо и Коля съ Петей уже умерли, такъ что остался одинъ я. Твои книги взяли почитать вмѣстѣ съ обстановкой. У Сени очень хорошее настроеніе, я ему ношу пищу, а по четвергамъ даютъ свиданіе.“

Всѣ попытки совѣтской власти увеличить, хотя бы для рекламы за границей, размѣръ корреспонденціи путемъ отмены оплаты корреспонденціи марками и бесплатной ея пересылки, не возымѣли желаннаго дѣйствія. Количество писемъ несколько не возросло, несмотря на такую приманку. Всѣ предпочитаютъ лучше посылать письма съ оказіонерами, заранѣе зная, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ письма проваляются долго въ карманѣ,

чѣмъ довѣрять свою корреспонденцію совѣтской власти. Въ виду этого, рѣшено опять возвратиться къ старому капиталистическому способу оплаты корреспонденціи марками. Причемъ, опять-таки можно быть заранѣе увѣреннымъ въ томъ, что письма казеннымъ порядкомъ все же врядъ ли будутъ пересылаться. Еще болѣе печально обстоитъ дѣло переписки съ заграницей. Если еще для проживающихъ въ Петроградѣ и Москвѣ является возможнымъ изрѣдка прибѣгать къ помощи почты мѣстныхъ дипломатическихъ представительствъ заграничныхъ государствъ, то для провинціи полученіе письма изъ-за границы является въ видѣ рѣдкаго исключенія. Къ сожалѣнію, это дѣло останется безъ перемѣны, пока у власти будетъ теперешнее коммунистическое правительство, и русская интеллигенція можетъ еще долгое время пребывать, какъ за китайской стѣной, отрѣзанной отъ всякой возможности общенія съ зарубежными знакомыми и родственниками.

Дѣло съ телеграфнымъ сообщеніемъ обстоитъ такъ же плохо, какъ и съ почтой, съ тою, однако, характерной особенностью, что здѣсь до послѣдняго времени частныхъ телеграммъ или вовсе не принимали, или принимали съ отмѣткой „будетъ отправлена при случаѣ“. Иными словами, изъ частнаго оборота телеграфъ, какъ средство сообщенія, былъ почти совсѣмъ изъятъ. Казенныя учрежденія въ отношеніи пользованія телеграфомъ, поставлены не въ одинаковыя условія. Преимуществонное право на него имѣютъ военныя учрежденія, чека и краевые центры, т. е. именно представители твердой власти, о которыхъ я говорилъ выше. Кромѣ того, они также имѣютъ право разговора по прямому проводу, о чемъ вѣщаютъ широко выданные имъ изъ центра мандаты. Что же касается прочихъ учреждений, то и ихъ телеграммы сплошь и рядомъ постигаетъ та же участь, что и частныхъ лицъ, т. е. они идутъ почтой и доставляются до нельзя искаженными. Никакія прокладки новыхъ кабельныхъ линій и постановки добавочныхъ аппаратовъ

не помогаютъ дѣлу. Почтель по прежнему сѣтуетъ на перегруженность телеграфной сѣти и начинаетъ издавать своеобразныя распоряженія о сокращеніи телеграфной корреспонденціи, въ родѣ слѣдующей мѣры, осуществленной въ Ростовѣ. Дается извѣстное число телеграфныхъ словъ на мѣстное учрежденіе, въ зависимости отъ степени его значенія. Предположимъ — 500 словъ. Это значитъ, что общее количество словъ, отправленныхъ за день телеграммъ этимъ учрежденіемъ, не должно превышать 500. Учрежденіе, въ свою очередь, вынуждено развертывать это количество словъ между своими отдѣлами, въ зависимости отъ значенія ихъ; отдѣлы распредѣляютъ причитающееся на нихъ количество словъ далѣе, и получаютъ въ результатъ такіе курьезы, что какой-нибудь подотдѣлъ можетъ отправить телеграмму въ количествѣ не болѣе 2—5 словъ въ день. Недостатокъ бумаги сказывается и въ телеграфномъ дѣлѣ. Нѣтъ бумаги для телеграфныхъ лентъ, нѣтъ бумаги для телеграммныхъ бланковъ. Изъ-за недостатка бумаги телеграммы пишутся на чемъ ни попало: на всевозможныхъ обрывкахъ бумаги, уже использованной раньше.

Болѣе извѣстно всему міру совѣтское телеграфированіе безъ проводовъ. Чичеринскія радіо „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ“ — общеизвѣстны. Но радіо является одновременно для коммунистовъ и могучимъ аппаратомъ управленія страной, такъ какъ создаетъ легкую возможность сносятся съ окраинами и быстро передавать главнѣйшія распоряженія. По радіо вся Россія получаетъ и телеграммы, которыя изъ центра рассылаются для информированія провинціи о международныхъ событіяхъ. Этимъ „в радіо“, какъ ихъ зовутъ въ Совдепіи, мало вѣрятъ, но все понимаютъ, какую большую выгоду они приносятъ совѣтской власти.

Телефонная сѣть въ городахъ прибрана коммунистами къ рукамъ путемъ реквизиціи и отнятія телефоновъ отъ частныхъ владѣльцевъ. Далеко не всѣ прежніе ихъ владѣльцы сумѣли во-время

откупиться отъ уполномоченныхъ для провѣрки необходимости этимъ лицамъ телефоновъ сотрудниковъ коммунхоза и такимъ образомъ лишились телефона. Не приходится и говорить, что телефонные разговоры подслушиваются и что всякая неосторожно произнесенная фраза можетъ служить поводомъ для вызова въ чеку. При наличіи вакханаліи въ смѣнѣ одного совѣтскаго учрежденія другимъ и переѣзда учреждений изъ одного зданія въ другое, номера телефоновъ сплошь и рядомъ перепутываются и пользоваться телефонами довольно трудно, тѣмъ болѣе, что нигдѣ въ Совдепіи не напечатаны еще списки новыхъ абонентовъ. Междугородное телефонное сообщеніе тоже пришло въ упадокъ и служитъ преимущественно опять таки для государственныхъ цѣлей. Въ виду всего изложеннаго, читая преподносимыя въ газетахъ измышленія о мнимыхъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ телефонномъ дѣлѣ, увеличивающихъ силу звука и содѣйствующихъ примѣненію телефоновъ въ широкихъ массахъ населенія—совѣтскіе граждане только улыбаются, зная, что свѣдѣнія эти рассчитаны только на неосвѣдомленныхъ объ истинномъ положеніи дѣла иностранцевъ.

Г Л А В А VII.

П р и ч и н ы д е з о р г а н и з а ц і и п р о и з - в о д с т в а.

Если въ другихъ мѣстахъ этой работы можно почти совсѣмъ обойтись безъ цифръ, то для изображенія глубины развала русской промышленности все же придется прибѣгнуть къ нѣкоторымъ статистическимъ даннымъ. Данные эти представляются довольно пестрыми и переменчивыми. Напримѣръ, свѣдѣнія, которыя для народнаго хозяйства были вѣрны на 1 января 1921 года, являются совершенно неубѣдительными, а иногда прямо даже противоположными для характеристики совѣтскаго хозяйства черезъ полъ года. Однако, нѣкоторыя общія отличительныя черты можно найти и здѣсь для приблизительнаго очерка современнаго положенія промышленности въ Россіи. Въ изложеніи, конечно, придется отдѣлить крупную промышленность отъ ремесленной и отъ кустарной и отдѣльно остановиться на сельскомъ хозяйствѣ и соприкасающихся съ нимъ отрасляхъ народнаго хозяйства.

Для завѣдыванія всей націонализированной промышленностью, которую было рѣшено централизовать въ государственномъ масштабѣ, большевиками былъ созданъ, какъ извѣстно, Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства. При помощи этого учрежденія намѣчалось въ первую очередь отнять средства производства у буржуазіи, не затрагивая мелкаго ремесленного и кустарнаго производствъ. Такимъ путемъ въ руки пролетарской власти въ лицѣ рабочихъ перешли отъ прежнихъ владѣльцевъ рудники, фабрики и заводы, въ которыхъ они работали, всего въ количествѣ до 4,000 предприятий. Рабочіе стали по своему направлять дѣло.

180

распродавали запасы матеріаловъ, оборудованіе, станки и въ короткій срокъ привели въ разрушеніе тяжелую индустрію, которая только что передъ этимъ переживала огромный расцвѣтъ, широко возобновивъ свое оборудованіе во время войны и располагая къ тому времени крупными матеріальными средствами. Скоро все это было пройдено и государству пришлось вмѣшаться въ анархическое веденіе заводского хозяйства рабочими. Къ 1920 году націонализированныя и принудительно трестированныя предпріятія распредѣлялись по отдѣльнымъ отраслямъ, объединеннымъ въ В. С. Н. Х. своими центральными органами управленія (такъ называемыми „Главками“ и „Центрами“) въ слѣдующихъ группахъ: 1) добывающая промышленность, 2) металлическая промышленность, 3) электротехническая промышленность, 4) текстильная промышленность, 5) химическая промышленность, 6) обработка сланцевыхъ веществъ, 7) лѣсное дѣло, 8) полиграфическое производство, 9) центральная автосекція, 10) утилизація отбросовъ, 11) строительная промышленность, 12) перевозка и храненіе грузовъ (трамоть), а также нѣкоторыя другія второстепенныя группы.

Разрушивъ старую хозяйственную систему, что было весьма нетрудно въ условіяхъ всеобщаго развала, коммунисты стали строить свой новый порядокъ. Конечно, при первыхъ неудачныхъ попыткахъ заводского строительства на коммунистическихъ началахъ, все валилось кна контрреволюцію—моль, помѣщики и капиталисты своими бѣлогвардейскими наступленіями не даютъ необходимыхъ Совѣтской Россіи нефти и угля. Но съ начала 1920 года, момента гибели арміи ген. Деникина, этотъ главный аргументъ отпалъ. Однако, что видимъ мы за протекшіе 1½ года? Не только нѣтъ признаковъ какого-нибудь улучшенія, но наоборотъ, самыя зловѣщія данныя о приближеніи полнаго развала и пріостановки русской промышленности, несмотря на періодически печатаемая совѣтской властью въ „Экономической

Жизни“ сообщенія о какихъ-то экономическихъ достиженіяхъ и успѣхахъ.

На партійныхъ съѣздахъ большевиками былъ выдвинутъ лозунгъ о единомъ хозяйственномъ планѣ республики. Надъ разработкой этого плана трудились уже въ 1919 году, рассматривали въ 1920 году и продолжали пересматривать и обсуждать въ 1921 году. Такимъ образомъ, большевики не сумѣли справиться съ этой задачей, съ которой, однако, прекрасно справлялся и справляется весь капиталистическій міръ и притомъ безъ какихъ-либо диктуемыхъ властью общихъ плановъ народнаго хозяйства. Любое частное капиталистическое предпріятіе прекрасно освѣдомлено и о своихъ запасахъ сырья, и топлива, и товаровъ, и почти всегда во-время успѣваетъ учесть современную экономическую конъюнктуру и связанныя съ ней производственныя возможности. Совѣтская же власть, въ лицѣ ея хозяйственныхъ органовъ, съ этой задачей не сумѣла справиться. Печальная русская дѣйствительность является доказательствомъ того, что коммунистическій способъ завѣдыванія хозяйствомъ— есть способъ безхозяйный, а коммунистическая организація производства ведетъ лишь къ его дезорганізаціи. А когда нѣтъ рѣшительнаго и опытнаго хозяина, то, въ какомъ бы масштабѣ ни велось промышленное дѣло, путнаго изъ него ничего не можетъ выйти. Въ послѣднее время, правда, совѣтская власть стала на путь замѣны во всѣхъ хозяйственныхъ органахъ руководящихъ коллегій отдѣльными лицами и идетъ даже на сдачу, подъ нѣкоторыми условіями предпріятій, въ аренду ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Все это, разумѣется, лишь опыты, которые, однако, не даютъ благопріятныхъ результатовъ, такъ какъ корень вопроса заключается въ полномъ несоотвѣтствіи внутренняго политическаго режима съ условіями нормальнаго развитія промышленности.

Желая устранить считающуюся теоретиками коммунизма неизбежной для каждаго капиталистическаго государства анархію производства,

В. С. Н. Х. ввергъ своей работой русскую промышленность въ еще болѣе гибельную анархію коммунистической безпомощности и безхозяйственности. Теперь заводы то дѣйствуютъ, то останавливаются; то не хватаетъ сырья, то оказывается его подвезли въ достаточномъ количествѣ, но зато нѣтъ топлива. Путаница между подчиненностью и подвѣдомственностью отдѣльных націонализированныхъ предпріятій доведена до такихъ абсурдовъ, что, напримѣръ, Асмоловская табачная фабрика въ Ростовѣ на Дону, подчиненная Главтабаку, не можетъ получить нужныхъ ей ящиковъ, находящихся на сосѣдней писчебумажной фабрикѣ Панченко, иначе, какъ по сношенію съ Москвой. Въ Москвѣ Главтабакъ сносится со стоящимъ во главѣ писчебумажныхъ предпріятій Главбумомъ, который въ свою очередь запрашиваетъ заключеніе фабрики Панченко въ Ростовѣ о томъ, имѣются ли у нея просимые ящики и можетъ ли она ихъ отпустить. По полученіи отъ нея отвѣта, все дѣло въ обратномъ порядкѣ опять возвращается въ Ростовъ, вмѣсто того, чтобы съ начала и до конца сразу же разрѣшить его на мѣстѣ. И такіе случаи не единичны, а представляютъ собою обычное явленіе. Даже партійные съѣзды останавливали свое вниманіе на этомъ вопросѣ и указывали на необходимость устраненія подобной волокиты на мѣстахъ, создавъ въ нихъ объединенныя представительства Главковъ и Центровъ, которыя могли бы сами, не сносясь съ центромъ, разрѣшать вопросы по соглашенію съ мѣстными совнархозами. Мѣра эта, однако, никакихъ благопріятныхъ результатовъ не принесла, а наоборотъ, вызвала антагонизмъ и сильнѣйшія тренія между уполномоченными Главковъ, зависящихъ непосредственно отъ центра, и представителями совнархозовъ, подчиненныхъ мѣстнымъ исполкомамъ.

Выдѣленіе ряда крупныхъ предпріятій изъ вѣдѣнія мѣстныхъ совнархозовъ, съ подчиненіемъ ихъ центру, тоже вызываетъ на практикѣ неразбериху, такъ какъ необходимые для этихъ заводовъ пред-

меты снабженія, сырье и рабочая сила находятся въ вѣдѣніи совнархозовъ, тогда какъ управленіе ими связано только съ центромъ. Все это приводитъ къ излишнимъ треніямъ, постояннымъ ссорамъ и безконечной перепискѣ по всѣмъ правиламъ стараго естолоначальническаго крючкотворства.

Главки превратились теперь въ тресты, ведущіе борьбу за сырой матеріалъ и конкурирующіе въ оплатѣ технического персонала и рабочихъ. Лучшій Главкомъ, пишетъ освѣдомленное въ этомъ отношеніи лицо, считается тотъ, который имѣетъ хорошо организованный отдѣлъ снабженія, съ ловкой агентурой и свой транспортъ, да хорошія связи. Отъ ловкости агента, умѣющаго розыскать предметы снабженія тамъ, гдѣ ихъ не видитъ тотъ органъ, который вѣдаетъ ими, зависитъ успѣхъ выполненія производственной программы, какъ прежде хорошій барышъ фабриканта обезпчивался ловкостью дѣльнаго приказчика. Въ послѣднее время принципъ трестированія получилъ и совершенно оффиціальное признаніе. Одинъ изъ совѣтскихъ главковъ—Главрыба, получилъ право отдѣльнаго треста, обязаннаго опредѣленную часть продуктовъ отдавать государству, а остальное количество использовать по своему собственному усмотрѣнію, для товарообмѣна, съ цѣлью полученія со стороны недостающихъ ему продуктовъ и матеріаловъ. Въ большевистской литературѣ это уже получило спеціальное названіе: внутренняя концессія. Остальные Главки смотрятъ на Главрыбу съ завистью и осаждаютъ совѣтскую власть просьбами о предоставленіи имъ аналогичныхъ правъ. Завѣдующій льнянымъ отдѣломъ Главтекстиля напечаталъ въ „Экономической Жизни“ статью, въ которой доказывалъ, что единственный способъ спасти льняное дѣло отъ грозящей ему гибели, состоитъ въ денаціонализациі мелкихъ и кустарныхъ предпріятій и объединеніи веѣхъ остальныхъ фабрикъ въ рукахъ особаго органа, вѣдающаго одновременно заготовкой волокна, топлива, продовольствія и вспомогательныхъ матеріаловъ, на основаніяхъ про-

дуктообмѣна, и сдающаго государству часть своихъ продуктовъ, въ видѣ налога. Статья эта сопровождалась рѣзкимъ примѣчаніемъ редакціи, въ которомъ справедливо указывалось, что проектъ этотъ означаетъ полный возвратъ къ старымъ буржуазнымъ формамъ капиталистическаго производства, чему всѣ коммунисты должны рѣшительно воспротивиться. Спецы, однако, не унимаются и черезъ нѣсколько номеровъ „Экономическая Жизнь“ уже констатировала, что съ аналогичнымъ проектомъ выступила и Главспичка.

Безхозяйственность, нераспорядительность и непредусмотрительность, а также личная незаинтересованность въ успѣхѣ дѣла казенныхъ работниковъ въ предпріятіяхъ влекутъ за собой постепенное и непрерывное ухудшеніе положенія вещей.

Слѣдующимъ шагомъ В. С. Н. Х. явилось послѣдовательное осуществленіе на практикѣ мысли, что, такъ какъ все производство уже централизовано, то для вящаго успѣха дѣла надлежитъ большую часть мелкихъ предпріятій упразднить, сосредоточивъ зато все свое вниманіе на главныхъ заводахъ той же категоріи. Такъ, напримѣръ, въ 1920 году Гомза (Управленіе Государственныхъ Машиностроительныхъ Заводовъ) закрыла много плохихъ, по ея мнѣнію, предпріятій и сосредоточила производство на 16 лучше оборудованныхъ заводахъ.

Если обратиться къ отчетамъ о дѣятельности тѣхъ или иныхъ предпріятій, то окажется, что производительность ихъ годъ отъ года падаетъ и это, несмотря ни на какія реформы, ни на плановое хозяйство. Въ сущности нѣтъ и никакихъ производственныхъ программъ, а имѣются только производственныя заданія. Объ этомъ ярко свидѣлствуетъ амплитуда отклоненія дѣйствительнаго выполненія производственныхъ программъ отъ плановыхъ заданій, колеблющаяся по различнымъ отраслямъ производства въ предѣлахъ отъ 15 % до 170 % плановыхъ заданій. Коммунисты въ своихъ газетахъ часто не безъ хвастовства

приводятъ данныя о выполненіи той или иной программы на 20—50 % свыше нормы. Что же это, однако, означаетъ въ дѣйствительности? Если выполнено 120 % производственной программы, — это значитъ, что или программы не было, или она учла не всѣ факторы даннаго производства. Если производственная программа имѣетъ даже 101 %, это уже анархія, а не производство, ибо сто первый процентъ нарушаетъ самую основу коммунистическаго производства — пропорціональность частей, вызывая непроизводительную затрату матеріаловъ, рабочей силы и т. д. Пере-производства при социализмѣ, а тѣмъ болѣе при коммунизмѣ, не должно быть. Можетъ быть лишь недопроизводство, а перепроизводство говоритъ только объ отсутствіи хозяйственности. Такъ какъ до сихъ поръ совѣтская власть не вездѣ сумѣла наладить точный учетъ ресурсовъ, то въ результатѣ изъ хозяйственныхъ плановъ получается или производственная фантастика въ видѣ проектовъ постройки Главкомгосооромъ городовъ и городковъ или производственная узость. Сплошь и рядомъ примѣняемый къ составленію производственныхъ программъ принципъ минимума (т. е. того, что абсолютно возможно и исполнимо) и максимума (т. е. того, что можно было бы достигнуть при максимумѣ напряженія и дальше чего идти нельзя) — является не только методически неправильнымъ, но въ результатѣ ведетъ за собою безплодное расходованіе сырья, матеріаловъ и живой силы. Сами коммунисты упрекаютъ руководителей высшаго хозяйственнаго органа страны въ томъ, что они до сихъ поръ не додумались до необходимости созданія производственныхъ программъ реальныхъ, т. е. въ основу коихъ долженъ быть положенъ точный учетъ и которыя должны исходить изъ средней нормальной производительности предпріятій.

Въ результатѣ веденія планового совѣтскаго хозяйства, обстоятельство это, въ связи съ другими, основными чертами обычной совѣтской безпомощности и неумѣлости, а вмѣстѣ съ тѣмъ полной

186

непригодности коммунизма, имѣющаго въ своей основѣ характеръ, паразитарный, для созидательной работы, — хозяйственный кризисъ страны и безъ того запутанный и тяжелый, еще болѣе углубляет ся. Сначала совѣтскія промышленныя предприятия вырабатывали фабрикатъ изъ имѣвшихся у нихъ старыхъ запасовъ сырья и производственная работа еще кое-какъ подвигалась; теперь же, когда націонализированнымъ предприятиямъ приходится самимъ заботиться о добываніи сырья, положеніе ихъ сдѣлалось значительно хуже.

С о в р е м е н н о е п о л о ж е н і е п р о м ы ш л е н н о с т и.

Основное бѣдствіе Совѣтской Россіи — топливный голодъ. Запасы угля, остававшіеся еще, какъ наслѣдіе бѣлыхъ, продолжали въ Донецкомъ бассейнѣ быстро таять, составляя: въ 1920 году въ сентябрѣ — 89 тысячъ пудовъ, октябрѣ — 67 тыс. п. ноябрѣ — 61 тыс. пуд. и т. д. Въ связи съ разстройствомъ желѣзнодорожнаго транспорта падало изъ мѣсяца въ мѣсяць выполненіе нарядовъ на погрузку топлива, такъ, напримѣръ, въ сентябрѣ 1920 года — 84% наряда, въ октябрѣ — 59%, въ ноябрѣ — 62%, въ декабрѣ — 46% и т. д. Всего въ 1920 году угля добыто около одной четверти количества добытаго въ 1913 году, изъ котораго, въ виду необходимости выдѣленія топлива для поддержки самихъ рудниковъ, заявки прочихъ потребителей угля могли быть удовлетворены лишь въ 12—13% довоеннаго времени. Въ производственной программѣ на 1921 годъ добыча угля опредѣлена въ 400 милліоновъ пудовъ, изъ коихъ потребителямъ 200—240 милліоновъ пуд. Добыча угля стала усиленно прогрессивно падать съ апрѣля 1921 года. Такъ, напримѣръ, въ Донецкомъ бассейнѣ валовая добыча составляла въ апрѣлѣ — 29,9 милліоновъ пудовъ или 115% программы; въ маѣ — 24,3 милліона пуд. или 76%; въ іюнѣ уже только 18 милліоновъ пуд. или 47,4% и въ іюлѣ всего около 9 милліон. пуд.

Въ результатѣ, положеніе съ твердымъ топливомъ поставлено въ исключительно тяжкія условія. Мѣры, принимавшіяся совѣтской властью для поднятія производительности труда на копяхъ, вродѣ посылки туда на принудительныя работы буржуазіи, выдачи усиленныхъ порцій совѣтской мануфактуры каменугольнымъ рабочимъ, дѣлу не помогли. Пришлось уже, какъ упомянуто выше, послать въ началѣ апрѣля въ Донбассъ самого Дзержинскаго, чтобы навести страхъ на рабочихъ. Говорятъ, что, возвратившись изъ своей карательной экспедиціи, новый Комиссаръ путей сообщенія заявилъ, что съ копами ничего не подѣлаешь и что на улучшеніе поступленія угля рассчитывать уже не приходится. Напротивъ того, въ дальнѣйшемъ можно ожидать только лишь прогрессивнаго пониженія его добычи. Копи находятся въ такомъ печальномъ положеніи, что думать объ исправленіи затопленныхъ шахтъ не приходится. Придется, по всѣмъ вѣроятіямъ, бросить всѣ старыя шахты и вновь закладывать новыя. Потерявъ всякую надежду на твердое минеральное топливо, совѣтская власть, возлагаетъ большія надежды на нефть, какъ на универсальное отопительное средство.

Въ 1920 году Бакинскій раіонъ далъ 80 % довоенной добычи; Грозненскій раіонъ — 47 мил. пуд. въ счетъ назначенія, опредѣленнаго по плану въ 120 мил. пуд. Добыча нефти за первую четверть 1921 года выразилась въ общемъ количествѣ 55.047 тыс. пуд. Количество это распредѣляется по раіонамъ: Баку — 38.605 тыс. пуд. (90 % программы) Грозный — 16.184 тыс. пуд. (54 %), Эмбенскій раіонъ — 258 тыс. пуд. (11 %). Производительность труда до войны выражалась на одного рабочаго въ мѣсяцъ въ среднемъ 700 пуд., а въ февралѣ 1921 года — 500 пуд. Параллельно съ паденіемъ производительности труда сокращается и площадь разработки. Ухудшеніе положенія Волжскаго рѣчнаго флота тоже угрожаетъ нефтянымъ перевозкамъ, и въ свою очередь грозитъ въ зимніе мѣсяцы, послѣ ледостава на Волгѣ,

188

совершенно оставить безъ горючаго русскую сѣверную и центральную промышленныя группы. Пересылка нефти цистернами многого не даетъ, ибо при разстройствѣ желѣзнодорожнаго транспорта уже въ прошлую зиму положеніе было таково, что, напримѣръ, для юго-востока Россіи его голодная норма удовлетворялась подачей цистернъ лишь въ 40%. И это при томъ боевомъ значеніи, которое наравнѣ съ продовольственными, имѣли нефтяные маршруты. Поѣзда эти ходили скорѣе и вѣрнѣе другихъ, такъ что даже мѣшочники предпочитали цистерны пассажирскимъ поѣздамъ для поѣздки на нихъ.

Заготовка дровъ, составляющихъ одну изъ главнѣйшихъ отраслей топлива для всей Россіи, тоже ухудшается, такъ какъ, благодаря вырубкѣ большей части лѣсовъ, приходится переходить къ рубкѣ дальне отстоящихъ отъ дорогъ лѣсныхъ участковъ. Въ этомъ случаѣ заготовка дровъ становится передъ неразрѣшимой задачей, какъ пользоваться этимъ лѣсомъ, когда гужевой транспортъ не сегодня-завтра долженъ остановиться по всей Совѣтской Россіи. Если обратиться къ цифрамъ, относящимся къ этому виду топлива, то картина получается не лучше, чѣмъ для каменнаго угля. Заготовка дровъ колеблется отъ 45% заданія (Украина — мартъ 1921 года) до 68%, (Сѣверный Кавказъ — средняя за первую четверть 1921 года). Вывозка заготовленныхъ дровъ все время понижается; такъ, она составляла по всей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ: на мартъ 137 тыс. вагоновъ — 114% плана; апрѣль — 82 тыс. вагоновъ — 78%; май — 59 тыс. вагоновъ — 68%. Къ тому же и самый дровяной запасъ сталъ сокращаться, такъ, напримѣръ, къ навигаціи 1920 года въ мѣстахъ, откуда идетъ доставка дровъ по рѣкамъ къ Петрограду, находилось 200 тыс. кубовъ зимовалыхъ дровъ; къ навигаціи 1921 года ихъ было не болѣе 60 тыс. кубовъ и къ слѣдующей навигаціи ихъ предвидится самое ничтожное количество.

Разработка торфяныхъ пространствъ и горю-

ьаго сланца, хотя и производится въ широкомъ масштабѣ, однако, какъ показываетъ опытъ, имѣетъ, повидимому, второстепенное значеніе. Такъ по производственной программѣ 1921 года намѣчена добыча 130 милліоновъ пудовъ торфа, причѣмъ, оборудованіе для работъ было доставлено въ размѣрѣ лишь 84 % программы. Программа сланцевого дѣла на 1921 годъ обнимаетъ собою выработку 7.837 тыс. пудовъ сланца и 600 тыс. пудовъ сапропеля, причѣмъ за первую четверть 1921 года фактическая добыча его выражается въ 566 тыс. пудовъ. Для разрѣшенія топливнаго кризиса совѣтской власти приходится искать выхода въ приобрѣтеніи за границей угля, какъ въ единственной серьезной мѣрѣ самопомощи, поскольку у большевиковъ есть еще золотой и брилліантовый фонды.

Въ силу тѣхъ же причинъ, которыя вызываютъ тяжелый недостатокъ топлива — въ Совѣтской Россіи острый сырьевой голодъ. Характерными въ этомъ отношеніи являются слѣдующія цифры изъ области горнопромышленности. Желѣзной руды добыто въ 1920 году — $2\frac{1}{2}\%$ добычи 1912 года. Запасы руды на 1-ое января 1921 года составляли 130 милліоновъ пудовъ, изъ которыхъ на Уралѣ падало 80 милліоновъ пудовъ. За первую четверть 1921 года добыто руды 2,4 милліона пуд. противъ 125 милліоновъ пуд., добытыхъ за тотъ же періодъ въ 1913 году. Несмотря на уже сильно сокращенныя программы, добыча руды продолжала падать и дальше; такъ, на примѣръ, на Уралѣ за вторую половину мая добыто лишь 53.000 пуд. руды или 46 % заданія. Производство чугуна въ 1920 году составляло $2\frac{1}{8}\%$ итога 1913 года и производство металловъ и издѣлій изъ нихъ 5—6 % 1913 года. Запасы чугуна на 1-ое января 1921 года составляли 5,4 милліоновъ пудовъ. Въ первой половинѣ 1921 года на Украинѣ въ общей сложности дѣйствовали 70 металлургическихъ заводовъ, при 2.200 рабочихъ, сотапляя въ среднемъ по сравненію съ довоеннымъ временемъ 12 % числа предпріятій и 9 % количества рабочихъ.

Для характеристики положенія на заводахъ

тяжелой индустріи, надлежитъ указать, что на Украинѣ въ первой четверти 1921 года регулярно шла работа только на заводахъ Петровскомъ, Макѣевскомъ, Дюмо и отчасти на Юзовскомъ; другіе заводы или стояли или работали въ 1 цѣхъ. Производство падало катастрофически. Вотъ нѣкоторыя цифры—Коксъ: январь — 393 тыс. пуд.; февраль — 95 тыс. пуд.; мартъ — 43 тыс. пуд. Болванки мартеновскія: въ январѣ — 230 тыс. пуд.; въ февралѣ — 14 тыс. пуд.; въ мартѣ — 6 тыс. пуд.; Прокатка: въ январѣ — 235 тыс. пуд.; въ февралѣ — 28 тыс. пуд.; въ мартѣ — 29 тыс. пуд. и. т. д. На Уралѣ работало: въ маѣ 6 доменныхъ печей, 5 мартен., 14 прокатн. становъ, а въ іюнѣ 5 доменныхъ печей, 4 мартен. и 15 прокат. становъ. На 1-ое іюня 1921 остановились Міасскій и Златоустовскій заводы. За первую треть года % выполненія сокращенной программы производства металлургическихъ заводовъ Екатеринбургскаго района колебался отъ 9,2% (плуги) до 57,6% (мартен.). Производительность 14 трестированныхъ Гомзой ударныхъ металлургическихъ заводовъ центральнаго района Россіи въ первой половинѣ 1921 года выражалось въ % % къ сильно урѣзанной уже программѣ слѣдующимъ образомъ. Желѣзо и сталь: въ мартѣ 146%, въ апрѣлѣ 106%, въ маѣ 48%; вагонныя части: въ мартѣ 54%, въ апрѣлѣ 53%, въ маѣ 43%; паровозныя части: въ мартѣ 63%, въ апрѣлѣ 63%, въ маѣ 49%; бандажи: въ мартѣ 62%, въ апрѣлѣ 64%, въ маѣ 42% и т. д. Заводъ тяжелой индустріи Ростовскаго района въ первой половинѣ 1921 года стоялъ. Что касается, наконецъ, заводовъ Петроградскаго района, то они постепенно стали замирать и почти полностью (какъ Путиловскій, Обуховскій) стали лѣтомъ 1921 года.

Что касается добычи другихъ рудъ, то для нихъ характерными являются слѣдующія цифры. Добыча мѣди составляла въ 1920 году — $\frac{1}{2}$ % довоеннаго времени. Запасъ мѣди на 1-ое января 1921 года равнялся 1.250 тыс. пуд. Свинцовой руды въ 1913 году было добыто 4 милліона

пудовъ, а въ 1920 — 100 тыс. пуд., т. е. только 2,5 % до-военной добычи; хромистыхъ рудъ въ 1920 году добыто около 8 % и т. д. Къ изложенному о положеніи горнопромышленности слѣдуетъ добавить еще слѣдующія данныя, касающіяся добычи соли въ Россіи. Въ 1920 году въ Россіи добыто 17 % количества соли, полученнаго въ 1913 году или 1,3 % годового ея потребленія. За первую треть 1921 года во всей Россіи добыто 5.380 тыс. пуд. соли, противъ 2.730 тыс. пуд., добытыхъ въ предыдущемъ году. Однако, по отношенію къ заданію добыча оказывается недостаточной; ибо, наримѣръ, по всей Россіи за 1-ую четверть года добыто лишь 36 % программного заданія на этотъ періодъ времени. Производительность труда, выражавшаяся въ до — военное время въ среднемъ въ 708 пудовъ соли въ мѣсяцъ на рабочаго, выразилась въ мартѣ 1921 года всего лишь въ 172 пуда.

Наконецъ, сюда же надлежитъ добавить нѣкоторыя данныя о добычѣ благородныхъ металловъ. Золота добыто въ 1920 году во всей Россіи — 100 пудовъ, т. е. 5 % прежней производительности (безъ Сибири). За первую четверть 1921 года всего добыто 16,25 пуд. золота, при производительности 1 рабочаго за одинъ мѣсяцъ до войны въ 8 золотниковъ, а въ мартѣ 1921 года только въ 2,3 золотника. Въ результатѣ происходитъ такая курьезная несообразность, что стоимость каждаго добытаго 1 золотника золота обходится въ общей сложности для казны, переводя ея расходы на золото, въ 2,5 золотника золота. Платины добыто въ 1920 году 26 пудовъ, т. е. въ размѣрѣ 8,2 % отъ добычи до военного времени. Программа на 1921 годъ предусматриваетъ добычу платины въ количествѣ только 10 пудовъ.

Электротехническая промышленность въ Россіи никогда не играла крупной роли. Однако, именно на эту область производства коммунисты обратили свое вниманіе, чтобы создать вокругъ нея большой международный бумъ. Предпріимчивыми людьми, во главѣ съ инженеромъ Крыжановскимъ,

192

быть выдвинутъ химерическій, въ современныхъ условіяхъ, проектъ электрофікаціи Россіи, который предусматривалъ расширеніе существующихъ электрическихъ станцій и созданіе новыхъ мощныхъ электрическихъ передачъ. Чертились и выставлялись на показъ въ различныхъ бюро пропаганды покрытыя точками и окружностями разныхъ радіусовъ карты Россіи, долженствовавшія наглядно показать, какъ, гдѣ будутъ и какой мощности эти станціи и какіе районы они будутъ обслуживать. Своего апогея этотъ вопросъ достигъ на послѣднемъ съѣздѣ совѣтовъ въ 1920 году, гдѣ обсужденію его въ связи съ намѣчавшейся программой экономического возсозданія Россіи отводилось почетное мѣсто. Вопросъ сталъ очень моднымъ. Читались повсюду лекціи на тему объ электрофікаціи, агитаторами на митингахъ рисовались заманчивыя картины, какъ будетъ благоденствовать деревня при замѣнѣ ручной силы электричествомъ. Тема эта долго не сходила со страницъ газетъ. Ловкіе люди, примазавшіеся къ дѣлу электрофікаціи, которому патронировалъ самъ Ленинъ, клали въ карманъ многочисленныя ассигновки народныхъ денегъ за широкіе проекты, планы и смѣты электрофікаціи Россіи. Лица не восторженные и скептики иронизировали по поводу этого очередного увлеченія, воочию видя, какъ въ это же время переставалъ ходить электрическій трамвай и останавливались въ городахъ электрическія станціи. И дѣйствительно, электрофікація оказалась лишь „электрофікціей“. Фактически построена одна электростанція въ районѣ Москвы, въ Кудиновѣ, да и та уже горѣла. Уже черезъ полъ года вопросъ оказался не въ модѣ. Нынѣ имъ мало кто занимается, а предпріимчивыя лица, вродѣ вышеупомянутыхъ инженеровъ, работаютъ уже надъ новыми планами изъ другихъ областей, которыя, не давъ ничего Россіи, имъ самимъ, во всякомъ случаѣ, принесутъ большія выгоды.

Текстильная промышленность, напротивъ, играла крупную роль въ русскомъ народномъ хо-

зійствѣ, составляя своими продуктами видную статью русскаго экспорта. Насколько пала эта промышленность при большевикахъ видно изъ слѣдующихъ цифръ. Программа Главтекстиля на первую половину 1921 года обнимаетъ собой по всей текстильной группѣ 189 мил. аршинъ, изъ коихъ фактически же выполнено было 115 мил. аршинъ. По отдѣльнымъ отраслямъ производства дѣло рисуется въ слѣдующемъ видѣ. Что касается шерстяной промышленности, то роль ея свелась почти къ нулю въ связи съ исчезновеніемъ русскаго тонкоруннаго овцеводства. Напримѣръ, на юго-востокѣ количество овецъ достигаетъ не болѣе 2% ихъ довоеннаго количества. Всѣ бараны съѣдены или погибли отъ болѣзней, за отсутствіемъ надлежащаго ухода и ветеринарной помощи. Вообще же по всей Россіи количество овецъ упало съ 78,7 мил. головъ до 54,2 мил. Добыча шерсти съ 6 мил. пудовъ упала до 3 мил. пудовъ. Въ 1921 году ожидается поступленіе шерсти не болѣе 1,5 мил. пудовъ. Такимъ образомъ, здѣсь дѣло обстоитъ плохо. Въ соотвѣтствіи съ этимъ число предусматриваемыхъ по программѣ 1921 года шерстяныхъ фабрикъ сокращено съ 80 до 46. Хлопчатобумажное производство тоже падаетъ, несмотря на наличіе богатаго Туркестана. Хлопкомъ до войны засѣвали въ Россіи 714 тыс. десятинъ, со средней урожайностью въ 80—90 пуд. съ десятины. Въ 1920 году засѣяно 109 тыс. десятинъ со сборомъ въ среднемъ 25—30 пуд. съ десятины. Такимъ образомъ, добыча его составила менѣе 40% до-военной. Программа 1921 года предусматривала засѣвъ 117 тыс. десятинъ, со сборомъ 2,4 мил. пуд. сырого или 700 тыс. пуд. чистаго хлопка. Фактически же ожидается 1,1 мил. пуд. чистаго волокна. На 20-ое іюня запасъ его въ Туркестанѣ опредѣлялся въ 2½ мил. пуд. За май хлопчатобумажные заводы переработали 1,8 мил. пуд. и ожидалось, что къ концу сезона хлопокъ сырецъ полностью будетъ выработанъ. Что касается хлопчатобумажной промышленности, то производительность ея въ 1920 году вырази-

лась въ 5—6 % до-военнаго времени, причемъ производственная программа, идя все время на убыль, предусматриваетъ на вторую половину 1921 года дальнѣйшее сокращеніе числа работающихъ въ этой отрасли фабрикъ съ 78 до 46. Площадь посѣва льна опустилась съ 1.100 тыс. дес. до-военнаго времени до 200 тысячъ дес. въ 1920 году со сборомъ 2,9 мил. пуд. волокна, противъ 25 мил. пуд. Фактическій посѣвъ льна въ 1921 году не превышаетъ 300 тыс. дес., со сборомъ не свыше 3 мил. пуд. Переработка льняной пряжи составляла въ 1920 году 25—30 % производительности до-военнаго времени. Въ мартѣ 1921 года работало 58 льняныхъ фабрикъ или 88 % и 143.742 веретенъ или 46 % заданія. Выработано ими 86 т. м., т. е. 119 % программы. Станковъ работало 5.006 или 52 % программы. Выработано суровья 6.440 т. аршинъ или 84 %. Программа на вторую половину 1921 года — 500 т. пуд. пряжи и 36 тыс. кв. аршинъ ткани. Такимъ образомъ, эта отрасль текстильнаго производства находится еще въ лучшемъ положеніи по сравненію съ другими отраслями русской текстильной промышленности. Пенъковая промышленность. — Площадь посѣва конопли опустилась съ 526 тыс. дес. до 238 тыс. дес., со сборомъ 4½ мил. пуд., вмѣсто прежнихъ 20 мил. пуд. Общій засѣвъ конопли въ 1921 году не болѣе 200 тыс. дес., со сборомъ 3—3½ мил. пуд. Переработка конопли въ 1920 году составляла 25 % 1913 года; остатокъ не переработаннаго волокна на 1-ое января 1921 года: пряжи 28.421 пуд., пеньки 229.024 пуд. По программѣ на первую половину 1921 года должны были работать 17 фабрикъ, съ 4.516 рабочими. Выработано за первую четверть 13-ю фабриками — пряжи 30 тыс. пуд. (41 %), снастей 64 тыс. пуд. (75 %). Въ общемъ по группѣ текстильной промышленности въ счетъ потребности въ 1921 году въ 53,5 мил. пуд. сырого матеріала, ожидается поступленіе 18½ мил. пуд., т. е. около 35 %.

Чрезвычайно остро стоитъ вопросъ съ переработкой кожевеннаго сырья. Хотя есть всякія

совѣтскія Главкожи, Обкожи и Донкожи, но самой кожи, можно сказать, почти нѣтъ, т. е. она имѣется въ совершенно недостаточномъ количествѣ. Благодаря наличію такихъ учреждений, на бумагѣ, кожи достаточно. Такъ, напримѣръ, сравнительные результаты выработки кожи въ 1921 году по сравненію съ 1920 годомъ даютъ слѣдующія цифры: за первую четверть 1920 года выработано: 488 тыс. штукъ крупной и 835 тыс. шт. мелкой, всего 1.324 тыс. штукъ. Въ 1921 году—крупной 654 тыс. шт., мелкой—836 тыс. шт., а всего 1.490 тыс. штукъ, но эти абсолютныя цифры, публикуемыя совѣтской властью, отнюдь не даютъ истинной картины, ибо это увеличеніе выработки кожи послѣдовало не за счетъ развитія производства, а за счетъ увеличенія территоріи. Въ дѣйствительности же, обуви не хватаетъ даже красноармейцамъ, и въ провинціи имъ приходится одѣвать сапоги по очереди или обуваться въ лапти. Благодаря недостатку кожи, вся деревня ходитъ разутой, а цѣны на высокіе сапоги достигли, напримѣръ, въ Москвѣ на вольномъ рынкѣ, до 500 тыс. рублей за хорошую пару.

На глазахъ самого населенія сокращаются и выдачи табачнаго пайка. Даже въ Ростовѣ н/Д., гдѣ находится самая крупная табачная фабрика на юго-востокѣ, и то уже не даютъ прежняго количества табаку и папиросъ. Главная причина упадка этого вида промышленности—сокращеніе табачныхъ посѣвовъ, недостатокъ матеріала для упаковокъ и сокращеніе выработки папиросъ вслѣдствіе истощенія запасовъ гильзовой бумаги. Въ 1919 году отношеніе выработки табака къ папиросамъ составляло 37,3 къ 63,2; во вторую половину 1920 года это отношеніе равнялось 78,1 къ 21,9, т. е. было какъ разъ обратное; во-вторыхъ, все ухудшается качество табака и начинаютъ преобладать низшіе сорта надъ высшими. Производство табака составляло въ 1920 году 5% до-военнаго времени. На 1-ое января 1920 года числилось 165 табачныхъ фабрикъ, а на 1-ое янва-

196

ря 1921 года — 64. Производственная программа на 1921 годъ предполагаетъ выработать 28 мил. пуд. курительнаго табаку и папирось и 1,3 мил. пуд. махорки. Въ первую четверть 1921 года выполнена программу для табака и папирось въ 72% и въ 49% для махорки.

Годы войны и революціи приучили народъ къ потребленію сахара и вызвали большій спросъ его; однако, какъ площадь засѣва свеклосахарныхъ плантацій стала уменьшаться, такъ и самая выработка сахара упала. Поэтому цѣна на сахаръ на вольномъ рынкѣ продолжаетъ расти и въ пайкѣ (хотя онъ выдается въ размѣрѣ лишь $\frac{1}{2}$ —1 фунтъ въ мѣсяцъ на рабочаго, да и то не регулярно) представляетъ наиболѣе лакомый кусокъ, въ виду чего часто цѣлые мѣшки сахара безслѣдно исчезаютъ изъ складовъ продовольственныхъ отдѣловъ. Это же вызываетъ усиленную спекуляцію сахаромъ. Его везутъ мѣшочники, солдаты торгуютъ имъ на рынкахъ и базарахъ, продавая свой паекъ. Въ послѣднее время его замѣняютъ и сахариномъ, который спекулянты болѣе крупной марки везутъ въ поѣздахъ въ такомъ количествѣ, что нѣкоторые не безъ основанія называютъ такіе поѣзда „сахаринными“. Одна лишь совѣтская власть остается въ олимпійскомъ спокойствіи и не принимаетъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы, не ограничиваясь различными громкими проектами, принять мѣры къ дѣйствительному росту свеклосахарнаго производства.

Посѣвная площадь свекловицы въ Россіи составляла въ 1913 году 664 тыс. дес., съ производствомъ на 294 сахарныхъ заводахъ 108 мил. пуд. сахара, при душевномъ потребленіи его въ Россіи около половины этого количества. Результатъ сахарной кампаніи 1919 года былъ уже значительно хуже; засѣяно 387 тыс. дес. и получено на 149 заводахъ 4,8 мил. пуд. или около 4,6%. Въ 1920 году производство сахара составляло 6%. Программа на 1921 годъ предполагала засѣвъ свекловичнаго клина въ 215 тыс. дес., съ переработкой на 150 заводахъ урожая свекловицы

въ 10 мил. пуд. сахара. Однако, перспективамъ этимъ не суждено, повидимому, сбыться, ибо онѣ основаны на предположеніи полнаго удовлетворенія заявокъ на топливо, матеріаль и пр., которые удовлетворяются лишь въ 8—10%. Въ виду массоваго появленія особаго вредителя—мотылька, часть свекловичныхъ плантацій лѣтомъ 1921 года погибла и общее количество сахара отъ кампаніи 1921 года оцѣнивается не свыше 7 мил. пуд.

Для того, чтобы не быть голословнымъ и точнѣе охарактеризовать положеніе промышленности по переработкѣ пищевыхъ продуктовъ, лучше предоставить говорить о ней самимъ коммунистамъ. Вотъ какъ характеризуетъ правленіе Донского союза пищевиковъ въ началѣ 1921 года положеніе этой отрасли промышленности на Дону — положеніе болѣе или менѣе характерное и для другихъ областей Россіи. „Консервные заводы, въ виду слабаго поступленія мяса, будутъ переводиться на консервированіе рыбы. Дрожжевой заводъ работаетъ довольно исправно; заминка бываетъ изъ-за не полученія подсобныхъ матеріаловъ. Овощно-сушильная фабрика дорабатываетъ заготовленное сырье. Пивоваренный заводъ не работаетъ за отсутствіемъ топлива. Газо-минеральные заводы стоятъ. Кондитерскія фабрики послѣ двухмѣсячной остановки изъ-за отсутствія сахара, приступаютъ къ выработкѣ карамели. Сыроваренный заводъ стоитъ изъ-за отсутствія молока. Указанные заводы по переработкѣ сырья будутъ закрыты. Кофейныя фабрики за отсутствіемъ топлива и электрической энергіи работаютъ слабо. 22 колбасныхъ предпріятія націонализированы и не работаютъ.“ Вотъ данныя, достаточно краснорѣчиво говорящія за себя и которыя можно оставить безъ всякаго комментарія.

Изъ другихъ видовъ промышленности, изготовляющей предметы первой необходимости, можно привести еще слѣдующія данныя. Спички, относимыя В. С. Н. Х. къ рубрикѣ химической промышленности, вырабатывались въ 1920 году въ количествѣ 15% противъ 1913 года. Къ этой

же области относятся резиновые издѣлія, вырабатывавшіяся въ 1920 году въ количествѣ 2—10 % противъ до-военнаго ихъ количества. Жировая промышленность и мыловаренная въ 1920 году составляла 7 % противъ производительности 1913 года; маслобойная промышленность въ 1920 году — 17 % противъ 1913 года; крахмально - паточное производство вырабатывало въ 1920 году 20 % мирнаго времени. На 1920—1921 г.г. по программѣ назначено было 6,8 мил. пуд. картофеля; фактически же дано 3,8 мил. пуд. (53,4 %), и, вдобавокъ, гнилого. Поэтому, программа выполнена лишь въ размѣрѣ 48,6 %. Въ этомъ производствѣ раньше выходило 1 пудъ сырого крахмала изъ 4½ пуд. картофеля, а нынѣ изъ 12 пуд. картофеля. Программа выкурки спирта въ 1920 году была выполнена въ 87 %. Въ 1921 году предназначено было къ дѣйствию во всей Россіи 318 заводовъ, изъ нихъ остановилось за мартъ и апрѣль 148 и, такимъ образомъ, работало лишь 170 заводовъ. Всего выкурено было въ Россіи (безъ Украины) за первую четверть 1921 года 121 м. градусовъ (или 70,3 % программы). Остатокъ спирта во всей Россіи съ Украиной на 1-ое апрѣля 1921 года выражался въ 2,2 м. ведеръ сырого спирта и 1,3 м. ведеръ ректифицированнаго. Въ стекольной промышленности задание на 1921 годъ составляло въ своемъ объемѣ 5—10 % производства до-военнаго времени. Программа эта за первую треть 1921 года выполнена въ размѣрѣ 25 %. Наконецъ, основная химическая промышленность дала въ 1920 году — 12 % производительности мирнаго времени.

Совѣтская власть взялась, какъ за утилизацію отбросовъ животнаго происхожденія (на бойняхъ), такъ и за использованіе металлическаго лома. Созданы были и въ центрѣ, и на мѣстахъ Центроутили съ большимъ штатомъ служащихъ. Началась длинная переписка, но самое дѣло по существу не сдвинуто съ мѣста. Груды металлическаго лома лежатъ на бывшихъ матеріальныхъ складахъ и на желѣзныхъ дорогахъ, брошенные на юго-

востокъ еще при уходѣ бѣлыхъ. Точно такъ же и бойни завалены рогами, копытами и всякими другими животными отбросами. А между тѣмъ, эти самые отбросы могли бы при болѣе правильномъ хозяйничаньи дать на условіяхъ товарообмѣна съ иностранцами, крестьянской массѣ необходимыя въ хозяйствѣ издѣлія обихода, такъ какъ они всегда играли роль въ русской отпускной торговлѣ.

Мы дали здѣсь нѣсколько набросковъ тѣхъ отдѣловъ добывающей и обрабатывающей промышленности, которые вырабатываютъ предметы питанія или предметы, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ, изъ коихъ ясно видно, что производства эти падаютъ, создавая фактическую невозможность удовлетворенія самыхъ элементарныхъ потребностей человѣческаго существованія. Равнымъ образомъ, можно было бы показать картины современнаго положенія и другихъ отраслей производства, но и тутъ остается отличительной чертой — катастрофическое приближеніе къ полной пріостановкѣ русской крупной промышленности. Причины этого однѣ и тѣ же: отсутствіе сырья, топлива, недостатокъ продовольствія и одежды для рабочихъ, невозможныя условія жизни въ условіяхъ коммунизма, вызывающія изъ-за плохого питанія бѣгство рабочихъ въ деревню, преслѣдованіе рабочихъ, недостатокъ квалифицированныхъ рабочихъ, прикрѣпленіе ихъ и затѣмъ цѣлый рядъ другихъ причинъ, относящихся уже къ области условій постановки труда въ Совѣтской Россіи вообще, о чемъ придется еще говорить особо. И тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, коммунисты и теперь еще осмѣливаются громко заявлять: „наша цѣль — развитіе производительныхъ силъ Россіи“.

Переходя теперь къ вопросу объ организациі мелкой промышленности, ремеселъ и кустарничества, слѣдуетъ отмѣтить, что совѣтская власть поставила и эти виды производства въ совершенно исключительныя условія. Передъ В. С. Н. Х. всталъ во всю величину вопросъ, какимъ

образомъ включить массу мелкихъ производителей въ общую систему строящагося соціалистическаго хозяйства и задачу эту онъ сталъ разрѣшать слѣдующимъ образомъ. 1) Включеніе мелкой кустарной промышленности въ обще-государственный планъ снабженія сырьемъ и топливомъ. Ясно, какъ успѣшно можетъ снабжать мелкія предпріятія совѣтская власть, когда она сама не въ состояніи обезпечить сырьемъ свои крупныя предпріятія. Въ результатъ кустарямъ приходится пріобрѣтать себѣ все по бѣшеннымъ цѣнамъ на вольномъ рынкѣ. 2) Финансовая государственная поддержка кустарей заключается въ томъ, что совнархозы, давая заказы кустарямъ, требуютъ изготовленія вещей по нормированнымъ казеннымъ расцѣнкамъ. Очевидно, что такая работа для кустарей приноситъ чистый убытокъ и все стремленіе ихъ направляется къ тому, чтобы какъ-нибудь продавать свои издѣлія частнымъ заказчикамъ въ цѣляхъ компенсаціи падающихъ на нихъ высокихъ издержекъ производства. 3) Дача заказовъ по опредѣленнымъ планамъ и массовые заказы подъ условіемъ объединенія кустарей. Это пожеланіе власти остается на бумагѣ, потому что, если только въ наличіи имѣется фактически какое-нибудь сырье, то оно дается для переработки крупнымъ предпріятіямъ. Планового снабженія кустарей сырьемъ, конечно, нѣтъ. Поэтому, отъ ловкости завѣдующихъ кустарными отдѣлами совнархозовъ зависитъ, чтобы во-время захватить какой-нибудь наклевывающийся заказъ и затѣмъ настоять на его передачѣ для исполненія кустарямъ, дабы подработать и самимъ на операціи снабженія кустарей необходимымъ сырьемъ. Предоставимъ коммунистамъ искренно вѣрить въ то, что перечисленные мѣры помощи ремесленникамъ и кустарямъ будутъ дѣйствительно способствовать ихъ скорому безболѣзненному превращенію въ крупное „машинизированное“ общественное производство, и обратимся къ дѣйствительности. Конечно, всѣ перечисленные мѣры — чистая фикція и на

самомъ дѣлѣ каждый кустарь и ремесленникъ только въ силу горькой необходимости обращается къ совѣтской власти за такой поддержкой, которая поддерживаеъ его такъ, какъ веревка поддерживаеъ повѣшеннаго. Попрежнему всѣ мелкія мастерскія, кромѣ сапожныхъ и портняжныхъ, закрыты, и сравнительно мало кто идетъ на открытіе новыхъ, даже несмотря на „поправѣніе“ курса совѣтской политики въ 1921 году и на цѣлый рядъ декретовъ по этому поводу совѣтской власти, какъ будто-бы облегчающихъ положеніе. Кустарныя предпріятія открываютъ въ послѣднее время лица, къ кустарничеству и ремеслу никакого отношенія не имѣющія. Это обыкновенно мѣстные спекулянты, рѣшившіе перенести послѣ нѣсколькихъ отсидокъ въ чека свою работу съ улицы (кафэ вѣдь закрыты) въ мастерскія. Заключается договоръ дружбы и согласія съ начальникомъ мѣстнаго „Кустпрома“ и его присными, и начинается подъ прикрытіемъ этого учрежденія и подъ видомъ поставокъ на казну дружная спекулятивная работа. Бѣдятъ съ мандатами за товарами изъ одного мѣста въ другое, взвинчивая цѣны на вольномъ рынкѣ. Зато, благодаря такому порядку вещей, обыватель можетъ почти всегда получать нужные ему товары черезъ посредство подобныхъ „кустарей“. Такой характеръ носить теперь по большей части кустарно-ремесленная промышленность въ городахъ. Когда въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1921 года заговорили о возможности дальнѣйшаго расширенія этого дѣла, то московскіе шиберы стали потирать руки. — „Ну, слава Богу, опять начнется работа, а то дѣло съ валютой и брилліантами идетъ слабо“. — Что же касается собственно настоящихъ кустарей въ деревнѣ, то таковыя разумѣется, какъ были, такъ и остались, но положеніе ихъ ухудшилось, такъ какъ закрытіе рынковъ сократило потребителей ихъ товара и повлекло за собою почти повсемѣстное паденіе кустарнаго промысла въ Россіи, о чемъ съ горечью свидѣтельствуютъ и оффиціальныя данныя провинціальныхъ совнархозовъ.

Особнякомъ стоитъ въ области производства дѣятельность Главкомгосоора и Трамота. Учрежденіе съ первымъ звучнымъ названіемъ завѣдуетъ всѣмъ строительнымъ дѣломъ въ совѣтской республикѣ. Въ 1920 году этимъ учрежденіемъ было произведено обслѣдованіе жилищныхъ ресурсовъ страны. Въ этомъ отношеніи выяснилось слѣдующее: въ селеніяхъ подъ гражданскими сооруженіями занято 530 мил. куб., въ городахъ 52 мил. куб. Изъ этого количества, какъ установило обслѣдованіе, 7% ежегодно горитъ и 8% ветшаетъ. На основаніи этихъ данныхъ и согласно заявкамъ отъ мѣстныхъ комитетовъ государственныхъ сооружений (притомъ далеко не отъ всѣхъ) Главкомгосооромъ разработана слѣдующая программа строительныхъ работъ на 1921 годъ: 2 мил. куб. новыхъ сооружений, 2,3 мил. куб. достройки зданій (изъ нихъ 25% жилыхъ и 75% для промышленныхъ заведеній) и 38,5 мил. куб. ремонта. Цифры эти очень широки и совершенно не согласованы съ наличными ресурсами въ странѣ строительныхъ матеріаловъ и рабочей силы. Всѣ разрабатываемые названнымъ учрежденіемъ планы и проекты являются грандіозными, но на практикѣ совершенно неосуществимыми. Если принять во вниманіе, что, за исключеніемъ постройки все той же Шатурской электрической станціи, никакихъ большихъ построекъ во всей республикѣ за время существованія совѣтской власти не было произведено и что за это время не столько возводилось новыхъ зданій, сколько ихъ было разрушено, — то роль Комгосоора въ дѣйствительности сведется къ значительно болѣе узкой дѣятельности, чисто бумажной, — составленія строительныхъ проектовъ и плановъ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Никакое другое учрежденіе не составило столько прекрасныхъ проектовъ, начиная отъ самыхъ серьезныхъ и скромныхъ по масштабу и кончая самыми фантастическими и несбыточными. Что же дѣлать! Нужно какъ-нибудь жить и чѣмъ-нибудь оправдать необходимость своего существо-

ванія въ ряду другихъ совѣтскихъ учрежденій. И вотъ инженеры прилежно работаютъ надъ планами осушенія всѣхъ русскихъ болотъ, орошенія всѣхъ пустынь и солончаковъ, соединенія каналами всѣхъ водныхъ магистралей, соединенія Чернаго съ Балтійскимъ и Каспійскимъ морями, постройки гигантскихъ фабрикъ и заводовъ, созданія „бѣлаго угля“, постройки перевальныхъ и другихъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. Если эти планы сохранятся, они несомнѣнно пригодятся для будущаго хозяйственнаго строительства Россіи по крайней мѣрѣ въ теченіе 100 лѣтъ.

Другое учрежденіе — Трамотъ по заданіямъ гораздо скромнѣе. На немъ лежитъ лишь организація гужевой перевозки или, попросту говоря, распоряженіе захваченными совѣтской властью складочными помѣщеніями и прикрѣпленными къ опредѣленнымъ совнархозамъ ломовыми извозчиками. И тѣмъ не менѣе „Трамотъ“ говоритъ уму и сердцу cadaго обывателя Совдепіи гораздо больше, чѣмъ вышеупомянутый „Комгосооръ“. Дѣйствительно, если идешь по улицамъ совѣтскаго города, то поминутно на мѣстѣ бывшихъ магазиновъ находишь заколоченное помѣщеніе на замкѣ съ печатью и лаконической надписью „Трамотъ“. Всѣ знаютъ, что въ „трамотахъ“ находится все то, что исчезло изъ оборота, что въ занятыхъ ими помѣщеніяхъ имѣются въ наличіи такіе товары, о существованіи коихъ трамотовское начальство и не догадывается. Разумѣется, захватить магазины и навѣсить на нихъ замки съ надписью „Трамотъ“ не представляется задачей особенно трудной. Другое дѣло, подсчитать и провѣрить все захваченное добро. Это уже оказывается не подъ силу для названнаго учрежденія. Поэтому, въ складахъ трамота, какъ общее правило, постоянно бываютъ неожиданныя открытія: то найдутъ въ нихъ партію шелка сырца, то вдругъ откроется архивъ какого-нибудь иностраннаго консульства, то наткнутся на партію исчезнувашаго товара и т. д. Слово трамотъ стало нарицательнымъ, „затрамоченныхъ“ товаровъ сколько угодно, и

владѣльцы, которые не успѣли во время за взятку „растрамотить“ ихъ, въ ожиданіи неизбежнаго крушенія совѣтскаго строя, заботятся только о томъ, чтобы эти товары какъ-нибудь ненарокомъ не растратаили и не пустили преждевременно въ оборотъ. Для транспортныхъ операцій трамонта къ этому учрежденію прикрѣплены всѣ ломовые, т. е. они обязаны ежедневно къ 9 час. утра являться на сборный пунктъ и получать наряды для казенныхъ перевозокъ по городу. Конечно, и тутъ не обходится безъ шиберства и юркіе господа за нѣкоторую мзду получаютъ въ свое распоряженіе средство передвиженія въ видѣ этихъ трамоченныхъ ломовыхъ, тогда какъ рядовой обыватель, или долженъ розыскивать за безумныя цѣны ломового, почему-либо свободнаго отъ наряда, или терпѣливо ждать 3 час. дня, когда ломовые освобождаются отъ казенныхъ нарядовъ и когда конкуренція слегка понижаетъ цѣны перевозокъ.

Таковы общіе контуры дѣятельности главнаго вершителя экономическихъ судебъ Россіи — Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства. Учрежденіе это въ теченіе 3 съ лишнимъ лѣтъ заправляло всей хозяйственной жизнью страны, сваливая всѣ послѣдствія своей неудачной экономической политики на военныя обстоятельства. Располагая цѣлой арміей служащихъ всѣхъ ранговъ и спеціальностей и огромными средствами, къ тому же выдаваемыми изъ казны безъ всякихъ задержекъ, это учрежденіе оказалось явно амортизмъ и неспособнымъ на какую-либо творческую дѣятельность и созидательную работу. Считая себя партіей научнаго социализма, коммунисты въ лицѣ руководителей В. С. Н. Х. широко обставили себя научными силами и техническими спеціалистами. Всевозможныхъ наименованій консультанты устроены въ безконечныхъ отдѣлахъ и подотдѣлахъ совнархозовъ и все пишутъ, пишутъ и пишутъ. Но разруха въ странѣ отъ зтого не уменьшается, а усиливается, принимая размѣры, безпокоящіе В. С. Н. Х. На руководствѣ

дѣятельностью этого учрежденія испортить свою карьеру, какъ отмѣчено выше, его предсѣдатель Рыковъ и самое учрежденіе это въ срединѣ 1921 года было радикально переформировано. Попытка подойти къ дѣлу оздоровленія экономической политики В. С. Н. Х. внутренней его реорганизаціей также не выдерживаетъ критики. Съ самаго начала 1921 года стали собираться, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ комиссіи для реорганизаціи совнархозовъ. Предлагались и послѣдовательно отвергались всевозможные варианты въ зависимости отъ личныхъ вліяній. Наконецъ, когда Рыковъ ушелъ въ Совѣтъ труда и обороны и его замѣстила менѣе вліятельная коллегія, построенное и поддерживавшееся имъ ранѣе зданіе уже не трудно было расшатать. Оно и рухнуло, увлекая за собою лицъ, подготовившихъ это паденіе. На мѣсто В. С. Н. Х., составившаго крупную, хотя и печальной памяти эпоху въ исторіи перваго опыта социалистическаго построенія народнаго хозяйства, образовался новый Наркоматъ Народной Промышленности. Форма измѣнилась, но общій режимъ и методы остались тѣ же, а слѣдовательно въ дальнѣйшемъ русскому народному хозяйству предстоитъ слѣдовать по пути еще большаго развала. Вотъ эта-то коммунистическая анархія производства и доведетъ, какъ народное хозяйство, такъ и направляющую его партію, къ гибели.

К о е - ч т о о к о н ц е с с і я х ъ .

Разъ хозяйство гибнетъ, то и власть, не могущая удержать его отъ гибели, погибнетъ съ нимъ и сама — это аксіома. И вотъ, чтобы удержать эту власть въ своихъ рукахъ какою-бы то ни было цѣной, Совнаркомъ въ концѣ 1920 года выдвигаетъ планъ распродажи Россіи иностранцамъ въ формѣ концессій. Дѣло сразу же ставится на широкую ногу. По прямому проводу летятъ изъ центра въ провинцію телеграммы, въ 48 часовъ приготовить проекты концессій по данному району.

Получивъ такую телеграмму въ Ростовѣ н/Д., владыка юго-востока Россіи, охарактеризованный уже мною выше, царскій палачъ Бѣлобородовъ, почувствовалъ себя нѣсколько ошеломленнымъ, ибо не зналъ, что означаетъ слово „концессія“. Когда ему объяснили значеніе этого замысловатаго слова, онъ поручилъ все дѣло своему помощнику т. Фрумкину съ резолюціей, чтобы къ слѣдующему вечеру у него былъ списокъ концессій для юго-востока. Тотъ поморщился, но передалъ это порученіе т. Иванову, предсѣдателю Промбюро Ю.-В. (главнаго областного экономического органа), послѣдній, не поморщась и не читая, передалъ злополучную телеграмму своему помощнику. Такъ, спускаясь по ступенькамъ іерархической лѣстницы, телеграмма попала наконецъ въ руки совсѣмъ маленькаго совѣтскаго чиновника, который съ удовольствіемъ спихнулъ бы ее еще дальше — да некому было. Чиновникъ этотъ поступилъ умно. Побѣжалъ домой, взялъ юго-восточный статистическій сборникъ и карту юго-востока и сталъ соображать: рѣка Донъ — ага, значитъ, соединеніе Волги съ Дономъ; Азовское море — гмъ! углубленіе его, новые порты; Кавказскія горы — „бѣлый уголь“, рудники и пр. Черезъ часъ набросокъ былъ сдѣланъ, потомъ заслушанъ и утвержденъ въ исполнительной комиссіи, прокатился въ обратномъ направленіи по всѣмъ инстанціямъ и въ назначенный срокъ тов. Бѣлобородовъ получилъ списокъ концессій, который и протелеграфировалъ дальше въ центръ. Очевидно, этотъ огульный перечень, не содержащій въ себѣ даже никакихъ мотивировокъ, оказался все же надлежащей базой, ибо черезъ короткій срокъ нѣкоторые спецы — консультанты получили заданіе разработать эти планы въ частяхъ болѣе детально и принялись за это дѣло съ ретивостью, предвкушая впередъ въ качествѣ оплаты труда за эту экстренную работу — уголь для обогрѣванія своихъ холодныхъ конуръ. Очевидно, что нѣчто въ этомъ родѣ происходило и во всѣхъ другихъ совнархозахъ, ибо, судя по опубликованнымъ въ прессѣ указа-

ніямъ иностранцевъ, ѣздившихъ въ Совдепію на брошенную имъ приманку, всѣ представленные имъ проекты грѣшили большой теоретичностью и расплывчатостью и не давали никакихъ конкретныхъ данныхъ о характерѣ предлагаемыхъ имъ концессій и самыхъ условій ихъ осуществленія. Не надо быть, конечно, большимъ мудрецомъ для того, чтобы предсказать, что изъ всѣхъ концессій, какъ представляютъ ихъ себѣ большевики, ничего путнаго не выйдетъ. Недаромъ освѣдомленный „Маховикъ“ заявляетъ: „Тѣ капиталисты, съ которыми совѣтская власть опредѣленнымъ образомъ договорится, будутъ не хозяевами у насъ, а поднадзорными гостями. Если гости будутъ вести себя не такъ, какъ подобаетъ въ нашемъ домѣ, мы легко однимъ пинкомъ можемъ выгнать ихъ вонъ.“ Кто же находящійся въ здоровомъ умѣ и твердой памяти сможетъ пойти на такія условія? Кто рѣшится довѣрить свой капиталъ странѣ, офиціозный органъ которой открыто заранѣе заявляетъ, что никакой договоръ, заключенный съ совѣтской властью, ни къ чему не будетъ ее обязывать? Какъ можно реально себѣ представить такое положеніе, что въ какомъ-нибудь промышленномъ центрѣ изъ 200 предпріятій одно будетъ забронировано отъ послѣдствій всякихъ коммунистическихъ экспериментовъ и русскіе рабочіе въ немъ будутъ пользоваться всѣми благами жизни въ то время, какъ рабочіе остальныхъ 199 предпріятій будутъ ходить вокругъ такой привилегированной фабрики, щелкая зубами и любясь, какъ его правительство, цѣпляясь за свое существованіе, будетъ передавать отдѣльныя государственныя имущества съ ихъ живой и мертвой силой иностранцамъ, продолжая держать у себя въ кабалѣ трудящихся въ остальныхъ предпріятіяхъ. Какъ можно пользоваться концессіей въ странѣ, когда въ ней есть чрезвычайки и ревтрибуналы, какъ, наконецъ, можно работать тамъ нормально, пока въ ней продолжаютъ существовать такія неслыханныя и унижительныя условія челоувѣческаго существованія, какъ это изображено

въ предыдущихъ очеркахъ настоящей книги! И дѣйствительно, такихъ оригиналовъ и смѣльчаковъ нашлось немного.

Чтобы показать, что дѣло съ концессіями идетъ на ладъ, совѣтскіе писаки долго носились со своимъ Вандерлипомъ, и только всѣ, хорошо зная изъ газетъ, что Вандерлипъ подписалъ первый концессіонный договоръ, что онъ уѣхалъ, что онъ опять пріѣхалъ, что онъ заявилъ то-то и т. д., удивлялись, когда же, наконецъ, въ дѣйствительности, начнется работа въ полученныхъ имъ концессіяхъ и почему получается какая-то заминка въ ихъ осуществленіи. Лишь весной въ совѣтскихъ газетахъ промелькнула замѣтка, что для осуществленія этой сдѣлки обязательно почему-то нужна санкція американскаго правительства и что дѣло стоитъ только за ней. Замѣчательно въ Вандерлиповской концессіи то, что коммунисты, съ самаго начала поднявшіе громкій голосъ противъ всякой тайной дипломатіи и тайныхъ переговоровъ, тѣмъ не менѣе ни однимъ словомъ не обмолвились о сути договора, который они заключили съ Вандерлипомъ, несмотря на весьма понятный интересъ къ этому дѣлу со стороны широкихъ массъ населенія.

Другой договоръ, по слухамъ, заключенъ съ Шведской компаніей шарикоподшипниковъ S. K. F., давно имѣвшей свою фабрику подъ Москвой и теперь бездѣйствующей. Компанія эта, очевидно, подъ вліяніемъ перепроизводства и экономической депрессіи, въ которой пребываетъ въ настоящее время Швеція, рѣшила использовать предложеніе Ленина о концессіяхъ. Не безъ вліянія многихъ русскихъ техниковъ и военныхъ, которые устроились въ этомъ предпріятіи, компанія обратилась къ совѣтскому правительству съ предложеніемъ взять въ эксплоатацію свою собственную фабрику на извѣстныхъ условіяхъ. Какъ дѣло перейдетъ отъ договора къ дѣйствительной его реализаціи, неясно, но, благодаря этому договору, въ запасѣ у Красина есть всегда аргументъ къ тому, что съ Россіей все же можно заключать сдѣлки

концессионнаго характера. Въ послѣднее время носятя слухи о парѣ-другой разрѣшенныхъ концессій, а также о ведущихся дальнѣйшихъ, по всей вѣроятности безплодныхъ, переговорахъ. Пока что, по Совѣтской Россіи рыщутъ международные авантюристы, командированные различными капиталистическими группами, точащими зубы, какъ шакалы, на разлагающееся при большевистскомъ режимѣ тѣло Россіи и думающихъ урвать у запятнавшихъ себя позоромъ и кровью лицъ, стоящихъ во главѣ ея — жирный кусокъ для эксплуатаціи несчастнаго русскаго народа — но засимъ, однако, воочію убѣждающихся, что съ совѣтской властью не только нельзя заключать какихъ-либо концессій, но что даже вообще лучше до поры до времени поостеречься съ поѣздками въ Россію.

ГЛАВА VIII.

А г р а р н а я   р е ф о р м а   и   с е л ь - с к о е   х о з я й с т в о .

Въ результатъ земельной революціи, закрѣпленной совѣтскимъ законодательствомъ, земельныя отношенія въ Россіи пережили полный переворотъ и до сихъ поръ еще продолжаютъ испытывать рядъ измѣненій. Прежде всего совершенно уничтоженнымъ оказалось на протяженіи всей Россіи помѣщичье и все вообще крупное и среднее землевладѣніе. Кулацкое землевладѣніе (по совѣтской терминологіи) выравнено съ среднекрестьянскимъ. Съ другой стороны, землепользованіе бѣдности и самого малоземельнаго крестьянства, нажившаго къ тому же скотъ и инвентарь отъ грабежа болѣе состоятельныхъ крестьянъ и отъ разгрома частновладѣльческихъ имѣній, увеличилось до средней нормы душевого надѣла. Что же касается выравниванія земельныхъ надѣловъ по волостямъ, уѣздамъ и губерніямъ, то оно еще далеко не закончено и еще долго не можетъ быть закончено. Въ настоящее время трудно еще подвести итоги коммунистической революціи въ земельныхъ отношеніяхъ, но въ общемъ и цѣломъ дѣло обстоитъ такъ: почти вся пахотная земля крупнаго и частнаго землевладѣнія перешла въ пользованіе крестьянъ. Изъ помѣщичьихъ земель, захваченныхъ совѣтскою властью, ей удалось сохранить въ своихъ рукахъ лишь около 2 милліоновъ десятинъ земли совѣтскихъ хозяйствъ. Крестьяне запахали также часть городскихъ земель; къ нимъ же перешли все церковныя, монастырскія и частью удѣльныя земли. Вообще въ распоряженіе крестьянства перешло около 40 милліоновъ десятинъ одной частновладѣльческой земли.

Затѣмъ, въ распоряженіи совѣтскаго государства, кромѣ площади совѣтскихъ имѣній и земель сахарныхъ заводовъ, остались бывшія казенныя земли почти цѣликомъ, а также націонализированные лѣса частныхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, въ силу фактически создавшагося положенія, коммунистической партіи приходится бороться за социализмъ въ земледѣліи въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Подавляющая часть земельной площади, находящейся въ фактическомъ распоряженіи государства, негодна для обработки. Подавляющая же часть годной для обработки земли находится въ распоряженіи мелкаго самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, съ чисто собственническимъ уклономъ.

Однако, какъ бы ни были поэтому неблагопріятны условія для социализаціи сельскаго хозяйства въ Россіи, какое бы упорное сопротивление не оказывало мелко-буржуазное хозяйство, а въ крестьянской Россіи Совнаркомъ упорно старается привить крупное коммунистическое хозяйство. Въ газетахъ, на митингахъ, въ агитаціонныхъ брошюрахъ коммунисты неустанно трубятъ о преимуществахъ крупнаго земледѣлія передъ мелкимъ и о практической цѣлесообразности совхозовъ, т. е. совѣтскихъ имѣній, составленныхъ изъ захваченныхъ совѣтской властью крупныхъ частновладѣльческихъ экономій. Однако, дѣло это не клеится и крестьяне крѣпко цѣпляются за захваченную землю. Большевики въ программѣ своей партіи обѣщаютъ правовѣрнымъ крестьянамъ за послушаніе широко проведенную систему меліораціи и планомѣрное снабженіе черезъ прокатные пункты инвентаремъ бѣднаго и средняго крестьянства. Но вотъ тутъ-то, когда дѣло доходитъ до дѣйствій и начинается подлинная трагедія крестьянства, ибо, обѣщать для большевиковъ, еще не значитъ давать въ дѣйствительности. Что же мы видимъ въ дѣлѣ снабженія инвентаремъ? Чѣмъ можетъ снабжать бѣдное коммунистическое правительство, когда у него самого нѣтъ ничего и нѣтъ средствъ для

покупки этого инвентаря за границей. А дѣло это на практикѣ сводится къ тому, что крестьянинъ походить, походить по инстанціямъ, погоняють его съ мѣста на мѣсто, и въ результатѣ плюнетъ онъ на эту власть и сдѣлаетъ себѣ въ концѣ концовъ самодѣльную соху, вмѣсто плуга, который ему до зарѣзу нуженъ. То же и въ отношеніи скота. Крестьянамъ скверно живетъ, скотоводство падаетъ. Во многихъ мѣстахъ коровъ всѣхъ съѣли, теперь принялись за лошадей. Цѣна на лошадь, которая еще держалась высоко зимой, къ веснѣ страшно упала, такъ какъ крестьянамъ нечѣмъ кормить животныхъ, въ виду сильнаго неурожая и они предпочитаютъ сбывать лошадей, чтобы только какъ-нибудь отъ нихъ избавиться. Получилось значительное предложеніе крупныхъ животныхъ и цѣна на нихъ стала падать. О меліорациі, конечно, не приходится и говорить. Допустимъ, что ими бы и интересовались и разрабатывали проекты отдѣльныхъ меліоративныхъ работъ. Фактически же такія работы нѣтъ возможности осуществить, такъ какъ для всякаго рода меліораций нужны, во-первыхъ, деньги, которыхъ сколько угодно; во-вторыхъ, рабочіе, которыхъ трудно достать, и въ-третьихъ, что самое главное, машины, которыхъ нѣтъ совсѣмъ. Беспорядочная совѣтская система взиманія продовольственнаго налога, всевозможные налеты на деревню для отобранія яко-бы имѣющихся продовольственныхъ избытковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ заставляло крестьянство въ 1921 году принять мѣры, въ цѣляхъ охраненія личнаго хозяйства отъ дезорганизаціи, къ упрятыванію отъ зоркаго ока власти своихъ прежнихъ скудныхъ запасовъ, которые на сѣверѣ къ этому времени уже изсякли, и ограничить посѣвы размѣрами голодной нормы для собственнаго пропитанія. Присоединившіяся къ этому крайне неблагоприятныя атмосферическія явленія поставили всю восточную и отчасти южную полосу Европейской Россіи передъ фактомъ неурожая. Положеніе создавалось сразу грозное. Хотя продотряды съ ору-

жіемъ въ рукахъ и отобрали почти все, что полагалось по вѣдомственнымъ заданіямъ, но они лишили крестьянъ почти повсемѣстно сѣменного запаса и такимъ образомъ обрекли народъ въ голодныхъ мѣстностяхъ на вымираніе.

Бѣда разразилась еще зимой 1921 года. Несмотря на стужу, выюгу и невѣроятныя условія, частью пѣшкомъ, частью на буферахъ потянулись крестьяне изъ пораженныхъ недородомъ мѣстностей центральной Россіи на привольныя степи Кубани, не знающія неурожая. Сколько погибло этихъ невѣдомыхъ страдальцевъ, разоренныхъ и выброшенныхъ на голодную смерть, послѣ того, какъ изъ нихъ высосаны были всѣ соки! Ростовъ на Дону являлся этапнымъ пунктомъ слѣдованія этихъ стихійныхъ переселенцевъ. Сколько брело ихъ, изможденныхъ, кожа да кости, въ изодранныхъ зипунахъ, сермягахъ, съ прорванными лаптями, съ бабами и съ голодающими и пухнувшими отъ голода ребятами. Какую жалость вызывали къ себѣ эти люди, которымъ населеніе, какъ могло, оказывало помощь хлѣбомъ, — слыша отъ нихъ стереотипный отвѣтъ: „Мы курскіе (или рязанскіе, тамбовскіе), вотъ видишь ты, на Кубань бредемъ. Дома хлѣбушка нѣтути.“ Что мы видѣли, проживавшіе въ Ростовѣ, зимой и весной этого года, не поддается описанію! Лѣто 1921 года принесло новую засуху въ Поволжьи и нѣкоторыхъ другихъ раіонахъ, захвативъ территорію по количеству проживающаго въ ней населенія, уже значительно расширенную, чѣмъ недородъ 1920 года. Въ результатѣ стало повторяться въ еще большемъ масштабѣ переселеніе массъ.

Весь земельный вопросъ, какъ видно изъ этого, сводится въ концѣ концовъ къ вопросу о посѣвахъ вообще и о размѣрахъ посѣвной площади въ частности. Самымъ распредѣленіемъ земель большевики въ послѣднее время занимаются мало и деревня для нихъ интересна постольку — поскольку изъ нея можно выкачивать какими-бы то ни было способами про-

довольствіе. Въ особенності это стало замѣтно послѣ провала Свердловской попытки расчлененія деревни на вѣрную коммунистическимъ завѣтамъ деревенскую бѣдноту и прочее крестьянство (по совѣтской терминологіи средняки и кулачество).

Махнувъ рукой на принципъ обобществленія мелкаго землевладѣнія, Ленинъ уже признаетъ мелкую крестьянскую собственность и цѣлый рядъ экономическихъ мѣропріятій его въ 1921 году именно направленъ на укрѣпленіе этихъ собственныхъ инстинктовъ, вопреки коммунистической доктринѣ. Любезная сердцу коммунистовъ общественная запашка земли въ земледѣльческомъ сезонѣ 1921 года велась уже въ значительно меньшемъ масштабѣ, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Нѣкоторыя большія общества дѣлились на десятки и обрабатывали сообща земли. Сельскохозяйственная кооперація, бывшая у коммунистовъ подъ большимъ подозрѣніемъ въ причастности ея къ попыткамъ мелкаго капитала окопаться въ сельскихъ артеляхъ для борьбы съ совѣтской властью и крупнымъ социалистическимъ хозяйствомъ, правительственной поддержкой до самаго послѣдняго времени, когда сталъ намѣчатся сдвигъ по отношенію къ коопераціи вообще, — не пользовалась, а наоборотъ, развитію дѣятельности всевозможныхъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ ставились препятствія.

Для борьбы съ недосѣвами, какъ результатомъ войны и неудачной агрономической политики коммунистовъ, власть — сѣмянъ населенію все же не дала, но въ утѣшеніе голодающей деревнѣ создала въ концѣ 1920 года посѣвкомы — губернскіе, уѣздные и волостные, новый видъ бюрократическихъ учрежденій, построенныхъ по типу обычныхъ совѣтскихъ учрежденій. Посѣвкомы начали работу съ разговоровъ о томъ, что площадь засѣва на 1921 годъ должна быть не ниже площади засѣва 1916 года, что средствами для достиженія этого являются общественныя запашки, снабженіе топливомъ мастерскихъ по ремонту сельско-хозяйственнаго

инвентаря, привлеченіе для общественныхъ запасекъ въ порядкѣ повинности всего гражданскаго населенія и т. п. мѣры, чрезвычайно практичныя въ условіяхъ нормальной агрономической жизни въ обыкновенномъ государствѣ, гдѣ не производится соціалистическихъ опытовъ. По посѣвному плану 1921 г. должно было быть засѣяно по 43 губерніямъ Республики 26 милліоновъ десятинъ, т. е. больше площади засѣва 1920 года на 25 % и менѣе 1916 года на 10 %. Въ результатѣ этихъ мѣропріятій запашка на 1921 годъ оказалась значительно большей, чѣмъ въ предшествующіе года, но дѣло стало за отсутствіемъ сѣменнаго матеріала и сельско-хозяйственнаго инвентаря.

Вотъ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ современному положенію сельскаго хозяйства въ Совѣтской Россіи. Посѣвная площадь 1920 года уменьшилась на 24 % площади до-военнаго времени, а урожай 1920 года далъ вмѣсто прежнихъ 4½ милліардовъ пудовъ, только 2.165 милліоновъ пуд., противъ ожидавшихся 2.940 милліоновъ пудовъ, т. е. далъ дефицитъ въ 875 милліоновъ пудовъ. Такимъ образомъ, недоборъ хлѣбнаго производства выразился въ 48 %. Домашній скотъ въ Россіи въ 1921 году равнялся 30 % прежняго количества. Характерны и цифры уменьшенія числа лошадей въ Россіи. Въ 1918 году — 24 милліона головъ, въ 1919 году — 9,5 милліоновъ головъ, въ 1921 году — 3,3 милліона головъ. Въ районѣ неурожая 1921 года количество скота по сравненію съ 1902 годомъ представился въ слѣдующихъ цифрахъ: лошадей 20 %; крупнаго рогатаго скота 25 %; свиней и овецъ 30 % прежняго ихъ количества.

Что касается вопроса о проведеніи посѣвной кампаніи, то совѣтская власть официально признала свою неспособность въ этомъ отношеніи что-нибудь предпринять. На Всероссійскомъ съѣздѣ по проведенію посѣвной кампаніи въ мартѣ 1921 года Наркомземъ Осинскій заявилъ, что обезпеченіе сѣменами зависитъ отъ

216

энергіи мѣсть и отчасти отъ успѣха перевозки сѣмянъ. Въ результатѣ крестьяне, видя, что приходится рассчитывать только на себя, продолжали, у кого остались еще запасы, на югѣ и юго-востокѣ, прятать таковые. Рекомендованная совѣтской прессой система насилій: „разрыть ямы, перетряхнуть овины, поменьше церемоній“, привела къ противоположнымъ результатамъ и вызвала необходимость, въ связи съ выяснившейся весной грозной картиной продовольственной катастрофы, изданія декрета о правѣ пользованія крестьянствомъ результатами своихъ сельско-хозяйственныхъ трудовъ и о замѣнѣ продразверстки сельско-хозяйственнымъ налогомъ. Къ сожалѣнію, эти мѣры были приняты и стали проводиться въ жизнь лишь въ самомъ концѣ марта 1921 года, когда во многихъ мѣстахъ уже приступили къ полевымъ работамъ. Печальные результаты сельско-хозяйственной кампаніи 1921 года, какъ уже извѣстно, опредѣленно обрисовались въ серединѣ лѣта.

Въ виду недостатка сельско-хозяйственнаго инвентаря, крестьянамъ пришлось самимъ выходить изъ бѣды, ибо прокатные пункты и опытные сельско-хозяйственные станціи въ этомъ отношеніи, при всемъ желаніи что-нибудь, сами ничѣмъ не могли помочь. Я лично посѣтилъ одну извѣстную опытную станцію подъ Ростовомъ на Дону. Завѣдующій ею весьма извѣстный на югѣ агрономъ (кстати сказать, не избѣгшій отсидки въ чекѣ и тюрьмѣ, безъ представленія ему какого-либо обвиненія) не особенно жаловался на отношеніе къ станціи мѣстнаго окружного земотдѣла. Станція работаетъ, поскольку въ ней раньше были заведены извѣстные порядки, которыхъ она и продолжаетъ держаться по инерціи. Чтобы избѣжать вреднаго вмѣшательства начальства, приходится посылать ему въ даръ молоко съ фермы. Помѣщенія станціи требуютъ расширенія и ремонта; на это, однако, не даютъ ни денегъ, ни матеріаловъ. На станцію попало много сельско-хозяйственнаго инвентаря, добытаго въ порядкѣ

націоналізації по сусіднім поміщицьким хуторамъ; починить ихъ негдѣ. Корма недостаточно, рабочіе и служащіе тоже живутъ впроголодь. Окрестное населеніе, особенно молодежь, подъ вліяніемъ революціи развратилось до - нельзя, рветъ и топчетъ культурныя опытныя насажденія. Караульщики изъ рукъ вонъ плохи, сами спятъ. Было уже нѣсколько случаевъ увода конокрадами принадлежащихъ станціи лошадей. — „Вообще, раньше чѣмъ помогать населенію“, закончилъ свою бесѣду агрономъ, — „надо, чтобы намъ самимъ помогли, а на это рассчитывать, повидимому не приходится.“ Вотъ печальная картина Ростовской агрономической станціи, которая, по общимъ отзывамъ, находится еще въ относительно лучшемъ положеніи, чѣмъ другія сельско-хозяйственныя станціи.

Соприкасающіяся съ сельскимъ хозяйствомъ области животноводства и коневодства находятся въ ужасномъ состояніи. Для того, чтобы восстановить ихъ, придется Россіи, изъ страны ранѣе экспортировавшей, сдѣлаться страной ввоза. Въ центральной полосѣ Россіи особенно губительными оказались послѣдствія неурожая и недостатка корма въ 1920 году. Вопросъ этотъ служилъ предметомъ неоднократныхъ обсужденій на различныхъ конференціяхъ, начиная отъ сельскихъ и кончая центральными. Правительство не въ состояніи было справиться съ тяжелыми послѣдствіями безкормицы и результаты оказались самыми плачевными. Я уже указалъ на сильное пониженіе цѣнъ на скоть и особенно на лошадей, въ связи съ желаніемъ владѣльцевъ скорѣе, хотя бы за безцѣнокъ, ихъ продать, чтобы освободиться отъ нихъ ранѣе, чѣмъ они падутъ съ голода.

Хотя лошадей дѣлается все меньше и меньше, а кровная лошадь почти совсѣмъ погибла при разграбленіи поміщицкихъ заводовъ, а также какъ результатъ ремонта Буденовской кавалеріи преимущественно кровными лошадьми, — тѣмъ не менѣе недавно создано новое учрежденіе „Гуконь“, которому присвоены функціи бывшаго управленія

Государственного коннозаводства; появились новые командировки, новые виды спекуляціи, но, что касается лошадей, то, какъ сказано въ одномъ старомъ сатиристическомъ листкѣ небезысвѣстнаго Степанова: „нѣтъ ли икры?“ „Икры нѣтъ, но есть хорошее сочиненіе объ икрѣ, не хотите ли по-пробовать съ блинами“.

Продовольственный вопросъ.

Въ торговыхъ рядахъ въ Москвѣ, фасадомъ на Красную площадь, помѣщается Наркомпродъ—Комиссаріатъ, имѣющій своей задачей заготовку продовольствія по всей Республикѣ и передачу его для всенароднаго распредѣленія. Придавая огромное значеніе роли и дѣятельности этого учрежденія, коммунисты обезпечили его соотвѣтственнымъ по численности штатомъ работниковъ.

Система сбора у сельскаго населенія предметовъ продовольствія установилась слѣдующая. Наркомпродъ въ своихъ отдѣлахъ вырабатываетъ общіе планы, разверстывая по губерніямъ, въ соотвѣтствіи съ ожидающимся урожаемъ, количество продовольствія, соотвѣтствующее душевымъ нормамъ его по требленію въ Россіи. Утвержденные планы разверстки передаются затѣмъ для исполненія мѣстнымъ продовольственнымъ органамъ. Последніе и должны собрать въ подлежащихъ областяхъ и губерніяхъ въ теченіе продовольственной кампаніи причитающееся съ нихъ по разверсткѣ количество продуктовъ, всѣми имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами, вплоть до примѣненія вооруженной силы, прикрѣпленной къ продорганамъ.

По плану Наркомпрода, кампанія 1920 года должна была принести 454 мил. пуд. хлѣбофуража, изъ которыхъ юго-востокъ (Донъ, Кубань, Терекъ, Ставропольская губернія)—120 мил. пуд., т. е. около $\frac{1}{4}$ общероссійской заготовки. Принимая во вниманіе сравнительную близость этого хлѣбороднаго района отъ остальной Республики (по крайней мѣрѣ вдвое ближе, чѣмъ

заготовки Сибири), Наркомпродъ надлежащимъ образомъ оцѣнилъ значеніе его въ продовольственномъ отношеніи для Совѣтской Россіи и принялъ мѣры самаго разнообразнаго характера для того, чтобы получить изъ этого края все, что назначено было по разверсткѣ. Правда, что составители разверстки исходили изъ соображенія не о томъ, что можетъ дать эта область безболѣзненно для себя, а что нужно отъ нея во что бы то не стало получить; тѣмъ не менѣе, энергичный уполномоченный Наркомпрода на юго-востокѣ т. Фрумкинъ началъ осуществлять ее, примѣняя самыя тяжкія репрессивныя мѣры за недостаточное выполнение ея не только противъ тѣхъ, кто долженъ былъ сдавать продукты, — но и противъ самихъ продработниковъ, если они, по его мнѣнію, не проявляли достаточно энергіи въ выжиманіи продуктовъ у населенія. Однако, уже съ декабря 1920 года стало ясно, что продовольственная операція подвигается вяло и что или у населенія нѣтъ излишка хлѣбо-фуража, или что оно упорно отказывается сдавать его въ казну. Къ 1-му февраля 1921 года, когда потребляющія губерніи выполнили полностью продразверстку, а производящія губерніи выполнили до 75% ея, на юго-востокѣ выполнено было лишь 38% всей разверстки, продработа, несмотря на то, что кампанія была еще въ полномъ разгарѣ, — изъ мѣсяца въ мѣсяць неуклонно понижалась (ноябрь—12 мил. пудовъ, декабрь — 9 мил. пудовъ, январь — 5 мил. пудовъ). По заготовкѣ масличныхъ сѣмянъ ($\frac{1}{4}$ общероссійской заготовки) положеніе было не лучше, составляя на тотъ же срокъ, при неизмѣнномъ паденіи заготовки, — 23% и наконецъ, для соломы и сѣна на Кубани 33%, а въ другихъ областяхъ края 22—24%. Въ виду столь плачевнаго положенія дѣла, несмотря на истеченіе объявленнаго большевиками краснаго продовольственнаго мѣсяца, предсѣдатель В. Ц. И. К.-а Калининъ утвердилъ продленіе его до 1-го марта съ подтвержденіемъ необходимости выполнения всей разверстки 100% полностью. Товарищу

Фрумкину полетѣли грозныя нагоняи изъ центра; они рикошетомъ передались подчиненнымъ ему органамъ съ требованіемъ не церемониться, и своеобразная продовольственная работа продотрядовъ закипѣла. Дѣятельность и звѣрства этихъ отрядовъ достаточно описаны въ прессѣ, такъ что я на нихъ останавливаться не буду. Въ ближайшее же время, послѣ новаго продовольственнаго нажима на сельское населеніе въ Донской области, мѣстная газета „Совѣтскій Югъ“ объявила о гибели сотрудниковъ одного такого отряда въ числѣ 11 человекъ, звѣрски убитыхъ при исполненіи ими своего служебнаго долга. Повидимому и дальше дѣло подвигалось очень туго, потому что Наркомпродомъ были объявлены въ серединѣ мая слѣдующія окончательныя данныя о выполненіи продовольственной кампаніи 1920—1921 гг. На 10-ое мая 1921 года поступило: рожь и пшеница (въ мукѣ и въ зернѣ) — 171,7 мил. пудовъ; зернового фуража (овесъ и ячмень) — 98,3 мил. пуд.; крупа разная и бобовыя растенія — 17,8 мил. пуд.; а всего 287,8 мил. пудовъ, т. е. 68% отъ разверстки, опредѣленной въ 423 мил. пуд. Масличныя сѣмена — 3,3 мил. пуд. или 55% разверстки. Картофель — 68,9 мил. пуд. или 77% разверстки. Прочіе овощи 11,4 мил. пуд. — 35% разверстки. Фрукты — 10,8 мил. пудовъ — 64% разверстки. Сѣно — 96,6 мил. пуд. — 75% разверстки. Солома — 27,8% мил. пуд. — 91% разверстки. Мясо — 23 мил. пуд. — Медъ — 130 мил. пуд. — 49% и т. д.

Столь плачевныя результаты выполненія разверстки убѣдили Совнаркомъ въ необходимости перехода къ новой продовольственной политикѣ, именно, къ продовольственному налогу, съ оставленіемъ, однако, прежней системы разверстки, въ видѣ наказанія, для тѣхъ областей, которыя разверстки не выполнили, т. е. какъ разъ для наиболѣе хлѣбороднаго пространства производящихъ губерній и областей юга и юго-востока Россіи. Введенная въ апрѣлѣ система продовольственнаго налога для крестьянства дѣй-

ствительно легче, ибо размѣръ его опредѣлился въ 240 мил. пуд., противъ 423 мил. пуд. предшествующей заготовительной кампаніи. Но, если принять во вниманіе постигшій Республику въ производящихъ приволжскихъ губерніяхъ недоходъ, то собрать назначенную для продналога норму будетъ трудно. Въ виду того, что сборъ продналога будетъ по прежнему производиться тѣми же органами, своей безсмысленностью и кровожадностью заставившими лишь оцѣтиниться крестьянство, врядъ ли онъ сможетъ принести ожидаемую отъ него пользу. Вотъ офіціальныя данныя совѣтской статистики. За апрѣль мѣсяць 1921 года, въ знакъ протеста противъ способа выколачиванія изъ населенія продовольствія, убито 200 продовольственныхъ агентовъ и уничтожено 6 милліоновъ пудовъ хлѣба, т.-е. количество, могущее обезпечить Петроградъ и Москву на 4 мѣсяца. А вотъ ходячій анекдотъ, относящійся къ дѣятельности продоргановъ на юго-востокѣ. Въ Нахичевани, на улицѣ, говорятъ, нашли повѣсившуюся курицу и около нея записку: „Прошу въ смерти моей никого не винить. Умираю, потому что не въ состояніи выполнить свою гражданскую обязанность нести ежедневно по 2 яйца, причитающихся съ меня по государственной разверсткѣ.“ Опытъ новой продовольственной кампаніи покажетъ, насколько цѣлесообразенъ введенный Совнаркомомъ продовольственный налогъ; надлежитъ, однако, попутно отмѣтить новую опасность въ видѣ недостатка мѣшковъ для хлѣбной кампаніи.

Наркомпродъ заготовляетъ и другіе товары для товарообмѣна, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, но полученіе товара въ порядкѣ разверстки, какъ указано выше, сопряжено съ большими трудностями. Въ концѣ-концовъ совѣтская власть рѣшила остановиться на премированіи натурой за сдаваемые предметы. Такъ, напримѣръ, для заготовки шерсти и другихъ товаровъ въ нагорной полосѣ Дагестана, отпущена мануфактура и сельско-хозяйственныя принадлежности и до-

222

пускается даже, въ видѣ исключенія, пріобрѣтеніе товаровъ по вольнымъ цѣнамъ.

Нельзя, наконецъ, не сказать нѣсколько словъ о результатахъ недорода въ рядѣ губерній Европейской Россіи, явившагося, помимо своего стихійнаго характера, также и результатомъ усиленной продкампаніи въ этомъ районѣ, лишившей населеніе, какъ уже отмѣчено выше, сѣмянъ на посѣвъ. Положеніе съ неурожаемъ представлялось по офіціальнымъ даннымъ совѣтской прессы въ іюлѣ 1921 года въ слѣдующемъ видѣ: „Наиболѣе сильно пораженные недородомъ девять губерній (Царицынская, Саратовская, Область Нѣмецкихъ колоній, Самарская, Симбирская, Татареспублика, Уфимская, Вятская и Пермская) являются самыми главными поставщиками хлѣба. Изъ общей продукціи за пятилѣтіе (1911—1915 г.г.) по 51 губерніи Европейской Россіи (включая Украину), выражавшейся въ среднемъ въ 3.753 милл. пудовъ, на долю указанныхъ губерній приходится 765 милл. пудовъ. Это значитъ, что 9 пострадавшихъ губерній давали въ среднемъ 20% всего хлѣбнаго производства Россіи. Теперь, одного только натурального налога, вслѣдствіе недорода въ этихъ губерніяхъ, уплываетъ 80 мил., что при смѣшной налоговой цифрѣ въ 240 мил. пуд. со всей Россіи является громаднымъ недоборомъ, и что, конечно, крайне затрудняетъ вопросъ снабженія арміи и населенія продуктами питанія.“

Въ другомъ мѣстѣ совѣтская власть офіціально сообщаетъ слѣдующія данныя: „Валовой сборъ хлѣбовъ въ Совѣтской Россіи достигаетъ 2.275 мил. пуд. Для обсѣмененія полей необходимо 432 мил. пуд. Такимъ образомъ, для прокормленія 93 мил. сельскаго населенія остается 1.843 мил. пуд., т. е. 19 пуд. на человѣка. Урожай въ неплодородныхъ губерніяхъ далъ только 147 мил. пуд. Для обсѣмененія одного Поволжья необходимо 56 мил. пуд. Сельское населеніе въ этой части республики насчитывается въ 13.300.000 душъ, для пропитанія котораго необходимо 42½ мил. пуд. Городское населеніе голодающихъ губерній дости-

гаеть 1.300.000 душъ, для пропитанія котораго необходимо 13½ мил. пуд.“

„С в о б о д н ы й“ т р у д ъ.

Въ витринахъ совѣтскихъ книжныхъ магазиновъ всюду красуется небольшая книжка, цѣною только въ 25 руб., съ претенціознымъ названіемъ „Кодексъ законовъ о трудѣ“. По заглавію каждый неопытный человѣкъ можетъ ожидать отъ чтенія ея какихъ-то необычайныхъ открытій и новыхъ достижений, составляющихъ эпоху въ области огосударствленія труда. Но... увы! Эта книга одно изъ заурядныхъ и наиболѣе неудовлетворительныхъ сочиненій съ точки зрѣнія приспособленія къ жизни идей о защитѣ интересовъ трудящихся. Никакого кодекса въ сущности нѣтъ, а есть нѣсколько правилъ, не представляющихъ рѣшительно ничего новаго, о нормальной продолжительности труда, о перерывахъ для отдыха, о нормированіи заработной платы и т. д. Фактически, въ Совѣтской Россіи трудовая жизнь регулируется не этой брошюрой съ громкимъ названіемъ, а цѣлымъ рядомъ декретовъ, циркуляровъ, распоряженій, издаваемыхъ всѣми учрежденіями, начиная отъ центральной власти и Наркомтруда и кончая всевозможными мѣстными органами власти. Всѣ эти распоряженія настолько хаотичны, настолько въ деталяхъ пестры и противорѣчивы одно другому, что вызываютъ при ихъ примѣненіи постоянныя недоразумѣнія. Напримѣръ, въ одинъ и тотъ же день одни учрежденія празднуютъ какой — нибудь официально отмѣненный церковный праздникъ, а другія тогда же занимаются; или — дано категорическое запрещеніе уѣзжать въ отпускъ, а въ это время продолжаютъ засѣдать спеціальныя комиссіи, которыя весьма лицепріятно однимъ разрѣшаютъ отпуска, а другимъ отказываютъ. Есть, скажемъ, постановленіе изъ центра — семьямъ умершихъ рабочихъ выдавать матерію на ихъ погребеніе, а мѣстные профессиональные союзы

этого не исполняютъ, несмотря на наличіе въ матеріальныхъ складахъ соотвѣтственной мануфактуры .

Если „кодексъ труда“ не внесъ ничего новаго въ раскрѣпощеніе, по словамъ коммунистовъ, труда рабочихъ, зато созданныя на основаніи его учрежденія спеціализировались на томъ, чтобы ввести въ Совѣтской Россіи такое всеобщее трудовое крѣпостное право, которому могли бы позавидовать самые закоренѣлые крѣпостники. Приводя въ своихъ партійныхъ программахъ красивыя фразы о томъ, что „въ обстановкѣ распада капиталистической организаціи труда производительныя силы страны могутъ быть возстановлены и развиты, а социалистическій способъ производства упроченъ лишь на основѣ товарищеской дисциплины трудящихся, ихъ максимальной самодѣятельности, сознаниемъ отвѣтственности и строжайшаго взаимнаго контроля надъ продуктивностью труда“ — фактически коммунисты, однако, развиваютъ свою работу именно въ области милитаризаціи труда во всѣхъ его отрасляхъ. Характерной особенностью совѣтскаго строя являются принудительныя мобилизаціи трудоспособнаго населенія совѣтской властью на разныя работы, настойчиво проводимыя въ жизнь при содѣйствіи особыхъ карательныхъ аппаратовъ, типа чека, именуемыхъ въ данномъ случаѣ „Комтруддезертиромъ“ (комиссіи по борьбѣ съ трудовымъ дезертирствомъ). Такимъ образомъ, вмѣсто свободнаго труда, всякая трудовая дѣятельность въ Совдепѣ носитъ характеръ какой-то угнетающей кабалы, отвертѣться отъ которой могутъ или дѣйствительные инвалиды, или же лица, располагающія большими свободными средствами, не останавливающимися передъ весьма солидными накладными расходами, съ которыми связано освобожденіе властями лицъ, привлеченныхъ на службу. Лица, такими средствами не располагающія, чтобы избавиться отъ наиболѣе непріятныхъ и тяжелыхъ работъ въ видѣ чистки улицъ или уборки нечистотъ, разныхъ черныхъ работъ на желѣзныхъ дорогахъ, рубки лѣса,

расчистки зимой снѣжныхъ заносовъ и проч., выбираютъ изъ двухъ золь меньшее и сами либо добровольно поступаютъ въ одно изъ безконечныхъ совѣтскихъ учреждений, или же записываются на всевозможные совершенно бесполезные для нихъ курсы, которыми такъ богата, какъ я выше указалъ, современная Россія. И вотъ начинается ихъ лямка. Обязательный приходъ на службу ровно въ 10 ч. утра и расписываніе въ особыхъ кондуитныхъ книгахъ и уходъ въ 4 ч. Согласно кодексу труда, продолжительность занятій опредѣляется въ 6 часовъ для конторскаго труда, а на заводахъ и мастерскихъ соответственно 8 часовъ.

Прикрѣпленіе къ службѣ, подобное прежнему прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ, создаетъ дѣйствительно невыносимое положеніе, на которомъ стоитъ остановиться. Человѣкъ обращается на совѣтской службѣ, на фабрикѣ или въ любомъ учрежденіи въ какое-то государственное животное, лишенное свободы воли, свободы выбора. Положеніе въ высокой степени унижительное и подчасъ трагическое! Допустимъ, что вы, русскій гражданинъ, откуда-нибудь пріѣхали въ Совѣтскую Россію и за отсутствіемъ знакомствъ, поступили на первое, случайно подвернувшееся мѣсто. Черезъ нѣкоторое время выясняется, что имѣется свободная вакансія по вашей спеціальности, гдѣ вы съ большимъ успѣхомъ могли бы приложить ваши знанія и способности. Васъ, однако, ни за что не согласятся выпустить со службы, куда вы попали, хотя въ другомъ мѣстѣ васъ еще больше хотятъ заполучить къ себѣ. Если вы проявляете слишкомъ большую энергію къ переходу на новое мѣсто, то вы можете очутиться въ мѣстномъ комтруддезертирѣ, гдѣ сумѣютъ сломать ваше упорство. Въ современныхъ условіяхъ часто встрѣчается раздѣленіе семьи, причемъ одной ея части приходится жить въ одномъ городѣ, когда глава семьи находится въ другомъ. Семья бѣдствуетъ, находясь безъ средствъ; мужъ настаиваетъ на переводѣ въ го-

родъ, гдѣ живетъ его семья и гдѣ уже пригото-
влено для него мѣсто. Начальство учрежденія
съ своей стороны настойчиво рекомендуетъ такому
сотруднику перевести, наоборотъ, семью къ себѣ
въ городъ. Въ противовѣсъ послѣднимъ при-
водятся доказательства того, что семья имѣетъ въ
томъ городѣ, гдѣ оно проживаетъ, обеспеченное по-
мѣщеніе, указывается далѣе цѣлый рядъ другихъ,
чисто личныхъ причинъ такого характера, въ
которыя, казалось бы, не имѣетъ право вмѣши-
ваться начальство. Однако, все напрасно. — „У
насъ некомплектъ служащихъ. Вы цѣнный ра-
ботникъ, мы дадимъ вамъ со временемъ внѣ-кате-
горную ставку жалованія. Перебѣгать же съ
мѣста на мѣсто мы вамъ не позволимъ. Пора
оставить эти старыя буржуазныя привычки,“ слѣ-
дуетъ обычный отвѣтъ на всѣ эти доводы. Бы-
ваетъ и наоборотъ: какое-нибудь специальное
учрежденіе, почему-либо сильное вліяніемъ въ
данный моментъ, объявляетъ мобилизацію всѣхъ
лицъ, имѣющихъ отношеніе къ его специаль-
ности. Такая мѣра можетъ грозить отозваніемъ
съ другой службы человѣка мобилизуемой
специальности, уже приспособившагося къ
новой службѣ и сдѣлавшагося тамъ незаме-
нимымъ сотрудникомъ — часто даже вопреки
его желанію. Начинается въ такихъ слу-
чаяхъ борьба между вѣдомствами и, совершенно
не считаясь съ личнымъ желаніемъ и вкусами
человѣка, о которомъ идетъ рѣчь, споръ разрѣ-
шается обыкновенно въ пользу болѣе вліятельнаго
въ данный моментъ учрежденія. Въ обходъ такой
теспотической системы приходится, конечно, при-
бѣгать къ различнымъ уловкамъ и обманамъ.
Развивая послѣдовательно свою мысль о при-
нудительности труда, товарищи коммунисты доду-
мались до полной милитаризаціи его въ такъ назы-
ваемыхъ трудовыхъ арміяхъ, т. е. освободившихся
отъ войны крупныхъ войсковыхъ единицахъ, пере-
веденныхъ полнымъ составомъ безъ нарушенія
военной ихъ организаціи въ область произво-
дительнаго труда.

Вторая отличительная черта „свободного“ труда въ Совдепіи заключается въ томъ, что онъ, какъ и всякій трудъ изъ подъ палки, мало продуктивенъ. Всѣ совѣтскіе служащіе сами обыкновенно смѣются надъ своей работой, надъ бессмысленнымъ толченіемъ воды въ учрежденіяхъ и надъ той необычайной канцелярщиной, которая явилась результатомъ отмѣченнаго уже раньше бюрократизма государственной машины. Начальники совѣтскихъ канцелярій ломаютъ себѣ голову, чѣмъ бы заполнить постоянный досугъ своихъ подчиненныхъ, какъ создать видимость работъ у себя въ учрежденіи и какъ сочинить по истеченіи каждаго мѣсяца краснорѣчивый отчетъ о плодотворности своей работы на пользу рабоче-крестьянскаго правительства (регулярное представленіе коихъ въ центръ требуется совѣтскими правилами), съ другой стороны то же самое начальство буквально съ ногъ сбивается, чтобы организовать срочную работу, когда она, паче чаянія, выпадетъ на долю учрежденія. Въ такой критическій моментъ обыкновенно начинается отлыниваніе сотрудниковъ, подъ всякими предлогами, отъ новой работы. Сплошь и рядомъ вопросъ этотъ разрѣшается необычайно остроумно: путемъ созданія для этого спеціального новаго учрежденія, которыя и плодятся поэтому въ Совдепіи, какъ грибы послѣ дождя.

Вопросъ о вознагражденіи за трудъ получилъ у коммунистовъ совершенно исключительное и невиданное въ мірѣ разрѣшеніе въ смыслѣ установленія для всѣхъ служащихъ жалованія въ размѣрѣ, безусловно не соответствующемъ дороговизнѣ жизни. Въ теоріи, по словамъ ~~русскихъ~~ коммунистовъ, оказывается такъ, что въ Россіи, дѣйствительно —сущій рай, ибо безработицы нѣтъ и всѣ безъ исключенія могутъ рассчитывать на предоставленіе имъ оплачиваемой государствомъ работы; однако, при этомъ они скромно умалчиваютъ о томъ, могутъ ли люди фактически просуществовать при тѣхъ формахъ матеріальнаго обезпеченія за трудъ, которыя существуютъ въ

Совдепiи. Одинъ талантливый русскiй публицистъ въ шутку высчиталъ, что получаемое нынѣ 20 выдающимися русскими профессорами жалованье не превышаетъ по современной стоимости совѣтскаго рубля того штатнаго отпуска на содержанiе сторожевой собаки при казенныхъ учрежденiяхъ, который предусматривался въ прежнихъ смѣтахъ. Конечно, это гипербола, но къ сожалѣнiю, при этомъ, въ обратную сторону. Русскiе ученые и наряду съ ними другiе рядовые совѣтскiе работники, получаютъ меньше этого собачьяго содержанiя, ибо въ то время, какъ установленный на содержанiе казенныхъ собакъ денежный отпускъ производился регулярно, жалованiе ученымъ постоянно задерживается и не выдается имъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Причина постоянныхъ опаздыванiй въ выдачѣ жалованiя лицамъ, состоящимъ на совѣтской службѣ, главнымъ образомъ зависитъ отъ увеличивающагося въ Совдепiи мѣсяць отъ мѣсяца денежнаго голода. Запозданiя на одинъ мѣсяць еще считаются вполне нормальнымъ явленiемъ, а то иногда совѣтская власть остается должной своимъ чиновникамъ по 2—3 мѣсяца. Правда, ропота по этому поводу слышится мало, но лишь потому, что оклады жалованiя по своему размѣру столь ничтожны, что не могутъ служить источникомъ существованiя для совѣтскихъ служащихъ. Въ самомъ дѣлѣ, спрашивается, что значить для обремененнаго семьей совѣтскаго служащаго его обычное въ провинцiи жалованiе въ 6—7 тысячъ рублей въ мѣсяць, когда въ то же время фунтъ хлѣба обходится въ 2—3 тыс. рублей. Большевики по этому поводу устами своихъ глоссаторовъ вѣщаютъ: „Зачѣмъ вамъ жалованiе? Жалованiе — фикцiя! вы все получите отъ насъ натурой“, хотя они сами также, какъ и все остальное населенiе, прекрасно понимаютъ, что нормальнымъ пайкомъ даже рабочей категорiи (2 фунта мяса или селедокъ; $\frac{1}{2}$ фунта сахара, $\frac{1}{2}$ фунта соли, $\frac{1}{4}$ фунта горчицы, $\frac{1}{16}$ фунта чая, 3 фунта крупы, $\frac{1}{2}$ фунта мыла, 1 фунтъ растительнаго масла, $\frac{1}{4}$ фунта

табаку въ мѣсяцъ, не считая хлѣба) не накормить семью, а въ совѣтскую столовую ходятъ питаться, дѣйствительно, только „обреченные“. Натурпремированіе, т. е. особая выдачи продовольствіемъ или предметами первой необходимости, за энергію, распорядительность и инициативу — тоже фикція и такой же обманъ, какъ и вся система обезпеченія служащихъ въ Совдепѣ.

Всѣ граждане Совѣтской Россіи твердо усвоили, что ихъ работа на государство, въ сущности, — бесплатный и подневольный трудъ и что жить въ ней можно только за счетъ ликвидаціи своего домашняго скарба, изворачиваясь или же чѣмъ — нибудь спекулируя, кто какъ можетъ. Конечно, приведенныя здѣсь условія вознагражденія не касаются лицъ, живущихъ за Кремлевскими стѣнами въ Москвѣ и ихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Въ отношеніи этой категоріи трудящихся не установлено одинаковыхъ нормъ оплаты труда: одни изъ нихъ, на примѣръ, получаютъ жалованіе золотомъ, царскими деньгами, другимъ присвоены индивидуальныя высокіе оклады, какъ на примѣръ Шаляпину, получающему по 7 милліоновъ рублей въ недѣлю, не считая всевозможныхъ выдачъ натурой.

Безвыходное положеніе, въ которомъ находятся всѣ рядовые совѣтскіе служащіе, и шумъ, поднятый ими вокругъ этого вопроса, послѣ того, какъ они пораспродавали все свое имущество и стали на положеніи голодныхъ и задолженныхъ, заставилъ совѣтскую власть и въ области тарификаціи отступить отъ принципа равенства, котораго оно долго придерживалось для всѣхъ категорій служащихъ. Въ 1920 году началось проведеніе для разныхъ служащихъ особыхъ индивидуальных, внѣ-категорныхъ ставокъ. Выработанныя въ этомъ отношеніи В. Ц. С. П. С. (Всероссійскій Центральный Союзъ Профессіональных Союзовъ) правила оказались, однако, настолько несостоятельными, что ихъ пришлось по нѣскольку разъ измѣнять, дополнять и пересоставлять заново, причемъ въ

центрѣ, и особенно на мѣстахъ, въ провинціи, при учрежденіяхъ создавались комиссіи, которыя даже назначали особыя денежныя преміи за уразумѣніе этихъ правилъ и наилучшіе проекты фактическаго приложенія ихъ на мѣстахъ. Отмѣченная сумбурность этихъ правилъ, необычайно сложная система оцѣнки баллами (отъ 0 до 10 балловъ) степени прилежанія, усидчивости, познанія сотрудниковъ (которую, кстати сказать, отмѣнили для учениковъ, но зато ввели для чиновниковъ) — привели къ необычайной пестротѣ оцѣнки однороднаго труда въ различныхъ учрежденіяхъ, а съ другой стороны оказались непосильными для преодоленія ихъ нѣкоторыми изъ упомянутыхъ комиссій, которымъ такъ и не удалось довершить это дѣло до конца.

Для того, чтобы какъ-нибудь легальнымъ путемъ увеличить свой заработокъ, совѣтскимъ служащимъ приходится совмѣщать по нѣсколько службъ, скрывая лишь оклады, получаемые отъ этихъ учреждений. Скрывать же это приходится потому, что по совѣтскимъ правиламъ можно получать въ основной службѣ полную ставку, на второй — половину ея, а дальнѣйшія службы вообще не должны быть платными. Съ тою же цѣлью совѣтскіе работники стараются всегда заполучить для себя за особое вознагражденіе заказы на выполненіе различныхъ проектовъ, составленіе записокъ и т. п. Однако, — трудъ выполненъ, а деньги не такъ легко получить отъ совѣтской власти. Изъ-за нихъ обычно начинается вѣдомственная переписка, вопросъ маринуется въ различныхъ расцѣночныхъ комиссіяхъ, профсоюзахъ, рабоче-крестьянской инспекціи и сплошь и рядомъ получаетъ свое рѣшеніе тогда, когда сотрудникъ уже совсѣмъ потеряетъ надежду получить изъ казны вознагражденіе за свой трудъ. Спрашивается, какимъ же порядкомъ при такихъ тяжелыхъ условіяхъ эксплуатаціи трудящихся коммунистической властью, трудящіеся могутъ бороться за улучшеніе своего служебнаго положенія въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Въ рабоче-крестьянской Россіи съ ея „свободнымъ трудомъ“ нѣтъ возможности защититься жалобами или петиціями къ начальству, такъ какъ онѣ кончаются по обыкновенію ничѣмъ, а въ худшемъ случаѣ, грозятъ крупными непріятностями для инициаторовъ и составителей такихъ просьбъ; что же касается учрежденія, призваннаго защищать интересы трудящихся, профессиональныхъ союзовъ, то дѣятельность ихъ съ тѣхъ поръ, какъ ими стали руководить коммунисты, совершенно не на высотѣ положенія. Но на этомъ слѣдуетъ остановиться особо.

П р о ф с о ю з ы.

Первая обязанность, возлагаемая на каждого, поступающаго на совѣтскую службу, — это записаться въ какой-нибудь изъ многочисленныхъ профессиональныхъ союзовъ (профсоюзовъ). Желаетъ ли этого служащій или нѣтъ, его не спрашиваютъ, такъ какъ зачисленіе производится автоматически и въ порядкѣ принудительности. Далѣе, такой служащій получаетъ отъ профсоюза свою членскую книжку и изъ жалованія его регулярно начинаютъ удерживать 2—3% въ кассу подлежащаго профсоюза. Послѣ этого профсоюзы считаютъ себя, повидимому, свободными отъ дальнѣйшихъ обязанностей по отношенію къ своимъ членамъ, ибо коммунисты, руководящіе и доминирующіе въ профессиональныхъ союзахъ, полагаютъ главнѣйшей своей цѣлью организацію производства, а затѣмъ уже обслуживаніе интересовъ трудящихся, которое проявляется ими въ своеобразныхъ и совершенно неудовлетворительныхъ формахъ.

Во всѣхъ помѣщеніяхъ профсоюзовъ можно, между прочимъ, видѣть на стѣнахъ лубочную картину—плакатъ съ текстомъ: „При капитализмѣ профсоюзы разрушали производства; при коммунизмѣ они налаживаютъ его.“ Дѣйствительно, первую свою роль, какъ орудіе экономической и политической борьбы съ капитализмомъ, русскіе

профсоюзы, надо отдать имъ справедливость, провели прекрасно. Потому-то нынѣ III Интернаціональ предполагаетъ и всемірную соціальную революцію осуществить, опираясь преимущественно на западно-европейскія профессиональныя ассоціаціи. Когда капитализмъ въ Россіи рухнулъ и наступило время наладить новый порядокъ въ захваченныхъ и націонализированныхъ предприятияхъ, тутъ дѣло сразу же перестало клеиться. Вошедшіе въ составъ профсоюзовъ въ качествѣ руководителей — коммунисты не смогли установить надлежащей связи съ фабрично-заводскими комитетами, являющимися низшей ячейкой профессиональнаго союза, подчиненной его правленію и отражающей въ себѣ настроеніе въ данномъ предприятии рабочихъ, прекрасно къ тому же освѣдомленныхъ о технической сторонѣ и производственныхъ возможностяхъ даннаго предприятия. Со стороны профессиональныхъ союзовъ, съ высоты ихъ величія, снисходившихъ до удовлетворенія производственныхъ потребностей отдѣльныхъ предприятий, все сводилось лишь къ обѣщаніямъ, бумажной перепискѣ, мало чѣмъ отличающей ихъ отъ обыкновенныхъ совѣтскихъ учрежденій; сверхъ того, работа ихъ зачастую носила чисто агитаціонный характеръ, да и то, обычно, не по своей инициативѣ, а по указаніямъ изъ центра. За это профсоюзамъ сильно попадало на рабочихъ конференціяхъ, которыя собирались въ Россіи въ началѣ 1921 года въ связи съ такъ называемой „производственной пропагандой“. Конференціи эти, засѣданія которыхъ велись съ необычайной страстностью, были проникнуты рѣзкой критикой, какъ совѣтской власти вообще, такъ и профсоюзовъ въ частности. Они обнаружили всю недѣловитость и бесполезность этихъ учрежденій, служащихъ лишь подъ прикрытіемъ громкихъ фразъ ихъ руководителей, для обдѣлыванія этими послѣдними своихъ личныхъ дѣлъ, направленныхъ къ собственному обогащенію.

Однако, и недѣля производственной пропаганды, раскрывъ язвы и вопіющіе недостатки

дѣятельности профессиональных организацій, ничего въ сущности не сдѣлала для поднятія производительности труда въ предприятияхъ, для чего она, какъ указано, и была созвана, и не принесла ожидавшихся отъ нея реформъ, которыя поставили бы профсоюзы въ уровень съ предъявляющимися къ нимъ требованіями со стороны трудящихся. Дѣйствительно, по началу не на шутку перетрусившіе президіумы профсоюзовъ точно подтянулись, чтобы задобрить членовъ союзовъ и чтобы заткнуть ротъ наиболѣе ретивымъ крикунамъ. И вотъ начинается оживленіе ихъ дѣятельности. Правленія профсоюзовъ хлопочутъ о мануфактурѣ для своихъ членовъ, устраиваютъ спектакли, вечера, митинги. Избранная тактика, какъ оказывается, вѣрно учла настроеніе массъ. Критика утихаетъ, а затѣмъ опять все начинается идти по старому. Надо сказать, что въ поясненіе слабаго развитія своей дѣятельности, профсоюзы приводили на конференціяхъ то соображеніе, что они въ лицѣ своего центрального органа въ Москвѣ не имѣли достаточно сильной опоры и что только разгорѣвшаяся между руководителями партіи полемика о роли профессиональных союзовъ поставила ихъ въ болѣе благопріятное положеніе. Указанный здѣсь споръ перенесся въ Москву въ такъ называемый „Домъ Союзовъ“, гдѣ въ маѣ 1921 года состоялись засѣданія Всероссійскаго съѣзда профессиональных союзовъ. Но тамъ дѣло свелось къ борьбѣ личныхъ вліяній за преобладаніе въ профсоюзахъ иведенію личныхъ счетовъ, причемъ одна группа (чистыхъ ленинцевъ) настаивала на сохраненіи на посту предсѣдателя В. Ц. С. П. С. Томскаго, а другая, болѣе радикальная, выдвигала т. Бухарина. На совершенно закрытомъ засѣданіи, съ котораго были удалены безпартійные и даже служебный персоналъ канцеляріи В. Ц. С. П. С., прибылъ самъ Ленинъ, въ блестящей рѣчи доказавшій, что нападки, раздающіеся на В. Ц. С. П. С. неправильны, что хотя въ дѣятельности Томскаго и были ошибки, но не онъ

въ нихъ виновенъ, а тѣ объективныя условія, въ которыхъ приходится работать. Надо дать профсоюзамъ реальную возможность вліять на производство, а въ частности и на выборъ и назначеніе лицъ на должности въ учрежденіяхъ экономическаго характера. Какіе практическіе результаты далъ этотъ съѣздъ, мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, но тѣ впечатлѣнія, которыя у меня образовались отъ неоднократныхъ посѣщеній и личныхъ бесѣдъ съ руководителями ростовскихъ профсоюзовъ водниковъ, работниковъ соціалистической культуры, совѣтскихъ работниковъ и др. убѣждаетъ меня, что при современныхъ условіяхъ профсоюзы дѣлу хозяйственнаго строительства помочь не могутъ.

Главной особенностью и вмѣстѣ съ тѣмъ, главнымъ недостаткомъ ихъ организаціи является то, что совѣтская власть ведетъ ихъ по пути огосударствленія, обращая ихъ въ чисто казенные союзы. Отсюда проистекаютъ и послѣдствія. Профсоюзы ничѣмъ не отличаются отъ обычныхъ совѣтскихъ правительственныхъ органовъ, дѣйствуя, однако, подъ флагомъ защиты профессиональныхъ интересовъ трудящихся. Ихъ отличительной чертой, какъ и всѣхъ совѣтскихъ учреждений, является полная оторванность отъ населенія, а также видимая невозможность или нежеланіе пойти на встрѣчу интересамъ рабочаго класса въ борьбѣ его за лучшее будущее. Руководители союзовъ говорятъ недовольнымъ рабочимъ: „Вы добились своего, у васъ сама власть установлена рабочими, т. е. самъ рабочій классъ въ своемъ классовомъ сознаніи устанавливаетъ нормы жизни, очевидно направляя ихъ въ своихъ же интересахъ; значить, профсоюзы могутъ слѣдовать только за указаніями такого правительства. Самимъ же не приходится придумывать ничего новаго.“ Въ такомъ случаѣ, спрашивается, къ чему же профессиональные союзы? Ихъ можно было бы смѣло упразднить, какъ лишній балластъ. Для развитія производства они сдѣлать ничего не могутъ (признаніе самого Ленина), обслужи-

вать интересы трудящихся въ предѣлахъ, выходящихъ за рамки автоматической передачи распоряженій, которыя съ такимъ же успѣхомъ могутъ производиться органами Наркомтруда — они также не могутъ. Однако, содержаніе этого учрежденія для казны обходится очень дорого. Вмѣсто того, чтобы софизмами доказывать необходимость существованія профсоюзовъ, совѣтской власти проще было бы сказать на чистоту: профсоюзы нужны только какъ красивая декорація, необходимая для созданія благожелательнаго отношенія къ этой власти со стороны западно-европейскаго пролетаріата. Упразднить же ихъ коммунисты не рѣшаются. Какъ это вдругъ рабоче-крестьянская власть окажется безъ института защиты рабочими его классовыхъ экономическихъ интересовъ. А насколько успѣшно онъ защищаетъ эти интересы, достаточно ясно видно изъ предыдущаго.

Г Л А В А IX.

Н а р к о м в н ѣ ш т о р г ъ.

Черезъ Ямбургъ прослѣдовало въ Совѣтскую Россію: 11 іюня — 87 вагоновъ груза; 12 іюня — 83 вагона товаровъ и 15 пустыхъ вагоновъ; 13 іюня — 45 вагоновъ груза; 14 іюня — 159 вагоновъ товаровъ; 15 іюня — 72 вагона груза; 16-го іюня — 76 вагоновъ товара; 17 іюня — 48 вагоновъ товара. Изъ Ямбурга прибыло въ Нарву: 11 іюня — 102 пустыхъ вагоновъ для товара; 12 іюня — 45 пустыхъ вагоновъ, русскіе курьеры и 8 пассажировъ; 13 іюня — 142 пустыхъ товарныхъ вагоновъ, эстонскіе курьеры и 5 пассажировъ; 14 іюня — 137 пустыхъ вагоновъ съ курьерами и 12 пассажирами; 15 іюня — 127 пустыхъ вагоновъ для транзитнаго товара; 16 іюня — 89 пустыхъ вагоновъ для товара, 1 пассажирскій вагонъ съ русскими курьерами и 11 пассажирами.

Вотъ официальные свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ въ теченіе одной недѣли черезъ Ямбургъ, который считается Наркомвнѣшторгомъ важнѣйшимъ таможеннымъ пунктомъ на западной границѣ. Въ одну сторону — въ Россію, не менѣе 50 тыс. пуд. товара, въ обратную же сторону — пустые товарные вагоны и въ видѣ экспортнаго товара, чуть ли не ежедневно, совѣтскіе курьеры, несомнѣнно, съ соотвѣтственной литературой. Такова дѣятельность учрежденія, руководящаго русской внѣшней торговой политикой. Каковы же ея результаты? По даннымъ Наркомвнѣшторга за 1920 годъ получено изъ-за границы различныхъ грузовъ свыше 5 мил. пуд., изъ нихъ угля свыше 2 мил. пуд., кожи — 80 тыс. пуд., готовой обуви — 20.000 паръ, сѣмянъ — 46 тыс. пуд., мѣди — 10 тыс. пуд., дубильнаго экстракта — 67 тыс. пуд., металловъ — 120 тыс. пуд., бумаги —

500.000 пуд., электрическаго оборудованія — 8.000 пуд., шпагата — 18.000 пуд.

Опубликовывая эти свѣдѣнія, Народный комиссаріатъ внѣшней торговли заявлялъ, что у него для новой торговой кампаніи имѣется въ распоряженіи различныхъ товаровъ на 50 мил. рублей золотомъ. Очевидно, количество сырья, которымъ можетъ располагать Россія, значительно превышаетъ это количество, но Внѣшторгъ въ сущности, кромѣ этой суммы, другихъ ресурсовъ не имѣетъ, такъ какъ въ серединѣ 1921 года золотой фондъ республики не превышалъ 40 мил. рублей. При такихъ условіяхъ задача этого вѣдомства весьма затруднительна, а составъ служащихъ, съ которымъ вѣдомству приходится работать, совершенно не удовлетворяетъ назначенію.

Первое, что поражаетъ вновь прибывшаго въ Народный комиссаріатъ внѣшней торговли въ Москвѣ, — это публика, которая тамъ занимается. Романтическій періодъ этого вѣдомства, подъ руководствомъ лѣваго эсэра, тов. Лежавы, уже миновалъ и нынѣ за реквизированными въ разныхъ московскихъ конторахъ столами, на Ильинкѣ д. 2, сидятъ люди въ кожаныхъ курткахъ, съ бритыми тупыми лицами и бѣгающими глазами — несомнѣнные чекисты и въ pendant къ нимъ такія же дѣвицы. Говорятъ, что въ виду совпаденія для совѣтской власти задачъ внѣшней пропаганды и торговли, многіе чекисты, надѣясь на лучший матеріальный выигрышъ въ этомъ учрежденіи, переходятъ въ него на службу. Первоначально въ этотъ комиссаріатъ массами поступали интеллигенты, съ цѣлью получить командировку и выбратся за границу, и кое-кому на первыхъ порахъ это удалось, однако, въ послѣдствіи дѣло было обставлено такими терніями (запрещеніе уѣзжать тѣмъ, у кого семья уже за границей, запрещеніе выѣзда совмѣстно съ семьей, требованіе личной гарантіи вѣрности совѣтской власти двумя видными коммунистами и угроза репрессіями по отношенію къ остающимся членамъ семьи въ случаѣ невозвращенія главы въ срокъ), — что

въ сущности никто не могъ получить командировку. Такъ, изъ 170 лицъ сотрудниковъ Наркомвнѣшторга, заграничные паспорта которыхъ визировались въ В. Ч. К., пропустили за границу только 4 лица. Поэтому интеллигенція отхлынула отъ Внѣшторга, куда зато въ большемъ числѣ стали вступать сотрудники чрезвычайекъ. Это наложило специфическій отпечатокъ на внѣшнюю сторону работы комиссаріата. Когда вы входите въ помещеніе его, васъ опрашиваютъ, къ кому и зачѣмъ вы идете, записываютъ адресъ, берутъ удостовѣреніе личности, отмѣчаютъ часъ вашего прибытія, и выдаютъ особый пропускъ, на которомъ сотрудникъ Внѣшторга, къ которому у васъ есть дѣло, долженъ своею подписью отмѣтить время окончанія собесѣдованія съ нимъ, послѣ чего такой билетъ отбирается у васъ при выходѣ дежурнымъ чекистомъ. Можно подумать, что находишься въ оперативномъ отдѣлѣ генеральнаго штаба во время войны, а не въ гражданскомъ вѣдомствѣ, налаживающемъ торговые отношенія съ другими государствами. Во время пребыванія въ помещеніи Наркомвнѣшторга, вы чувствуете, какъ за каждымъ вашимъ шагомъ зорко слѣдятъ непріятнаго типа молодые люди. Ясно, что никто, уважающій себя, въ подобное учрежденіе нынѣ не идетъ и оно пополняется преимущественно кадромъ опытныхъ чекистовъ, не имѣющихъ ничего противъ того, чтобы прокатиться за границу на русское золото, да еще въ самомъ представительномъ видѣ, съ реквизированнымъ въ свое время изъ шляпнаго магазина какимъ-нибудь цилиндромъ стараго фасона и съ фракомъ съ чужого плеча (мѣропріятія совѣтскаго правительства по представительству его агентовъ за границей). Кромѣ того, въ эту же компанію попадаютъ и патентованные мошенники, арапы, лица съ темнымъ прошлымъ или спекулянты, записавшіеся въ коммунистическую партію, которые сами раньше крали и которыми поэтому не зазорно торговать завѣдомо краденными совѣтской властью товарами. Ростовскіе спекулянты безъ смѣха не могли вспомнить своего

товарища по профессіи, Кудиша, когда онъ торжественно проѣхалъ изъ Москвы въ Новороссійскъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Константинополь въ качествѣ главы совѣтской торговой делегаціи. Несомнѣнно, достойный представитель совѣтской власти!

Мнѣ удалось слѣдить за развитіемъ внѣшней торговли большевиковъ черезъ Новороссійскъ; поэтому я останавлиюсь на этомъ вопросѣ. Какъ только обнаружилась Крымская катастрофа бѣлыхъ, сейчасъ же началась и торговля на Черномъ морѣ черезъ Новороссійскъ и Туансе. Первыми стали прибывать турецкія парусныя фелюги, привозившія на небольшія суммы денегъ мануфактуру и всякую дребедень, преимущественно сушеные фрукты и сахаринъ. Они умудрялись даже продавать въ Новороссійскѣ подъ видомъ иностраннаго товара, похищенный ими на русскомъ же побережьи, въ районѣ Туансе лѣсъ и дрова. Представители Внѣшторга, ведущіе этотъ товарообмѣнъ, щедро расплачивались золотомъ и тѣми экспортными товарами, которые были заготовлены еще при правительствѣ ген. Деникина, но остались невывезенными изъ Новороссійска. Указанныя торговая операція были во всѣхъ отношеніяхъ невыгодны для Россіи, но неизбежность ихъ мотивировалась необходимостью не отпугнуть отъ торговли тѣхъ турокъ, которые открыли торговлю, а равнымъ образомъ разсматривать эти операціи, какъ средство пропаганды. Кончился этотъ періодъ русской торговли, однако, тѣмъ, что первые совѣтскіе купцы были сами арестованы за злоупотребленія по службѣ и замѣнены новыми. Значеніе Новороссійска, какъ главнѣйшаго пункта для импорта, а въ особенности для экспорта, по достоинству было оцѣнено въ центрѣ. Рѣшено было, въ связи съ этимъ, создать мѣстную организацію Наркомвнѣшторга. Назначили уполномоченнымъ т. Фрумкина, который, будучи уже обремененъ дѣлами продовольствія, самъ отъ этого дѣла отстранился, но зато со свойственной ему быстротой въ рѣшеніяхъ, сразу же остановилъ свой

выборъ замѣстителя на бывшемъ сапожникѣ, правда, человѣкѣ совершенно несвѣдущемъ въ дѣлахъ торговли вообще и внѣшней въ частности, — но зато коммунистѣ. Въ концѣ декабря 1920 года пришелъ въ Новороссійскъ изъ Константинополя первый пароходъ покрупнѣе съ товарами, закупленными Наркомвнѣшторгомъ заграницей. Началась страшная шумиха въ прессѣ: „Прорывъ блокады. Мы начинаемъ торговать.“ Сапожникъ самъ выѣхалъ на мѣсто для руководства товарообмѣномъ. Прежде всего оказалось, что за товары нечѣмъ расплачиваться, а по договору предусмѣтрѣнъ былъ именно товарообмѣнъ. Объ этомъ онъ въ ужасѣ телеграфировалъ Фрумкину. Послѣдній распорядился немедленно высылать въ Новороссійскъ разное сырье. Какое — онъ и самъ, впрочемъ, не зналъ. Это распоряженіе обидѣло председателя мѣстнаго Краевого промышленнаго бюро Иванова, заявившаго, что распоряженіе товарами и сырьемъ на юго-востокѣ, а тѣмъ болѣе, передача его за границу, возможна лишь съ его разрѣшенія. Пока длилась вѣдомственная переписка, председатель Промбюро на всякій случай телеграфировалъ подчиненнымъ ему совнархозамъ „никакихъ распоряженій т. Фрумкина о погрузкѣ экспортныхъ товаровъ на Новороссійскъ не приводить въ исполненіе, пока эти распоряженія не будутъ подтверждены самимъ председателемъ Промбюро“. А пароходъ тѣмъ временемъ стоялъ въ Новороссійскѣ, за простой же его приходилось уплачивать крупныя деньги въ иностранной валютѣ. Наконецъ, вѣдомственный споръ благополучно разрѣшается. Приостанавливаются прочія погрузки и въ Новороссійскъ гонятъ шерсть, щетину, ковры и другіе товары изъ захваченныхъ большевиками въ складахъ старыхъ экспортныхъ фирмъ. Въ Новороссійскѣ идетъ обмѣнъ. Выгружаются привезенные товары, погружаются русскіе, грузятъ муку, шерсть и т. п. Оказывается, что въ привезенный импортный грузъ входятъ и скверныя сапоги, и испорченные автомобили, и какія-то

покошенные двуколки. Все это, однако, безоговорочно принимается, потомъ идутъ взаимныя угощенія въ гостинницѣ, реквизированной для отвѣтственныхъ сотрудниковъ. Многіе дѣятели Внѣшторга переоблачаются изъ своихъ форменныхъ френчей въ новые, неизвѣстно откуда появившіеся у нихъ, статскіе европейскаго покроя костюмы; матросы съ судна наскоро заключаютъ по упрощенному совѣтскому законодательству браки съ дамами, желающими выбратъся при помощи фиктивныхъ браковъ за границу, на пароходъ погружается также совѣтская миссія для Константинополя. Въ одно прекрасное утро пароходъ снимается съ якоря и уходитъ въ море.

Въ результатъ подробнаго ознакомленія съ деталями этой первой проведенной крупной торговой сдѣлки — рабоче-крестьянской инспекціей, представитель Наркомвнѣшторга въ Новороссійскѣ отстраняется отъ службы и отзывается въ Москву; упомянутый уже нами торговый спецъ изъ сапожниковъ теряетъ довѣріе и, какъ ни пытается оправдаться, вытѣсняется со своей должности новымъ фаворитомъ Фрумкина. Прибываютъ въ февралѣ слѣдующіе два парохода. Одинъ быстро уходитъ обратно, не договорившись, другой остается. Прибывшіе на пароходѣ два представителя весьма по русски звучащей французской фирмы „Опторгъ“, приѣзжаютъ въ Ростовъ для переговоровъ. Москва уже больше не довѣряетъ переговорамъ на мѣстахъ, принявшимъ характеръ неизмѣнной панамы и пытается централизовать это дѣло. Указанные французы привезли, между прочимъ, косы, которыя, послѣ переговоровъ съ Москвой по телеграфу, у нихъ покупаются, и каменный уголь, отъ котораго сначала изъ-за высоко запрошенной цѣны отказываются, но потомъ, подъ давленіемъ морского вѣдомства, приобрѣтаютъ на романовскія деньги. Вмѣсто косъ французамъ предлагаютъ списокъ вещей, которыя находятся въ готовомъ видѣ: щетину, табакъ, шампанское и случайно обнаруженный на націонализированныхъ складахъ въ

Ростовѣ шелкъ-фризонѣ. Французы выбираютъ шелкъ. Къ новому руководителю дѣла на юго-востокѣ являются представители крупной русской промышленной группы, у которой шелкъ этотъ былъ въ свое время захваченъ большевиками и которые были спокойны, пока шелкъ находился за печатями Трамонта и о немъ какъ будто-бы забыли, и предлагаютъ крупную взятку въ иностранной валютѣ, лишь бы сорвать сдѣлку. Взятка отклоняется, заключается договоръ, въ который французы предусмотрительно вводятъ пунктъ о томъ, что имъ самимъ разрѣшается свободный выѣздъ изъ Р. С. Ф. С. Р. и черезъ нѣкоторое время они выѣзжаютъ въ Новороссійскъ для руководства погрузкой. Тѣмъ временемъ матросы съ парохода ведутъ свою торговлю иностранной валютой, сахариномъ, кокаиномъ и камнями для зажигалокъ. Пароходъ уходитъ; а по прибытіи его въ Марсель, освѣдомленные какимъ-то путемъ настоящіе владѣльцы шелка-фризона, у которыхъ онъ былъ захваченъ большевиками, потребовали наложенія ареста на грузъ, что и было исполнено мѣстной властью. Между тѣмъ, въ Ростовѣ продолжаютъ дальнѣйшія сдѣлки. Любопытная по своимъ послѣдствіямъ сдѣлка заключена съ группой мелкихъ турецкихъ спекулянтовъ, привезшихъ товары на фелюгѣ. У нихъ покупаютъ на романовскія деньги привезенный товаръ и вручаютъ николаевскія деньги на 10 мил. рублей, а ночью въ занимаемую ими квартиру является какая-то вооруженная группа чекистовъ, очевидно, освѣдомленныхъ о состоявшейся сдѣлкѣ, и отнимаетъ, угрожая оружіемъ, всѣ полученные ими деньги. Возникаетъ скандалъ, который надлежитъ какъ-нибудь во-время потушить, пока онъ не дошелъ до свѣдѣнія купцовъ, намѣреваемыхъ торговать съ Россіей. Тѣмъ временемъ опять прибываетъ пароходъ, съ которымъ пріѣзжаютъ нѣсколько торговцевъ авантюристовъ съ образцами товаровъ. Торговля начинается какъ будто-бы налаживаться.

Однако, въ это же время выясняется печальная

перспектива для нея въ дальнѣйшемъ, такъ какъ запасы сырья, которые могли бы быть предоставлены въ эквивалентъ иностраннымъ товарамъ, почти уже полностью истощены. Сама же совѣтская власть бессильна что-нибудь въ этомъ отношеніи предпринять, чтобы увеличить сборъ сырья, въ виду того, что операція эта лежитъ на органахъ Наркомпрода, который, какъ указано выше, не въ силахъ съ ней справиться. Изъ центра слѣдуетъ новое распоряженіе прекратить торговлю такимъ неорганизованнымъ порядкомъ. Торговля должна вестись за границей, куда посланы спеціальныя делегации съ опредѣленными плановыми директивами. Сырье надо особенно беречь и потому внѣшняя торговля на мѣстахъ ставится въ опредѣленные рамки. Неудовлетворенные такимъ оборотомъ дѣла иностранные купцы, понеся крупные расходы по доставкѣ товаровъ въ Новороссійскъ, возвращаются весной обратно въ Константинополь, распространяя извѣстія, что торговлю съ Совѣтской Россіей вести нельзя и что сырья тамъ нѣтъ.

Однако, на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ: сырье есть и его можно получить для вывоза за границу; для этого нужно одно условіе — новая власть. Только иная власть, ликвидировавъ ошибки большевиковъ и меньше вмѣшиваясь въ частную инициативу, сумѣла бы получить необходимое ей для внѣшней торговли сырье въ достаточномъ количествѣ. Какъ я выше указалъ, весь эквивалентъ товарообмѣна съ русской стороны опредѣляется въ 50 мил. руб., тогда какъ половину этой суммы могли бы дать 4 области юго-востока Россіи, не говоря уже про остальные части республики. Конкурируя съ Наркомвнѣшторгомъ и не желая, какъ отмѣчено раньше, выпустить интересное дѣло изъ своихъ рукъ, Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства установилъ у себя параллельное учрежденіе — Главный Комитетъ по внѣшней торговлѣ подъ предсѣдательствомъ т. Ломова, который берется восполнить существующій пробѣлъ въ изученіи экспортныхъ возможностей Совѣтской Россіи и даетъ задания

на мѣстахъ о выработкѣ плановъ экспорта и импорта по районамъ. Получивъ такое предписаніе, Промбюро юго-востока образовало въ своемъ составѣ органъ для внѣшней торговли, назвавъ его также комитетомъ по внѣшней торговлѣ, который, работая на иныхъ началахъ, чѣмъ другія совѣтскія учрежденія, и не гнушаясь приглашать для работы въ постоянной при немъ комиссіи бывшихъ торговцевъ и экспортеровъ, разработалъ и провѣрилъ цѣлый рядъ данныхъ объ экспортныхъ возможностяхъ юго-востока Россіи, опредѣливъ ихъ на годовой періодъ не ниже 30 мил. руб. золотомъ по до-военнымъ цѣнамъ соответственныхъ видовъ сырья. Конкурирующее съ нимъ учрежденіе Управление Наркомвнѣшторга всячески ставило палки въ колеса и препятствовало этой работѣ, само же категорически уклонялось отъ нея. Какъ я уже отмѣтилъ, борьба въ Ростовѣ была лишь отраженной борьбой въ центрѣ между двумя однородными органами. Борьба эта долго не могла разрѣшиться въ окончательной формѣ: то собирались упразднить комитетъ, то наоборотъ, возлагали на него новыя порученія. Въ концѣ концовъ она все же окончилась торжествомъ Наркомвнѣшторга, послѣ того, какъ Ломовъ отошелъ отъ этого дѣла, сосредоточивъ свою дѣятельность исключительно на концессіяхъ. Таковы тѣ формы, которыя приняла внѣшняя торговля на юго-востока и которыя являются въ общемъ отраженіемъ политики и самого Наркомвнѣшторга. Всѣ сдѣлки должны заключаться по возможности за границей. Безсиліе собрать сырье заставляетъ заключать эти сдѣлки на золото, которое непрерывно уплываетъ черезъ Ревель дальше. Въ одномъ импортѣ прежде намѣчались кое-какіе планы, но потомъ, въ связи съ угрожающимъ положеніемъ съ продовольствіемъ въ Совѣтской Россіи, какъ извѣстно, рѣшили обратить все золото на покупку того продовольствія, которое могло бы хоть какъ-нибудь прокормить населеніе до реализаціи урожая текущаго года.

О р г а н и з а ц і я   р а с п р е д ѣ л е н і я.

Если вы спросите любого гражданина Совдепии благодаренъ ли онъ совѣтской власти за то, что она, кормя его, избавляетъ его самого отъ необходимости заботиться о своемъ продовольствованіи, то онъ вамъ опредѣленно отвѣтитъ: „Ахъ, если бы она оставила свою трогательную заботу о насъ, о которой мы ее совсѣмъ не просили; мы тогда, по крайней мѣрѣ, не сидѣли бы голодными и всегда лучше сумѣли бы достать себѣ, когда и что намъ нужно“. Вотъ каковъ общій взглядъ населенія на введенную коммунистами систему распределенія. Совѣтская власть взялась за это дѣло и не могла ничего другого создать, кромѣ голода. Даже по совѣтскимъ исчисленіямъ, которыя нельзя заподозрить въ пристрастности, выходитъ, что предоставляемое населенію продовольствіе по калорійности и питательности, по крайней мѣрѣ, въ два раза менѣе той средней (2800 калорій въ день), которую могъ доставить себѣ всякій рабочій въ мирное время.

Совѣтская власть правильно оцѣнила сравнительную выгодность для себя примѣняемаго ею по отношенію къ населенію режима голода. Если всѣ сыты, то ихъ ничѣмъ не удивишь. А если человѣкъ хронически недоѣдаетъ, то какой-нибудь неожиданно выброшенный внѣпрограммный фунтъ картофеля будетъ разсматриваться имъ, какъ особое благодѣяніе со стороны попечительной власти. Воспитательное значеніе голода очень велико! Не повинуюешься власти — сиди съ пустымъ желудкомъ! Зато если ты послушенъ, тебя могутъ обрадовать жирнымъ кускомъ, брошеннымъ съ барскаго коммунистическаго стола или какой-нибудь парой подметокъ. Такой, безъ всякаго преувеличенія, является одна изъ сторонъ производимаго надъ Россіей соціальнаго эксперимента. Подсчитали совѣтскіе спецы количество жировъ, углеводовъ и другихъ необходимыхъ для поддержанія человѣческой жизни элементовъ, а выдаютъ по продовольственнымъ карточкамъ одну

треть, а то и меньше ими же установленной нормы. При этомъ, что особенно характерно для совѣтской республики, введена градація емкости желудка у разныхъ категорій гражданъ. Комиссары и отвѣтственные коммунисты имѣютъ наиболѣе деликатные и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе требовательные желудки, которые должны быть и болѣе обильно наполнены изысканной пищей. Затѣмъ слѣдуютъ рабочіе, потомъ вся трудовая интеллигенція и, наконецъ, все прочее населеніе. Пайки такъ и распредѣляются на пайки отвѣтственныхъ работниковъ, лицъ, занимающихся физическимъ трудомъ (такъ называемый ударный паекъ) и потомъ категорійные пайки. Отдѣльно стоятъ индивидуальныя пайки: „совнаркомскій“ и особый, именуемый „синимъ“ (для живущихъ за Кремлевскими стѣнами), которые и для утонченнаго гурмана покажутся весьма приличными, особенно послѣдній — кремлевскій паекъ. Что же касается остальныхъ, то отвѣтственный паекъ, даже при полной его выдачѣ, можетъ развѣ удовлетворить одинокаго, да и то на полъ мѣсяца. Что же касается прочихъ категорій, то онѣ уже вовсе недостаточны для питанія. Именно, эту почву и имѣютъ подъ собой всякія ухищренія, творимыя совѣтскими служащими для того, чтобы соединять полученіе продуктовъ по нѣсколькимъ продовольственнымъ карточкамъ, пользуясь неорганизованностью аппарата продовольственной карточной системы. Такъ, на примѣръ, въ Ростовѣ на Дону по послѣдней переписи населенія 1920 года числилось 232 тысячи человѣкъ, а за исключеніемъ группъ, получающихъ продовольствіе особымъ порядкомъ (желѣзнодорожники, водники) остается 200 тыс.; между тѣмъ, продовольственныхъ карточекъ было выдано на 1 марта 1921 года 234 тыс., т. е. на 34 тыс. лишнихъ ѣдока (12% излишнихъ порцій). Въ виду этого мѣстными продорганами было произведено повальное подомовое обслѣдованіе, чтобы установить, откуда идетъ такое незаконное пользованіе продуктами.

Безконечно усложнена и самая система получения продуктовъ, которыхъ, къ тому же, обычно не хватаетъ въ полномъ количествѣ къ моменту ихъ выдачи. Каждое лицо прикрѣплено къ опредѣленному совѣтскому распредѣлителю (по прежнимъ понятіямъ — лавка), къ которому и собираются всѣ, получающіе продукты, ко времени ихъ выдачи. Образуются хвосты, передъ которыми блѣднѣютъ пресловутые хвосты времени Керенскаго; то люди безконечно мерзнутъ на морозѣ, то мокнутъ подъ дождемъ, то жарятся на солнцѣ, пропитываясь пылью. Стоять и дѣти, и старцы. Проходитъ бесполезно время и вдругъ оказывается, что продукты уже кончились. Начинается ропотъ, сыплются проклятія по адресу заготовителей; въ особенности, когда стоящіе видятъ, что въ это же время съ задняго крыльца закрытаго уже распредѣлителя комиссары и отвѣтственные работники выносятъ продукты. „Рука руку моетъ“, — и тутъ всякимъ безобразіямъ, въ связи съ распредѣленіемъ, конца края не найдешь. Пленумъ Ростово-Нахичеванскаго совѣта Р. К. и К. депутатовъ оффиціально призналъ, „что вся частная торговля, то, что именуется спекуляціей, цѣликомъ, или по меньшей мѣрѣ на 90% питается изъ государственныхъ учрежденій. Воровство, хищенія, недостатокъ контроля, все это приводитъ къ тому, что рабочіе вынуждены покупать на рынкѣ по бѣшеннымъ цѣнамъ продукты собственнаго же производства. Усилившееся за послѣднее время число кражъ изъ складовъ, пожары — все это свидѣтельствуешь о работѣ крупной организованной шайки, имѣющей несомнѣнно тѣсную связь съ совѣтскими учрежденіями, откуда черпаются необходимыя свѣдѣнія“. Хищенія, дѣйствительно, принимаютъ громадныя размѣры и совершенно организованный характеръ. Люди заранѣе сговариваются о порядкѣ дѣйствій, а на другой день подаются оффиціальныя заявленія о всякихъ поставкахъ отъ частныхъ лицъ въ казенныя учрежденія, гдѣ они попадаютъ въ руки тѣхъ, съ которыми уже заранѣе

установлены обоюдныя выгоды за счет интересовъ совѣтской казны. Все дѣлается какъ будто бы на чистоту, а на самомъ дѣлѣ частнымъ порядкомъ производятся многомилліонныя хищенія изъ казны. Развращенность совѣтскихъ руководителей въ связи съ тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ служащихъ вообще, толкаетъ ихъ на подобнаго рода преступленія. Масштабъ расхищенія государственнаго имущества, приготовленнаго для распредѣленія, принялъ такіе грандіозные размѣры, что В. Ц. И. К. долженъ былъ издать 1 іюня 1921 года отмѣченное уже мною специальное распоряженіе о строжайшемъ наказаніи съ примѣненіемъ разстрѣла и съ упрощеннымъ судебнымъ производствомъ дѣлъ о хищеніяхъ, растратахъ и подлогахъ. Несмотря на полное свое безсиліе справиться съ затрудненіемъ по выдачѣ продуктовъ, большевики упорствуютъ въ выдачѣ продовольствія по карточкамъ, оставаясь вѣрными коммунистической доктринѣ о замѣнѣ торговли планомѣрнымъ, организованнымъ въ общегосударственномъ масштабѣ распредѣленіи продуктовъ.

Цѣлью ихъ является организація всего населенія въ единую сѣть потребительскихъ коммунъ, способныхъ съ наибольшей быстротой, планомѣрностью, экономіей и наименьшей затратой труда, распредѣлять всѣ необходимые продукты, строго централизуя весь распредѣлительный аппаратъ. Какъ далека, однако, эта теорія отъ дѣйствительности и какою гримасою отвѣчаетъ жизнь на этотъ пунктъ программы Р. К. П.! Согласно существующимъ положеніямъ, всѣ продукты получаютъ или черезъ завкомы или комслужбы или черезъ единое государственное потребительское общество: М. П. О. — въ Москвѣ, Е. П. О. въ Роствѣ на Дону и т. д. Злосчастное Е. П. О.! Въ немъ никогда ничего нѣтъ и всѣ его ругаютъ. А оно, отрицая свою вину, сваливаетъ въ свою очередь ее на продорганы. И какъ фатально не везетъ ему во всѣхъ дѣлахъ! Стоитъ только подвезти цѣнный товаръ, какъ, на примѣръ, сахаръ,

на его склады или лавки, какъ вдругъ — неожиданное ограбленіе — и сахара нѣтъ. То горять его склады, то гніють милліонныя запасы картофеля, то случается еще какое-нибудь несчастье въ этомъ родѣ. Немудрено поэтому, что оно не можетъ справиться съ лежащей на немъ задачей прокормленія городского населенія, такъ какъ обычно у него не хватаетъ продовольствія. На всѣ ходатайства — отказъ.*) Ревизіи и рабочія контрольныя комиссіи, періодически учреждаемыя для обслѣдованія дѣятельности незадачливаго общества — ничему не помогаютъ. По началу обновляемый составъ правленія начинаетъ какъ будто - бы шире удовлетворять потребности населенія, но проходитъ время и все входитъ въ старую колею.

Такъ же безуспѣшно обстоитъ дѣло и съ общественнымъ питаніемъ. По даннымъ совѣтской рекламной статистики въ Ростовѣ на Дону въ мартѣ 1921 года было 78 общественныхъ столовыхъ съ пропускной способностью въ 60 тыс. обѣдовъ въ сутки. Однако, всякій, кому жизнь была дорога, старался этими обѣдами не пользоваться или бралъ ихъ на домъ, чтобы домашними средствами и добавленіемъ къ нимъ разныхъ припасовъ сдѣлать ихъ съѣдобными. Такую пищу раньше получали едва-ли собаки. До начала 1921 года давали еще 2 блюда, первое — бурда, иногда съ намеками на какіе-то потроха, заправленная перловой крупой, на второе — та же перловая крупа, иногда со слабыми признаками подсолнечнаго масла. Такъ называемый обѣдъ — „шрапнель“ мокрая и „шрапнель“ сухая. Но въ 1921 году это пришлось отмѣнить и теперь въ совѣтскихъ столовыхъ Ростова даютъ только одно блюдо — „шрапнель“ мокрую или супъ съ лапшой. Хлѣбъ, конечно, нужно приносить съ собой.

---

*) Недаромъ же про злосчастныя первыя буквы Е. П. О. ходитъ въ Ростовѣ каламбуръ: „Если Попро-
сишь — Откажутъ; Если Подмажешь — Отпустятъ; Если
Получишь — Отнимутъ“, а въ общемъ: „Бдимъ Послед-
ніе Остатки“.

Можно представить себѣ, до какого состоянія долженъ дойти человѣкъ, ежедневно воспринимавшій въ себя порцію неперевариваемой „шрапнели“ (или какъ она теперь иначе называется „совѣтскій рисъ“), да еще лишенную намековъ на жиръ.

Махнувъ уже рукой на снабженіе прочими продуктами, Е. П. О. сосредоточило вниманіе на выдачѣ хлѣба, но и тутъ происходили невѣроятные перебои. Напримѣръ, въ виду отсутствія топлива весной 1921 года стояли 2 недѣли Ростовскія мельницы и все населеніе, за исключеніемъ привилегированной категоріи, вовсе не получало хлѣба. И это еще въ Ростовѣ — въ хлѣбородномъ районѣ! Что же дѣлается во всей остальной Россіи? А тамъ, въ Петроградѣ, напримѣръ, съ начала мая вмѣсто хлѣба стали давать селетки изъ случайной партіи, прибывшей черезъ Эстонію. Я уже не говорю про хлѣбъ, выпекаемый изъ листьевъ и всякихъ травъ, въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ. Можно себѣ представить весь этотъ безпросвѣтный ужасъ людей, лишенныхъ даже насущнаго хлѣба! Еще примѣръ: въ Москвѣ передъ Пасхой 1921 года не выдавали хлѣбъ: всѣ жители возлагали надежду, что хоть на Пасху они получаютъ какую-нибудь компенсацию, тѣмъ болѣе, что Пасха совпадала съ совѣтскимъ праздникомъ 1 мая. Однако, въ концѣ Страстной недѣли выяснилось, что дадутъ что-то по $\frac{1}{2}$ фунта соли и по куску мыла. Негодованію народному не было границъ. Особенно взволновались рабочіе. Московскій совдепъ не на шутку испугался и выбросилъ московскому населенію подачку въ видѣ какой-то бездѣлицы дѣтямъ (плитка шоколада и нѣсколько карамелекъ). Заткнули глотку недовольнымъ и успокоились.

Такъ же безысходно, если еще не хуже, обстоитъ дѣло и со снабженіемъ рабочихъ предметами первой необходимости. Какую отталкивающую, но обычную въ Совдешіи картину представляютъ всевозможныя униженія человѣческаго

достоинства, чтобы выпросить себѣ топлива на зиму, хотя бы въ самомъ минимальномъ количествѣ. Сколько мелкихъ интригъ, подсиживаній, непріятностей, обмановъ, чтобы только за-получить со службы какихъ-нибудь 5 пуд. дровъ или 10 пуд. угля (количества, о которыхъ прежде и не думали). Однако, когда самъ испытаетъ удовольствіе жить въ нетопленныхъ комнатахъ, то поймешь всѣхъ этихъ людей. Поздней осенью 1920 года мнѣ лично пришлось жить въ г. Нахичевани и въ виду ожидавшагося переѣзда въ Ростовъ, гдѣ я рассчитывалъ получить эти 10 пуд. угля отъ одного учрежденія, а также изъ-за отсутствія свободныхъ денегъ (уголь стоилъ тогда на базарѣ 6—7 тыс. руб. за пудъ), я оказался безъ топлива. Переѣздъ, однако, задерживался, а тутъ, какъ на зло, хватило холода и пришлось прожить въ началѣ ноября около 2 недѣль, въ комнатѣ, въ которой температура падала все ниже и ниже и дошла до 2—3° выше нуля. При такой температурѣ, буквально, стынетъ разговоръ, стынутъ мысли. Думаешь подольше не возвращаться домой, только бы сократить пребываніе въ нетопленной комнатѣ. Наконецъ, попадаешь домой. Всѣ сидятъ въ зимнихъ пальто, не раздѣваясь. Потомъ, также почти не раздѣваясь, приходится ложиться въ холодную постель съ ледяными подушками. Настаетъ утро. Отъ холода и сырости долго не рѣшаешься подняться съ постели, чтобы идти умываться ледяной же водой. Затѣмъ тщетно стараешься отогрѣться около керосинки, на которой кипятится чай и которая является единственнымъ отопительнымъ средствомъ въ комнатѣ. У всѣхъ посинѣвшія утомленные лица, опухшія отъ холода руки, съ анжелюрами, потрескавшаяся кожа... Послѣ чая опять на морозъ, потомъ въ нетопленное помѣщеніе службы. Самое теплое время — въ дорогѣ, пока двигаешься, не такъ чувствуешь холодъ. А говорятъ, что топлива на зиму 1922 года будетъ еще значительно меньше. Какая страшная вещь — отсутствіе тепла въ жиломъ помѣщеніи!

Въ Совдепѣи большинство населенія ходитъ рванымъ, разутымъ, въ самыхъ невѣроятныхъ нарядахъ. Дѣйствительно, все прежнее платье распродано или износилось, денегъ на пріобрѣтеніе новаго нѣтъ, а полученіе черезъ распредѣлитель отъ казны — вещи равносильно, примѣрно, выигрышу 200 тыс. рублей въ прежнее время въ государственной лотереѣ. Въ Управленіи воднаго транспорта въ Ростовѣ, который являлся организаціей, пользующейся особымъ покровительствомъ, въ теченіе цѣлаго года не было произведено ни одной выдачи предметовъ обмундированія или первой необходимости. Конечно, на складахъ кое-что и имѣлось, но все это „распредѣляли“ потихоньку между собой начальники распредѣлителей и всякихъ „Обусводовъ“. Когда же, наконецъ, благодаря шуму, поднятому на рабочей производственной конференціи, профсоюзъ водниковъ былъ обвиненъ въ полномъ пренебреженіи интересовъ своихъ сочленовъ, то правленію его пришлось подтянуться и для завоеванія симпатій, онъ пустилъ въ распредѣлитель нѣсколько предметовъ, правда, въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что пришлось распредѣлить эти вещи по жребію, причемъ получились такіе курьезы, что одинокому холостяку по жребію досталась пара дамскихъ галошъ, совѣтской барышнѣ пара мужскихъ воротничковъ, кому стаканъ, кому коробочка пудры и т. д. Это и называется по совѣтски распредѣленіемъ между населеніемъ предметовъ первой необходимости и домашняго обихода.

С в о б о д а т о р г о в л и.

У каждаго человѣка есть нѣкоторыя минимальныя потребности въ одеждѣ и другихъ предметахъ обихода, отъ пользованія которыми его никакъ нельзя отучить. Такъ какъ въ Россійскомъ коммунистическомъ государствѣ получить эти предметы отъ казны не представляется возможнымъ, приходится волей-неволей пріобрѣтать всѣ эти предметы на рынкѣ по вольнымъ цѣнамъ,

не соответствующимъ обычнымъ окладамъ вознагражденія въ Совдепіи. Пока можно было получать на рынкахъ эти предметы, еще было ничего, но, начиная съ осени 1920 года, коммунисты повели энергичную атаку на частную торговлю, которая и сохранялась еще на рынкахъ и къ тому же только номинально. Въ декабрѣ въ Москвѣ закрываютъ Сухаревку — знакъ къ тому, чтобы и въ провинціи убить торговлю. Однако, какія бы мѣры ни примѣняли для упраздненія торгового оборота, но если у человѣка отняли пальто и бесплатно ему неоткуда ожидать новаго, то онъ, имѣя деньги, конечно, сумѣетъ за нихъ достать себѣ другое. Поэтому все время, пока официально торговля на базарахъ и въ магазинахъ была упразднена, всегда во всѣхъ улицахъ, во всѣхъ квартирахъ царила негласная торговля спекулятивнаго характера. Въ Петербургѣ, благодаря настойчивости Зиновьева, торговля одно время была почти совершенно придушена. Нельзя было на рынкахъ достать даже продовольствія. Въ Ростовѣ н/Д. иначе провели циркуляръ о недопущеніи вольной торговли: оцѣпили войсками такъ называемый Старый базаръ со всякой мелкой торговлей, ограбили подъ видомъ реквизиціи все имущество базарныхъ торговцевъ — пролетаріевъ, которые и сами влачили полуголодное существованіе. Базаръ былъ объявленъ навсегда закрытымъ. Для того, чтобы усилить впечатлѣніе и разрушить иллюзіи о возможности возобновленія когда-нибудь торговли, всѣ базарныя постройки были разобраны и развезены по совѣтскимъ домамъ на топливо. На мѣстѣ прежняго базара образовалась пустая площадь. Покончивъ съ базаромъ, коммунисты обратились къ другимъ мѣстамъ торговли. Были опечатаны кіоски инвалидовъ и маленькія лавченки, устроенныя подъ открытымъ небомъ въ сгорѣвшихъ домахъ въ Ростовѣ иностранцами, которымъ за мѣсяць передъ этимъ дали официальное разрѣшеніе на веденіе въ нихъ торговли. Оставался базаръ съ продовольствіемъ, гдѣ подъ вліяніемъ принятыхъ

мѣръ и подъ страхомъ непрерывно практикующихся облавъ, ограбленій, реквизицій, цѣны на все неимоვნѣрно росли. Рабочіе, однако, сплотившись, отстояли самый базаръ и его такъ и не закрыли до самаго момента новыхъ вѣяній, начавшихся весной, когда вновь официально была разрѣшена вольная торговля.

Продѣланный коммунистами грандіозный опытъ лишенія всего населенія возможности получать что-либо за деньги и въ лавкахъ, и на рынкахъ, содѣйствовалъ сначала развитію натурального товарообмѣна непосредственно съ воезъ, прибывавшихъ въ городъ съ продовольствіемъ, а затѣмъ вызвалъ почти полное исчезновеніе этихъ продуктовъ съ рынка, что совпало какъ разъ съ сильнымъ обостреніемъ продовольственного положенія въ мартѣ 1921 года. Началось Кронштадтское возстаніе и сильнѣйшее броженіе среди рабочихъ Петрограда и Москвы и другихъ городовъ. В. Ц. И. К. перетрусилъ и, цѣпляясь за власть, далъ новое направленіе совѣтской политикѣ въ этомъ вопросѣ и, наконецъ, опредѣленно вынесъ рѣшеніе разрѣшить мелкую торговлю. Разумѣется, всѣ совѣтскіе граждане заинтересовались, отъ кого именно будутъ исходить разрѣшенія на право торговли и какія есть гарантіи тому, что разъ данное разрѣшеніе не будетъ черезъ мѣсяць отобрано назадъ, какъ это уже неоднократно практиковалось и раньше. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ циркулярѣ было разъяснено, что свободная торговля разрѣшается на специально открытыхъ для того площадяхъ и въ специально отведенныхъ для сего помѣщеніяхъ. Разрѣшеніе вопроса, чѣмъ торговать и въ какомъ порядкѣ, было поставлено въ зависимость отъ мѣстныхъ совдеповъ. Первымъ открылся въ Москвѣ Смоленскій рынокъ, куда направилось все населеніе передъ Пасхой продавать и покупать. Однако, вмѣсто ожидавшагося паденія цѣнъ, они продолжали возрастать. Объясняется это явленіе тѣмъ, что, разрѣшивъ продавать продукты въ городѣ, мѣстная власть одновременно ввела наистрожайшій

контроль за приѣзжающими, которыхъ обирали, особенно же въ продовольственномъ отношеніи. Положеніе на желѣзныхъ дорогахъ при этомъ стало даже хуже, чѣмъ мѣсяцемъ раньше, когда послѣ декрета Ленина о продажѣ крестьянами продовольственныхъ излишковъ, были сняты заградительные отряды на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ въ Москву и Петроградъ. Много разъ наученные горькимъ опытомъ совѣтскіе граждане не особенно довѣряли объявленію свободной торговли, напередъ зная, что разрѣшеніе большевиками торговать на базарахъ можетъ быть взято обратно съ такой же легкостью, какъ было дано. Населеніе прекрасно учитывало, что большевики сами пошли съ большой неохотой на эту мѣру. Насколько свобода торговли противорѣчитъ идеямъ коммунизма, видно изъ того глупаго положенія, въ которое попалъ вновь избранный въ мартѣ 1921 года Ростово-Нахичеванскій городской совдепъ. На засѣданіи его была прочитана декларация фракціи меньшевиковъ, въ которой, между прочимъ, заключалось и требованіе свободы торговли. Требованіе это было высмѣяно, какъ требованіе свободы спекуляціи, причемъ сами меньшевики были выставлены, какъ первые поборники спекуляціи. Каковъ же былъ конфузъ этого совдепа, когда ему черезъ очень короткій срокъ пришлось самому на дѣлѣ осуществлять эту свободу торговли, наперекоръ своей точкѣ зрѣнія и самому устанавливать нормы проведенія ея въ жизнь.

Что касается полученія права на открытіе торговли, то оно обставлено испрошеніемъ ряда специальныхъ разрѣшеній. Говорятъ, что председатель Петрогубкоммуны, Зиновьевъ, получивъ циркуляръ о производствѣ торговли, заявилъ: „Пока я здѣсь, свободы торговли не бывать“, и долго скрывалъ этотъ циркуляръ. Однако, въ результатѣ, послѣ ряда требованій, какъ мѣстныхъ, такъ и изъ центра, ему пришлось, какъ я уже указывалъ раньше, уступить. Тогда, не безъ его наущенія введена была система опроса собирающихся торговать въ такой формѣ („откуда думаете

получать товары, ваши занятія до революціи, ваше отношеніе къ совѣтской власти“ и пр.), что каждый, боясь сѣсть въ чеку, предпочиталъ не входить въ это дѣло. Въ Москвѣ же установился слѣдующій порядокъ испрошенія разрѣшенія на открытіе торговли. Прежде всего нужно найти помѣщеніе, т. е. взятка квартхозу (завѣдующему квартальнымъ хозяйствомъ) — разъ; получить разрѣшеніе это помѣщеніе занять, т. е. опять взятка — это два; потомъ заполнить всякія анкеты, получить разрѣшеніе отъ районнаго совдепа на производство самой торговли, разумѣется, опять очень крупная, пахнувшая парой милліоновъ, взятка — три. Такимъ образомъ, если у васъ есть нѣсколько свободныхъ милліоновъ рублей въ карманѣ и вы въ состояніи наладить доставленіе продуктовъ изъ глубины Россіи, чтобы не зависѣть отъ мѣстнаго рынка—можете открывать торговлю. Торговать можно далеко не всѣмъ; во-первыхъ, нельзя торговать никакой мануфактурой и галантереей, во-вторыхъ, никакими нормированными предметами продовольствія. Поэтому, если вамъ приходится въ Москвѣ идти мимо вновь открытыхъ лавокъ, а ихъ пооткрывалось за послѣднее время очень много, то вы замѣчаете въ нихъ массу пирожныхъ, искусственный сахаръ, фруктовые воды, шоколадъ, консервы, маринады и все это, по цѣнамъ, читая которыя, проходящіе мимо рядовые граждане облизываются и идутъ дальше (пирожное — 3,000 руб. шт., осетрина 50.000 р. кусокъ и т. д.). Конечно, такіе магазины рассчитаны отнюдь не на широкія массы населенія и не на рабочихъ, а на товарищей комиссаровъ, ихъ содкомшъ, которые и составляютъ главный контингентъ покупателей въ такихъ лавченкахъ и молочныхъ (упрощенные и опрощенные кафэ). Такой характеръ пріобрѣла громко возвѣщенная торговля въ городахъ. Болѣе или менѣе такъ же она должна была бы организоваться и въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Обмѣнный фондъ, введенный для товарообмѣна съ деревней, образуется на слѣдующихъ основа-

ніяхъ. Рабочимъ и служащимъ нѣкоторыхъ отраслей промышленности дается часть производимыхъ ими продуктовъ для обмѣна на предметы сельско-хозяйственного производства. Такимъ образомъ, каждый рабочій призванъ нынѣ самой совѣтской властью заняться спекуляціей въ видѣ мелкой торговли. Для образованія этого обмѣннаго фонда государство авансировало 40 милліардовъ деньгами и товары изъ государственныхъ запасовъ. Въ обмѣнъ на денежные знаки за проданные товары предполагалось получить хлѣбъ для рабочихъ и служащихъ всей центральной Россіи. Вотъ нѣкоторыя нормы товарной эквивалентности, установленной для лѣта 1921 года для сѣвернаго раіона Республики: 1 пуд. ржи = 12 ф. соли, 25 ф. керосина, 12 пачекъ спичекъ, 4 жестяныхъ ведра, 4 желѣзныя лопаты, 6 аршинъ ситцу и т. д. Характеренъ составъ этого обмѣннаго фонда: земледѣльческихъ орудій крестьянамъ предлагается только всего 19 тыс. пуд., а зато пудры 540 тыс. коробокъ; гвоздей, въ которыхъ такъ сильно нуждается деревня, 1000 пуд., но зато духовъ 240 тыс. флаконовъ и глицерина 120 тыс. флаконовъ; веревки 5 тыс. пуд., а фаянсовой посуды 3 милліона штукъ. Весь списокъ достойно завершаютъ 3000 колоколовъ.

Повидимому, этому своеобразному составу обмѣннаго фонда придается большое значеніе, ибо, по крайней мѣрѣ, самъ Ленинъ на экономической конференціи Р. К. П. заявилъ: „Спрашиваютъ помаду, мы должны и ее дать. Мы и на помадѣ, если будемъ какъ слѣдуетъ хозяйничать, можемъ установить крупную промышленность. Я думаю, что въ отличіе отъ другихъ странъ, которыя пускаютъ въ ходъ такія вещи, какъ водку и прочій дурманъ, мы этого не допустимъ, потому что какъ бы они ни были выгодны для торговли, но они поведутъ насъ назадъ, къ капитализму, а не впередъ къ коммунизму, тогда, какъ помада не угрожаетъ зтимъ.“ Такъ какъ заговорили о водкѣ, то, пожалуй для спасенія коммунистической революціи и она скоро будетъ пущена

въ ходъ; во всякомъ случаѣ, разрѣшенія на продажу крѣпкихъ напитковъ уже даются. Пока же программа спасенія Россіи, какъ заявилъ одинъ юмористъ, ясна. Слѣдуетъ ожидать установленія помадной повинности, коммунистической помадной недѣли, учрежденія Главпомады и Главпудры и статьи Стеклова на тему „Анти-помадная политика контръ-революціи“, а затѣмъ зазвонить въ 3000 колоколовъ изъ „обмѣннаго фонда“ о наступленіи мирнаго, благоденственнаго и хозяйственнаго житья и „ждать, покамѣсть напудренные, надушенные и напомаженные пейзажи привезутъ въ умирающіе города хлѣбъ въ фаянсовой посудѣ“. Ближайшее же будущее, во всякомъ случаѣ, покажетъ, каковы будутъ результаты этой свободы товарообмѣна съ деревней. Первые же дошедшія свѣдѣнія предопредѣляютъ какъ будто бы неблагоприятное ея дальнѣйшее теченіе.

К о о п е р а ц і я.

Не безъ шатанія была политика совѣтской власти по отношенію къ кооперативамъ. Она мѣнялась въ зависимости отъ измѣненія политики по отношенію къ партійнымъ группировкамъ въ составѣ самихъ кооперативовъ — учреждений, отличавшихся всегда умѣреннымъ социалистическимъ направленіемъ. Окончательно, казалось бы, взглядъ партіи опредѣлился на 10-мъ Съѣздѣ Компартіи весной 1920 года. Тогда кооперація стала разсматриваться по двумъ главнымъ группамъ: потребительской и производственной. Признавая, что въ основу потребительскихъ коммунъ и ихъ объединеній должна быть положена существующая общегражданская и рабочая кооперація, являющаяся самымъ крупнымъ объединеніемъ потребителей и наиболѣе подготовленнымъ исторіей капитализма аппаратомъ массоваго распредѣленія, большевики ничего не имѣли противъ дальнѣйшаго ея существованія, установивъ, однако, сильное давленіе на управленіе кооперативами черезъ Центросоюзъ, ставшій чисто

коммунистической организацией. Что же касается заготовительных функций, которые принимали на себя ссудо-сберегательные и производительные кооперативы и особенно их краевая организация, то таковые, согласно этому плану, должны были быть распылены таким образом, чтобы имѣющіяся готовыя предприятия перешли въ вѣдѣнія совнархозовъ и другихъ учрежденій по принадлежности, а аппараты земледѣльческій продовольственный и заготовительные влились въ мѣстные органы Наркомпрода и Наркомзема.

Юго-восточная кооперація пережила за минувшій годъ тѣ же измѣненія, что и обще-россійская. Въ первое время послѣ занятія красными войсками Ростова въ началѣ 1920 г. кооперацію какъ будто бы не трогали. Этимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, воспользовались мѣстные спекулянты для осуществленія грандіозныхъ комбинацій по сокрытію своихъ товаровъ. Достигалось это обычно такимъ образомъ, что ими по соглашенію съ управленіями кооперативовъ проводились заднимъ числомъ фиктивные запродажи и оказывалось, что данный товаръ принадлежитъ не NN., а такому то кооперативу. Но этотъ медовый періодъ продолжался недолго. Въ Ростовъ прибыла чека, появилась „твердая власть“, которая уже начала косо посматривать на оппозиціонное положеніе кооперативовъ по отношенію къ власти. Однако, тѣмъ не менѣе, Донской совнархозъ продолжалъ еще вести переговоры съ Ювоссомъ (кооперативный союзъ юга-востока) о реализаціи сдѣлки по доставкѣ изъ Чехіи тѣхъ товаровъ, которые должны были быть привезены согласно договору Ювосса, заключенному еще съ южно-русскимъ правительствомъ ген. Деникина. Тѣмъ временемъ къ лѣту 1920 года настроеніе рѣзко перемѣнилось. Начались обыски; тѣ лица, съ которыми за недѣлю до того велись переговоры, были посажены, порядка ради, въ чеку, а потомъ въ тюрьму. Пошли массовые аресты кооператоровъ и въ Ростовѣ, и на мѣстахъ по станицамъ. Однимъ словомъ, начался массовый разгромъ коопераціи.

совпавшій съ измѣненіемъ точки зрѣнія на кооперацію со стороны Р. К. П., о которой я говорилъ выше. Большая часть крупныхъ правленій кооперативовъ сама закрылась или принудительно закрыта; изъ кооперативныхъ кредитныхъ учреждений продолжало функціонировать одно лишь ростовское отдѣленіе Московскаго Народнаго Банка, да и то на новыхъ основаніяхъ. Канцеляріи Ювосса, Доката и другихъ кооперативныхъ организацій были изгнаны изъ своихъ помѣщеній, стали появляться и новыя лица, которыя должны были вести кооперативное дѣло на новыхъ началахъ. Отдѣльныя кооперативныя потребительскія общества, въ которыхъ еще даже лѣтомъ 1920 года можно было получить кое-что изъ продовольствія, были слиты въ Единое потребительное общество (Е. П. О.), учрежденіе чисто коммунистическаго типа, о которомъ я уже говорилъ и которое сразу же обнаружило полную неспособность коммунистовъ руководить аппаратомъ распредѣленія продуктовъ между населеніемъ. Аппараты другихъ кооперативовъ производительнаго характера были совершенно разрушены и компетенція ихъ оставалась самой неопредѣленной. Прибыли новые руководители Ростовскаго отдѣленія Центросоюза, долженствовавшего, опираясь на сельскую кооперацію (которая, кстати сказать, къ этому времени уже не существовала), быть правой рукой Донпродкома, въ особенности же въ области заготовокъ фонда для внѣшней торговли. Когда въ сентябрѣ 1920 года Промышленное бюро Юго-востока Россіи запрашивало Центросоюзъ о томъ, какіе именно товары и въ какомъ количествѣ у него имѣются для внѣшней торговли, управленіе Центросоюза отвѣтило: „Мы собираемъ справки“. Когда учрежденный въ составѣ того же Промбюро Комитетъ по внѣшней торговлѣ повторилъ этотъ запросъ Центросоюзу въ ноябрѣ того же года, то получилъ отвѣтъ: „Производимъ обслѣдованіе и выясняемъ детали учета“. Когда, наконецъ, тотъ же вопросъ былъ заданъ еще разъ мѣсяцъ спустя, то Центросоюзъ уже просто не удостоилъ

его отвѣтомъ. Однако, контора его тѣмъ временемъ была заново переформирована и во главѣ ея стали изящные бритые молодые люди съ перстнями на всѣхъ пальцахъ, въ шикарныхъ костюмахъ, носившихся по Ростову изъ одного засѣданія въ другое на прикрѣпленныхъ къ Центросоюзу лихачахъ.

Дѣятельность Центросоюза оживилась въ особенности въ связи съ началомъ торговли черезъ Новороссійскъ, когда делегаціи подобнаго же типа молодыхъ и среднихъ лѣтъ людей отправились, подъ видомъ представителей русской коопераціи вообще и Центросоюза въ частности, за границу производить заказы для нуждъ русской коопераціи. Въ то время совѣтская власть еще не рѣшалась открыто вести торговлю и производила ее подъ вывѣской кооперативовъ „Центросоюза“. Можно себѣ представить, какъ должны были бы смутиться эмигрировавшіе за границу руководители русской коопераціи при встрѣчѣ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ лицъ, которыхъ совѣтское правительство командировало за границу подъ видомъ представителей русской коопераціи.

Въ концѣ-концовъ, когда блокада Совѣтской Россіи фактически прекратилась, эта игра въ кооперацію оказалась не нужной и многіе „кооператоры“ естественно превратились въ руководителей и членовъ многочисленныхъ совѣтскихъ торговыхъ делегацій заграницей. Покончивъ съ коопераціей въ цѣломъ, совѣтская власть въ 1921 году открыла борьбу противъ отдѣльных членовъ бывшихъ кооперативныхъ органовъ, оставшихся въ какихъ-нибудь уцѣлѣвшихъ обрывкахъ этихъ организацій или устроившихся въ другихъ учрежденіяхъ. Наибольшую остроту это гоненіе принимаетъ къ моменту ликвидаціи Кронштадтскаго возстанія и началу энергичныхъ дѣйствій Антонова въ Тамбовской губ., — въ которыхъ большевики видѣли работу мѣстныхъ кооператоровъ, инспирированныхъ русскими социаль-революціонными организаціями. Послѣ этого, гоненіе на кооперацію внезапно стихаетъ и начинается пол-

ный переломъ въ связи съ „новымъ курсомъ“. Хинчукъ, коммунистъ, стоявшій во главѣ Центросоюза, сталъ энергично проводить мысль о необходимости расширенія дѣйствій коопераціи, въ связи съ тѣми широкими перспективами, которыя открылись передъ коопераціей послѣ перемѣны отношенія къ ней совѣтской власти. Однако, болѣе точно разъяснить, въ чемъ реально заключаются эти преимущества, не сумѣлъ ни онъ, ни тотъ, кооперативный съѣздъ который состоялся въ маѣ 1921 года въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ, делегаты, вернувшіеся со съезда на мѣста, не смогли равнымъ образомъ выяснить пославшимъ ихъ органамъ, каковы же теперь ихъ предѣлы полномочій и ближайшія новыя задачи.

Ф и н а н с о в ы й в о п р о с ъ.

„Избѣгнувъ ошибки Парижской коммуны“, гласитъ коммунистическая программа, „совѣтская власть въ Россіи сразу захватила Государственный банкъ, перешла затѣмъ къ націонализациі частныхъ коммерческихъ банковъ, приступила къ объединенію націонализированныхъ банковъ, сберегательныхъ кассъ и казначействъ съ Государственнымъ банкомъ, создавая такимъ образомъ остовъ единого народнаго банка совѣтской республики, превращая его въ орудіе рабочей власти, и рычагъ экономического переворота“. Стремясь къ вытѣсненію денегъ изъ оборота и обращенію банка постепенно въ центральную бухгалтерію коммунистическаго общества, совѣтская власть, однако, остановилась передъ невозможностью уничтожить деньги и всецѣло замѣнить ихъ социалистическимъ распределеніемъ, пока существуетъ частный торговый оборотъ. Тѣмъ не менѣе, слухи объ изъятіи тѣхъ или иныхъ денежныхъ знаковъ изъ оборота не прекращались зимой 1921 года и производили чрезвычайное потрясеніе рынка. Въ концѣ концовъ, какъ признаютъ коммунисты, имъ даже невыгодно было бы идти по пути уничтоженія денегъ, такъ какъ поскольку деньги еще не

дошли до своего фактического аннулированія, совѣтская власть имѣетъ возможность получать за нихъ необходимые для нея продукты и содержать тѣ безконечныя учрежденія, которыя служатъ для поддержанія ея силы.

Первоначально имѣвшійся у совѣтской власти источникъ для покрытія расходовъ въ видѣ оставшихся наличныхъ государственныхъ средствъ, конфискованныхъ вкладовъ въ банкахъ, суммъ — поступавшихъ на содержаніе мѣстныхъ совдеповъ отъ контрибуцій, налагавшихся на буржуазію, въ концѣ-концовъ, никакой существенной поддержки ей оказать не могъ. Введенный прогрессивно-подходный налогъ также не далъ никакихъ результатовъ. Попытка собрать чрезвычайный революціонный налогъ въ 10 миллиардовъ, какъ извѣстно, кончилась неудачей, такъ какъ было собрано менѣе 2 миллиардовъ и то съ величайшими усиліями. Совѣтскимъ финансистамъ пришлось бросить свои налоговые опыты и пойти по линіи наименьшаго сопротивленія — печатанія денегъ безъ всякаго предѣла. Этотъ денежный потокъ, приводя къ обезцѣненію денегъ, утѣшаютъ себя совѣтскіе товарищи Пятаковы и ихъ присные, косвенно приводить къ экспроприаціи денежнаго капитала буржуазіи, сводя его покупательную способность къ ничтожной части того, что можно было буржуазіи за эти деньги купить раньше, а въ конечномъ результатѣ все болѣе растущее ихъ обезцѣненіе есть въ сущности стихійное аннулированіе денегъ. Возникаетъ уже новое опасеніе, что станокъ не справится съ печатаніемъ потребнаго количества денежныхъ знаковъ. Дѣйствительно, тутъ получается безысходный кругъ. Оттого, что печатается все болѣе и болѣе денегъ, покупательная способность ихъ пропорціонально падаетъ, откуда вытекаетъ необходимость прогрессивнаго увеличенія ихъ выпуска съ дальнѣйшимъ обезцѣненіемъ таковыхъ.

При такомъ положеніи дѣла не можетъ быть рѣчи и о правильномъ бюджетномъ хозяйствѣ.

Смѣты государственныхъ учрежденій составляются упрощеннымъ способомъ, штатовъ нѣтъ. Поэтому начальство каждаго учрежденія можетъ принимать безъ конца новыхъ и новыхъ сотрудниковъ. Въ то же время существуетъ необычайно сложный порядокъ разрѣшенія каждаго денежнаго ассигнованія, если оно не подходитъ подъ имѣющійся кредитъ. Отсутствие кредита на непредусмотрѣнныя смѣтами надобности часто ставитъ руководителей совѣтскихъ учрежденій въ весьма тяжелое положеніе, въ особенности, когда приходится разрѣшить какой-нибудь экстренный расходъ, напримѣръ, по возмѣщенію издержекъ на погребеніе сотрудника или на пособіе его семьѣ. Контроль, благодаря существующимъ придирчивымъ формальностямъ, можетъ всегда воспрепятствовать такой выдачу, прекрасно при этомъ самъ понимая, что на пособіе въ 5.000 руб., выдаваемое изъ вѣдомства соціальнаго обезпеченія никто, разумѣется, не польстится.

Большевики, какъ и во всемъ остальномъ, оказались плохими финансовыми реформаторами. Хотѣли ввести бюджетное дѣло въ строгія законныя рамки, а создали для себя какую-то запутанную и совершенно непримѣнимую для жизни бюджетную систему. Поэтому финансы страны приходятъ въ еще большее разстройство, и, несмотря на то, что точное количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ, выпущенныхъ въ оборотъ, держится въ строжайшемъ секретѣ, русскій рубль катастрофически падаетъ на внутреннемъ и международномъ денежномъ рынкахъ. Въ послѣднее время совѣтская власть перестала стѣсняться и начала опубликовывать даже курсъ русской валюты за границей въ бюлетеняхъ Народнаго Комиссаріата внѣшней торговли (напримѣръ, къ 1-му іюня 1921 года англійскій фунтъ стоилъ 77.262 совѣтскихъ рублей, царскій рубль въ 500—хъ купюрахъ — 74½ совѣтскихъ рубля).

Все чаще и чаще раздаются жалобы на неаккуратную выплату жалованія. Въ бесѣдѣ со мною въ маѣ 1921 года видный представитель финансо-

вой части въ Москвѣ заявилъ, что сильныя перебои идутъ не только на мѣстахъ, но и въ центрѣ. Ежедневно печаталось 20 милліоновъ рублей, а нужно было уже тогда 54 мил. руб. Объединеніе московскихъ профсоюзовъ обратило вниманіе властей на печальное положеніе служащихъ, лишающихся, благодаря этому, возможности регулярно получать жалованіе даже въ центрѣ. Производящіяся сокращенія въ штатахъ служащихъ въ послѣднее время, въ цѣляхъ наведенія экономіи, мало помогаютъ дѣлу, такъ какъ обычно параллельно съ этимъ возникаютъ какія-нибудь новыя учрежденія. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, рѣшено съ осени 1921 года выпускать деньги въ купюрахъ по 50 тыс. рублей и даже, можетъ быть, въ 100 тыс. руб. Къ осуществленію этой мѣры фактически уже приступлено. Недостатокъ денежныхъ знаковъ вызвалъ въ Москвѣ значительную депрессию на спекулятивномъ рынкѣ въ маѣ 1921 года.

Характернымъ для современной жизни въ совѣтской Республикѣ, по сравненію съ другими государствами, является то, что въ различныхъ мѣстностяхъ существуютъ различныя отношенія къ тѣмъ или другимъ денежнымъ знакамъ. Напримѣръ, въ городахъ имѣютъ хожденіе и охотно всѣми принимаются исключительно совѣтскія деньги всѣхъ выпусковъ. Всѣ же иныя русскія деньги (царскія, думскія, керенки, золото) въ повседневномъ торговомъ отношеніи совершенно не принимаются. Зато онѣ представляютъ особую цѣнность на спекулятивной биржѣ и имѣютъ хожденіе во многихъ пунктахъ въ деревнѣ. Такъ, напримѣръ, на Украинѣ въ ходу керенки, преимущественно мелкія, причемъ, изъ боязни поддѣлокъ, „двадцатки“ стоятъ дороже „сороковокъ“; въ пограничной съ Польшей полосѣ идутъ польскія марки, на Кубани въ ходу золото, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ охотно принимаютъ царскіе такъ называемые „Петры“, т. е. 500-рублевые билеты. Хотя и здѣсь мѣняется; такъ, напримѣръ, въ апрѣлѣ 1921 г. московскіе спекулянты привозили изъ

266

Ростова на Дону царскіе и сплавляли ихъ дальше въ Минскъ. Въ маѣ получилась обратная картина: везшіе въ Минскъ „Петры“ разорились, и оказалось выгоднымъ везти ихъ обратно въ Ростовъ, а оттуда привозить золото, чтобы потомъ сплавлять его въ Кіевъ. Кромѣ подраздѣленія денегъ на виды существуетъ еще очень сложное подраздѣленіе ихъ на сорта. Такъ существуютъ: первый, второй, третій и т. д. сорта, что находится въ зависимости отъ степени сохранности и свѣжести кредитныхъ бумажекъ. Есть еще категорія „пачковаго товара“, т. е. не бывшаго еще въ употребленіи или виртуозами спеціалистами этого дѣла—выутюженные кредитки, такъ что спеціалисту даже трудно отличить были ли они въ оборотѣ или нѣтъ; есть, наконецъ, „кнаки“, т. е. кредитные билеты, сохранившіеся въ такомъ образцовомъ состояніи, что при свертываніи они производятъ шелканіе, откуда и названіе „кнакъ“.

И вотъ деревня начинается, въ поискахъ выхода изъ этого необычайно запутаннаго положенія, приходитъ къ новому денежному мѣрилу, новой денежной единицѣ, наиболѣе при томъ устойчивой—„пудъ“ хлѣба въ зернѣ. Подходила къ этому деревня постепенно. На юго-востокѣ послѣ своего прихода въ 1920 году большевики сначала „донскихъ“ и „добровольческихъ“ денегъ не аннулировали и станичники и крестьяне принимали ихъ охотнѣе, чѣмъ „совѣтскія“ деньги; тогда они даже шли съ лажемъ противъ совѣтскихъ. Чтобы положить конецъ этому, а также больно ударить по карману буржуазію, у которой больше всего, по мнѣнію большевиковъ, осѣло этихъ денегъ, они въ тиши разработали соотвѣтственную мѣру и вдругъ, какъ громъ грянулъ, упомянутый уже мною декретъ объ аннуляціи всякихъ „контръ-революціонныхъ“ денегъ. Мѣра эта была проведена настолько келейно, что наканунѣ аннуляціи жалованіе было выдано именно „донскими“. Только комиссары почему-то въ тѣ дни усиленно сбывали „донскія деньги“. Начался ропотъ среди служащихъ, которымъ выплачивали жалованіе „донски-

ми“ деньгами, и у сельского населенія, которому регулярно продолжали выдавать вознагражденіе за доставленное продовольствіе „донскими“ деньгами. Пришлось ввести въ декретъ коррективъ о возмѣщеніи служащимъ мѣсячнаго оклада жалованія, въ качествѣ компенсаціи за понесенные убытки и о частичномъ возмѣщеніи такихъ же убытковъ крестьянъ. Можно было, впрочемъ, обмѣнивать ихъ на частной биржѣ, съ потерей 60—75% стоимости, такъ какъ немедленно началась спекуляція по переотправкѣ аннулированныхъ денегъ въ Крымъ. Лажъ этотъ сталъ колебаться особо на „донскія“ и особо на „добровольческія“ деньги, въ зависимости отъ результатовъ предпринятаго генераломъ Врангелемъ наступленія. Твердо вѣря въ конечный успѣхъ дѣла бѣлаго оружія, казаки въ центрѣ Донской области охотнѣе принимали свои „донскія“ деньги, чѣмъ совѣтскія. Распространившіеся въ концѣ 1920 года слухи о предстоящемъ аннулированіи „пятаковскихъ“ т. е. кредитныхъ билетовъ въ 10 и 5 тыс. рублей съ подписью Пятакова, вызвали необычайное волненіе на базарахъ. Крестьяне и казаки отказывались ихъ принимать, появился лажъ на нихъ, публика стала усиленно ихъ выбрасывать, создалась невѣроятная паника, а такъ какъ въ это же время окончательно потеряли цѣнность „донскія“ деньги, въ связи съ ликвидаціей крымскаго фронта, то казаки отказывались принимать въ уплату за привозимые продукты какія бы то ни было деньги, настаивая на обмѣнѣ продуктовъ исключительно на необходимые имъ предметы. Сталъ налаживаться неорганизованный товарообмѣнъ — „толкучка“, — которая послѣ разгрома базара въ Ростовѣ, о которомъ я говорилъ, отодвинулась на окраину города, куда городскіе жители выносили старую одежду, обстановку, мыло и т. п., а пріѣзжавшіе станичники отдавали продукты своего сельского хозяйства. Въ виду, однако, нѣкоторой неясности и неустойчивости такихъ сдѣлокъ съ начала 1921 года все чаще и чаще обмѣнъ сталъ приводиться къ

опредѣленной обмѣнной единицы, — которой явился 1 пудъ хлѣба. Мѣра эта приняла такое широкое распространеніе въ Россіи, что уже въ маѣ 1921 года въ Петроградѣ мѣстный совдепъ счелъ нужнымъ официально зафиксировать установившуюся скалу соотношеній 1 пуда хлѣба къ другимъ предметамъ первой необходимости. Въ результатѣ въ деревнѣ центральной Россіи установились слѣдующія соотношенія. Поденная плата рабочаго отъ $\frac{1}{2}$ до 1 пуда; та же плата за работу человѣка съ подводой — 2—3 пуда. Лошадь крестьянина 30—75 пудовъ; корова 35—80 пудовъ. Пудъ соли — 3—5 пудовъ. За шитье пары сапогъ 1—1 $\frac{1}{2}$ пуда; новый крестьянскій костюмъ — 10—15 пуд. и т. д. Такимъ образомъ, при существованіи старой денежной единицы — рубля, преимущественно въ городѣ, деревня начинаетъ пользоваться новой единицей — „пудомъ“.

Не довѣряя совѣтской власти, какъ городское населеніе, такъ и крестьянское, не несетъ своихъ денегъ въ сберегательныя кассы и въ отдѣленія мелкихъ сбереженій при Нарядномъ банкѣ. Недовѣріе народной массы къ большевистской власти въ денежномъ отношеніи особенно рельефно выявлялось въ періодъ наступленія арміи ген. Деникина. Стоило войскамъ его занять какой-нибудь городъ, какъ сразу же начинался необычайный подъемъ и приливъ денежныхъ вкладовъ. Захвативъ въ банкахъ цѣнности, большевики выдавали денежные вклады только тѣмъ, которые имѣли лишь мелкіе вклады. Счетъ мелкихъ сбереженій, открываемый въ Московскомъ Народномъ и въ Народномъ банкахъ не можетъ превышать 50.000 руб. Однако, никто не несетъ въ нихъ денегъ и отдѣленія банковъ, въ которыхъ производятся операціи по текущимъ счетамъ, являются совершенно мертвыми учрежденіями.

До 1921 года большевики выдавали цѣнности изъ захваченныхъ ими ящиковъ съ цѣнностями, довѣренныхъ на храненіе Государственной ссудной казнѣ, подъ извѣстными ограниченіями, но въ общемъ все же за взятку можно было получить

обратно, если не все, то большую часть таких вещей. Теперь они уже обезличены и получить что - нибудь не представляется возможным. Также, въ порядкѣ соглашенія съ банковскими комиссарами, можно было многое доставать изъ сейфовъ и несмотря на націонализацію банковъ и аннуляцію всѣхъ цѣнныхъ бумагъ, получать точныя конто-коррентныя выписки изъ своихъ счетовъ въ банкахъ. Теперь, когда ликвидація частныхъ коммерческихъ банковъ закончилась, всѣ книги по нимъ переданы въ архивные фонды, причемъ практика въ этомъ отношеніи неодинакова; въ центрѣ, въ Москвѣ, книги эти почти всѣ сохраняются, а въ провинціи, напримѣръ, въ Ростовѣ служили зимой для отопленія зданія архивнаго управленія.

Въ заключеніе надлежитъ коснуться проводимыхъ въ послѣднее время Народнымъ Комиссаріатомъ Финансовъ реформъ денежнаго дѣла. Онѣ касаются и вопроса о приливѣ денежныхъ вкладовъ въ сберегательныя кассы и банки и о правѣ открывать текущіе счета, и держать у себя на счету, а также на рукахъ, денежные суммы безъ ограниченія размѣра. Теперь мѣропріятія послѣдняго рода вполне понятны, ибо когда всѣ денежные суммы и средства перемѣстились отъ ограбленныхъ капиталистовъ въ руки новыхъ совѣтскихъ буржуевъ, то для послѣднихъ невыгодно стѣснять себя тѣми ограничительными правилами, которыя установлены были преимущественно, какъ средство ущемленія буржуазіи. Они достаточно нажились, реализуютъ свое богатство и начинаютъ вздыхать о старыхъ порядкахъ въ финансовомъ дѣлѣ. Что же касается вопроса объ открытіи текущихъ счетовъ и храненіи денегъ въ банкахъ, то совѣтскіе комиссары, разумѣется, не будутъ держать въ нихъ своихъ денегъ изъ боязни надзора за своими средствами и источникомъ ихъ полученія. Широкія же массы населенія не понесутъ свои деньги въ банки и сберегательныя кассы, даже если бы они имѣли таковыя, по той простой причинѣ, что они никогда

не рискнуть доверить их советской власти. Что же касается других новых предприятий финансового характера, отчасти осуществленных, отчасти намеченных, и по существу составляющих отклонение от коммунистической системы, то они трудно осуществимы из-за отсутствия надлежащего аппарата и из-за общей разрухи. Для разрешения всех этих вопросов Наркомфиномъ осенью созывается специальная конференция.

Г Л А В А Х.

С о б е з ь.

Есть и такое, ставшее нарицательнымъ, учрежденіе — Народный комиссаріатъ соціальнаго обезпеченія (Собезъ), призванный заботиться объ обезпеченіи положенія нетрудоспособныхъ и о внѣ-трудовой помощи населенію. Грустью вѣтъ отъ рассказовъ лицъ, которымъ удалось ознакомиться съ этимъ учрежденіемъ, въ особенности, если имъ по какимъ-либо причинамъ пришлось попасть на изживеніе Собеза. Какъ я уже говорилъ, охрана труда у рабочихъ и служащихъ регулируется въ теоріи пресловутымъ „Кодексомъ законовъ о трудѣ“, но жизнь отошла далеко отъ тѣхъ идеальныхъ нормъ, которыя установлены кодексомъ. Такъ, напримѣръ, по кодексу сверхурочныя работы ни въ коемъ случаѣ не допускаются; фактически же онѣ всюду примѣняются и сотрудники совѣтскихъ учрежденій охотно на нихъ идутъ, въ погонѣ за большимъ жалованіемъ. По кодексу запрещенъ пріемъ на работу малолѣтнихъ, не достигшихъ 16 лѣтъ. Между тѣмъ, всѣ совѣтскія учрежденія заполнены малолѣтними, работающими не только днемъ, но несущими и тяжелыя ночныя дежурства, причемъ статистика показываетъ, что количество малолѣтнихъ и женщинъ абсолютно возрастаетъ. Согласно тому же кодексу каждый, прослужившій $\frac{1}{2}$ года имѣетъ право на мѣсячный отпускъ, въ дѣйствительности же, напримѣръ, въ Ростовѣ подъ всякими предлогами не разрешали даже двухнедѣльныхъ отпусковъ въ теченіе извѣстнаго мнѣ времени съ 1-го іюня 1920 года по іюнь 1921 года и т. п. Въ отношеніи техническаго и санитарнаго оборудованія фабрикъ по прежнему процвѣтаютъ, если не худшія, то одинаково скверныя условія работы. Часто, правда,

нельзя сдѣлать необходимыхъ улучшеній, требующихъ новыхъ приспособленій и новаго оборудования, такъ какъ совѣтская власть нынѣ уже мало удѣляетъ вниманія улучшенію быта рабочихъ. Такъ же остро стоитъ и вопросъ съ обезпеченіемъ трудящихся „прозодеждой“ и „спецодеждой“, въ которой почему-то разгуливаютъ лишь товарищи чекисты и комиссары, въ то время, какъ въ предпріятіяхъ, работающихъ во вредныхъ условіяхъ производства, рабочіе одеждой не обезпечиваются, а получаютъ какое-то „спецмыло“, да и то не всегда.

Инспекція труда, избираемая на рабочихъ конференціяхъ и притомъ не по признаку своей профессиональной принадлежности, а по степени коммунистической сознательности, обычно оказывается не на высотѣ положенія и, во всякомъ случаѣ, не превышаетъ своей дѣятельностью заслугъ многихъ прежнихъ фабричныхъ инспекторовъ.

Но суть не въ этомъ. Главная, ясная для каждаго рабочаго нелѣпость существующаго совѣтскаго строя заключается въ томъ, что при немъ каждый рабочій, если только онъ не воруетъ или не спекулируетъ, обреченъ со своей семьей на голодовку, а также на замерзаніе зимой. Эти условія чрезвычайно тяжки, но выхода изъ нихъ нѣтъ и многіе изъ рабочихъ уже тоскуютъ по прежней власти, „когда жилось не въ примѣръ легче, чѣмъ теперь“. Рабочіе теперь болѣе худы тѣломъ и сдѣлались пожалуй еще озлобленнѣе и мрачнѣе, чѣмъ были раньше. Царь-голодъ заставляетъ ихъ бросать фабрики, на которыхъ они закабалены рабоче-крестьянской властью, послѣ чего слѣдуетъ неизмѣнно „исходъ“ въ деревню за продуктами.

Въ области соціальнаго обезпеченія программа коммунистовъ, между прочимъ, обѣщаетъ: покойную старость для стариковъ; всѣ удобства жизни и все нужное для дѣтей всѣхъ возрастовъ; жизнь въ наилучшихъ условіяхъ и леченіе въ условіяхъ прежней зажиточной буржуазіи для людей

больныхъ и увѣчныхъ и, наконецъ, государственное устраненіе для всего населенія необходимости заботы „о черномъ днѣ“. Однако, и здѣсь дѣйствительность далеко отходить отъ теоріи.

Конечно, никакихъ мѣръ общаго характера со стороны государства на случай „чернаго дня“ его гражданъ не принимается. Наоборотъ, всѣ установленныя пособія отъ Собеза: на содержаніе семей красноармейцевъ и ихъ продовольствованіе (такъ называемыя карточки „красной звѣзды“), на обезпеченіе учащихся, на пенсіи (до 1800 р. въ мѣсяць), на погребеніе (до 1.500 р. единовременно) и на прочія аналогичныя нужды, настолько незначительны, что не соотвѣтствуютъ общей дороговизнѣ жизни. Поэтому все населеніе предпочитаетъ, по возможности, не обращаться за такой помощью, тѣмъ болѣе, что полученіе этихъ жалкихъ подачекъ сопровождается возмутительной медленностью и волокитой. Въ связи съ этимъ на юго-востокѣ Россіи вошли въ употребленіе новыя выраженія, „я особезился“, т. е. сижу безъ денегъ и голодаю, „ну что, сѣлъ въ собезъ“, вмѣсто прежняго „сѣсть въ галошу“ и т. д. Сказкамъ о лѣчебныхъ помѣщеніяхъ и курортахъ, устроенныхъ спеціально для рабочихъ, могутъ вѣрить только зарубежные иностранцы. Фактически Кавказскія Минеральныя воды заполняются цвѣтомъ совѣтской буржуазіи, т. е. чекистами, комиссарами и продающимися имъ женщинами, которыя тутъ же, не стѣсняясь, щеголяютъ во всемъ великолѣпніи награбленныхъ у буржуазіи брилліантовъ, мѣховъ и проч. Жизнь на русскихъ курортахъ течетъ своеобразно — сбрасывается коммунистическій налетъ и тѣ самыя лица, которыя у себя на мѣстахъ развиваютъ и проводятъ въ жизнь высокія теоріи о всеобщемъ равенствѣ и братствѣ, здѣсь стараются пустить пыль въ глаза и перещеголять другъ друга своимъ великолѣпіемъ и разнузданностью нравовъ.

Относительно условій жизни въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, замѣнившихъ богадѣльни, въ моемъ распоряженіи есть рассказъ одного старика, по-

павшаго къ большевикамъ на казенное иждивеніе. Онъ постоянно приходилъ ко мнѣ съ просьбой о деньгахъ, хотя по существу онъ не былъ тунеядцемъ и попрошайкой (это былъ инвалидъ, который до послѣдняго времени, насколько могъ, работалъ). Вотъ „примѣрно“ содержаніе его сѣтованій на свою жизнь.—„Мы мерзнемъ въ огромномъ помѣщеніи-сараѣ, въ которомъ содержится насъ 80 стариковъ. Помѣщеніе не отапливается, потому что топлива на насъ не отпускается, спимъ на деревянныхъ доскахъ, мыла намъ не даютъ. Чистоты никакой. Вша заѣла. Ъду даютъ — пустой чай и разъ въ день „шрапнель“ или „совѣтскій рисъ“, какъ онъ у насъ называется. Ъды мало. Заболѣлъ я, думалъ, что все равно умру; докторовъ у насъ не бываетъ, обращеніе ужасное, какъ съ каторжниками-неграми. Продалъ сапоги, чтобы хоть немного подкормиться, а теперь сижу безъ сапогъ. Ну, конечно, мы всѣ понемногу и умираемъ. Хотѣлось бы бѣжать изъ этого ада, да некуда.“ Дѣйствительно многіе, кромѣ абсолютно безпомощныхъ и бездомныхъ, какъ этотъ старый солдатъ, не выдерживаютъ и бѣгутъ.

Нищихъ на улицѣ видно сравнительно меньше, чѣмъ было раньше. Объясняется это очень просто. При всеобщемъ разореніи и обнищаніи никто не можетъ давать щедраго подаянія, а потому старикамъ, убогимъ и всякимъ калѣкамъ предоставляется либо просто умереть съ голоду, либо постепенно приближаться къ смерти въ учрежденіяхъ, подобныхъ здѣсь описанному, „гдѣ они имѣютъ покойную старость и всѣ удобства жизни“.

Чтобы окончательно охарактеризовать коммунистическій Сибезъ, приведу здѣсь подлинныя сужденія самого Наркомпроса т. Луначарскаго, высказавшагося кратко, но ярко, по поводу того, какъ соціальное обезпеченіе заботится о дѣтяхъ, которыя имѣютъ несчастье попадать на его содержаніе. Вотъ что онъ приблизительно говоритъ по этому поводу: „Бѣдныя совѣтскія дѣти, принятые на совѣтское иждивеніе. По четыре спятъ

они въ одной постели, грязные, голодные, замерзающіе, покрытые вшами — это по истинѣ позорная картина русскаго коммунизма.“ — За этими дѣтьми не установлено почти никакого надзора, въ пріютахъ царитъ распущенность, хроническое недоѣданіе. Дурные примѣры, которые дѣти видятъ со всѣхъ сторонъ, дѣлаютъ изъ нихъ съ первыхъ же шаговъ будущихъ кандидатовъ въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ.

Н а р о д н о е з д р а в і е.

При той всеобщей разрухѣ, которой отличается совѣтскій строй въ Россіи, не могло быть порядку и въ общественной медицинѣ и санитаріи тѣмъ болѣе, что эта сторона дѣла вообще хромала въ Россіи, стоявшей въ этомъ отношеніи на низшей ступени развитія. Народный Комиссаріатъ Народнаго Здравія рѣшилъ предпринять рядъ шаговъ, которые нельзя обойти молчаніемъ. Прежде всего, нельзя не привѣтствовать проведенію имъ реорганизацію аптечнаго дѣла въ смыслѣ его націонализаціи, огосударствленіе крупныхъ частно - предпринимательскихъ лечебныхъ заведеній и бесплатную всеобщую врачебную помощь. Къ сожалѣнію, всѣ эти цѣлесообразныя по своему существу мѣропріятія, будучи проведены въ обстановкѣ совѣтской жизни, оказались на практикѣ однимъ изъ многочисленныхъ неудачныхъ экспериментовъ рабоче-крестьянской власти. Такъ, на примѣръ, фактическое положеніе аптекъ безысходно, потому что нѣтъ медикаментовъ. Хотя и введена бесплатная выдача лѣкарствъ по рецептамъ врачей, но нѣтъ посуды и потому безъ принесенной заказчикомъ посуды лѣкарства не выдаютъ. Фармацевты, которыхъ такъ мало, потому что этотъ родъ дѣятельности не выгоденъ, работаютъ медленно и иногда лѣкарства, не снабженнаго подписью врача „cito“, нужно ждать два-три дня послѣ его заказа. Нѣтъ свѣта — и въ аптекахъ приходится работать при слабомъ свѣтѣ одной

керосиновой лампы, которую отпускает, послѣ долгихъ препирательствъ, изъ своихъ же скудныхъ запасовъ мѣстный здравотдѣль. Нѣтъ топлива. Служащіе аптекъ зимой замерзаютъ, не могутъ готовить лекарствъ и реактивовъ. Нѣтъ медикаментовъ... и кліента гоняютъ изъ одной аптеки въ другую, пока онъ гдѣ — нибудь не найдетъ нужнаго лекарства, въ противномъ случаѣ приходится чаще всего возвращаться къ врачу съ просьбой о замѣнѣ прописаннаго лекарства какимъ-нибудь другимъ болѣе простымъ, безъ гарантіи, однако, того, что и новый рецептъ не постигнетъ та же участь.

Установлено бесплатное пользованіе населенія врачебной помощью; однако, у врачей на приѣмахъ такія очереди, что приходится по нѣсколькимъ дней терять время, пока къ нему фактически попадешь. Такъ какъ бесплатные приѣмы больныхъ являются ихъ государственной службой, то районные врачи въ городахъ назначаютъ время приѣма въ присутственные дни и часы, отводя остальное время частной практикѣ. Изъ-за этого служащимъ трудно пользоваться бесплатной консультаціей, такъ какъ уходъ со службы въ присутственное время является уже труддезертирствомъ. Регламентация всѣхъ сторонъ жизни совѣтскихъ гражданъ, поскольку эти стороны относятся къ области народнаго здравія, доведена до курьезныхъ размѣровъ. Если, наприкладъ, кому-нибудь необходимо замѣнить разбившееся въ очкахъ стекло, то онъ, вмѣсто прежней простой покупки новаго стекла въ оптическомъ магазинѣ, производитъ теперь рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій, приближающихъ его къ этой цѣли. Начинается эта процедура съ того, что данное лицо обращается къ своему служебному или районному врачу, съ заявленіемъ о необходимости полученія стекла; при этомъ домовые и квартальные комитеты выдаютъ специальное удостовѣреніе, что у заявителя стекло действительно было и что оно фактически разбилось. Съ полученнымъ отъ районнаго врача удостовѣре-

ніемъ приходится идти въ особую испытательную комиссію при мѣстномъ отдѣлѣ Наркомздрава, гдѣ, послѣ всякой канцелярщины и неизбѣжной потери времени въ очередяхъ, вопросъ разрѣшается выдачей ордера на оптическое отдѣленіе; въ послѣднемъ все дѣло еще разъ изслѣдуется, прежде чѣмъ послѣдуетъ самый отпускъ нужнаго стекла. При этомъ еще сплошь и рядомъ оказывается, что необходимаго стекла на складѣ вообще не имѣется.

Такъ же безнадежно обстоитъ дѣло съ лечебными заведеніями. Если еще лѣтомъ положеніе въ нихъ болѣе или менѣе сносно, то зимой они обычно служатъ для серьезно заболѣвшихъ простымъ передаточнымъ пунктомъ на тотъ свѣтъ. Особенно скверно въ больницахъ въ провинціи: нѣтъ свѣта, нѣтъ тепла, почти нѣтъ ѣды. Можно ли думать о выздоровленіи въ такихъ условіяхъ! Немудрено, что сами врачи, въ случаѣ опаснаго заболѣванія, уговариваютъ: „Если есть хоть какая-нибудь возможность лечиться дома, то не идите въ больницу“. Частная практика врачей въ городахъ развилась сильно въ виду широкаго распространенія всякихъ болѣзней, быстро принимающихъ характеръ эпидемическій. И зарабатываютъ они недурно, хотя заняты, дѣйствительно, по горло. Профессіональной непріятностью для врачей является непрерывный страхъ передъ запрещеніемъ частной практики (вопросъ, выдвигаемый теперь Наркомздравомъ), а затѣмъ передъ всякими регистраціями и мобилизаціями, которымъ постоянно подвергаются врачи. Горе тѣмъ, которые не сумѣли во время откупиться или не имѣютъ должныхъ связей! Загоняютъ ихъ въ какой-нибудь медвѣжій уголь, лишенный платной практики и перегруженный бесплатной работой, посаждаютъ на голодный совѣтскій паекъ и, — пропалъ врачъ. Сколько теперь такихъ печальныхъ страницъ въ русской медицинской исторіи, когда особенно важно сохраненіе квалифицированныхъ врачебныхъ силъ. Болѣзни и смертность теперь возрастаютъ. Такъ, по даннымъ

оффіціальної статистики въ довоєнне время приходилось смертныхъ случаевъ 19—21 на 1000, а въ 1921 году 80—90 на 1000.) Причины этого — массовыя заболѣванія, носящія епидемическій характеръ, съ которыми трудно бороться изъ-за недостатка медикаментовъ, негигієническихъ условій жизни и общей подорванности здоровья у всѣхъ гражданъ въ виду хроническаго недоѣданія. Сыпной тифъ такъ усиленно косилъ населеніе въ зиму 1919—1920 г., что остались наиболѣе крѣпкіе индивидуумы, которые оказались невоспріимчивыми къ этой болѣзни. Въ 1921 году появились съ весны извѣстія о чумѣ, голодномъ тифѣ и холерѣ. Последняя лѣтомъ приняла исключительно широкій размѣръ и стала переползати съ юго-востока, гдѣ она оставила по себѣ память въ видѣ безчисленныхъ свѣжихъ могилъ, на сѣверъ по Волгѣ за новыми жертвами. Голодный тифъ тоже косить въ мѣстахъ, постигнутыхъ неурожаемъ. Совѣтская власть въ общей разрухѣ, которая заставляетъ ее удѣлять меньше вниманія Наркомздраву, безсильна предпринять что-нибудь реальное. Трудно, на примѣръ, вѣрится, хотя бы тотъ фактъ, что бани изъ-за отсутствія топлива почти нигдѣ не функціонируютъ. Какъ же бороться при такихъ условіяхъ съ инфекціонными болѣзнями. Начинается голодъ на мыло, не хватаетъ дезинфекціонныхъ средствъ. Уборныя загрязнены до послѣдней степени (на ст. Кавказской, женщина напр. потонула въ выгребной ямѣ на вокзалѣ). При такихъ условіяхъ Наркомздраву приходится бороться съ болѣзнями лишь конференціями, да печатной пропагандой о вредѣ куренія, объ опасности зараженія венерическими болѣзнями, о вырожденіи людей отъ чахотки, сифилиса, о соблюденіи опрятности для предохраненія себя отъ холеры и т. д.

Г о с у д а р с т в е н н а я   с т а т и с т и к а .

Всякій, ознакомившійся съ сообщенными мною выше фактами, не можетъ не подивиться одно-

образному ихъ темному фону, какъ будто бы не совпадающему съ тѣми свѣдѣніями о нормальныхъ условіяхъ жизни въ Совдепіи, которыя публикуются въ Московскихъ и Петроградскихъ органахъ печати и распространяются затѣмъ въ зарубежной прессѣ. На самомъ дѣлѣ, въ этой книгѣ описываются одни лишь факты внѣшней жизни въ Совѣтской Россіи въ 1921 году, какъ съ ней приходилось сталкиваться въ повседневномъ быту каждому гражданину совѣтской Республики. Что же касается статистическихъ свѣдѣній и цифръ, сообщаемыхъ о себѣ совѣтской властью, то таковыя, какъ отмѣчено выше, служатъ цѣлямъ пропаганды. Поэтому, къ нимъ нужно относиться съ большою осторожностью и критически, взаимно сопоставляя и анализируя преподносимыя совѣтской прессой статистическія свѣдѣнія о результатахъ дѣятельности различныхъ комиссаріатовъ.

Не надо забывать, что всѣ эти фабрикуемыя властью свѣдѣнія, за рѣдкими исключеніями, не содержатъ въ себѣ марки Ц. С. У., т. е. Центрального Статистическаго Управленія,—органа, объединившаго въ себѣ дѣятельность всѣхъ доселѣ разрозненно дѣйствовавшихъ статистическихъ учрежденій бывшей Россійской Имперіи. Между тѣмъ, въ прекрасномъ особнякѣ Второва въ Москвѣ, гдѣ помѣщается это учрежденіе, пользующееся особымъ покровительствомъ Ленина,—сосредоточиваются со всей Россіи и группируются точныя свѣдѣнія, рисующія въ цифрахъ всѣ стороны современной русской дѣйствительности. Но, увы, свѣдѣнія эти не такого рода, чтобы ихъ особенно рекламировать и доводить до всеобщаго свѣдѣнія. Недаромъ это учрежденіе, создавшееся, кстати сказать, чуть-ли не съ перваго же дня большевистской революціи не выпустило за 4 года своего существованія ни одного тома Всероссійскаго статистическаго ежегодника, подобно издававшимся регулярно раньше. Однако, въ то же самое время оно исправно служитъ дѣлу инструкторованія руководителей рабоче-крестьянскаго правительства о подлинномъ экономи-

ческомъ положеніи страны. Это, такъ сказать, статистика не для постороннихъ, а для внутренняго употребленія.

Какъ всякій крупный автократъ, Ленинъ захотѣлъ подсчитаться и опредѣлить, чѣмъ же онъ править. Отсюда возникла мысль о производствѣ всероссійской переписи, которую рѣшено было возложить на Центральное Статистическое Управленіе. Главный активный врагъ коммуниза, бѣлая контрреволюція, была раздавлена, и вотъ мысль о повтореніи опыта переписи 1897 года въ 1920 году опредѣленно созрѣваетъ къ лѣту этого года. Лично Ленинъ очень интересуется этимъ дѣломъ, вопросъ дѣлается моднымъ, чуть-чуть не проваливается изъ-за недостатка бумаги, но опять таки благодаря настойчивой поддержкѣ председателя Совнаркома получаетъ окончательно благопріятное разрѣшеніе. Начинаются подготовительныя дѣйствія по проведенію второй всероссійской переписи въ концѣ августа 1920 года. Русскіе земскіе статистики, на долю которыхъ выпало провести въ жизнь придуманную Ленинымъ перепись, однако, плохо съ ней справились. Перепись была до нельзя плохо подготовлена. Въ разныхъ мѣстахъ перепись — по декрету, одnodневная — проводилась въ разные сроки, благодаря чему то же лицо нѣсколько разъ подвергалось подсчету при передвиженіи въ другое мѣсто. Въ нѣкоторые пункты счетчики не попали, въ виду повстанческаго движенія и гражданской войны. Въ Ростовѣ н/Д. проведеніе переписи въ назначенный срокъ затормазилось потому, что въ пути пропалъ слѣдовавшій изъ Москвы вагонъ съ канцелярскими принадлежностями и бланками для переписи. Пока спеціальныя лица ѣздили по желѣзнымъ дорогамъ, разыскивая этотъ вагонъ, всѣ установленные для переписи сроки уже прошли. Руководители Ростовскихъ статистическихъ учрежденій подумывали уже вовсе отложить перепись, но изъ центра пришелъ категорическій приказъ, перепись произвести, во что бы то ни стало, хотя бы и съ запозданіемъ. Собрали

мѣстныхъ статистиковъ, обсудили положеніе, на- скоро, въ одинъ день, подѣучили счетчиковъ и послали ихъ производить статистическія обследо- ванія. Путаницы и недоразумѣній было много, но, во всякомъ случаѣ, меньше, чѣмъ въ другихъ городахъ, такъ какъ въ Ростовѣ городская перепись производилась въ томъ же году вторично. Хуже дѣло обстояло въ сельскихъ мѣстностяхъ, куда попали счетчики безъ особыхъ навыковъ, во враждебную атмосферу казачества, видѣвшаго въ этой мѣрѣ лишь желаніе совѣтской власти наложить на населеніе какія-либо новыя подати. Въ такихъ мѣстностяхъ сельско-хозяйственная перепись заты- нулась до начала новаго 1921 года. Промышлен- ная перепись въ городахъ совершенно провалилась. Рабоче-крестьянское правительство, оставаясь себѣ вѣрнымъ, и на этотъ разъ обмануло участниковъ переписи. По крайней мѣрѣ въ Ростовѣ н/Д. руководители переписи обѣщали счетчикамъ чуть-ли не золотыя горы: и вознагражденіе, и продовольствіе, и сапоги, и одежду, а потомъ все ограничилось выдачей нормальнаго оклада жалованія, да хлѣба и селедокъ. Нынѣ Ц. С. У. заканчиваетъ разработку результатовъ этой переписи, но работы ведутся такъ же вяло, какъ и въ другихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ.

Р а б о ч е - к р е с т ь я н с к а я   и н с п е к ц і я .

Очевидно, что учрежденіе подобнаго характера чуждо вообще коммунистическому пониманію, ибо о немъ ничего не говорится въ коммунисти- ческой программѣ и самъ контрольный аппаратъ окончательно сформировался позднѣе многихъ дру- гихъ учреждений. Съ самаго возникновенія Ра- боче-Крестьянской Инспекціи, именуемой кратко „РАКИ“ или „РКИ“, въ составъ этого учрежденія въ качествѣ руководителей вошло довольно много лицъ съ подмоченной репутаціей и лицъ съ болѣе или менѣе темнымъ прошлымъ. На дѣятельность этого органа управленія, несмотря на то, что онъ самъ долженъ былъ бы служить

опорой против подрыва власти, сыпалось много жалобъ, что его сотрудники, благодаря неудачному ихъ подбору, содѣйствуютъ лишь потерѣ ея престижа. Пришлось многихъ убрать, а затѣмъ, для того, чтобы успокоить особенно волновавшихся по этому поводу рабочихъ въ 1920 году создали обстановку выборовъ и провели якобы рабочій элементъ въ составъ этой Инспекціи. Дѣйствительно, коммунисты въ большемъ количествѣ въ нее вошли, но орабоченная такимъ порядкомъ инспекція не только не оказалась продуктивнѣе прежней, но еще болѣе стала съ тѣхъ поръ тормазить всю работу государственнаго аппарата. Охватывая въ своей дѣятельности надзоръ за слѣдующими главнѣйшими учрежденіями совѣтскаго управленія: 1) Совѣтъ труда и обороны, 2) Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, 3) Наркомъ продовольствія, 4) Наркомъ путей сообщенія, 5) Наркомъ внѣшней торговли, 6) Наркомъ просвѣщенія, 7) Наркомъ здравоохраненія, 8) Наркомъ соціальнаго обезпеченія, 9) Наркомъ земледѣлія, 10) Наркомъ по военнымъ дѣламъ, 11) Наркомъ по морскимъ дѣламъ, 12) Наркомъ иностранныхъ дѣлъ, 13) Наркомъ національныхъ дѣлъ, 14) Наркомъ юстиціи, 15) Наркомъ внутреннихъ дѣлъ, 16) Центральное Статистическое Управленіе, 17) Главное Управленіе коннозаводства, 18) Всероссійская Чрезвычайная комиссія — и другими, соприкасающимися съ ними отраслями, рабоче-крестьянская инспекція, дѣйствительно, физически не въ силахъ справиться съ возлагаемой на нее декретами обязанностью предварительной провѣрки чуть-ли не всѣхъ ассигновокъ, исходящихъ отъ вѣдомствъ. Между тѣмъ, по закону эти ассигновки не могутъ быть оплачены прежде, чѣмъ на нихъ не будетъ цѣлаго ряда контрольных грифовъ. Все это страшно тормозитъ выдачу жалованія и другихъ всякаго рода денежныхъ ассигнованій, приближая работу этого учрежденія къ дѣятельности московскихъ приказовъ XVII вѣка.

Съ другой же стороны, бороться съ дѣйствитель-

ными упущеніями, халатностью и должностными преступленіями, если они совершаются должностными лицами, членами Р. К. П., пользующимися поддержкой въ мѣстномъ совдепѣ, — „Рабкрину“, совершенно не подѣ силу. Денежныхъ начетовъ никто не боится; напротивъ того, самъ Рабкринъ во многомъ зависитъ отъ крупныхъ партійныхъ работниковъ. Поэтому то всякія должностныя преступленія и процвѣтають теперь въ Совѣтской Россіи. Конечно, если бы это учрежденіе пользовалось въ государствѣ большимъ авторитетомъ, оно могло бы проявить свое сдерживающее и облагораживающее вліяніе на власть, при производствѣ всякаго рода безцѣльныхъ экспериментовъ коммунистическаго характера. Поэтому, одно время въ Рабкринъ охотно шла на службу интеллигенція, думая такимъ путемъ, въ порядкѣ гласности, дискредитировать совѣтскую власть и ввести ее, изъ области произвола, въ русло законмѣрности и мирной эволюціи. Всѣмъ этимъ иллюзіямъ не суждено было сбыться. Руководители партіи быстро сумѣли поставить „Раковъ“ на надлежащее мѣсто: корпѣть надъ провѣркой ассигновокъ и не путаться въ работу главарей коммунизма, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Наоборотъ, общія тяжелыя матеріальныя условія службы выводятъ нѣкоторыхъ морально недостаточно устойчивыхъ рабоче-крестьянскихъ контролеровъ на общую линію взяточничества и хищенія. Цѣлый рядъ опубликованныхъ за послѣднее время данныхъ показалъ, что въ должностныхъ преступленіяхъ оказывались замѣшанными и контролирующие органы, которые имѣются теперь въ каждомъ учрежденіи, какъ самостоятельная его часть. При такихъ условіяхъ роль РКИ дѣлается весьма незначительной и учрежденіе это потеряло всякую популярность. Всѣ прекрасно понимаютъ, почему именно прикомандированные къ учрежденію контролеры получаютъ не въ очередь хлѣбъ, продукты, мясо (когда другіе не получаютъ, или худшаго качества), а также на нихъ сыплются и другія милости въ этомъ же родѣ отъ продо-

вольственныхъ отдѣловъ. Дѣлается это, очевидно, не ради ихъ прекрасныхъ глазъ, а съ цѣлью задобрить такихъ контролеровъ. Поэтому, когда къ нимъ поступаетъ жалоба на дѣятельность продотдѣла съ указаніемъ опредѣленныхъ фактовъ нанесенія убытковъ казнѣ, обездоленія служащихъ и набиванія собственныхъ кармановъ продовольственниками, то такія жалобы попадаютъ на длительное разсмотрѣніе къ заинтересованнымъ же контролерамъ и кладутся ими подъ сукно. На всѣ вопросы объ ускореніи слѣдуетъ стереотипный отвѣтъ, что „дѣло находится въ производствѣ“, а тѣмъ временемъ дальнѣйшія хищенія продолжаются и само обвиняемое лицо имѣетъ время заблаговременно упрятать концы въ воду и даже перемѣнить службу. Конечно, это не общее правило; изъ него есть много исключеній, но зато добросовѣстные контролеры фанатики впадаютъ въ другую крайность, своей крайней придирчивостью тормозя всякое, подчасъ и полезное, начинаніе.

К о м м у н а л ь н о е х о з я й с т в о.

Забота о благоустройствѣ городовъ при совѣтскомъ строѣ перешла на мѣстахъ отъ прежнихъ органовъ самоуправленія, городскихъ управъ, къ компетенціи вновь созданныхъ отдѣловъ коммунальнаго хозяйства (коммунхозовъ) изъ лицъ по назначенію. Въ дѣятельности этихъ учреждений интересными представляются слѣдующія стороны.

Жилищный вопросъ въ городахъ совѣтская власть разрѣшила необыкновенно просто: экспроприировала всѣ дома, передала лучшіе изъ нихъ рабочимъ организаціямъ, выбросила на окраины прежнихъ квартировладѣльцевъ, по неопредѣленному и туманному признаку буржуазности послѣднихъ, произвела массовое вселеніе рабочихъ въ буржуазные дома, вывезла на склады мебель изъ частныхъ квартиръ и полагала, что этимъ вопросъ уже разрѣшается. Созданы были

квартирные отдѣлы, въ задачи которыхъ входило и входитъ выдача ордеровъ на занятіе помѣщеній, переселеніе изъ одной квартиры въ другую; создавались необычайныя, съ диктаторскими полномочіями: „тройки“ и „четверки“ для регулированія этого вопроса, съ непремѣннымъ участіемъ представителя отъ чека въ такихъ „тройкахъ“, очевидно, въ качествѣ символа твердой власти. Въ Ростовѣ н/Д., куда красные пришли позднѣе, націонализировано много домовъ, но все-таки меньше, чѣмъ въ другихъ городахъ. Впрочемъ, въ связи съ „новымъ курсомъ“, рѣшено начать возвращать за выкупъ дома прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Муниципализированныя коммунхозомъ зданія управляются лицами по назначенію отъ коммунхоза. Волокита и обычная нелѣпость совѣтскихъ учрежденій приводитъ къ тому, что ремонтъ и другія необходимыя работы производятся въ нихъ плохо, или совсѣмъ не производятся, и потому муниципализированныя зданія приходятъ во все большее и большее разрушеніе.

Затѣмъ въ управленіи того же учрежденія находятся бывшія городскія предпріятія, какъ: электрическая станція, телефоны, водопроводы, канализація, ассенизаціонный обозъ. Все городское хозяйство пребываетъ въ состояніи полного развала. Въ Ростовѣ на Дону, на примѣръ, зимой водопроводъ почти не работалъ, электрическая станція постоянно останавливалась, свѣтъ подавался въ частныя квартиры лишь на какіе-нибудь $\frac{1}{2}$ часа въ сутки, канализаціонныя трубы замерзали и лопались. Ассенизаціонный обозъ былъ недостаточенъ за отсутствіемъ лошадей и не хотѣлъ выполнять работу за то вознагражденіе, которое могло быть предложено ему со стороны владѣльцевъ домовъ.

Коммунхозы вѣдали дѣломъ организаціи продовольственной карточной системы. Я уже отмѣтилъ установленныя провѣркой личныхъ карточекъ выдачи, благодаря плохой организаціи карточной системы въ Ростовѣ,—индивидуальныхъ продовольственныхъ карточекъ на 10% больше,

чѣмъ имѣлось фактически населенія. Дѣйстви-
тельно, безпорядокъ и хаосъ въ карточной системѣ
царить исключительный. Надо, впрочемъ, замѣтить,
что въ столицахъ этотъ вопросъ болѣе урегули-
рованъ, чѣмъ въ провинціи.

Далѣе, къ компетенціи коммунхозовъ по отдѣлу
управленія относится также вопросъ о регистраціи
актовъ гражданского состоянія. При существую-
щей въ Совѣтской Россіи системѣ гражданского
брака, вся процедура сводится къ брачной записи
въ актовой книгѣ. Съ такой же легкостью, при
обоюдномъ согласіи, осуществляется и дѣло
развода. Многія изъ бывшихъ проститутокъ
использовали для себя проистекающіе отсюда
выгоды и сдѣлались чѣмъ-нибудь законными
супругами. Упрощенный разводъ влечетъ за
собою частые разрывы браковъ даже въ
старыхъ семьяхъ. Вопросы регистраціи фак-
товъ рожденія и смерти равнымъ образомъ
относятся къ компетенціи тѣхъ же бюро.
Если вопросъ о регистраціи появленія на
свѣтъ новыхъ гражданъ не имѣетъ значенія
особой срочности, то наоборотъ, удостовѣреніе
факта смерти носить весьма срочный характеръ,
такъ какъ безъ спеціального разрѣшенія ком-
мунхоза никакое кладбище не возьмется хоронить
кого-бы то ни было. Если смерть произойдетъ
въ ночь на воскресенье или подъ какой-нибудь
другой праздникъ, то ждать разрѣшенія прихо-
дится до ближайшаго будняго дня. Конечно, и
тутъ не обходится безъ проволочекъ. Сначала со
свидѣтельствомъ врача нужно явиться въ бюро,
зарегистрировать его, затѣмъ перейти въ самый
коммунхозъ, гдѣ по предъявленію удостовѣренія
бюро, выдается разрѣшеніе на похороны. По-
кончивъ съ этимъ дѣломъ, приходится становиться
въ новую очередь на гробовые ордера и уже за-
тѣмъ отправляться на кладбище для выбора мѣста.
Всѣ мѣста на кладбищахъ отводятся на бумагѣ
бесплатно, но фактически приходится уплачивать
взятку, если хочешь получить болѣе приличное
мѣсто и заказать рытье могилы. Крестовъ на

кладбищъ теперь не принято ставить, такъ какъ ихъ постоянно воруютъ на дрова. Всѣ кладбища — ободранныя, запущенныя, разрушенныя. Получивъ мѣсто на кладбищѣ, приходится идти къ гробовщику за простымъ гробомъ. Всегда оказывается, что готовыхъ нѣтъ. Надо заказать, а это стоитъ и денегъ, и времени. Никакихъ, конечно, погребальныхъ процессій не полагается. Каждый долженъ тащить, какъ знаетъ, своего покойника на кладбище. Естественно, всѣмъ приходится чуть-ли не закладывать свою душу, чтобы собрать деньги и устроить похороны. Такіе расходы бѣдно-бѣдно составляли въ началѣ 1921 года въ Ростовѣ не менѣе 50 тысячъ рублей, а какъ я уже отмѣтилъ, на возмѣщеніе ихъ Собресъ выдавалъ максимально до 1.500 рублей.

Въ каждомъ коммунхозѣ находится отдѣлъ оборудованія, къ компетенціи котораго относится освобожденіе буржуазныхъ квартиръ отъ излишней мебели и свозъ ея затѣмъ въ склады для дальнѣйшаго предоставленія въ пользованіе по усмотрѣнію коммунхоза. Квартировладельцы не могутъ распоряжаться своей мебелью. Вся мебельная обстановка считается прикрѣпленной къ квартирѣ, а потому ни вывезти за предѣлы города, ни передвинуть изъ одной квартиры въ другую ее нельзя безъ особыхъ на то разрѣшеній. Ясно, что вся эта процедура создаетъ широкое поле дѣятельности предприимчивымъ руководителямъ комиссарамъ такого учрежденія по части вымогательства и набиванія себѣ кармановъ.

Этой стройной системѣ совѣтскаго городского строительства соответствуетъ и организація домового самоуправленія, въ видѣ домовыхъ комитетовъ (домкомовъ) и квартальныхъ хозяйствъ (квартхозовъ). Первое учрежденіе, состоящее изъ выборныхъ отъ всѣхъ жильцовъ, проживающихъ въ домѣ, выдаетъ всякія удостовѣренія, присутствуетъ въ лицѣ своего президіума при производствѣ обысковъ и вымоковъ. Однако, всѣ выданные имъ документы, не имѣютъ силы безъ скрѣпы

ихъ подписью и печатью предсѣдателя квартхоза. Последнее учрежденіе играетъ какую-то среднюю роль между домовымъ самоуправленіемъ и прежнимъ участкомъ. Многія функціи участка отошли къ квартхозу и предсѣдатель пріемлетъ, обычно, такія же приношенія, какъ раньше околоточный надзиратель или приставъ. Только масштабъ взятокъ шире. Надо сказать, что институтъ домовыхъ комитетовъ, возникшій еще во времена Керенскаго, дѣйствительно, во многихъ случаяхъ оказывается полезнымъ учрежденіемъ и очевидно долго еще будетъ существовать, такъ какъ въ цѣломъ рядъ вопросовъ онъ дѣйствительно разгружаетъ милицію, будучи при этомъ близкимъ къ обывателю и его мелкимъ повседневнымъ интересамъ.

Съ управленіемъ домами дѣло обстоитъ хуже. Теперь деньги за квартиру взыскиваются въ домовые комитеты и идутъ на поддержаніе дома въ исправности и на содержаніе его администраціи. Деньги эти поступаютъ крѣпко неаккуратно и, кромѣ того, размѣръ квартирной платы мало измѣнился съ 1917—1918 года, а стоимость содержанія домовъ, и въ особенности ремонта возросла во много разъ. Поэтому-то о капитальномъ ремонтѣ домовъ не думаютъ, а на мелкій текущій ремонтъ денегъ также не хватаетъ. Дѣйствительно, и снаружи, и внутри дома въ Россіи производятъ непріятное впечатлѣніе своей запущенностью и грязью. Въ связи съ этимъ домовладѣльцы сплошь и рядомъ отказываются отъ своихъ домовъ, передавая ихъ домовому комитету, а это обстоятельство въ свою очередь заставило въ последнее время совѣтскую власть сильно отклониться отъ политики націонализаціи домовъ, предоставляя возможность прежнимъ владѣльцамъ, какъ они хотятъ, выкарабкиваться изъ создающагося положенія. Владѣльцы, увѣренные въ томъ, что совѣтская власть когда-нибудь прекратится, дѣйствительно, насколько могутъ, стараются поддержать свои дома, такъ что въ этомъ отношеніи расчетъ большевиковъ оказался правильнымъ.

Въ связи съ этимъ и по сейчасъ производятся частныя запродажи и переходъ домовъ отъ одного владѣльца къ другому, съ исполненіемъ сдѣлки окончательно на другой день послѣ паденія совѣтской власти. Къ этому нужно лишь добавить, что въ виду обезцѣненія денегъ, комиссары и сами не прочь пріобрѣтать дома, обращая въ запродажныя награбленные деньги.

Домовые и квартальные комитеты привлечены и къ дѣлу отвода помѣщеній, однако, какъ я указалъ, это есть вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ самыхъ главныхъ занятій коммунхозовъ. Въ этомъ отношеніи положеніе всей интеллигенціи чрезвычайно безысходное. Непрерывно происходятъ уплотненія, хотя и безъ того тѣснота квартиръ дошла уже до крайнихъ предѣловъ. Отстоять свою квартиру легко тому, у кого есть сильная рука въ коммунхозѣ, или много денегъ въ карманѣ. Другимъ же способомъ помѣщенія не отстоять и всѣ рядовые обыватели въ этомъ отношеніи совершенно безправны. Въ связи съ непрерывнымъ разростаніемъ совѣтскихъ учрежденій, необходимо все время реквизиловать для нихъ новые жилые дома, выбрасывая на улицу ихъ жильцовъ. Въ Ростовѣ въ 1921 году положеніе съ квартирнымъ вопросомъ стояло очень остро. Въ квартиры постоянно приходили какія-то комиссіи и уплотняли, перемѣщали и изгоняли жильцовъ, доводя въ концѣ-концовъ площадь пространства, допускаемаго для занятія однимъ человѣкомъ до 5 квадратныхъ аршинъ. Служащіе совѣтскихъ учрежденій пытались защищаться какими-нибудь охранными грамотами, но и это не помогало. Являлись лица съ ордерами на комнату и прежнихъ жильцовъ, даже съ охранными грамотами, выбрасывали на улицу. Зато, если кому-нибудь нужно было получить комнату и онъ не въ состояніи былъ уплатить обычной взятки, то неоднократное и безплодное посѣщеніе жилищныхъ отдѣловъ (жилотдѣловъ) ничего не могло ему дать, кромѣ ознакомленія съ грубымъ отношеніемъ въ нихъ къ публикѣ. Въ

Москвѣ дѣло съ помѣщеніями обстояло не лучше. Когда я въ апрѣлѣ и маѣ 1921 года проживалъ въ Москвѣ, то всѣ обыватели безпокоились за судьбу своихъ квартиръ, ибо московскій совдепъ передъ новыми выборами изъ кожи лѣзъ вонъ, чтобы понравиться рабочимъ и потому предназначилъ обитателей болѣе 200 буржуазныхъ по виду домовъ къ выселенію и къ вселенію въ нихъ рабочихъ. Несмотря на то, что почти всѣ квартиры въ такихъ домахъ оказались занятыми не капиталистами, а трудовой интеллигенціей, состоящей на службѣ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, московскому совѣту угодно было признать ихъ за буржуевъ и выселеніе началось, пока сами же верхи изъ-за тысячъ посылавшихся къ нимъ жалобъ, и притомъ иногда отъ лицъ довольно значительныхъ, не пріостановили частично, уже осуществленнаго переселенія. Эта циничная фраза, столь обычная для совѣтской прессы „выбросить буржуазію изъ квартиръ“ и невозможность никогда быть спокойнымъ за то, что cadaго квартиронанимателя дѣйствительно не выбросятъ изъ годами наеженнаго угла, забравъ попутно весь его домашній скарбъ, создаетъ чрезвычайно угнетающее впечатленіе на интеллигенцію, справедливо видящей въ этомъ непрерывное издѣвательство надъ собой со стороны большевиковъ.

Большевики не могутъ не признать, что жилищная площадь сократилась въ городахъ на половину. Однако, выселенія и вселенія являются повседневными методами разрѣшенія жилищнаго кризиса, затягивая его еще туже. Такова гибельная дѣятельность замѣнившихъ бывшія городскія управы совѣтскихъ коммунхозовъ, въ какихъ-нибудь два года поставившихъ городское хозяйство на край гибели. Коммунистовъ это, однако, мало тревожитъ. „Задача коммунистической партіи“, гордо заявляютъ они, „состоитъ въ томъ, чтобы продолжать и дальше эту политику усовершенствованія домового хозяйства“.

ГЛАВА XI.

Въ красныхъ городахъ.

Для того, чтобы дать представленіе о наиболѣе характерныхъ типахъ городовъ въ современной Совѣтской Россіи, я останавлиюсь на двухъ столичныхъ и одномъ провинціальномъ городѣ.

Попадающихъ теперь въ Петроградъ и въ особенности знавшихъ его еще въ 1917—1918 годахъ, прежде всего поражаетъ необыкновенная пустота улицъ. Я пріѣхалъ въ него въ майскій день; шелъ дождь. На вокзалѣ — ни одного извозчика, такъ какъ ихъ въ городѣ больше нѣтъ. Пришлось самому тащить на себѣ вещи. На мѣстѣ бывшаго памятника Александру III какое-то зданіе, украшенное зеленью. Небольшая толпа окружала его, ораторъ произносилъ рѣчь. Дождь то переставалъ, то усиливался. Я шелъ по фешенебельнымъ улицамъ въ районѣ Литейнаго проспекта. . Но, во что теперь онѣ превратились! Торцовъ почти нигдѣ нѣтъ, нижнія доски, ихъ замѣняющія, во многихъ мѣстахъ прогнили и въ нихъ видны зіяющія дыры. Магазины всѣ заколочены. Кое-гдѣ видны аляповатыя вывѣски совѣтскихъ распредѣлителей. Выхожу на набережную. Та же картина: забитыя окна и двери; наглухо заколоченное зданіе французскаго посольства. Набережная вся въ ухабахъ; на ней почти никакого движенія. Красавица Нева точно уснула и еще большее впечатлѣніе производитъ своей шириной, потому что нигдѣ не видно ни былыхъ пароходовъ, ни баржъ. Марсово поле обращено не то въ цвѣтникъ, не то въ огородъ, кажется, и въ то и въ другое вмѣстѣ. Иду по Троицкому мосту. Та же тишина и отсутствіе движенія. Время отъ времени проносятся на автомобиляхъ съ красными флагами власть имущіе.

и устало бредутъ съ котомками за плечами совслужащіе. Воздухъ чистъ, ибо фабрики не работаютъ, и нѣтъ былой туманной вуали, нависавшей надъ Петроградомъ въ будніе дни. Теперь и въ воскресенье, и въ будни тотъ же чистый воздухъ и торжественная тишина. Спускаюсь по дамбѣ Троицкаго моста. Запущенныя куртины, когда-то покрытыя цвѣтами, на которыхъ теперь мирно пасутся лошади и коровы, принадлежащія Петропавловской крѣпости. Какая мирная идиллическая картина! Передъ переходомъ къ крѣпости и у воротъ ея сѣтъ часовыхъ, преграждающихъ путь. На стѣнахъ кое-гдѣ расклеены афиши и газеты. Встрѣчаются инородческія коммунистическія газеты. Дальше попадаешь въ часть города, точно только что перенесшую землетрясеніе. Все развалины и развалины домовъ, разобранныхъ на топливо населеніемъ по приказу власти. Черезъ эти развалины уже протоптаны тропинки, по которымъ бредутъ одинокіе путники. Между развалившимися кирпичами прорастаютъ трава и цвѣты. Вхожу въ нужный мнѣ домъ. Какъ и всюду, парадный ходъ забить и всѣ ходятъ по черной лѣстницѣ. Встрѣчаютъ меня родные, которыхъ я давно не видѣлъ. Всѣ сильно перемѣнились, исхудали. Обмѣниваемся новостями за два года, какъ будто мы живемъ одинъ отъ другихъ на краю свѣта. Вспоминаемъ знакомыхъ. Такіе-то умерли; Н. Н. отравилась; тамъ цѣлое семейство погибло отъ голода; у третьихъ отецъ умеръ, мать сошла съ ума и теперь дѣло за дочерью; у такихъ-то, уѣхавшихъ и оставившихъ квартиру на попеченіе кухарки, все разворовано, распродано; такіе-то разстрѣляны; такіе-то выгнаны изъ квартиры и словомъ всѣ, всѣ бѣдствуютъ, етрадаютъ, но въ этихъ страданіяхъ успѣли уже приспособиться къ борьбѣ за существованіе, а всѣ слабые не перенесли и поумирали въ 1918—1920 годахъ. Теперь, хотя живется не лучше, но умѣютъ выкручиваться изъ бѣды. Всѣ силы и заботы направлены только къ одному — какъ бы не умереть съ голоду.

Нѣсколько дней, проведенных мною въ Петроградѣ, въ осматриваніи его, повергли меня въ тихую грусть. Тишина въ городѣ усугублялась еще и тѣмъ, что въ это время какъ разъ происходила трамвайная забастовка въ связи съ наступившимъ голодомъ. Я видѣлъ и такую сцену. Собралась у одного дома толпа. Подхожу; смотрю, лежитъ барышня, хотя и оборванная, но интеллигентнаго типа. Лицо красное, распухшее. Во рту корка хлѣба, которую она жуетъ. Оказывается, ей дурно отъ голода. Не имѣетъ работы, нѣтъ и денегъ. Сердобольные суютъ ей въ руки тутъ же деньги и хлѣбъ. Кто-то предлагаетъ отвезти въ больницу. Недалеко стоитъ извозчикъ. — „Да, попробуй, взять эту лошадь, вѣдь только они, комиссары, имѣютъ право ѣздить. У, проклятые!“ — И нѣсколько кулаковъ подымается въ воздухъ. Меня удивляетъ это вольное отношеніе къ власти. Но мои близкіе мнѣ объясняютъ, что здѣсь уже привыкли къ тому, что совѣтскую власть вслухъ ругаютъ и никого это не удивляетъ. Въ трамваяхъ, всюду-всюду слышатся упреки, сѣтованія и никто не обращаетъ на это вниманія. Эмансипація здѣсь пошла еще дальше. Обращеніе — „товарищъ“ замѣнилось другимъ: „гражданинъ“. Чтобы отвлекать толпу отъ голода, для рабочихъ и красноармейцевъ работаютъ театры, въ которые буржуи попадаютъ, какъ и всюду, только за деньги, приобрѣтая билеты у барышниковъ. Когда я въ день отъѣзда изъ Петрограда шелъ по улицѣ, то видѣлъ многочисленныя гипсовые памятники, конечно, Карлу Маркеу и другимъ столпамъ коммунистической партіи. Меня поразило видѣ Зимняго Дворца. Рѣшетка снята, цоколь весь разобранъ и гранить отъ него сложенъ штабелями на Набережной. Публика, для сокращенія пути, ходитъ черезъ бывшіе газоны и куртины царскаго цвѣтника, черезъ которые теперь бѣгутъ, прихотливо извиваясь, тропинки. Дальше та же пустота, что и въ прежніе дни; только, переходя Невскій, я пострѣчался съ огромной

толпой. Это былъ день празднованія Св. Великаго князя Александра Невскаго; поэтому шель огромный крестный ходъ. Мнѣ пришлось его пропустить. Когда онъ прошелъ, воцарилаеь опять прежняя тишина. Солнце ярко свѣтило и рѣзвилось въ свѣжей зеленой муравѣ, обильно покрывающей всѣ боковыя отъ Невскаго улицы. Какой тихій городъ! Дѣйстви-тельно, тов. Зинovieву удалось установить въ красномъ Питерѣ настоящій коммунистическій порядокъ. Бѣдный городъ, пустой, голодный, вымирающій, но попрежнему дорогой намъ по воспоминаніямъ Петроградъ!

Москва — противоположность Петрограду, кото-рая бросается въ глаза съ момента въѣзда въ нее. Первое, что вы видите, это — ломовые и извозчики у вокзала, которые, содравъ съ васъ три шкуры, доставляютъ въ городъ. Улицы цѣлый день оживлены. Непрерывной вереницей движутся люди, проѣзжаютъ ломовые, извозчики, посто-янно проносятся автомобили легковые и грузовые; проходятъ въ новыхъ костюмахъ и кафтаныхъ съ малиновыми, желтыми и зелеными отворотами и касками съ шишаками всевозможныя охранныя стражи и полки особаго назначенія. На углахъ и перекресткахъ, какъ и въ доброе старое время, стоятъ чины милиціи съ винтовками черезъ плечо. Хотя рѣдко, но ходятъ трамваи. Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія движенія, городъ мало чѣмъ отличается отъ прежней Москвы. Но, если обра-тить вниманіе на то, кто сидитъ въ этихъ несущихся съ бѣшеной скоростью автомобиляхъ и кто еъ сосредоточеннымъ лицомъ гранитъ панель съ мѣшками за спиной и съ кладью въ рукахъ, то сразу станетъ ясно, что мы въ Совдепіи, а не въ свободной етранѣ. Броеимъ взглядъ вокругъ себя. Тѣ же, что и въ другихъ городахъ, давно не видавшіе ремонта дома; стѣны, изрѣшетенныя пулями, воспоминанія о разныхъ возстаніяхъ, развалины домовъ отъ бомбардировокъ, и остовы домовъ, разобранныхъ на топливо. Много заколоченныхъ, пустыхъ, но много и торгующихъ лавокъ, мимо

которыхъ рядовой москвичъ проходить съ угрюмымъ видомъ, не пытаюсь и заглянуть въ нихъ. Когда эти лавки етали открываться, прохожіе глазѣли на нихъ, какъ на необычайное зрѣлище, но когда они стали расти, какъ грибы и въ витринахъ ихъ появлялись тѣ же пирожныя, варенья, компоты, простокваша, ~~семга~~ и т. д. и цѣны вездѣ одинаково бѣшенныя, — то интересъ къ нимъ пропалъ и даже доброжелатели новыхъ торговцевъ посовѣтовали имъ не особенно-то выставлять на показъ свои недоступныя для широкихъ массъ населенія приманки, чтобы не вызвать гнѣва народнаго.

Чувствуется, что Москва — центръ политическій, административный и пропагандистскій. Чѣмъ ближе вы подвигаетесь къ Кремлю, тѣмъ чаще и чаще попадаются на встрѣчу вывѣски всякихъ наркоматовъ, исполкомовъ, профсоюзовъ и прочихъ учреждений. Вы проходите тщательно охраняемый часовыми Центральный Комитетъ Р. К. П. и скоро вы передъ цитаделью мірового коммунизма — Московскимъ Кремлемъ. На одной изъ башенъ Кремля, надъ входомъ въ ворота, виситъ огромный портретъ Карла Маркса; на мосту отряды внутренней охраны, чека и латыши преграждаютъ вамъ путь. Ваши старанія получить пропускъ напрасны и не видать вамъ ни за что райской жизни всероссійскихъ владыкъ. Характерно, что русская власть ограждена отъ русскихъ же людей иностранными наемниками. Не попавъ въ Кремль, вы обходите его кругомъ. Всюду видны слѣды пуль, много разрушенныхъ бывшихъ торговыхъ помѣщеній и пр. Идя по проложенному надъ рѣкой Неглинной бульвару вы встрѣчаете у самага входа въ него обелискъ съ именами столповъ социализма. Попавъ на Красную площадь, вы идете вдоль кремлевскихъ стѣнъ, около которыхъ разбитъ небольшой цвѣтникъ съ красными вѣнками на гражданскихъ могилахъ лицъ, погибшихъ за коммунистическую свободу. На Тверской прежнее оживленіе. Памятника Скобелеву нѣтъ, а вмѣсто него какая-то символическая фигура

коммунизма. Дальше по Тверской — домъ съ черными плакатами—клубъ анархистовъ. Противъ В. С. Н. Х., (бывшій Дѣловой Дворъ) сооружена красная доска, на которую должны заноситься фамиліи лицъ, наиболѣе отличившихся на хозяйственномъ поприщѣ. Но при мнѣ она сохраняла свою дѣвственную чистоту. Многія бывшія гостинницы и театральныя помѣщенія обращены теперь въ спеціальныя дома для проживанія однихъ коммунистовъ и носятъ громкія названія — „1-ый домъ Совѣтовъ“, „2-ой домъ Совѣтовъ“ и т. д. Также появилось въ послѣднее время много магазиновъ, носящихъ названія „Кустарная артель“, „Кустарная Мастерская“, „Свой Трудъ“, — продающихъ игрушки и другія издѣлія изъ дерева. На главныхъ улицахъ, въ витринахъ бывшихъ первоклассныхъ магазиновъ, гдѣ размѣстились портные, сапожники, шляпочники, выставлены послѣднія заграничныя моды, имѣются модели и красуются неизмѣнныя надписи: „Работа изъ матеріала заказчика“. Впрочемъ, не имѣя никакого матеріала, но зато располагая изрядными суммами совѣтскихъ денегъ въ милліонахъ рублей, вы можете сшить себѣ любую вещь по послѣднимъ фасонамъ изъ лучшаго англійскаго матеріала или пріобрѣсти парижскую модель и проч. На улицахъ, ведущихъ отъ Арбата къ центру и къ Тверской, на заборахъ и лоткахъ расположились теперь бывшіе букинисты, продающіе книги, преимущественно двухъ категорій: или учебники, или литературу вродѣ „Спутника холостяка“, „Указателя половыхъ отношеній“, „Наставленіе для новобрачныхъ“ и иной порнографической литературы, открыто теперь продаваемой. Со времени открытія Смоленскаго рынка, на немъ вѣчное оживленіе и толчея; всѣ продаютъ и не разберешься, гдѣ продавцы и гдѣ покупатели. Рядомъ стоятъ и интеллигенты, и бывшіе чиновники, и профессора, и ихъ жены, — продающіе остатки своего домашняго скарба. Внѣшне улицы содержатся въ большемъ или меньшемъ порядкѣ. У большинства изъ нихъ новыя названія въ

честь руководителей коммунистического движения и въ память крупныхъ событій пролетарской революціи. Здѣсь, какъ и въ Петроградѣ, функционируетъ много театровъ, музеевъ, даются концерты. Въ общемъ, въ сравненіи съ другими городами, Москва все-таки отличается наружнымъ благолѣпіемъ, далеко не совершеннымъ, но поддерживаемымъ для того, чтобы нѣсколько пустить пыль въ глаза пріѣзжающимъ иностранцамъ и показать, какова столица коммунистического рая.

Совсѣмъ другой обликъ имѣютъ провинціальныя города. Если вы пріѣдете въ Ростовъ на Дону, типичный большой городъ южной полосы Россіи, то первымъ вашимъ впечатлѣніемъ будетъ, что вы попали въ „авгіевы конюшни“. Хотя городъ и чистился принудительно нѣсколько разъ, благодаря устраивавшимся „недѣлямъ чистки“, тѣмъ не менѣе, повидимому, коммунизмъ и чистота двѣ вещи несовмѣстимыя, и грязь остается. Въ зимнее время дѣло ухудшается тѣмъ, что улицы и особенно панели заростають, какъ корой, никѣмъ не счищаемымъ слоемъ грязнаго льда съ буграми, такъ что публика ежеминутно скользитъ на нихъ и падаетъ. Весной, наоборотъ,—это сплошныя топкія лужи грязнаго талаго снѣга и слежавшіеся комья грязи. При отсутствіи галошъ сапоги дѣлаются никуда негодными уже черезъ двѣ недѣли ихъ носки. Стоитъ пригрѣть солнцу и подмерзшія было болота моментально расходятся, по улицамъ во всю ихъ ширину несутся бурные потоки съ шоколаднаго цвѣта водой, на несчастныхъ пѣшеходовъ съ крышъ летятъ оттаявшія глыбы никѣмъ не счищаемого съ нихъ зимой снѣга. Перейти улицу Ф. Энгельса, бывшую Большую Садовую, нѣтъ возможности. Тѣхъ деревянныхъ мостковъ, которые имѣлись на этотъ случай прежде уже нѣтъ, ихъ сожгли на топливо; поэтому ростовскимъ обывателямъ приходится по колѣно въ водѣ переходить бурную рѣку, а проносящіеся автомобили съ развалившимися въ нихъ курящими со спокойнымъ видомъ сигары комиссарами въ это время обдають ихъ грязью.

Конечно, по занятіи города, совѣтская власть не замедлила привести его въ надлежащій коммунистическій видъ. Прежде всего у улицъ перемѣнили названія, съ которыми населеніе до сихъ поръ не можетъ освоиться. Запечатали всѣ магазины и Ростовъ дѣйствительно сталъ быстро принимать обычный видъ краснаго города. Фанера — неизмѣнный спутникъ русскаго коммунизма: вы видите ее въ окнахъ пассажирскихъ вагоновъ вмѣсто недостающихъ стеколъ, видите ее замѣняющей разбитыя стекла и въ витринахъ магазиновъ. Фанерными футлярами прикрыты и замазаны сверху красной краской памятники прежнихъ эпохъ. Наскоро сколоченные столы и дырявые стулья въ совѣтскихъ канцеляріяхъ кроются фанерой, изъ фанеры дѣлаютъ ящики для носки провизіи съ базара, изъ фанеры дѣлаются всѣ украшенія на совѣтскихъ праздникахъ. Однимъ словомъ, фанера веюду и вездѣ. Въ Ростовѣ памятникъ Александру II былъ задѣланъ въ фанерный футляръ въ видѣ обелиска. Обелискъ этотъ покрасили красной краской и на верху его воодрузили красную звѣзду. Съ теченіемъ времени фанера стала коробиться, обваливаться, частью исчезла на топливо и теперь фигура Царя-Освободителя все болѣе и болѣе выступаетъ изъ краснаго футляра, но оставаясь по прежнему подъ красной звѣздой. Памятнику Екатерины II, отъ „благодарныхъ армянъ“ въ смежной съ Ростовомъ — Нахичевани, менѣе посчастливилось. Совлеченную фигуру Императрицы забросили въ сарай, а на ея мѣсто водрузили громадную неуклюжую гипсовую фигуру Карла Маркса или, какъ его называютъ мальчики-армяне „Карлы-Марлы“. Любопытно, что при этомъ сохранилась и прежняя надпись „благодарные армяне“. Другой памятникъ первому вождю коммунизма поставленъ въ городскомъ саду. Оба памятника сильно пострадали отъ атмосферныхъ вліяній: у одного Карла Маркса вытекъ уже глазъ, у другого отвалилась половина носа. Всюду виднѣются красныя вывѣски: „Клубъ красноармейцевъ

имени Карла Маркса“, „Читальня Карла Маркса“, „Кинематографъ Карла Маркса“, такъ что имя вождя коммунизма набило оскомину всему населенію. На стѣнахъ домовъ и на заборахъ до сихъ поръ сохраняются слѣды полинялыхъ мудрыхъ заборныхъ изрѣченій, которые большевики усиленно фабриковали въ предыдущее лѣто для вящаго украшенія города, вродѣ: „Дѣти-наше будущее“ или „При капитализмѣ общество дѣлится на тѣхъ, кто много трудится и сидитъ голоднымъ и тѣхъ, которые ничего не дѣлаютъ, но живутъ сытыми. Уничтожимъ классъ паразитовъ!“ или „Да здравствуетъ международный Союзъ совѣтскихъ федералистическихъ республикъ всего міра“ и дальше „Долой нѣмца барона — наемника европейскаго капитала“, „Смерть панамъ“ и другія. На базарѣ, послѣ пережитыхъ гоненій на него зимой 1921 года, жизнь опять бьетъ ключемъ. Тутъ все продается и все покупается. Характерной особенностью базаровъ во всей Россіи является расплодившееся огромное число „обжорокъ“, замѣнившихъ прежніе рестораны, трактиры и постоялые дворы. Тутъ можно получить и тарелочку щей или борща, или пару котлетъ, кашу, огурцы, хлѣбъ, булки, пирожки. Тутъ же и зимой, и лѣтомъ дымятся самовары, около которыхъ толпится народъ, стремящійся немного обогрѣться зимой и отдохнуть лѣтомъ. Всѣ ларьки уничтожены и торгуютъ съ лотковъ или прямо на землѣ.

Ростовъ за время владычества большевиковъ сильно пострадалъ отъ пожаровъ. Въ немъ развалившихся домовъ не меньше, чѣмъ въ другихъ городахъ, но все это отъ пожаровъ. Сгорѣло два театра, причемъ при пожарѣ одного сильно пострадали артисты, хранившіе изъ боязни обысковъ, всѣ свои драгоцѣнности и костюмы въ уборныхъ Асмоловскаго театра. Сгорѣла гостинница Асторія, сгорѣлъ домъ лучшей гостинницы Палась, сгорѣли чудные семиэтажные доходные дома Чернова, Хакладжева, Хосудовскаго и масса другихъ казенныхъ учрежденій, а также

склады, причемъ во многихъ случаяхъ была установлена наличность злого умысла. Движеніе пѣшеходовъ большое, какъ и во всѣхъ городахъ. Это все грязные, плохо одѣтые, обращающіеся во вьючныхъ животныхъ совслужащіе. Былого южнаго оживленія нѣтъ. Старые спекулянтскіе кафэ разогнаны, а тѣ, которые существуютъ, содержатся лишь агентами чека. Объ этомъ всѣ знаютъ и они мало посѣщаются. Всѣ проходятъ по улицамъ торопливо, ни у кого не увидишь улыбки на лицѣ. Магазины остались только цвѣточные и съ дамскими шляпами; идетъ бойкая продажа коммунистическихъ звѣздъ и значковъ; существуютъ кіоски съ прохладительными напитками, фруктами и сладостями. Извозчиковъ въ Ростовѣ очень мало; тѣ, которые были, принисаны принудительно къ различнымъ учрежденіямъ. Однако, лихачи остались и ночью, когда для другихъ жизнь прекращается, комиссары и чекисты начинаютъ раскатывать на автомобиляхъ и лихачахъ по городу, а затѣмъ, тяжело ныхтя и продавливая всю изрытую, нѣкогда образцовую мостовую Ростова, выбираютъ за городъ выѣзжающіе изъ тюремъ и Дончека грузовые автомобили, увозя съ собою очередныя вааловы жертвы, приносимыя большевиками во славу коммунизма.

О совѣтскихъ праздникахъ.

Кто не видѣлъ этихъ криливо-убогихъ, глупыхъ и непонятныхъ широкимъ массамъ совѣтскихъ праздниковъ, тотъ не можетъ полностью оцѣнить всей совокупности того необычайнаго уклада жизни, который установился и упорно держится въ Совѣтской Россіи. Заставляя каждого работать изъ подъ палки и по командѣ, коммунистическая власть хочетъ, чтобы ея граждане и веселились по принужденію. Тѣмъ не менѣе, торжественность такихъ показныхъ пролетарскихъ праздниковъ все болѣе и болѣе тускнѣетъ. Впервые мнѣ пришлось видѣть празднованіе по коммунистически 1-го мая, въ 1920 году въ Ростовѣ

на Дону. Этотъ день Москва рѣшила посвятить всенародному субботнику, но, такъ какъ юго-востокъ Россіи тогда еще только что вошелъ въ составъ Совѣтской Республики, то для него было сдѣлано исключеніе: разрѣшено было повеселиться и для этого были отпущены огромныя средства. Въ то время въ Ростовѣ были еще большіе запасы всякаго добра, награбленнаго совѣтской властью у бывшихъ владѣльцевъ и потому за счетъ этихъ запасовъ щедро раздавались населенію подарки въ видѣ бѣлой муки, какао и проч. Задолго еще до праздника, на широкомъ полѣ между Ростовомъ и Нахичеванью стали воздвигать огромные лѣса и закончили работу утромъ въ день самаго праздника. Изъ подъ нихъ появилась огромная дорическая колонна, сдѣланная изъ бревенъ, покрытыхъ фанерой и претенціозно раскрашенныхъ. Кое-гдѣ были столбы съ украшеніями, а фасады домовъ по главной ростовской улицѣ украсились аляповатыми плакатами съ изображеніями торжества совѣтской власти надъ бѣлыми генералами, мірового соціального пожара и т. п. Наканунѣ праздника всѣмъ служащимъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ объявили объ обязательности явки на службу, чтобы принять участіе въ шествіи, имѣющемъ своею цѣлью показать широкимъ массамъ могучую сплоченность ростовскаго пролетаріата, причемъ неявка рассматривалась бы какъ контрреволюціонная демонстрація и попытка ея получила бы должное возмездіе въ дисциплинарномъ порядкѣ. Пришлось утромъ всѣмъ явиться. Собрались, построились передъ службой и нестройными толпами стали двигаться по улицѣ Энгельса, замыкая уже слѣдовавшую по ней длинную процессію. Здѣсь шли по нѣскольکو въ рядъ подъ музыку, попеременно игравшую то Интернаціональ, то другую какую-нибудь коммунистическую пѣсню. Огромныя толпы продефилировали до указанной мной раньше площади, гдѣ юркіе, молодые, южнаго типа распорядители указывали мѣсто каждой депутаціи. Во

главѣ каждого учрежденія шли знаменосцы, несшіе растянутые на двухъ шестахъ кумачевые флаги-плакаты съ коммунистическими эмблемами. По улицамъ разъѣзжали на грузовыхъ автомобиляхъ, украшенныхъ цвѣтами, совѣтскія пріютскія дѣти. Когда всѣ собрались на площадь, въ разныхъ концахъ ея состоялись митинги, причемъ записные ораторы произносили заученныя тирады изъ всевозможныхъ коммунистическихъ брошюръ. Здѣсь уже бдительнаго надзора надъ служащими не было, комиссары не слѣдили такъ внимательно за точнымъ исполненіемъ всякимъ своего увеселительнаго долга, какъ въ пути, а потому интеллигентные сотрудники быстро начали разсасываться и исчезать съ площади. По окончаніи всѣхъ рѣчей публика остается свободной до вечера, когда во всѣхъ театрахъ и увеселительныхъ заведеніяхъ устраиваются агитаціонные концерты-митинги и спектакли. Избранная коммунистическая публика собирается въ Асмоловскомъ театрѣ и въ одномъ изъ кинематографовъ, въ которыхъ по окончаніи официальной программы, устраивается коммунистическая трапеза, очевидно, не безъ напитковъ и скандаловъ. По случаю высокаторжественнаго дня, хожденіе разрѣшается по городу въ теченіе всей ночи, а для находящихся въ заключеніи, слѣдуютъ даже нѣкоторыя амнистіи. Счастливы тотъ, кто попадаетъ именно подъ такое теченіе, ибо слѣдующій періодъ смягченія участи наступаетъ лишь въ ноябрѣ мѣсяцѣ. На первое торжество, бывшее новинкой для Ростова, пришло много публики, и обставлено оно было съ внѣшней стороны съ коммунистической точки зрѣнія роскошно. Ростовскія власти не церемонились на этотъ счетъ деньгами, лишь бы создать помпезность въ празднествѣ. Въ результатѣ, нѣкоторые непосредственные руководители и техническіе осуществители украшеній города, вскорѣ послѣ этого должны были сѣсть въ чека и порядочно отсидѣть въ тюрьмѣ за вольное отношеніе къ довѣреннымъ имъ денежнымъ фондамъ.

Черезъ нѣкоторое время въ Ростовѣ опять было устроено народное празднество. На этотъ разъ по случаю перваго прибытія въ Ростовъ проездомъ въ Баку на Съѣздъ народовъ Востока председателя Коминтерна т. Зиновьева. Опять составлялись списки уклоняющихся, оставшихся равнодушными къ пріѣзду достославнаго вождя, опять грозили всякими репрессіями всѣмъ, которые не придутъ на этотъ импровизированный праздникъ для разыгрыванія роли благодарнаго народа, удостоившагося посѣщенія обожаемаго народнаго вождя. Тѣ, которые побывали на торжествѣ и слышали рѣчи Зиновьева, нашли, что онѣ были черезчуръ переперчены, ибо рѣчь его, о которой я упоминалъ выше, въ существѣ сводилась къ натравливанію ростовскихъ рабочихъ на интеллигенцію съ требованіемъ примѣненія грабежа и всякихъ другихъ насилій. Ростовскій рабочій оказался великодушнѣе и честнѣе своего вождя; что же касается коммунистическихъ верховъ Ростова, то для ихъ политики это празднество оказалось поворотнымъ днемъ. Съ этого момента они безповоротно вступили на путь крайняго террора, продолжавшагося, съ короткими передышками, до самаго моего отъѣзда изъ Ростова весной 1921 года и обострившагося каждый разъ, либо въ связи съ ухудшеніемъ положенія на фронтѣ, либо съ прибытіемъ въ Ростовъ Зиновьева или другихъ подобныхъ ему лицъ, жаловавшихъ городъ своимъ посѣщеніемъ.

Слѣдующій ноябрьскій праздникъ былъ уже значительно слабѣе и обставленъ не въ примѣръ бѣднѣе прежняго. Несмотря на общій тонъ „громъ побѣды раздавайся“, въ связи съ обозначившейся ликвидаціей Крымскаго фронта, — и процессіи были блѣднѣе, и толпа болѣе буднично настроена, ибо утро праздника посвятили какимъ-то нелѣпымъ работамъ въ видѣ субботника. Вечеромъ мнѣ удалось быть въ одномъ изъ театровъ, гдѣ ставилась пьеса въ постановкѣ Студіи Художественнаго театра. Пьеса была

поставлена весьма претенциозно. Народу было видимо - невидимо. Въ ложахъ сидѣли всѣ ростовскіе совбуржуи, блистая кожаными куртками и великолѣпнѣмъ безвкусіа своихъ спутницъ. Въ залѣ было душно, дымно; пахло сапогами и дешевенькими духами. Въ антрактахъ всѣ представители новаго бомонда бродили по кулуарамъ. Не обошлось и безъ ссоръ. Жена одного виднаго комиссара на почвѣ ревности поссорилась съ содомней или попросту сказать „одна баба набила морду другой“, какъ и квалифицировалъ эту сцену сидѣвшій въ креслѣ рядомъ со мной комиссаръ — рослый краснорозій дѣтина въ кожаной курткѣ съ огромнымъ маузеромъ на боку.

Празднованіе 1-го мая 1921 года мнѣ пришлось видѣть уже въ Москвѣ. Тутъ бросалось прежде всего въ глаза убожество этого праздника. Если бы не случайное совпаденіе 1-го мая съ православной Пасхой, праздничнаго оживленія и нарядности было бы еще конечно меньше. Правда, на театральной площади поставили какіе-то нестрые, кубистскаго типа плакаты В. С. Н. Х., долженствовашіе показать блестящее экономическое положеніе Республики, да еще кое-гдѣ повывѣсили отдѣльные плакаты и флаги, игралъ вяло оркестръ и собирали малую толпу зѣвакъ какіе-то кривляки, разѣзжавшіе по городу на платформахъ, украшенныхъ зеленью и краснымъ кумачемъ, — подъ названіемъ „летучихъ концертовъ“. Но флаги уже всѣ поблекли, какъ и сама совѣтская власть. На Красную Площадь, гдѣ долженъ былъ состояться парадъ, явились почти одни коммунисты по нарядамъ и только довѣренныя совѣтской власти іріютскія дѣти носились на грузовикахъ и разукрашенныхъ трамваяхъ по городу, размахивая флажками съ криками „ура“ совѣтской власти, заглушая пѣніемъ знаменитаго „Интернаціонала“ стенанія своего пустого желудка.

Особымъ видомъ праздника, праздникомъ самаго труда, по мысли инициаторовъ этого комму-

нистического новаторства, должны были явиться коммунистическіе субботники, т. е. добровольная физическая работа по субботамъ въ теченіи двухъ, трехъ часовъ. Починъ, сдѣланный въ этомъ отношеніи московскими желѣзнодорожниками, очень понравился кремлевскимъ заправиламъ и лѣтомъ 1920 года былъ данъ новый *mot d'ordre* по всей Россіи „наладить субботники“. Стали ихъ налаживать. Единственной ошибкой большевиковъ въ этомъ дѣлѣ оказалось то, что будучи вообще послѣдовательными реалистами въ своей политикѣ, здѣсь они, на бѣду себѣ, впали въ романтизмъ и сдѣлали субботники необязательными, а факультативными. Результаты не замедлили сказаться. При полученіи соответственнаго распоряженія и не зная о необязательности его, ретивые ростовскіе комиссары немедленно привели его въ исполненіе, т. е. собрали въ ближайшую же субботу всѣхъ служащихъ и опредѣленно потребовали всѣхъ до одного на работу. То учрежденіе, къ которому я въ тотъ моментъ имѣлъ отношеніе, получило задачу разгружать набережную р. Дона. Прибыли мы подъ усиленнымъ конвоемъ комиссаровъ и начали поднимать доски, мирно лежавшія много лѣтъ на землѣ и служившія за отсутствіемъ какого-либо помѣщенія мѣстомъ для отдыха и пережиданія пассажировъ, ѣдущихъ вверхъ или пріѣзжающихъ сверху р. Дона. Къ немалому горю этихъ путешественниковъ, ихъ согнали съ мѣстъ и заставили расположиться съ дѣтьми и пожитками прямо на землѣ. Черезъ два часа всѣхъ, исполнившихъ эту высоко полезную для совѣтской Республики работу, вновь собрали, еще разъ пересчитали, разыскивая элостныхъ дезертировъ, которыхъ, однако, не оказалось. Затѣмъ заставили пропѣть Интернаціональ, послѣ чего роздали всѣмъ субботничавшимъ особыя квитанціи съ характерной надписью: „такой-то выполнилъ работу на субботникѣ такого-то числа.“ Всѣ бережно должны были хранить эти лоскутки, такъ какъ не имѣющимъ ихъ, по словамъ комиссаровъ, должны были задержать

выдачу очередного жалованія. Первый субботникъ засталъ всѣхъ врасплохъ и потому никакія предохранительныя мѣры отъ него не были приняты. На слѣдующій же субботникъ явилось такъ мало народу, что онъ не могъ состояться. Одни въ этотъ день совсѣмъ не явились, другіе ушли въ теченіе дня со службы, третьи запаслись законными удостовѣреніями о невозможности по состоянію здоровья заниматься физическимъ трудомъ. Видя такое упорство со стороны служащихъ, въ дѣло рѣшилъ вмѣшаться самъ главный комиссаръ учрежденія. На созванномъ собраніи онъ металъ громы противъ буржуевъ, очевидно, засѣвшихъ въ это учрежденіе, подтачивающихъ совѣтскую власть, саботирующихъ возстановленіе промышленности и т. п. Потомъ поставилъ на голосованіе вопросъ объ обязательности субботниковъ для всѣхъ, причемъ заявилъ, что голосующіе противъ будутъ считаться врагами совѣтской власти. Такимъ приѣмомъ удалось собрать незначительное большинство въ пользу его предложенія. Чтобы произвести выгодное впечатлѣніе на раскаявшихся, комиссаръ заявилъ, что всѣмъ работающимъ будетъ выданъ сахаръ. Сахаръ — такая приманка, что субботничающихъ оказалось больше, чѣмъ на предыдущемъ субботникѣ. Однако, съ обѣщаннымъ сахаромъ случился пренепріятный казусъ: онъ ушелъ самъ изъ помѣщенія продраспредѣлителя, куда былъ подвезенъ. Дальше всѣ выдачи свелись къ полученію за субботники: 25 папиросъ, 1 коробки спичекъ и $\frac{1}{2}$ фунта хлѣба. За такую плату работать никто не хотѣлъ, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Ростовѣ стало извѣстно, что субботники обязательны только для коммунистическихъ ячеекъ, безпартійныхъ же можно привлекать къ работѣ исключительно съ ихъ согласія. На ряду съ этимъ въ газетахъ стали помѣщаться рекламныя замѣтки о пользѣ, приносимой субботниками народному хозяйству, съ приведеніемъ преувеличенныхъ и приукрашенныхъ ^и итоговъ работы на субботникахъ. Читая эти наглыя сообщенія, публика только смѣя-

лась тому, какъ ловко морочать голову иностранцамъ, читающимъ извѣстія о результатахъ субботниковъ,—печатаемая въ московскихъ газетахъ. Для поднятія престижа былъ устроенъ всероссійскій субботникъ, на этотъ разъ обязательный для всѣхъ. Разумѣется, онъ имѣлъ по численному составу принимавшихъ въ немъ участіе большой успѣхъ. То учрежденіе, въ которомъ я занимался, рѣшило растянуть его на цѣлую недѣлю съ такимъ расчетомъ, чтобы каждый день участвовала небольшая партія служащихъ, смѣняясь каждый день другою. Въ это время субботники надоѣли какъ участникамъ, такъ и устроителямъ, которые не знали, какую бы работу придумать на субботникъ. Каждую пятницу звонокъ по телефону: „Скажите, какую работу исполнять?“ — „Ахъ, да отвяжитесь, право не знаю, придумайте сами!“ — Вотъ тутъ-то и придумали. Водники нагружали какими-то металлическими брусьями до пятницы баржу, а въ пятницу было получено распоряженіе баржу освободить отъ груза и доставить порожней въ устье р. Донца. Въ субботу и въ воскресенье работа кипѣла, и въ воскресенье нагруженная баржа была вновь разгружена, съ тою лишь разницей, что въ виду спѣшности разгрузки, бруски уже не относили на складъ, гдѣ они до того времени мирно лежали, а прямо безпорядочно бросали тутъ же на берегу. А официальные реляціи въ газетахъ въ то же время гласили: „Всероссійскій субботникъ прошелъ съ необычайнымъ подъемомъ. Проникнутые сознаниемъ необходимости помочь экономическому возрожденію совѣтской Республики, коммунисты и добровольные рабочіе-беспартійные соперничали другъ передъ другомъ въ желаніи принести посильную помощь Родинѣ. Добыто столько-то; перевезено столько-то и т. д., а всего исполнено работъ на столько-то сотенъ милліоновъ рублей.“

Съ наступленіемъ осени и дурной погоды, въ виду явной безцѣльности субботниковъ, ими мало стали заниматься. Мода на нихъ прошла, но автоматически и теперь они продолжаются, хотя

въ газетахъ о нихъ уже не встрѣчается указаній. Ходятъ на субботники коммунисты и коммунистки, члены комячеекъ различныхъ учрежденій. По субботамъ, въ четыре часа дня, можно было еще видѣть въ Ростовѣ небольшія группы шлепающихъ по грязи мужчинъ и женщинъ, несущихъ красныя знамена и распѣвающихъ: „мы нашъ, мы новый міръ построимъ“. Никто ими не интересуется. — „А, субботники“, иронически промычить развѣ совслужащій и, отвернувшись, зашагаетъ дальше своей дорогой.

ГЛАВА XII.

С о в ѣ т с к і е б у д н и.

Для того, чтобы изобразить бытъ населенія въ Совдеши, я въ предстоящихъ двухъ очеркахъ примѣню иной, чѣмъ ранѣе, методъ изложенія, именно форму легкаго разсказа, ибо, по моему мнѣнію, такимъ путемъ проще будетъ изобразить шагъ за шагомъ, съ утра и до ночи, жизнь совѣтскихъ гражданъ, со всѣми ея малыми радостями и большими невзгодами. Въ первомъ очеркѣ выведена жизнь въ провинціальномъ городѣ совѣтскаго служащаго средней руки, выбивающагося изо всѣхъ силъ, чтобы обезпечить своимъ упорнымъ трудомъ полуголодное состояніе семьѣ. Во второмъ очеркѣ изображена жизнь въ столицѣ людей, которые поставили своей цѣлью жизни планомѣрную спекуляцію и создаютъ себѣ поэтому болѣе обезпеченное и независимое существованіе. Фамиліи лицъ и названія учрежденій, взяты наугадъ, но всѣ картины, представленныя въ очеркахъ, — дѣйствительныя, взятые изъ жизни факты.

Изгнанный голодомъ изъ сѣверной Россіи, Аркадій Ивановичъ Бунинъ, проживаетъ нынѣ на югѣ, въ Ростовѣ на Дону, гдѣ онъ умудряется совмѣщать три различныхъ должности со службою въ такомъ важномъ органѣ совѣтскаго управленія, какъ Ростовскій Комбезхозъ. Послѣ бессонно проведенной ночи съ мыслями о томъ, какъ бы наладить командировку въ Москву сразу отъ трехъ учрежденій, чтобы на сумму командировочныхъ денегъ спекулировать и немножко подработать, — Аркадій Ивановичъ въ одно весеннее утро вскочилъ съ постели, какъ встрепанный, вспомнивъ, что ему до службы надлежитъ еще отправиться съ салазками на городской угольный складъ, получить

уголь. Было еще рано, когда, хлебнувъ пустого холоднаго совѣтскаго кофе изъ ячменя, остававшагося съ вечера, онъ вышелъ на улицу. Весенніе заморозки непродолжительны и салазки, которые тащилъ за собою Бунинъ, то зацѣплялись за голую землю, то продавливали свѣже-затянутыя льдомъ лужи. Когда онъ подходилъ къ угольному складу, тамъ было уже много народу. Всѣ счастливцы, которымъ удалось получить лопату, набрасывали въ принесенные съ собой мѣшки уголь. Другіе же, стоя на корточкахъ, рылись руками въ мусорѣ, стараясь другъ у друга вырвать куски угля побольше. Передавъ главному надзирателю склада свой ордеръ, на которомъ значилась чужая фамилія, такъ какъ Аркадій Ивановичъ, подобно многимъ другимъ, пріобрѣталъ за взятку уже использованные угольные ордера у кассировъ, которые были въ стачкѣ съ надзирателями складовъ, благодаря чему тотъ же ордеръ на уголь переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, и сталъ терпѣливо ждать, когда у кого-нибудь освободится лопата. Вотъ она освободилась и Бунинъ яростно бросился къ ней, опережая другихъ и захвативъ ее первымъ. Дѣло сдѣлано; работа кипитъ и мѣшокъ постепенно наполняется. Народъ быстро прибываетъ въ этотъ складъ, такъ какъ въ городѣ стало уже извѣстно, что прибылъ вагонъ, привезшій не угольную пыль, какъ обыкновенно, а рядовой антрацитъ, который всѣмъ хочется заполучить. Между тѣмъ, солнце начинаетъ пригрѣвать сильнѣе; ледъ на угольныхъ кучахъ начинаетъ энергично таять, стекаетъ водой на уголь и все больше обращаетъ площадь склада въ топкое, грязное болото, въ которомъ, въ борьбѣ за топливо, энергично копошатся и взрослые, и дѣти. По мѣрѣ прибытія публики, наваленная гора угля быстро убываетъ. Бунинъ ликуетъ: онъ уже набилъ свой мѣшокъ, уступилъ лопату знакомому и подошелъ къ вѣсовщику. Здѣсь взятка также царитъ безраздѣльно. Сунувъ, что полагается, Бунинъ получаетъ возможность вывезти со склада уголь въ большемъ, чѣмъ ему причитается по ордеру, количествѣ.

Выходитъ много народу, всѣ съ довольными, веселыми лицами. У многихъ изъ кармановъ и мѣшковъ торчитъ уголь: излишки, которые удалось перехватить, и они обмѣниваются впечатлѣніями, кто какъ обманулъ бдительныхъ агуровъ. Снѣгъ сильно таетъ; поэтому Аркадій Ивановичъ, надрываясь и обливаясь потомъ, останавливаясь каждые четверть часа, съ трудомъ тянетъ за веревку ставшіе теперь тяжелыми, салазки. По дорогѣ ему раза два, три попадаются навпѣя лошади, не вынесшія изъ - за безкормицы тяжелой возки въ распутицу и до сихъ поръ не убранныя. Голодная собака гложетъ одинъ трупъ. Проходя мимо городской тюрьмы, Аркадій Ивановичъ встрѣчаетъ группу арестованныхъ, идущихъ куда-то съ кирками и лопатами, въ сопровожденіи охранниковъ, держащихъ въ рукахъ заряженные револьверы. Это изъ тюрьмы или изъ концентраціоннаго лагеря ведутъ арестованныхъ на работу. Нѣкоторые идутъ босикомъ, потому что въ тюрьмѣ нѣтъ сапогъ, а старые износились. Но вотъ Бунинъ дома. Задыхаясь и умирая отъ усталости, втаскиваетъ онъ грязный мѣшокъ по лѣстницѣ, которая когда-то считалась парадной. Послѣ мѣшка остается длинный, черный мокрый слѣдъ, который, однако, мало замѣтенъ, такъ какъ никому и въ голову давно уже не приходитъ мыть лѣстницу, почему она стала похожей скорѣе на сорный ящикъ. Звонки не дѣйствуютъ, приходится стучать. На стукъ выбѣгаетъ жена Аркадія Ивановича и встрѣчаетъ его. — „Ахъ, Аркаша, быстро же ты справился; ну что, все благополучно! Не приставалъ какой-нибудь милицейскій съ вопросами, откуда ты везъ уголь?“ — Аркадій Ивановичъ, раздѣваясь, рассказываетъ свои впечатлѣнія, ставитъ мѣшокъ на дрова, сложенные въ передней квартиры и направляется въ занимаемую имъ комнату. Жена успѣла уже привести все въ порядокъ и вскипятила чай на керосинкѣ. Въ комнатѣ душно отъ керосина, жилья, дѣтей. Тутъ же подъ маленькимъ роялемъ стоитъ клѣтка съ курами. Отъ комнатной желѣзной

печурки ведетъ труба въ форточку. Печь поставлена самимъ Аркадіемъ Ивановичемъ и онъ очень гордится этой работой, сберегшей ему нѣсколько тысячъ рублей. На веревкѣ, протянутой черезъ комнату, сушится нѣсколько штукъ бѣлья, которое его жена успѣла уже выстирать въ тазу въ той-же комнатѣ. Въ углу сидятъ двое дѣтей, играющихъ съ какой-то старой, поломанной игрушкой, съ которой навѣрно уже играло нѣсколько поколѣній. Въ другомъ углу старушка бабушка штопаетъ чулки. Семейство садится за утренній чай. Ъда простая: чай безъ сахара, заѣдаемый чернымъ хлѣбомъ. Для дѣтей сегодня подарокъ. Бабушка купила на базарѣ $\frac{1}{4}$ ф. масла и они получаютъ по одному бутерброду. Разговоръ за чаемъ вѣртится вокругъ хозяйственныхъ и денежныхъ вопросовъ; придумываются разныя комбинаціи вылѣзанія изъ нужды. — „Аркаша, пришли мнѣ сегодня Петра Ивановича“, заканчиваетъ жена. „Надо „загнать“ на базаръ старую походную кровать, которая у насъ еще сохранилась.“ — Аркадій Ивановичъ соглашается и тутъ же самъ излагаетъ свой проектъ добыть командировку, получить авансы, закупить муки и соли, отвезти ихъ въ Москву, продать съ выгодой и на вырученные суммы привезти иголки или катушки съ нитками, чтобы продать ихъ въ Ростовѣ, гдѣ они стоятъ въ два раза дороже. — „Безъ этого“, заканчиваетъ онъ, „намъ не вылѣзти; денегъ неоткуда получить. Вещи уже всѣ загнали; не на что мнѣ даже купить сапогъ, а изъ нихъ уже пальцы торчатъ“. — Проектъ одобряется. Рѣшено самый отъѣздъ, если командировка будетъ разрѣшена, по возможности оттянуть до наступленія болѣе теплаго времени. Аркадій Ивановичъ допиваетъ чай, тутъ же наскоро раскалываетъ нѣсколько полѣньевъ на растопку, забѣгаетъ съ ведрами за водой въ сосѣдній домъ, такъ какъ въ этотъ день въ томъ домѣ случайно идетъ вода, а затѣмъ уходитъ на службу, забирая съ собой бидонъ для керосина.

Уже поздно, одиннадцатый часъ; аллюръ всѣхъ

службистовъ ускоряется, въ виду боязни опоздать съ занесеніемъ во-время своей фамиліи въ особый журналъ для росписки приходящихъ служащихъ. Но Аркадій Ивановичъ не торопится: онъ совмѣщаетъ службу въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ, а потому онъ не расписывается въ одномъ учрежденіи, ссылаясь на то, что онъ уже расписался въ другомъ и наоборотъ. Газеты еще не расклеены по угламъ и потому улицы интереса особаго не представляютъ. Оживленіе начинается позднѣе. Аркадій Ивановичъ незамѣтно доходитъ до своего Комбезхоза и поднимается по грязной, облупленной и проплеванной лѣстницѣ. Въ помещеніе приходится входить, не раздѣваясь, оттого, что оно не отапливалось цѣлую зиму и въ немъ попрежнему такъ холодно, что руки замерзаютъ и всѣ легко простужаются. Комната, занимаемая отдѣленіемъ, возглавляемымъ Бунинымъ, послѣдняя по корридору. Въ отдѣленіи теплая кампанія, все свои: ни одного коммуниста или сочувствующаго. Въ виду привилегированнаго положенія Комбезхоза, учрежденіе это получаетъ нѣсколько газетъ и Аркадій Ивановичъ застаётъ часть своихъ подчиненныхъ за чтеніемъ газетъ. Остальные стоятъ въ это время внизу въ хвостѣ у продовольственной лавки. Начинается обмѣнъ мнѣніями. Хорошо зная другъ друга, служащіе, не стѣсняясь, ругаютъ совѣтскую власть. Одинъ изъ нихъ сообщаетъ, что по полученнымъ свѣдѣніямъ, какія-то банды пробрались на Донъ, перерѣзали въ районѣ станицы Новочеркасской коммунистовъ и забрали съ собой оружіе. Другой подкрѣпляетъ это извѣстіями съ Терека, третій съ Кубани. Оказывается, что Донъ охваченъ точно цѣлымъ кольцомъ возстаній. — „Поэтому-то и хлѣба нѣтъ. Вы слышали, Аркадій Ивановичъ, что мельницы должны остановиться; топлива не подвозятъ,“ заявляетъ чиновникъ Чикинъ. — „Да, это вѣрно,“ добавляетъ другой, „а вы слышали господа, даже на Тихорѣцкой, этой центральной станціи нашего хлѣбороднаго района, продкомъ не могъ удовлетворить хлѣбомъ населеніе; рабочіе Тихорѣцкихъ мастер-

скихъ забастовали и стали волноваться. Чтобы успокоить ихъ, продкомъ рѣшилъ пустить хлѣбъ изъ зерна, заготовленнаго на посѣвную кампанію. Что-то насъ бѣдныхъ ожидаетъ къ осени. Не дай Богъ, еще засуха лѣтомъ. Вѣдь тогда будетъ полный неурожай.“

Всѣ начинаютъ съ жаромъ бесѣдовать. Разговоръ переходитъ на близкія сердцу cadaго продовольственные темы. Внезапно слышится скрипъ приближающихся шаговъ; всѣ настораживаются, смолкаютъ. Приносятъ утреннюю почту. Аркадій Ивановичъ идетъ къ своему столу читать ее. Изъ поступившихъ бумагъ, наиболѣе интересными являются присланные изъ канцеляріи Комбезхоза, для заполнения каждымъ служащимъ, анкеты, для вновь образованной комиссіи по очисткѣ совѣтскихъ учреждений отъ присосавшихся буржуазныхъ элементовъ. Аркадій Ивановичъ передаетъ листки сотрудникамъ, со смѣхомъ читающимъ вопросы, числомъ около 40 (напримѣръ: 1) ваше отношеніе къ совѣтской власти, 2) что нужно по вашему мнѣнію для блага народа, 3) какъ вы относитесь къ другимъ соціалистическимъ партіямъ, 4) чѣмъ вы занимались въ такіе-то и такіе-то сроки и т. п.). — „Господи! въ который уже разъ разгоняютъ эти комиссіи, признавая, что онѣ дѣйствуютъ недостаточно энергично и назначаются новыя и новыя, и опять, въ результатѣ, сказочка про бѣлаго бычка.“

Аркадій Ивановичъ, занятый мыслями объ осуществленіи своего проекта, принялся искать повода для него. Ура, — онъ на лицо! Въ числѣ другихъ писемъ и телеграммъ, онъ случайно находитъ пришедшую съ почтой телеграмму съ приглашеніемъ командировать въ Москву представителей на совѣщаніе, которое состоялось уже двѣ недѣли тому назадъ. Аркадій Ивановичъ летитъ съ этой телеграммой сначала къ комиссару подготовить почву, потомъ заговариваетъ зубы своему начальнику не изъ коммунистовъ. Они соглашаются съ необходимостью именно ему, Бунину, ѣхать въ Москву; о срокѣ совѣщанія никто не спрашиваетъ.

Начальство торопится, ибо идетъ на докладъ къ самому высшему начальнику учрежденія. По счастью, докладъ у послѣдняго не затягивается, и въ часъ дня Аркадій Ивановичъ уже поручаетъ своей машинисткѣ напечатать нѣсколько длинныхъ мандатовъ себѣ на командировку. Входя къ себѣ въ кабинетъ, онъ слышитъ въ сосѣдней комнатѣ фразу: „Ахъ, подлець Чухтаньянъ, опять вернулся отъ доктора съ разрѣшеніемъ.“ Аркадій Ивановичъ прекрасно знаетъ, что это означаетъ. Чухтаньянъ, одинъ изъ его сотрудниковъ, молодой, хитрый армянинъ, умѣющій когда нужно, притвориться умирающимъ и хворымъ, и потому, отлынивая подъ всѣми предлогами отъ работы на службѣ, — періодически получающій, пользуясь своими знакомствами со всѣми врачами армянами, главенствующими въ различныхъ врачебныхъ комиссіяхъ, разрѣшенія на отпускъ на 2—3 недѣли.

Аркадій Ивановичъ, тѣмъ временемъ, спустился уже по лѣстницѣ и несется на всѣхъ парахъ къ мѣсту своей второй службы.

Здѣсь составъ служащихъ иной: преобладаютъ пожилые мохомъ поросшіе провинціальныя ученые и зеленая учащаяся молодежь. И тѣ, и другіе голодные и почти, въ полномъ смыслѣ слова, босые. Входя, Аркадій Ивановичъ застаётъ хорошо знакомую ему картину. Часть разговариваетъ, часть переписываетъ совершенно посторонніе бланки профессиональной переписи, другіе что-то пишутъ, третьи читаютъ. Словомъ, обычная картина совѣтскаго учрежденія. Разговоръ, однако, тутъ нѣсколько отличается отъ Комбезхоза. Здѣсь, помимо темы о продовольствіи, цѣнахъ, базарахъ, можно услышать наивную молодую рѣчь о наукѣ, объ искусствѣ, обо всемъ томъ, что еще не потушено въ молодыхъ душахъ совѣтской властью. Обмѣниваются мыслями о вчерашнихъ докладахъ, проектируютъ собранія молодежи, чтеніе рефератовъ. Къ Аркадію Ивановичу подходитъ его помощница, пожилая, интеллигентная барышня, когда-то бывшая состоятельной, бѣженка изъ Петрограда. — „Аркадій Ивановичъ,

316

я больше не могу," говорит она, „научите, что же дѣлать, что предпринять. Скажите, неужели это вѣчно будетъ продолжаться. Разумѣется, я не придаю значенія всѣмъ этимъ разговорамъ о возстаніяхъ и не сомнѣваюсь, что они будутъ подавлены. Но я не могу себѣ представить такую жизнь, когда буквально всѣ физическія и интеллектуальныя силы уходятъ на то, чтобы измыслить, чѣмъ накормить себя съ братомъ. Онъ совершенно какой-то индифферентный. Ему все равно, я же не могу видѣть, какъ онъ голодаетъ, худѣетъ и болѣетъ, бѣгая на свои лекціи въ замороженныхъ помѣщеніяхъ. Неужели они тамъ, за границей, успокоились. Неужели отъ за- границы ничего нельзя ждать, кромѣ забастовокъ и заключенія съ нами торговыхъ договоровъ, о которыхъ съ такимъ ликоваіемъ трубятъ совѣтскія газеты. Знаете, противно жить; хочется смерти, уйти, умереть, уснуть.“ —

Аркадій Ивановичъ терпѣливо выслушиваетъ эту тираду, произносимую залпомъ и въ шутку указываетъ срокъ, когда по его мнѣнію, совѣтская власть падетъ. — „Товарищи, кто хочетъ записаться на огороды," съ этими словами въ комнату входитъ рослый дѣтина и продолжаетъ: „всѣ служащіе имѣютъ право личнымъ трудомъ обработать пространство земли; отводимое бесплатно коммуналомъ и осенью зато часть продуктовъ получить себѣ. Сѣмена даются бесплатно," добавляетъ онъ. Аркадій Ивановичъ механически, какъ и другіе, ставитъ на листѣ свою подпись и принимается за занятія. Въ этомъ учрежденіи работа его сводится къ тому, чтобы вынимать съ полки книги, записывать ихъ въ особую вѣдомость и ставить обратно, а главнымъ образомъ, чтобы нѣсколько разъ показаться на глаза начальству, проявляя какую-то лихорадочную дѣятельность. Развивая задуманный имъ планъ, онъ идетъ въ кабинетъ начальства, юнаго, убѣжденнаго коммуниста, разгуливающего для вящей убѣдительности своего правовѣрія съ портретомъ Карла Маркса въ петлицѣ. Обстоятель-

ство для него тѣмъ болѣе необходимое, что за 1½ года передъ этимъ онъ былъ такимъ же правовѣрнымъ въ рядахъ бѣлыхъ.

Аркадій Ивановичъ застаётъ его въ кабинетѣ за бесѣдой съ уполномоченными комслужа, которые стараются убѣдить его въ необходимости принять мѣры къ уплатѣ сотрудникамъ не выплаченнаго за 1½ мѣсяца жалованія, а начальство не менѣе вразумительно старается доказать, что это не столь срочный вопросъ и что обращеніе къ нему по такому дѣлу онъ считаетъ просто неприличной выходкой контръ-революціоннаго характера. Аркадій Ивановичъ беспокоится о скверномъ настроеніи начальства, ожидаетъ конца собесѣдованія и издалека приступаетъ къ щекотливому вопросу. — „Ахъ вотъ и прекрасно, товарищъ Бунинъ,“ заявляетъ комиссаръ, „вы меня избавляете отъ тяжелой необходимости искать, кого бы послать въ Москву. Мы не получили ряда отвѣтовъ на посланные нами два мѣсяца тому назадъ срочные запросы, которые въ данный моментъ, въ связи съ намѣченной мною конференціей, принимаютъ уже совершенно неотложный характеръ. Профессоръ Дерюгинъ, которому я предлагалъ ѣхать, категорически отказался отъ командировки, другіе тоже заняты и не могутъ оторваться для поѣздки. Такъ вотъ вы и поѣзжайте, голубчикъ. Мы вамъ и ассигновку выпишемъ. Авансъ, какъ вы знаете 50.000 р., да къ нимъ я вамъ добавлю еще 25; только вы пройдите, товарищъ, въ Ц. К. партіи и получите для меня нѣкоторыя брошюры по спискамъ, которые я вамъ своевременно передамъ. Кстати и съ деньгами для жалованья нашимъ служащимъ вы тамъ поторопите,“ заканчиваетъ онъ.

Аркадій Ивановичъ весь сіяетъ отъ неожиданнаго оборота, который приняло дѣло и весело возвращается въ свою библіотеку. Тамъ царитъ оживленіе. Только что вернувшійся изъ поѣздки на Кубань сотрудникъ, дѣлитъ между лицами, участвовавшими въ складчинѣ, привезенные имъ медъ и масло и передаетъ свои впечатлѣнія о

сельских настроеніяхъ. — „Ненависть кипить,“ говоритъ онъ, „всѣ изведены поборами, разверсткой. Было уже много случаевъ убійствъ изъ-за угла коммунистовъ. Двигутся куда-то войска. По дорогамъ ѣдутъ мѣшочники. Въ Екатеринодарѣ происходитъ сильнѣйшее ущемленіе буржуазіи, свирѣпствуетъ чека, примѣняются даже пытки.“ — Аркадій Ивановичъ не слушаетъ этихъ оскомины набившихъ разговоровъ. Захвативъ свой фунтъ масла и предупредивъ помощницу о предстоящемъ отъѣздѣ, онъ бѣжитъ на третью службу, попадая туда лишь въ половинѣ третьяго. По счастью всѣ учрежденія, въ которыхъ служить Бунинъ, расположены невдалекѣ одно отъ другого. Несмотря на стоящую оттепель и распутицу, ростовская публика выползла на улицу и храбро шлепаетъ по грязи. Гудятъ автомобили съ комиссарами. Пронесются пролетки, грузовики. Проходитъ полкъ съ краснымъ знаменемъ, распѣвая пѣсни. Дѣти бывшихъ интеллигентовъ торгуютъ спичками, папиросами. Иногда, быстро-быстро, точно боясь своей смѣлости, проносится одинокій одичавшій, почти пустой вагонъ трамвая (публика уже отвыкла пользоваться ими).

Учрежденіе, въ которое вошелъ Бунинъ, по составу существенно отличалось отъ двухъ предыдущихъ. Тутъ на лицо бывшіе буржуи, лица, подвергающіяся всякимъ непріятностямъ, наиболѣе измученный и взволнованный элементъ. При приходѣ Аркадія Ивановича всѣ бросаются къ нему. — „Слышали послѣднюю новость? Германія объявила Совѣтской Россіи войну. Это точно, совершенно точно; изъ мѣстныхъ военныхъ круговъ. Здѣсь, въ связи съ этимъ, большое безпокойство. Ожидаютъ пріостановки демобилизаціи.“ — Аркадій Ивановичъ скептически качаетъ головой. — „А получили ли вы, господа, анкеты о борьбѣ съ засиліемъ буржуазіи?“ спрашиваетъ онъ въ свою очередь. — „Да, да, уже получили.“ — „Вы знаете, что комячейка уже вызывала къ себѣ Абрама Самойловича, опрашивала его и ему угрожаетъ опасность изгнанія и зачисленія на принудитель-

ныя работы," заявляетъ секретарь. — „Аркадій Ивановичъ, вамъ надо написать или самому сходить къ Назарбекову; онъ человѣкъ молодой, вы сумѣете ему замазать ротъ и онъ сможетъ замолвить словечко ячейкѣ, а та съ нимъ очень и очень считается," добавляетъ онъ. — „Хорошо господа, съ моей стороны все будетъ, конечно, сдѣлано. Скажите теперь мнѣ, не вызывалъ ли меня сегодня Борисъ Яковлевичъ, а то у меня есть для него докладъ." — „Нѣтъ, Борису Яковлевичу не до насъ. У него сидятъ сейчасъ тѣ спекулянты, которыхъ вы знаете и которые устанавливаютъ съ нимъ, надо полагать, наиболѣе невыгодныя для казны условія договора," хитро улыбаясь, говоритъ язвительно сотрудникъ Корецкій. — „Ну, такъ я самъ къ нему пойду," рѣшительно заявляетъ Аркадій Ивановичъ и, попрощавшись, бѣжитъ къ своему принципалу.

Доложивъ нѣсколько мелкихъ вопросовъ, онъ переходитъ къ интересующему его дѣлу. — „Борисъ Яковлевичъ, видите ли, я получилъ командировку въ другое учрежденіи и обязанъ ѣхать. А такъ какъ есть декретъ, что въ видахъ экономіи людей и времени, а также и сокращеніи числа разъѣзжающихъ совработниковъ, надлежитъ объединять командировки, я прошу васъ, не надо ли и для нашего учрежденія получить какія-нибудь данныя, или навести необходимыя справки въ Москвѣ." Борисъ Яковлевичъ въ хорошемъ настроеніи. Упомянутая выше сдѣлка уже состоялась и онъ мысленно подводитъ итоги тѣмъ выгоднымъ операціямъ, въ которыя онъ обратитъ деньги, вырученные имъ лично отъ заключенной имъ отъ имени казны сдѣлки; а потому онъ сразу ставитъ точки на і. — „Понимаю, понимаю, голубчикъ, поѣзжайте, берите себѣ авансъ въ установленномъ размѣрѣ, а мотивъ для командировки сами придумайте."

Аркадій Ивановичъ благодаритъ начальство и летитъ обратно въ свой Комбезхозъ, куда онъ попадаетъ за четверть часа до окончанія службы. Онъ застаётъ у себя въ отдѣленіи большое волненіе.

Комиссаръ отдѣла, съ техническимъ стажемъ бывшаго водопроводчика, кричитъ на всю канцелярію и обрушивается прежде всего на Аркадія Ивановича. — „Вѣчно васъ иѣтъ на мѣстѣ, никогда никакой толковой справки не получишь. А вы еще хотите уѣхать въ Москву! Предупреждаю васъ, что вы будете посажены мною подъ арестъ, если такъ будетъ повторяться.“ — Ошеломленный Бунинъ съ горячностью доказываетъ комиссару, что у него есть помощники, которые въ его отсутствіи его замѣняютъ. Что же касается самого отсутствія, то оно происходитъ съ вѣдома начальства и потому онъ такого замѣчанія на свой счетъ принять не можетъ. Твердый тонъ и основательныя реплики озадачиваютъ комиссара, который смягченнымъ уже тономъ проситъ дать ему какую-то справку, требуемую ортчекой. Черезъ 10 минутъ просимая справка дана, но какъ и обыкновенно, за ней никто не является и она лишь увеличиваетъ груды бумажной макулатуры, сваленной въ шкафѣ. — „Аркадій Ивановичъ, а тутъ безъ васъ керосинъ раздавали и, такъ какъ его было мало, я самъ уже его для васъ досталъ, не прогнѣвайтесь,“ заявляетъ Петръ Ивановичъ Петрушкинъ, одинъ изъ наиболѣе услужливыхъ сотрудниковъ. — „Кромѣ того позвольте вамъ передать деньги, вырученныя мною на базарѣ за ваши вещи. Вотъ чистоганомъ 12.000 рублей, десять процентовъ комиссіи я уже себѣ удержалъ.“ — Аркадій Ивановичъ беретъ деньги и проситъ Петрушкина послѣ обѣда зайти къ нему на квартиру за новой партіей вещей на продажу. Въ этотъ моментъ тихое помѣщеніе Комбезхоза наполняется шумомъ. Присутствіе окончилось и всѣ служащіе устремляются домой. Бунинъ возвращается домой, неся керосинъ и масло.

Вся улица заполнена теперь совѣтскими служащими, въ видѣ вьючныхъ животныхъ, тащущихъ на себѣ хлѣбъ, крупу, масло, керосинъ и другіе продукты. Къ приходу Аркадія Ивановича домой комната его полна уже угольной копотью, идущей отъ печурки. Жена говоритъ Аркадію

Ивановичу, что ей удалось отнести сапожнику кусок оставшейся у нея кожи для подметокъ и обѣщанной муки, такъ что дѣтямъ будутъ сшиты для лѣта сандалии. Надо поберечь послѣднюю пару башмаковъ, которые они носятъ. Далѣе Лидія Васильевна сообщаетъ, что по ихъ дому распространились слухи, что онъ весь выселяется, такъ какъ его предположено реквизировать для Воднаго Транспорта, вмѣсто сгорѣвшаго дома послѣдняго. Садятся обѣдать. Супъ, вареный не на мясѣ, о которомъ почти забыли, смѣняется пшеничной кашей съ лукомъ. Послѣ этого легкаго обѣда пьютъ чай, причемъ каждый получаетъ по чайной ложечкѣ сахарнаго песку. Аркадій Ивановичъ рассказываетъ о своихъ успѣхахъ. Уже изъ двухъ мѣстъ есть на командировку по 50 тыс. рублей, а изъ третьяго 75 тысячъ рублей. Итого 175 тысячъ рублей. Такимъ образомъ получается основной капиталъ. Если къ нему приложить своихъ тысячъ 25, да призанять тысячъ сто, то на такой капиталъ можно уже спекулировать; и семья шумно строить свои предположенія о выгодахъ, которыя принесетъ командировка. Конецъ обѣда прерывается звонкомъ. Приходитъ членъ домового комитета и объявляетъ о томъ, что въ этотъ день по приказу Донисполкома съ 5 ч. вечера начинается принудительная очистка дворовъ и улицъ передъ домами отъ слежавшагося снѣга, льда и грязи, а также сбрасываніе оттаявшаго снѣга съ крышъ. Всѣ мужчины обязаны явиться на дворъ и подъ руководствомъ члена домкома заниматься уборкой. Уклоняющіеся будутъ арестованы.

Аркадій Ивановичъ узналъ раньше объ этомъ распоряженіи изъ газетъ и потому наканунѣ уже запасся на службѣ надлежащимъ удостовѣреніемъ, освобождающимъ его отъ участія въ работѣ по очисткѣ. Далѣе членъ домкома сообщаетъ, что всѣ жители дома приглашаются на общее собраніе въ ближайшее воскресенье для выбора новаго домового комитета. Старый президіумъ домкома отказался, въ виду того, что, за малыми исклю-

ченіями, квартирнаниматели не производятъ и читающихся съ нихъ взносов, въ силу чего члены комитета уже второй мѣсяцъ не получаютъ жалованія, неся, однако, непріятную должность, сопряженную съ бессонными ночами, такъ какъ почти ежедневно ихъ таскаютъ для присутствія при обыскахъ, выемкахъ, арестахъ и т. п. и всегда ночью. Кромѣ того, надлежитъ произвести нѣсколько неотложныхъ работъ по ремонту, по очисткѣ нечистотъ, по исправленію канализаціи, грозящей въ самое ближайшее время придти въ полное разрушеніе.

Немного спустя къ Аркадію Ивановичу приходитъ сослуживецъ, котораго онъ проситъ взять на продажу екладную кровать. Долго идетъ разговоръ объ ея оцѣнкѣ. Петрухинъ проситъ сбавить назначенную Аркадіемъ Ивановичемъ цѣну — „поймите, что цѣны теперь не прежнія. Во-первыхъ, дороги испортились, мало прѣзжающихъ изъ станицъ, которые составляютъ главный контингентъ нашихъ покупателей; во-вторыхъ и они воздерживаются отъ покупокъ, ибо у нихъ самихъ деньги появляются, какъ результатъ продажи собственныхъ продуктовъ. А вы сами прекрасно знаете, какое теперь притѣсненіе“, добавляетъ онъ, „почти на всѣхъ заставахъ всевозможныя заградилки обираютъ станичниковъ; станичники вообще въ послѣднее время охотнѣе покупаютъ золото и серебро, чѣмъ вещи.“ Наконецъ, сходятся въ цѣнѣ и Петрухинъ уходитъ, унося съ собою складную кровать. Жена Бунина принимается за работу. Распарываетъ старый потертый пиджачный костюмъ Аркадія Ивановича и кроитъ изъ него новые костюмы дѣтямъ къ Пасхѣ.

Аркадій Ивановичъ собирается уходить. Почти въ самыхъ дверяхъ квартиры онъ сталкивается съ сосѣдкой, испуганной и поблѣднѣвшей. — „Аркадій, Ивановичъ, голубчикъ, будьте добры, спросите у вашей супруги касторки. Мой Гриша заболѣлъ желудкомъ, у него поднялась температура и общая слабость. Я обѣгала всѣ аптеки и

нигдѣ не нашла касторки. Предлагала даже деньги отдѣльно, такъ какъ на такихъ условіяхъ у нихъ иногда находится лекарство, и всетаки нѣтъ. У васъ дѣти, и быть можетъ поэтому у васъ есть, что мнѣ нужно. Будьте добры, можетъ быть, найдете.“ Лекарство случайно находится и обрадованная женщина бѣжитъ къ себѣ съ обрѣтеннымъ сокровищемъ.

Аркадій Ивановичъ идетъ читать лекцію на одни изъ многочисленныхъ курсовъ всевозможныхъ знаній, устроенныхъ для рабочаго пролетаріата. Онъ гордо проходитъ по двору, гдѣ въ это время мужчины роются во льду и грязи. — „Аркадій Ивановичъ, вы не на работѣ?“ — кричитъ ему предсѣдатель домкома. Аркадій Ивановичъ потрясаетъ имѣющимся у него удостовѣреніемъ и передаетъ его домкому. Затѣмъ бѣжитъ на курсы. По дорогѣ со звономъ и грохотомъ несутся пожарные. — „Опять поджогъ“ — машинально произноситъ онъ. Хотя часъ лекціи уже наступилъ, но пока явилась только одна слушательница, съ которой Аркадій Ивановичъ отъ нечего дѣлать начинаетъ бесѣдовать, ходя взадъ и впередъ по корридору. Онъ отмѣчаетъ запозданіе прибытія на лекціи, указываетъ на это, какъ на паденіе дисциплины среди партійныхъ работниковъ и незамѣтно переводитъ разговоръ на тему о разногласіяхъ, царящихъ въ партіи. „Товарищъ профессоръ,“ — быстро перебиваетъ его собесѣдница, рослая стриженная дѣвица въ кожаной курткѣ, несмотря на мужской костюмъ, вовсе не утратившая миловидности, — „вы не должны удивляться, вы вѣдь знаете, какъ мы завалены работой; все партійныя засѣданія да засѣданія.“ — Бунинъ не смущенъ ея обращеніемъ, онъ знаетъ, что въ Совѣтской Россіи добрая половина такихъ же профессоровъ, какъ онъ, и потому онъ уже привыкъ къ такому невольному самозванству. — „Что же касается раздоровъ“, — продолжаетъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, коммунистка, — „то вѣдь вы прекрасно понимаете, что это все выдумки. Тренія между отдѣльными руководителями, разумѣется,

бывали, но они не мешали партии быть всегда сплоченной, чѣмъ мы и держимся. Повѣрьте, что наше положеніе безспорно улучшается. На экономическомъ фронтѣ мы выйдемъ такими же побѣдителями, какъ и на фронтѣ гражданской борьбы“. — Все болѣе и болѣе переходя на митинговый путь, слушательница начинаетъ читать Бунину цѣлую лекцію. Тутъ поминутно сыплются слова, заученныя изъ разныхъ большевистскихъ брошюръ; тутъ и „крахъ капитализма“, и „классовыя противорѣчія“, и „империализмъ“, и „мажоритарная система“, и пр. — „Бѣдная ты, бѣдная дѣвочка,“ — думаетъ Аркадій Ивановичъ, не безъ сожалѣнія глядя на собесѣдницу, — „бросить бы тебѣ всю эту федерацію и социализацію, въ которой ты въ концѣ-концовъ запутаешься и пропадешь, да заняться тебѣ тѣмъ дѣломъ, къ которому ты и духомъ, и тѣломъ болѣе приспособлена, подарить своему Тихому Дону пару-другую такихъ здоровыхъ, кровь съ молокомъ, ребятъ, какъ ты сама.“ —

Черезъ нѣкоторое время собирается порядочное количество слушателей и Бунинъ, занимая мѣсто на кафедрѣ въ помѣщеніи, не отапливавшемся и не освѣщавшемся всю зиму, начинаетъ лекцію, подыгрываясь подъ вкусы слушателей, у которыхъ онъ на хорошемъ счету, какъ „свой“.

„Товарищи, капиталистическое государство, въ лицѣ своихъ промышленниковъ, закабаляло рабочій классъ самымъ варварскимъ образомъ, чтобы, какъ паукъ, цитъ изъ него золотой сокъ,“ — такъ началъ свою лекцію Аркадій Ивановичъ, и велъ ее то вяло и монотонно, то, замѣчая упадокъ интереса со стороны аудиторіи, готовилъ какую-нибудь хлесткую фразу. Черезъ 50 минутъ лекція кончена и слушатели окружаютъ его съ тѣмъ, чтобы обращаться съ самыми глупыми вопросами. Обыкновенно Бунинъ терпѣливо велъ дополнительные бесѣды со слушателями, но сегодня онъ извинился и понесся внизъ къ руководителю курсовъ, чтобы поговорить по своему дѣлу. При входѣ Аркадія Ивановича директоръ курсовъ

(тоже профессоръ — изъ бывшихъ провизоровъ), черезъ свои очки посмотрѣлъ на него, какъ всегда, полупривѣтливо, полусухо. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ запротестовалъ. — „Это ни на что не похоже, товарищъ. Всѣ просятъ ѣхать. У насъ тутъ, простите, не проѣзжій домъ, а такъ сказать, лабораторія научныхъ знаній. Я не могу на это согласиться.“ — Видя, что дѣло не клеится, Аркадій Ивановичъ прощается и уходитъ съ курсовъ. Начинаетъ уже темнѣть, и зарево продолжающагося пожара красиво освѣщаетъ часть неба. Дуетъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ и панели вновь дѣлаются сухими и проходимыми. По дорогѣ Бунинъ забѣгаетъ въ залъ телеграммъ Донроста. Большое помѣщеніе бывшаго магазина, какъ всегда, набито народомъ, съ трудомъ читающимъ при свѣтѣ одинокой лампы послѣднія телеграммы и каррикатуры на злобу дня. Глазъ быстро улавливаетъ подзаголовки: „Переводъ часовой стрѣлки на одинъ часъ“, „Конфискація имущества бѣжавшей буржуазіи“, „Побѣды на трудовомъ фронтѣ“, „На красную доску“, „Пріемъ турецкой делегаціи въ Москвѣ“, „Забастовка въ Норвегіи“, „Ростъ безработицы въ Германіи“ и т. п. изо дня въ день встрѣчающіяся идентичныя извѣстія. Аркадій Ивановичъ вышелъ на улицу. Стало совсѣмъ темно. Лужи замерзли. Это наводитъ Бунина на мысль о возможности возвращенія холодовъ и о связанныхъ съ этимъ расходахъ, на покрытіе которыхъ нужны средства. Онъ рѣшаетъ поэтому пойти дальше къ своему знакомому Бажанову, инженеру изъ приспособившихся, получающему со службы керосинъ большими партіями по казенной цѣнѣ и затѣмъ распредѣляющему его черезъ комиссіонеровъ по рыночнымъ оптовымъ цѣнамъ. — „Надо будетъ заплатить ему за прежніе 5 пудовъ, да узнать, нельзя ли получить еще“, думаетъ Аркадій Ивановичъ, продолжая свой путь. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ и раскланивается со своимъ знакомымъ по Москвѣ, Пономаревымъ, отсидѣвшимъ по ошибкѣ, изъ-за сходства фамиліи

съ разыскивавшимся контръ-революціонеромъ, въ чекѣ и пришедшимъ въ такое нервное состояніе, что у него возникла манія преслѣдованія: онъ въ каждомъ человѣкѣ видитъ шпіона и потому можетъ выходить только въ темнотѣ. — „Бѣдный человѣкъ“, думаетъ Бунинъ и несется дальше.

Инженеръ Бажановъ занимаетъ во дворѣ одного дома, на улицѣ Стеньки Разина, прекрасную квартиру въ 4 комнаты, брошенную прежними бѣжавшими изъ нея домовладѣльцами. Въ нее Бунину приходится идти по двору вдоль высокаго каменнаго забора. Когда онъ проходитъ, какая-то черная масса отдѣляется отъ стѣны и грузно падаетъ на землю. Аркадій Ивановичъ бросается поднимать и узнаетъ своего сослуживца, юрисконсульта Комбезхоза, бывшаго воспитанника привилегированной школы и богатаго прежде человека, до нитки теперь обобраннаго и живущаго въ томъ же домѣ, гдѣ и Бажановъ. — „Что вы дѣлаете здѣсь, Сергѣй Александровичъ“, спрашиваетъ его Бунинъ. — „Да вотъ, сказать вамъ по правдѣ, краду кирпичи. У меня, видите ли, засорилась комнатная печка. Я принялся ее прочищать и испортилъ. Теперь хочу самъ исправить, а для этого нужны кирпичи, которыхъ, какъ вы знаете, ни по какой цѣнѣ не достанешь. И вотъ приходится, яко тать въ ноци, выламывать для этого кирпичи изъ нашего забора. А, кстати, слышали, нѣмцы идутъ на Москву, получили мандатъ отъ союзниковъ и потому въ Москвѣ возстаніе. Впрочемъ, вы вѣдь, навѣрно, къ Бажанову? У него вы узнаете всѣ сегодняшнія новости.“ Бунинъ прощается и поднимается въ квартиру Бажанова. Тамъ всѣ сидятъ за вечернимъ чаемъ въ столовой. Два, три постороннихъ лица, самъ Бажановъ и его жена. Бунинъ здоровается. Садится, и ему ставятъ чай со сливками и вареніемъ. — „А Абрамъ Захаровичъ намъ принесъ двѣ сногшибательныя новости“, заявляетъ хозяинъ, „впрочемъ, пусть онъ самъ вамъ повторитъ ихъ. Пріятныя вѣсти пріятно и слушать, какъ говорится.“

Молодой человекъ, къ которому обратился Бажановъ, „сообщаетъ послѣднюю новость“. Въ Кронштадтѣ и Москвѣ эсэры подняли возстаніе, Совнаркомъ выѣхалъ уже въ Орелъ и въ Ростовѣ получено распоряженіе всѣ продгрузы для столицъ адресовать на Орелъ.“ — „Очень интересно“, замѣчаетъ Бунинъ, „ну, а относительно движенія нѣмцевъ вы ничего не слышали?“ спрашиваетъ онъ въ свою очередь. — „Нѣтъ, но зато есть и другая новость, мѣстная; мнѣ сообщилъ ее подъ секретомъ знакомый, служащій въ Дончека. Сегодня ночью въ Ростовѣ будутъ опять повальные обыски. Всю эту здѣшнюю нервность и связываютъ съ возстаніемъ, которымъ, какъ говорятъ, руководятъ какіе-то генералы.“ — Завязывается общій разговоръ. Когда чай приходитъ къ концу Аркадій Ивановичъ, обращаясь къ Бажанову, проситъ удѣлить ему пару минутъ для разговора. Они переходятъ въ кабинетъ и садятся въ старыя глубокія кожаныя кресла. Аркадій Ивановичъ передаетъ деньги, получаетъ свой куртажъ и проситъ на завтра дать ему новую партію керосина. — „Дорогой Аркадій Ивановичъ, обстоятельства нѣсколько измѣнились. На службѣ у насъ неспокойно. Уже два завѣдующихъ отдѣлами арестованы и образована комиссія для обслѣдованія хозяйственныхъ заготовокъ матеріальнаго отдѣла. Хотя мой комиссаръ и нашъ контролеръ съ нами заодно и я дѣлюсь съ ними прибылью, но теперь они сами просили меня поостеречься и на время прекратить выдачи. Поэтому вы меня уже извините, но я могу вамъ пока дать только 2 пуда, которые находятся уже у меня дома. А потомъ придется на нѣкоторое время остановиться. Кромѣ того, я вамъ передамъ сегодня и тѣ росписки Государственнаго Банка, которыя вы мнѣ дали для храненія, ибо я очень боюсь обыска. Сейчасъ я схожу на чердакъ и принесу вамъ.“ Бажановъ уходитъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращается къ Аркадію Ивановичу съ небольшимъ сверткомъ. Послѣдній прощается, прячетъ свертокъ въ шляпу и идетъ домой.

Слухъ объ обыскахъ нервируетъ его. Хотя взять то и нечего, но сколько, тѣмъ не менѣе, волненія, непріятностей. Опять бессонная ночь! — „Боже мой“, думаетъ Аркадій Ивановичъ, „когда же это, наконецъ, кончится!“ — Затѣмъ мысли его переходятъ на неудачу съ керосиномъ. — „Значить опять образуется денежная брешь. Нѣтъ, надо ѣхать, ѣхать во что бы то ни стало, а то, еще одинъ мѣсяцъ и семья станетъ передъ вопросомъ о форменномъ голодѣ. А чортъ знаетъ, сколько еще времени будетъ продолжаться совѣтскій режимъ. — Эти революціи и возстанія, сколько уже упованій и надеждъ съ ними связывалось и всѣ онѣ разлетѣлись, какъ пухъ.“ — Аркадій Ивановичъ замечтался и спохватился лишь, растянувшись на землѣ. Онъ забылъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около домовъ со складами протянута проволока, которую приходится обходить. Днемъ, конечно, ее видно, но зато вечеромъ и ночью, когда городъ не освѣщается, онѣ незамѣтны, и много людей уже изъ-за нихъ искалѣчилось. — „Ахъ, проклятые,“ вырвалось у Аркадія Ивановича, когда онъ всталъ, потирая ушибленное колѣно и стараясь слегка обчиститься. Прихрамывая, онъ поплелся домой. У дверей ярко освѣщенныхъ кинематографовъ толпился народъ; доносились музыка. Изрѣдка, со стороны вокзала слышались одинокіе выстрѣлы.

Поднявшись ощупью по неосвѣщенной лѣстницѣ, Аркадій Ивановичъ, открывъ, ощупью же, дверь, вошелъ въ свою квартиру. Жена укладывала дѣтей спать. Аркадій Ивановичъ передалъ ей всѣ новости и пошелъ предупреждать объ обыскѣ своихъ квартирохозяевъ, бывшихъ купцовъ, теперь ограбленныхъ дочи́ста и нуждающихся, армянъ. Они уже слышали о готовящемся ночномъ развлеченіи, но при этомъ внесли поправку въ это извѣстіе. Будетъ не обыскъ, а облава на бездокументныхъ и дезертировъ. — „Во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ приготовиться и на случай обыска“, замѣтилъ Аркадій Ивановичъ и пошелъ въ свою комнату. Комната тускло освѣщалась

самодѣльной лампочкой ночникомъ, для котораго приспособлена была какая-то старая бутылка. Ночникъ давалъ больше копоти, чѣмъ свѣта. Дѣти уже лежали въ постели. Лидія Васильевна штопала чулки. — „Надо будетъ припрятать наши сокровища“, улыбаясь замѣтилъ Бунинъ. Жена вынула изъ комода одну царскую пятисотку и двѣ золотыя монеты — все это сокровище сберегалось про черный день. Пятисотку, съ принесенными Бунинымъ отъ Бажанова расписками, спрятали въ комнатную метелку. Золото опустили въ кофейникъ. Потомъ стали пить чай съ чернымъ хлѣбомъ. Бесѣда вертѣлась вокругъ слуховъ о возстаніи, о невозможности, въ связи съ этимъ, отъѣзда въ Москву и во всю ширь становился поэтому вопросъ о томъ, что дѣлать дальше. — „Мама принесла сегодня, когда ходила за продуктами, два хлѣба съ твоихъ двухъ службъ. Одинъ она „загнала“ и получила на базарѣ 9 тысячъ. Четверку табаку тоже продала за 2 тысячи. Ты получилъ отъ Бажанова 5 тысячъ. Это все составитъ 17 тысячъ. Вотъ на три дня и есть пропитаніе, а потомъ придется сѣсть на крупу, которая у насъ немного сохранилась. Кстати, мамѣ сегодня сказали въ распредѣлителѣ, что подсолнечнаго масла больше давать не будутъ. Значитъ, мы окончательно остаемся безъ жировъ. Развѣ это не трагизмъ!“ — „Сколько тебѣ стоилъ послѣдній мѣсяцъ?“ — „Да уже около 200 тысячъ рублей. Кромѣ того, ты знаешь, что цѣны непрерывно растутъ.“ — Бунинъ глубоко задумывается. Кажется онъ не дуракъ, работаетъ во всю, слегка даже спекулируетъ и все-таки ничего не выходитъ. Дѣйствительно, остается, какъ говоритъ Бажановъ, „je prends mon bien, où je le trouve“ брать взятки, мошенничать. Но, какъ это сдѣлать! Вѣдь и для этого нужно умѣніе. — „Ну, старушка, будемъ еще держаться,“ говоритъ онъ вслухъ женѣ, „придется пустить изъ послѣднихъ резервовъ пятисотку. Другого исхода нѣтъ, и при всемъ томъ, это еще не покроетъ всѣхъ расходовъ. Кромѣ

того, я не могу сшить себѣ сапогъ, придется, повидимому, ходить босикомъ.“

Супруги долго бесѣдуютъ на эту тему, измышляя способы, на чемъ бы съэкономить, что бы еще продать. Въ это время неожиданно зажигается электричество. — „Ну вотъ и сигналъ,“ говоритъ Лидія Васильевна, „предупреждаютъ насъ, чтобы мы приготовились. Пора разыгрывать комедію сна.“ — Полураздѣвшись, супруги ложатся, ожидая прихода ночныхъ гостей. Тѣ долго заставляютъ себя ждать. Бьетъ двѣнадцать, часъ, два. Не спится, и тяжелыя назойливыя мысли о завтрашнемъ днѣ, о хлѣбѣ насущномъ лѣзутъ въ голову, застилая всѣ другія мысли, переводя въ тяжелое и тревожное забытье.

Рѣзкій стукъ въ дверь разбудилъ начинавшихъ дремать отъ усталости супруговъ. — „Начинается,“ подумали они. Хозяинъ тоже предупреждаетъ ихъ, что въ домѣ начались обыски. Только что постучались и вошли къ сосѣдямъ. Пять минутъ волненія и томительнаго ожиданія и — вдругъ опять, еще гораздо болѣе тяжелый стукъ къ нимъ въ дверь, точно будто ее собираются выломать. Съ замирающимъ сердцемъ подходитъ Аркадій Ивановичъ къ дверямъ корридора, въ которомъ уже слышенъ шумъ входящихъ въ квартиру солдатъ. Слышатся громкіе голоса, стукъ прикладовъ. — „Приготовьте ваши документы“, раздается оглушительно - крикливый басъ у двери комнаты, занимаемой Бунинымъ. Дверь растворяется и три красноармейца, изъ коихъ одинъ со звѣздой, и разными нашивками на лѣвомъ рукавѣ, изображающими въ немъ начальника, входятъ въ комнату. У двери становятся два часовыхъ, третій у двери на лѣстницу. Пока длится процедура провѣрки старшимъ вороха удостовѣреній, предъявленныхъ Бунинымъ, два другихъ обшариваютъ комнату. Проснувшіеся отъ шума дѣти режутъ. Случайно оказывается приличный составъ солдатъ. Вещей не трогаютъ, ограничиваясь лишь опросами. Но, однако, почему-то, завернутая для предохраненія отъ копоти въ тряпку, картина приковывается ихъ вни-

маніе. Ее заставляют снять, развернуть и внимательно осматривают со всѣхъ сторонъ. Проверка документовъ заканчивается и „твердая власть“ удаляется, обходя другія комнаты квартиры. Все сходитъ благополучно; но зато отрядъ захватываетъ съ собой бѣднаго голодающаго художника, живущаго въ маленькой послѣдней комнатѣ. Его заставляютъ одѣться и уводятъ, какъ заявляетъ начальникъ „на счетъ выясненія его индивидуальности.“ Всѣ, притихшіе было, обыватели квартиры, выскакиваютъ въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ и собираются на нейтральной почвѣ, въ комнатѣ квартирохозяина. Идетъ горячій обмѣнъ мнѣніями о пережитыхъ минутахъ. Черезъ полчаса расходятся по комнатамъ и укладываются спать окончательно. Однако, пережитыя волненія, расшатывающія нервную систему, не даютъ сразу заснуть. Совѣтскій день законченъ!

ГЛАВА XIII.

Кто не спекулирует — тотъ
не ѣстъ.

Первый лучъ майскаго солнца проникъ въ спальню четвертаго этажа прекраснаго дома на Большой Никитской улицѣ въ Москвѣ и, попрыгавъ зайчиками по разнымъ угламъ комнаты, остановился на лицѣ мирно похрапывавшаго рядомъ съ своей супругой владѣльца квартиры, прежде присяжнаго повѣреннаго средней руки, а нынѣ сотрудника Жедостроя, Петра Петровича Баранова. Послѣдній лѣниво протеръ глаза и протянулъ руку къ часамъ, лежавшимъ на ночномъ столикѣ. — „Ага, пора и вставать“, замѣтилъ онъ, „Вѣрочка, Вѣрочка, уже 10 часовъ, надо подыматься“, добавилъ онъ, обращаясь къ своей женѣ, лѣниво потягивавшейся на кружевной подушкѣ.

Комната, по своему внѣшнему виду, мало чѣмъ отличалась отъ прежнихъ буржуазныхъ спаленъ и только уродливая переносная желѣзная печь посреди комнаты, еще не снятая послѣ зимы, показывала, что дѣло происходитъ въ коммунистическомъ государствѣ. Петръ Петровичъ еще немного подремалъ. Вспомнился ему комиссіонеръ Шейнисъ, который не принесъ еще деньги за сданные съ помощью Баранова доллары, ставя его въ неловкое положеніе передъ кліентомъ. Чело его нахмурилось, но сейчасъ же прояснилось при воспоминаніи о вчерашнемъ выигрышѣ у сосѣдей двухсотъ тысячъ рублей. Когда онъ приподнялся на постели, то лучъ, попавшій на брилліантовый перстень, надѣтый у него на палецъ, заставилъ его остановить на немъ вниманіе. — „Вѣрочка“, говорилъ онъ женѣ, любуясь камнемъ, „какая красота, совсѣмъ безупречный трехкаратникъ. Если бы у меня только были деньги, я бы самъ

оставилъ его за собой, благо теперь, изъ-за недостатка денежных знаковъ, вновь упала цѣна на драгоцѣнности. За него просятъ только три съ половиной милліона рублей, а все-таки трудно его помѣстить“. — „Да, да, Петя, ты поторопись съ продажей, а то у меня, вмѣстѣ съ твоимъ выигрышемъ, не болѣе, какъ дней на 5 денегъ. Мыло уже все вышло, а продажа пирожковъ, какъ ты знаешь, мало приноситъ выгоды“. — „Милая“, возражаетъ Петръ Петровичъ, ты же знаешь, что я не сплю. Я, кажется, достаточно твердо усвоилъ коммунистическій принципъ: „кто не спекулируетъ — тотъ не ѣстъ“. И поэтому, пока ты каждый день имѣешь на расходы до ста тысячъ рублей. И мы, слава Богу, еще не голодали“. — Съ этими словами Петръ Петровичъ достаётъ сапоги, вынимаетъ изъ нихъ запрятанную пачку англійскихъ фунтовъ и полуодѣтый относитъ ихъ въ переднюю и незамѣтно складываетъ въ шляпѣ. Затѣмъ онъ возвращается. — „Считаю долгомъ предупредить тебя, что у насъ сегодня обѣдаетъ, передъ отъѣздомъ въ Ростовъ, Аркадій Ивановичъ Бунинъ, котораго я снабдилъ сахариномъ; такъ ты, пожалуйста, если будутъ разговоры на эту тему, случайно не обмолвись, что сахаринъ мнѣ самому стоилъ пятьсотъ тысячъ рублей за кило, а не восемьсотъ тысячъ, какъ я ему сказалъ“, обращается онъ къ женѣ. — „Ну, слава Богу, за кого ты меня принимаешь. Вѣдь я себѣ не врагъ и тебя еще не ставила въ глупое положеніе“, раздается ему въ отвѣтъ. — „Конечно, ты права, но это я такъ, на всякій случай сказалъ. Кстати, не приходили ли твои спекулянты смотрѣть котиковое пальто, что мнѣ дала Грохольская. Ей нужны деньги до зарѣзу и она согласна скинуть цѣну. Надо подтолкнуть дѣло, а то цѣны падутъ“. Разговоръ супруговъ прерывается звонкомъ по телефону. Петръ Петровичъ бѣжитъ полуодѣтый и скоро возвращается.

— „Нѣтъ, это не Шейнисъ“, заявляетъ онъ, „а какой-то спекулянтъ вызывалъ твою тетку. Право же, съ нея надо взимать особую плату за

пользованіе телефономъ. Кажется, она думаетъ, что телефонъ существуетъ только для нея“. — Черезъ четверть часа супруги умытые и одѣтые входятъ въ столовую, гдѣ уже собралась семья, состоящая изъ мужа, жены, дочери съ гувернанткой и матери Барановой. Тетка съ мужемъ и сыномъ столуются отдѣльно. Петръ Петровичъ намазываетъ на хлѣбъ толстымъ слоемъ масло и передаетъ его женѣ. Единственная дань времени, это сахарный песокъ, вмѣсто кускового рафинада. Разговоръ за чаемъ поддерживается на тему о дороговизнѣ и о томъ, какъ найти изъ нея выходъ. Мать Вѣры Ильинишны нападаетъ на Петра Петровича за то, что онъ, по ея мнѣнію, мало зарабатываетъ и въ шутку говоритъ ему, что посоветуетъ своей дочери развестись съ нимъ, благо это такъ легко по совѣтскимъ законамъ, и вновь выйти замужъ за какого-нибудь комиссара. — „Ну, да и вы сами хороши“, замѣчаетъ Барановъ: „уже скоро третья недѣля, какъ бьетесь, а никакъ не можете получить разрѣшеніе на открытіе лавки, а еще хвастаетесь вашей дружбой съ квартхозомъ, который просто водить васъ за носъ. Уже въ томъ помѣщеніи, которое вы облюбовали, вчера мыли окна; значить, кѣмъ-нибудь другимъ готовится открытіе магазина“. — „Не беспокойтесь“, заявляетъ Агафья Тихоновна, „мое отъ меня не уйдетъ. Квартхозъ обѣщаль меня поставить въ извѣстность, когда онъ наладитъ отношенія съ районной управой, чтобы мое дѣло поставить на вѣрный путь. Впрочемъ, чтобы вы не беспокоились, я сама опять сегодня къ нему схожу“.

Споръ прерывается новымъ звонкомъ по телефону. — „Нечего подходить, Лиза“, кричитъ Петръ Петровичъ горничной, особѣ среднихъ лѣтъ, со слабыми признаками бывшаго носа, „не подходите къ телефону, а прямо зовите сюда старую барыню!“ — Приходитъ тетушка. Оказывается, что вызываютъ, дѣйствительно, ее. Суть ея разговора понятна и по репликамъ: „Да, да, видѣла“. — „Что?“ — „Ага, что же такъ дорого?“ — „Ну-ну“. — „При-

несите, я посмотрю“. — „Тетя,“ заявляет Барановъ, „коллективъ гражданъ, проживающихъ въ нашей коммуны, постановилъ присудить васъ къ единовременному чрезвычайному налогу за непрерывное пользованіе телефономъ, пользу изъ котораго извлекаете только вы одна. Налогъ будетъ состоять въ томъ, что вы обязаны будете простоять во всѣхъ очередяхъ, чтобы получить продукты, причитающіеся моей дочери. Эта задача, какъ вы знаете, почти безнадежная“. — „Ну теперь, однако, надлежитъ и послужить“, заканчивая второй стаканъ кофе, произноситъ затѣмъ Барановъ. Скоро онъ уже на лѣстницѣ. Спускаясь внизъ, онъ на минуту забѣгаетъ въ квартиру къ знакомому, бывшему владѣльцу крупнѣйшей типографіи, а нынѣ занимающемуся полегонько спекуляціей на валютѣ и драгоценностяхъ, и показываетъ ему брилліантовый перстень. О валютѣ, спрятанной въ шапкѣ, онъ не говоритъ, потому что знаетъ, что здѣсь слишкомъ развита теорія „не обманешь — не продашь“, и потому, „влипнувъ“ нѣсколько разъ съ Макѣевымъ, онъ закаялся вести съ нимъ дѣла. Брилліантъ Макѣеву нравится, но цѣна оказывается неподходящей и потому Барановъ уходитъ. На службу Барановъ попадаетъ лишь въ началѣ двѣнадцатаго. Почти всѣ въ сборѣ. За отсутствующихъ лицъ уже расписались въ „журналѣ посѣщенія“ другіе сослуживцы — и все въ порядкѣ. Петръ Петровичъ даже и не подходитъ къ своему столу, а прямо направляется въ кабинетъ къ своему начальству, гдѣ другіе, такіе же „спецы“, какъ и Барановъ, обмѣниваются мыслями о послѣднихъ новостяхъ.

— „Ну, Петръ, съ чѣмъ Богъ принесъ?“ спрашиваетъ его начальникъ одного изъ отдѣловъ Жедостроя, бывший содержатель танцкласса въ Москвѣ. Петръ Петровичъ показываетъ принесенные англійскіе фунты. Одинъ изъ собесѣдниковъ беретъ ихъ помѣстить и тутъ же заявляетъ, что есть предложеніе купить 1000 фунтовъ. — „Знаемъ мы эти выгодныя и крупныя дѣла“, замѣчаетъ другой собесѣдникъ. „Всегда эти требо-

336

ванія или крупныя предложенія идутъ изъ чека, чтобы ловить тѣхъ, кто попадаетъ на эту удочку. Мы птички маленькія, по зернышку клюемъ, но зато вѣрно, безъ промаха“. — „Господа“, заявляетъ начальникъ, Арцеуловъ, „надо использовать одну интересую возможность. Какъ вы знаете, въ Совнаркомѣ поднять вопросъ о томъ, чтобы запретить сепаратныя командировки за продовольствіемъ. Отъ нашего учрежденія такой поѣздки еще не было и было бы непростительной глупостью съ нашей стороны не использовать подходящаго момента. Петръ Петровичъ уже предлагалъ мнѣ свое содѣйствіе въ смыслѣ полученія по знакомству необходимаго для сего кредита. Я вчера переговаривалъ съ нашимъ главковерхомъ и заручился его принципиальнымъ согласіемъ. Теперь все дѣло за Барановымъ. Если онъ сумѣетъ въ два счета обработать финансовый отдѣлъ, крупно заинтересовавъ, какъ полагается, кого слѣдуетъ, то мы кое-что заработаемъ. Только — чуръ! Никому пока про это не говорить и во — вторыхъ, Петръ Петровичъ, если вы согласны, — вамъ дается только 48 часовъ для выполненія этого плана.“ — „Господа“, съ живостью подхватываетъ Петръ Петровичъ, которому мысль эта, въ виду наступившей у него заминки съ деньгами, очень понравилась. „Я согласенъ и могу обстряпать все, можетъ быть не въ 48 часовъ, а даже въ 24 часа. Дѣло, конечно, не за мной, а въ томъ, удастся ли заинтересовать и въ какой мѣрѣ, лицъ, отъ которыхъ зависитъ послѣднее слово. Операція должна быть не менѣе, какъ на 30—40 милліоновъ. Меньше и пачкаться не стоитъ — это разъ. Далѣе, надо, чтобы въ ней принимало участіе, въ смыслѣ дѣлежа прибыли, минимальное количество лицъ — это два. И, наконецъ, хозяйственная часть, т. е. полное распоряженіе средствами, если вы только мнѣ довѣряете, должна быть предоставлена мнѣ — три! Если эти условія подходятъ, я берусь за дѣло, если нѣтъ — умываю руки.“

Безапелляціонный тонъ Баранова, а также крупнѣйшій козырь въ его рукахъ, въ видѣ зна-

комства съ лицомъ, отъ котораго зависитъ фактическая выдача денегъ, заставляетъ остальныхъ участниковъ согласиться, хотя и съ неохотой, такъ какъ они понимаютъ, что львиная доля добычи, благодаря этому, попадетъ въ руки одного Баранова. — „Быть по сему“, говоритъ Арцеуловъ, „сегодня же, къ концу присутствія, у васъ, Петръ Петровичъ, будетъ на рукахъ, подписанное нашимъ главковерхомъ распоряженіе о командированіи изъ состава Жедостроя отвѣтственной экспедиціи въ Туркреспублику за продуктами на общую сумму до 40 милліоновъ рублей, для рабочихъ и служащихъ сего учрежденія. Вы же поѣзжайте выяснить, въ какой формѣ надо заготовить отношеніе, чтобы оно было пріемлемо для финансоваго отдѣла, и завтра же оно будетъ у нихъ. Напрасно говорятъ о медленности дѣлопроизводства въ совѣтскихъ учрежденіяхъ“, съ улыбкой добавляетъ онъ. — „И такъ, пока досвиданья, господа. Давайте заниматься прямыми служебными дѣлами. По мѣстамъ!“

Всѣ расходятся. Петръ Петровичъ идетъ въ свое отдѣленіе, бесѣдуетъ со своими подчиненными, удостовѣряетъ на прошеніи одной изъ своихъ служащихъ необходимость для нея полученія дюжины черныхъ пуговицъ изъ хозяйственнаго отдѣла, а заодно, (услуга за услугу), проситъ ее поразузнать, не нужно ли кому хорошее дамское котиковое пальто, цѣной только въ 5 милліоновъ рублей. Онъ высказываетъ увѣренность, что просьба его будетъ исполнена, такъ какъ знаетъ, что у нея есть знакомства въ миссіи одной изъ окраинныхъ республикъ, сотрудники коей, между дѣломъ переправляютъ къ себѣ на родину мѣха и цѣнныя вещи. Покончивъ съ этимъ дѣломъ и чувствуя себя уже достаточно послужившимъ, Петръ Петровичъ выходитъ на улицу.

Вспомнивъ, что онъ уже два дня не брился, онъ отправляется въ ближайшую совѣтскую парикмахерскую, гдѣ приходится очень долго ждать очереди. Пока онъ брѣтся, парикмахеръ спрашиваетъ его, не пріобрѣтетъ ли онъ по дешевой

цѣнѣ золотую десятку, которую поручилъ продать ему его знакомый. Петръ Петровичъ давно знаетъ этого парикмахера, который, какъ и всѣ, не можетъ существовать на совѣтское жалованіе, а потому слегка спекулируетъ, разумѣется, въ со-
отвѣтственно меньшемъ масштабѣ.

„Хорошо, принесите монету вечеромъ на квартиру, если можете сдать мнѣ ее за 80 тысячъ“, говоритъ онъ, вспомнивъ, что братъ жены, ожидающійся изъ поѣздки въ Кіевъ, должно быть, будетъ опять скупать золото для новой операціи. Въ зтотъ моментъ вниманіе его отвлекается легкимъ инцидентомъ, разыгрывающимся съ однимъ изъ кліентовъ. Послѣдній требуетъ, чтобы ему, въ виду наступившей жары, выбрили голову. Парикмахеръ же отказывается. — „Мы здѣсь совѣтскіе служащіе и должны исполнять распоряженія власти“, говоритъ онъ, „прочтите объявленіе и убѣдитесь, что голову мы можемъ брить только на основаніи спеціальнаго удостовѣренія отъ врача. Либо принесите таковое, либо обратитесь въ частную парикмахерскую.“ Въ концѣ-концовъ кліенту приходится смириться и замѣнить бритве короткой стрижкой волосъ.

Заплативъ за бритве свои двѣ тысячи, Петръ Петровичъ выходитъ на улицу. Уже часъ дня. Солнце ярко свѣтитъ; на улицѣ движеніе и оживленіе. Петръ Петровичъ боится опоздать къ своему знакомому и сосѣду по квартирѣ, Бакшту; поэтому онъ подходитъ къ извозчику на углу и называетъ адресъ. — „Да, двѣ десятки, положьте“, слышится въ отвѣтъ. — „Пятнадцать тысячъ“, говоритъ Барановъ. — „Напрасно торгуетесь, баринъ“, заявляетъ извозчикъ. Барановъ рѣшительно направляется къ слѣдующему. „Пожалуйте, баринъ“, кричитъ извозчикъ ему вслѣдъ и, понукая лошадь, подѣзжаетъ къ Баранову. Послѣдній садится въ пролетку и лошадь начинаетъ медленно трусить по мостовой. Проѣзжая по Воздвиженкѣ у Красной Академіи генеральнаго штаба, Петръ Петровичъ замѣчаетъ толпу. Извозчикъ шагомъ пробирается сквозь нее. Барановъ съ извозчи-

на окликаетъ знакомаго и спрашиваетъ его, что это означаетъ. Тотъ объясняетъ — это парадъ по случаю окончанія Академіи краснымъ комсоставомъ. Изъ воротъ бывшаго Шереметьевского дворца выходятъ стройными рядами новые преторіанцы — латыши, въ кожаныхъ шлемахъ на головѣ и въ длинныхъ лѣтнихъ рубахахъ, похожихъ на кафтаны, съ малиновыми жгутами на груди, совсѣмъ „опричники“, да и только!

Обогнувъ толпу и проѣхавъ еще немного дальше, Барановъ подъѣзжаетъ къ многоэтажному особняку, занимавшемуся прежде крупнымъ банкомъ. Онъ входитъ въ парадную, проходитъ мимо справочной части, существующей для ориентированія просителей въ этомъ огромномъ зданіи. Петръ Петровичъ поднимается дальше по лѣстницѣ съ бездѣйствующимъ лифтомъ. Въ помѣщеніи настолько сильно пахнетъ щами изъ столовой сотрудниковъ учрежденія, что можно предположить, что находишься въ прежней кухмистерской, а не въ правительственномъ мѣстѣ. Наконецъ Барановъ попадаетъ въ бывший операціонный залъ банка, раздѣленный теперь перегородками изъ фанеры на рядъ отдѣльныхъ комнатъ, и обращается къ дежурной барышнѣ съ привѣтствіемъ. — „Къ дѣлу, гражданинъ, мнѣ некогда здороваться“, звучитъ суровый отвѣтъ, „что вамъ нужно?“ — „На службѣ ли товарищъ Бакштъ?“ спрашиваетъ Барановъ. — „Сейчасъ узнаю“, и дѣвица исчезаетъ. Вышла и пропала. Другая барышня быстро спровадила слѣдующаго посѣтителя, заявивъ ему: „Намъ некогда, придите въ другой разъ“.

Петра Петровича это разозлило, ибо онъ прекрасно видѣлъ, что никакой работы въ дѣйствительности въ дежурной комнатѣ не производилось и всѣ служащіе были заняты разговоромъ. Ему надоѣло ждать и онъ самъ направился къ кабинету Бакшта. Дежурной, къ которой онъ сначала обратился, тамъ, конечно, не оказалось. Въ комнатѣ передъ кабинетомъ было много рабочихъ, разговаривавшихъ въ повышенномъ тонѣ. Дежурный курьеръ, мальчикъ, узнавъ Баранова,

мигнулъ ему и проводилъ его черезъ другую боковую дверь прямо въ кабинетъ Бакшта. Тамъ тоже была группа лицъ рабочаго типа, съ жаромъ объяснявшихъ что-то Бакшту. Послѣдній, увидавъ входящаго Баранова, подошелъ къ нему и извинился. — „Сейчасъ никакъ не могу съ вами переговорить, Петръ Петровичъ, даже по самому важному дѣлу. У меня тутъ недоразумѣніе съ выплатой жалованія рабочимъ. Но сегодня я обязательно зайду къ вамъ во время обѣда“, заключилъ онъ. Нечего было дѣлать, пришлось ретироваться ни съ чѣмъ. Когда Барановъ выходилъ изъ кабинета, до него донеслись слова Бакшта: „Товарищи, я вамъ повторяю, мы не дѣлаемъ никакой разницы между учрежденіями; всѣмъ выдаемъ въ порядкѣ очереди; при этомъ заводскіе комитеты получаютъ деньги на содержаніе раньше всѣхъ другихъ учрежденій; но поймите, что у насъ сейчасъ нѣтъ въ запасѣ свободныхъ знаковъ, потерпите немного!“ —

Выйдя на улицу, Барановъ посмотрѣлъ на часы. — „Боже, уже начало третьяго“, подумалъ онъ, „я опоздалъ къ завтраку. Нечего дѣлать, придется опять брать извозчика“, Договорившись съ ближайшимъ извозчикомъ, онъ поѣхалъ. Длиннѣйшая очередь на Маросейкѣ, заворачивавшая за уголъ и тянувшаяся еще на цѣлый кварталъ, остановила его вниманіе. Самъ извозчикъ счелъ нужнымъ завязать по этому поводу разговоръ со своимъ сѣдокомъ. — „Да, баринъ“, началъ онъ, „ну и времена же нынче настали, прости Господи. Это вѣдь на баню хвостятъ-то люди, почитай, цѣлый мѣсяцъ ждали и вотъ будутъ два дня баню топить. Оттого и такой хвостъ; по одну сторону мужчины, по другую — женщины. Вотъ до чего дожили! Ни тебѣ помыться, ни тебѣ поѣсть. Тьфу!“ И онъ сердито задергалъ возжами.

Когда Барановъ вернулся домой, всѣ уже кончили завтракать. Изъ кухни несся ароматъ сала. Петръ Петровичъ догадался, что Агафья

Тихоновна съ женою варятъ мыло изъ сала, которое онѣ сравнительно недорого получаютъ отъ знакомаго спекулянта и потомъ продаютъ мыло знакомымъ, недурно на этомъ зарабатывая. Дочь Петра Петровича еще въ школѣ, куда за ней пошла гувернантка. Петру Петровичу подають завтракъ изъ двухъ блюдъ и кофе со сливками. Жена его, окончивъ варку мыла, выходитъ изъ кухни и начинается общій разговоръ. Петръ Петровичъ рассказываетъ послѣднія новости, слышанныя на службѣ и затѣмъ сообщаетъ о предстоящей возможности ѣхать въ Туркестанъ. — „Если я возьму авансъ, то разумѣется, не повезу его въ деньгахъ, а поступлю какъ Дима: на авансъ накуплю здѣсь красокъ, духовъ и помады, которые, говорятъ, тамъ въ большомъ спросѣ, ликвидирую ихъ съ прибылью и на прибыль опять закуплю для себя лично какой-нибудь товарецъ. Меньше 200% я не заработаю и на полгода мы будемъ обеспечены.“ Всѣ начинаютъ съ живостью обсуждать эту возможность, причемъ мать Барановой высказываетъ опасеніе, что деньги не удастся получить, потому что ихъ не отпустятъ.

„Ну, это Бакштъ мнѣ устроить“, заявляетъ увѣренно Барановъ. Разговоръ прерываетъ тетка, только что пришедшая изъ кухни. „Господа, сейчасъ пришла знакомая спекулянтка и предлагаетъ масло по 20 тысячъ за фунтъ. — Хорошее масло, я уже взяла себѣ, совѣтую и вамъ взять.“ Всѣ молчатъ. — „Лиза“, обращается тетка къ вертящейся тутъ же горничной, „подите и скажите торговкѣ, что масло мы больше не беремъ“. Съ этими словами она подходитъ къ телефону и начинаетъ опять бесѣду. Петръ Петровичъ укоризненно качаетъ головой. Раздается звонокъ на парадной. Оказывается, что пріѣхали сынъ Агафьи Тихоновны, Дима и Китти, его молодая жена, только что вернувшіеся изъ поѣздки въ Кіевъ, откуда ихъ и ожидали. Послѣ обмѣна привѣтствіями и разспросами, выясняется, что поѣздка сошла благополучно, но не принесла столько выгодъ, сколько отъ нея ожидали.

— „Послѣ, послѣ расскажете,“ говоритъ мать, „идите, приведите себя въ порядокъ съ дороги.“ Петръ Петровичъ, тѣмъ временемъ, занятъ разборкой чемодана, изъ котораго онъ достаетъ продукты, привезенные молодыми изъ Кіева. Тутъ и мука, и конфекты, и даже зеленый лукъ. Когда разборка окончена, онъ самъ беретъ лѣстницу и лѣзетъ на антресоли, чтобы водрузить на нихъ чемоданъ. До него доносится изъ кухни разговоръ прислугъ. Горничная Лиза бесѣдуетъ съ кухаркой: — „А слышала ты, Даша, послѣднюю новость,“ говоритъ она, „нашъ перецъ-то опять собирается въ поѣздку. Онъ ѣдетъ въ Туркестанъ и думаетъ заработать миллионы. Вотъ черти! Наши-то никогда своего не упустятъ, ужъ будьте покойны!“ Петръ Петровичъ сплевываетъ съ досады и спускается съ лѣстницы. Затѣмъ онъ вновь одѣвается, чтобы на четверть часа сходить къ себѣ на службу.

— „Петя, ты уходишь?“ доносится до него изъ спальни Дмитрія Ильича голосъ послѣдняго. — „Да, а что?“ — „Для слѣдующей поѣздки мнѣ нужны золотые, плачу до ста тысячъ рублей за десятку. Въ Кіевѣ они стоятъ 140—150 тысячъ.“ Да вотъ у меня тутъ четыре пары золотыхъ часовъ, я ихъ купилъ въ Кіевѣ. Нельзя ли ихъ будетъ сразу же пустить въ оборотъ, а то мнѣ очень нужны деньги.“ — „Какъ, нельзя, — конечно можно. Возьмемъ ихъ у тебя и слегка спекулируемъ,“ говоритъ Барановъ, принимая часы и оцѣнивая ихъ съ видомъ знатока. Условившись о цѣнѣ, Петръ Петровичъ забираетъ вещи и отправляется на службу.

Дорогу ему преграждаетъ процессія,двигающаяся по Никитской — гражданскія похороны. Впереди нѣсколько паръ рабочихъ несутъ черные и красные стяги-плакаты съ надписями: „Миръ хижинамъ, война дворцамъ“, „Отречемся отъ здѣшняго міра“ и т. п.; затѣмъ на простыхъ дрогахъ красный гробъ съ вѣнками, украшенными красными лентами и позади него, всѣ рядомъ подъ руку, толпа рабочихъ и женщинъ, почему-то не-

ющая по очереди: — то „Вы жертвою пали борьбы роковой,“ то „Интернаціональ“.

Такъ какъ процессія двигается очень быстро, то черезъ 2 минуты Петръ Петровичъ уже у себя въ Жедостроѣ. Тамъ онъ застаётъ прежнюю картину: всѣ заняты личными дѣлами. Барановъ подходитъ къ группѣ служащихъ и слышитъ разговоръ. Одинъ изъ сотрудниковъ, Гонцкевичъ, рассказываетъ о посѣщеніи имъ польской миссіи въ Москвѣ — „Только что она открылась“, говоритъ онъ, „и я отправился туда, чтобы разузнать о порядкѣ оптаціи польскаго гражданства. Можете себѣ представить, я думалъ, что попалъ въ Губчека. Прихожу въ вестибюль особняка, занятаго миссіей на Поварской. Все стоятъ несомнѣнные чекисты. При входѣ сидитъ барышня, опрашивающая всѣхъ входящихъ. Я, разумѣется, обращаюсь къ ней по польски, а она отрицательно качаетъ головой и заявляетъ мнѣ: — „Вы напрасно говорите со мною по польски, я не владѣю имъ. Я сюда командирована отъ русскихъ властей.“ Можете себѣ представить мое удивленіе, когда она послѣ этого спросила мою фамилію, записала, зачѣмъ я приходилъ въ миссію, отмѣтила мой адресъ и отобрала мое удостовѣреніе личности, которое, впрочемъ, мнѣ вернули, когда я возвратился изъ канцеляріи. Удивительные порядки царятъ здѣсь!“ — „Да, куме,“ наставительно замѣтилъ другой сотрудникъ, „это тебѣ, проше пана, не электрофикація. Не особенно часто навѣщай миссію, а то, чего добраго, тебя самого навѣстятъ удалые ребята изъ чрезвычайки.“ — Разговоръ завязывается на тему о внѣшнихъ сношеніяхъ, внѣшней торговлѣ. Барышня, которой Петръ Петровичъ подписалъ сегодня прошеніе о пуговицахъ и которая считается спецомъ въ дипломатическихъ вопросахъ, заявляетъ, что въ другихъ миссіяхъ этого нѣтъ, хотя и за ними неотступно слѣдятъ. — „Впрочемъ, это все равно; нормальныхъ внѣшнихъ сношеній не будетъ, какъ не будетъ и внѣшней торговли. Вы знаете, что большевики вынуждены обратиться уже къ послѣднимъ экспортнымъ ресурсамъ. Мои друзья изъ

миссіи сообщили, что имъ совѣтское правительство предложило въ серъезъ, какъ экспортные товары, двѣ тысячи колодъ игральныхъ картъ и около 300 погребальныхъ вѣнковъ.“—Всѣ смѣются. Барановъ направляется къ кабинету начальника; по дорогѣ его догоняетъ одинъ изъ его дѣлопроизводителей, по фамиліи Лутугинъ. — „Петръ Петровичъ, на одну минутку, простите, что я васъ побеспокою. Но дѣло въ томъ, что не къ кому обратиться. Бога ради, одолжите мнѣ тысячъ 10—20 на пару дней. Ей-Богу, семья голодаетъ. Самому бы еще ничего, да вотъ на дѣтей жалко смотрѣть. Одинъ, еще мальчикъ, заболѣлъ. Просто ума не приложу, какъ выкрутиться, хоть ложись и помирай. Вотъ въ воскресеніе съѣзжу съ желѣзнодорожниками въ Тверь, привезу оттуда что-нибудь, тогда постараюсь вамъ отдать половину, а потомъ какъ-нибудь и остальное.“ — Петру Петровичу жалко этого бѣднаго, безупречно честнаго человѣка, бьющагося, какъ рыба объ ледъ, но не спекулирующаго, и онъ даетъ ему деньги. — „Товарищъ Лутугинъ,“ говоритъ онъ, „я охотно оказываю вамъ помощь, но согласитесь, что вѣдь это дѣлу не поможетъ. Черезъ нѣкоторое время вы можете опять очутиться въ такомъ же положеніи. Вамъ надлежитъ, какъ и всѣмъ, спекулировать, иначе и вы, и ваша семья пропадете. Кстати, не можете ли и вы мнѣ сдѣлать маленькое одолженіе. Помните, кажется у васъ на храненіи въ подвалахъ были старые рулоны съ кальками. Принесите ихъ мнѣ сегодня домой, но только по-позже, часовъ въ 11 вечера.“ — Лутугинъ немного удивляется этой странной просьбѣ, однако, обѣщаетъ ее исполнить, благодарить, но Барановъ уже захлопываетъ дверь, входя въ кабинетъ начальника. Послѣдній передаетъ ему только-что полученную резолюцію о командированіи экспедиціи въ Туркестанъ за продовольствіемъ на общую сумму 40 милліоновъ рублей. Петръ Петровичъ рассказываетъ о своихъ странствованіяхъ. Со своей стороны, Арцеуловъ проситъ позвонить ему по телефону о результатахъ переговоровъ съ Бакштомъ. Послѣ этого Петръ

Петровичъ, пригласивъ еще трехъ начальниковъ отдѣленія, приступаетъ къ демонстраціи привезенныхъ изъ Кіева часовъ. Послѣ осмотра и оцѣнки, одна пара приобрѣтается за полтора милліона рублей тутъ же чиновникомъ Арбузовымъ, другой же спецъ 2 пары беретъ къ себѣ на комиссію. Наконецъ, послѣдняя пара, не вызывающая, по-видимому, интереса, остается на рукахъ у Баранова. Черезъ нѣкоторое время всѣ прощаются и расходятся по домамъ.

Петръ Петровичъ возвращается домой. — „Петя, тебѣ звонилъ Шейнисъ,“ встрѣчаетъ Баранова Вѣра Ильинишна, отворяя ему дверь, „и просилъ передать, что деньги за валюту принесетъ обязательно завтра.“ — „Подавился-бы онъ со своими деньгами,“ ворчитъ Петръ Петровичъ. „Какъ надо быть осторожными со всѣми этими людьми. Вотъ уже пятый день все „завтраками“ меня кормить.“ — Почти одновременно съ Барановымъ возвращается и его дочь съ гувернанткой. — „Гдѣ вы пропадали,“ спрашиваетъ мать, „неужели такъ долго были занятія?“ удивляется она. — „Да нѣтъ же, мама,“ возражаетъ Ниночка, „ты же знаешь, что занятій никакихъ нѣтъ. Мы больше всего просто бѣгаемъ въ саду. Сегодня, между прочимъ, моей подругѣ Танѣ Князевой, нашъ соученикъ по классу разбилъ голову, когда мы играли въ чехарду. А мы съ мадемуазель, послѣ занятій, по случаю хорошей погоды, пошли въ зоологическій садъ. Какой онъ сталъ теперь жалкій!“ И дѣвочка начинаетъ съ жаромъ рассказывать свои впечатлѣнія. Всѣ клѣтки съ надписями „кондоръ“, „орелъ“, пустые или точно въ насмѣшку, наполнены курами и пѣтухами. Почти никакихъ звѣрей нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ верблюдовъ, пары львовъ, да ламы и мартышекъ. Ужасно пустой и скучный видъ. Какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе бѣлые медвѣди, голодные какъ и посѣтители сада, ѣдятъ даже черный хлѣбъ. Вообще, полный развалъ и какая-то пародія на зоологическій садъ!

Понемногу всѣ вновь собираются въ столовую.

Петръ Петровичъ передаетъ одну пару часовъ Димитрію Ильичу, указывая, что другая уже продана за 1.200.000 рублей, за которые онъ хочетъ получить 10% куртажа, двѣ остальные пары тоже, повидимому будутъ проданы. Послѣ этого Димитрій Ильичъ рассказываетъ про свою поѣздку въ Кіевъ. Ъхали они и туда и обратно въ международномъ вагонѣ, яко-бы въ командировку. Дѣйствительно, золото сейчасъ въ спросѣ въ Кіевѣ, но, такъ какъ они торопились обратно, то не успѣли выгодно помѣстить привезенныя въ Кіевъ золотыя монеты.

— „Ладно, ладно,“ думаетъ про себя Барановъ, „заговаривай намъ зубы; чай, миллионъ 5 хватилъ!“ — „Въ Кіевѣ Китти,“ продолжаетъ Гудковъ (фамилія Димитрія Ильича), — „снюхалась съ комендантомъ вокзала — коммунистомъ, представившись, что она одна и сумѣла получить обратный билетъ въ международномъ вагонѣ. Я же заплатилъ въ мѣстномъ статистическомъ отдѣлѣ и тоже получилъ обратную командировку, яко-бы для отвоза какихъ-то важныхъ статистическихъ матеріаловъ въ Москву. Между прочимъ, при поѣздкѣ, нашъ знакомый спекулянтъ мнѣ рассказывалъ, что теперь создаются цѣлыя общества, нанимающія за „пешкешъ“ вагонъ, устраивающія дыры въ обшивкахъ и двойное дно и такимъ образомъ провозящія огромныя суммы — керенки и золото, не боясь заградительныхъ и всякихъ иныхъ контрольных отрядовъ. Мнѣ хотѣлось бы еще разъ обернуться и повезти золото и керенки. Нужно будетъ опять измыслить командировку и заплатить за устройство ея Бакшту 1 или 2 миллиона рублей.“

Разговоръ скоро прерывается приходомъ Бунина, котораго ждутъ къ обѣду. Поздоровавшись и сообщивъ, что онъ получилъ всѣ пропуска и завтра выѣзжаетъ, онъ освѣдомляется, есть ли сахаринъ, который онъ заказалъ. Петръ Петровичъ уходитъ и сейчасъ же возвращается съ запечатанной металлической коробкой, извиняясь, что цѣна оказалась немного выше, чѣмъ онъ

предполагалъ,—не 750 тысячъ, а 800 тысячъ рублей за кило. — „Я боялся потерять эту возможность, а потому, въ виду того, что цѣна на него растетъ, рискнулъ взять. Если такая цѣна вамъ не подходитъ, я оставляю его за собой.“—„Нечего дѣлать,“ говоритъ Бунинъ, „получайте, пожалуйста, деньги.“ — И онъ непрекословно выплачиваетъ назначенную сумму. Агафья Тихоновна приглашаетъ всѣхъ къ столу. Подаютъ супъ съ пирожками, и Сидоровъ высказываетъ свое удивленіе, какъ они умудряются такъ хорошо ѣсть. — „Ничего, Аркадій Ивановичъ,“ отвѣчаетъ ему Барановъ: „понемножку тянемся, надо же какъ-нибудь просуществовать. То — то, то — другое, а потомъ, глядишь, и остается дѣтишкамъ на молочишко.“ Разговоръ переходитъ на тему о поѣздкѣ Бунина. Ему рекомендуютъ соблюдать осторожность въ пути съ сахариномъ. Надо какъ-нибудь замаскировать товаръ, а то, по слухамъ, недавно, передъ самымъ Ростовомъ, чека остановила поѣздъ, произвела поголовный осмотръ и отобрала около 10 пуд. сахарину изъ разныхъ вагоновъ. — „Впрочемъ, время у васъ есть обдумать, куда спрятать вашъ сахаринъ,“ замѣчаетъ Гудковъ, „вѣдь поѣзда тянутся медленно. Дѣйствительно, теперь, говорить, не желѣзная дорога, а желѣзная морока.“ — Всѣ присоединяются къ этому мнѣнію и начинаютъ, по обыкновенію хулить совѣтскую власть и ея руководителей. — „Чортъ знаетъ, кого только не найдешь теперь въ рядахъ нашего брата — „спецовъ“, заявляетъ Барановъ: „какія-то темныя личности пробрались къ кормилу правленія, носятъ университетскіе значки безъ орла, громко именуютъ себя профессорами, хотя изъ всѣхъ документовъ обладаютъ лишь свидѣтельствомъ о демобилизації или справкой о прививкѣ холеры. Жулики, вмѣсто паспортовъ, съ перечисленіемъ длиннаго ряда тюремъ, пріютившихъ въ разное время ихъ счастливыхъ обладателей, съ легкостью получаютъ новыя удостовѣренія, съ упоминаніемъ о 30-ти лѣтней высокополезной и безпорочной педагогической дѣятельности. Когда ихъ разоблачаютъ,

сплошь и рядомъ приходится какому-нибудь эксъ-приватъ-доценту поступать на вокзалъ въ совещикомъ, а потомъ, глядишь, черезъ нѣкоторое время онъ опять выплываетъ, смастеривъ новое удостовѣреніе художника, когда всѣ его художества сводятся къ тому, что онъ лѣтъ 10 занимался кражами въ магазинахъ готоваго платья. Женатые имѣютъ отмѣтку — холостъ и наоборотъ; у 30-ти лѣтнихъ въ паспортахъ значится 40 лѣтъ: для освобожденія отъ военной службы. И все это для того, чтобы вмѣсто мирнаго положенія на заслуженной каторгѣ занимать мѣста ответственныхъ коммунистическихъ со работниковъ. Въ общемъ мы такъ привыкли къ подобнымъ фокусамъ, что не придаемъ рѣшительно никакого значенія совѣтскимъ документамъ, зная, съ какой легкостью они добываются. Воображаю, какъ должно быть непонятно все, творящееся у насъ, для иностранцевъ. Впрочемъ, и для насъ самихъ за граница является какимъ-то большимъ просительнымъ знакомъ.“ —

— „Почему?“ спрашиваетъ Бунинъ. — „Голубчикъ,“ отвѣчаетъ, разрѣзывая жаркое, Петръ Петровичъ, „что же мы знаемъ объ иностранной жизни? Какіе-то случайные отрывки безъ всякой внутренней связи, которые заблагоразсудится печатать нашей власти. Какое-то сумбурное впечатлѣніе о всеобщей революціи, которая, однако, все почему-то не можетъ возникнуть. О нашихъ зарубежныхъ русскихъ мы тоже знаемъ какія-то небылицы: о разложеніи арміи Врангеля, о партійныхъ ссорахъ, о всеобщемъ разореніи эмигрантовъ и связаннымъ съ тѣмъ нравственнымъ ихъ паденіи, особенно женщинъ.“ — „Кстати, о нашихъ эмигрантахъ,“ съ горячностью перебиваетъ его Гудковъ: „я ихъ не понимаю, неужели они не могутъ намъ помочь.“ — „Да какъ же и чѣмъ они помогутъ,“ возражаетъ Барановъ, „когда бывшіе союзники махнули на насъ рукой и думаютъ, какъ бы самимъ заполучить лакомый кусокъ изъ русской добычи, въ невѣдѣніи полагая, что у насъ самихъ еще что-то есть.“ — „Да я

вовсе и не хочу интервенціи, въ успѣхъ которой, какъ и всѣ москвичи, мало вѣрю, но меня удивляетъ одно, — вотъ теперь тамъ, заграницей, повидимому, собираются какія-то русскія конференціи, съѣзды. Неужели же они не могутъ ничего придумать изъ того, что въ ихъ же возможности. Главнымъ образомъ, препятствуя всѣми средствами дѣятельности совѣтскихъ представителей, они принесли бы великую пользу намъ, скажу больше, всему міру. Почему теперь измѣнена тактика, которая прежде примѣнялась русской соціалъ-революціонной партіей? Неужели же положеніе лучше? Неужели же не томится вдесятеро, въ пятьдесятъ разъ больше, чѣмъ раньше, въ русскихъ тюрьмахъ членовъ русскихъ соціалистическихъ партій? Вѣдь имъ терять нечего. Вѣдь, въ концѣ концовъ, все общественное мнѣніе будетъ на ихъ сторонѣ. Такъ почему же они спятъ, почему бездѣйствуютъ и только говорятъ... говорятъ! Неужели имъ не приходятъ въ голову эти простыя мысли?“ съ подъемомъ закончилъ Гудковъ. — „Тебя бы послать, Дима, агитаторомъ въ Европу,“ вставляетъ свое замѣчаніе Барановъ. — „Да, ужъ повѣрь,“ продолжаетъ Гудковъ, „если бы мнѣ только удалось вырваться отсюда, изъ нашего рая, я бы не сидѣлъ сложа руки. Я бы цѣлый день бѣгалъ, стыдилъ бы однихъ, поддерживалъ бы бодрость въ другихъ и, навѣрно, нашелъ бы гражданъ, которые, проснувшись, вспомнили бы, своихъ страждущихъ братьевъ и вступили бы на путь активной борьбы съ совѣтской властью.“ — „Дмитрій, навѣрное, многіе такъ думали, пробираясь за границу, можетъ быть, у другихъ сердца по личнымъ причинамъ еще болѣе были полны чувствомъ мщенія, чѣмъ у тебя,“ замѣтилъ Барановъ, „однако, всѣ они, пребывая заграницей, въ условіяхъ исключительнаго спокойствія, занятые устройствомъ своего матеріальнаго положенія, быстро остываютъ. Старыя раны заживаютъ и кончается, какъ всегда у русскихъ „моя хата съ краю“ или „ты пошли туда Реада, а я посмотрю.“ Поэтому-то я плюнулъ

на все, не жду ни отъ кого помощи и спекулирую.“ — „Господа,“ указывает Бунинъ, „можетъ быть, вы всё ошибаетесь. Вѣдь во всѣхъ нападеніяхъ на поѣзда и въ повстанческомъ движеніи у насъ въ Россіи видна, помимо стихійнаго характера, чья-то рука. Я думаю, что здѣсь не безъ русскихъ зарубежныхъ вліяній. Впрочемъ, вѣдь вы всё москвичи скептики и не вѣрите во всё эти выступления такъ искренно, какъ мы — ростовцы. У насъ съ каждымъ слухомъ связываются трепетныя ожиданія близкаго наступленія лучшаго будущаго.“ — „Ничего, ничего, и вы успокойтесь,“ говоритъ Петръ Петровичъ; „вѣдь вы только полтора года подъ совѣтской властью, а мы, увы, уже почти четыре. Такъ и у насъ раньше было много надеждъ и иллюзій. Сколько лицъ изъ-за этихъ иллюзій пострадало и поплатилось головой. Понятно, что мы давно махнули на все рукой и заняты вопросомъ, какъ бы набить свой чемоданъ сегодня и завтра.“ — „Да, въ этомъ отношеніи, какъ я сегодня убѣдился, вы большой мастеръ,“ замѣчаетъ Бунинъ, принимая изъ рукъ хозяйки передаваемую тарелку съ французскимъ компотомъ и обращаясь къ ней. — „Да, это обычное и ежедневное наше меню,“ отвѣчаетъ она; „пока стараемся держаться, не отказывая себѣ въ ѣдѣ.“

Разговоръ незамѣтно переходитъ на продовольственные темы. Тѣмъ временемъ подается кофе. Во время кофе въ комнату входитъ, или вѣрнѣе, всплываетъ грузная, жирная фигура Бакшта, котораго друзья въ шутку называютъ „попадъей“. — „А вотъ и попадья пришла,“ говоритъ онъ, дѣлая общій поклонъ. Ему предлагаютъ чашку кофе. Онъ не отказывается, но заявляетъ, что ему скоро нужно уѣхать по дѣлу, а потому проситъ на минутку переговорить съ Петромъ Петровичемъ.

— „Простите насъ, господа, мы васъ немного покинемъ,“ заявляетъ Барановъ и удаляется съ Бакштомъ къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ онъ сообщаетъ ему планъ поѣздки, указывая на то, что Дмитрій Ильичъ удачно обернулъ деньги и

завтра или послѣзавтра Бакштъ получить свои фиксированные три милліона рублей пользы. — „Тутъ,“ продолжаетъ Барановъ, „дѣло гораздо крупнѣе. Надо получить большую сумму, и мнѣ хотѣлось бы взять съ вами не менѣе 10—15 милліоновъ чистыхъ.“ — „Хорошо, что вы поторопились,“ говоритъ Бакштъ, „сегодня этотъ вопросъ обсуждается въ Совнаркомѣ и уже предрѣшенъ въ смыслѣ категорическаго запрещенія дальнѣйшихъ самостоятельныхъ закупокъ. Я же помѣчу это дѣло сегодняшнимъ днемъ и, если вы ничего не имѣете противъ того, чтобы позволить мнѣ ознакомить съ вашими предположеніями во всѣхъ ихъ деталяхъ моего принципала, то вы можете считать ваши 40 милліоновъ въ карманѣ. Но, знаете, въ чемъ осложненіе. Такія экспедиціи въ Туркестанъ стали съ наступленіемъ теплаго времени хроническими и представительство Турк-республики въ Москвѣ не даетъ разрѣшенія на въѣздъ въ нее отдѣльнымъ лицамъ, иначе, какъ подъ условіемъ оставаться тамъ на службѣ. Продовольствіе же и всякія сладости вывозить не разрѣшается.“ — „Это дѣло поправимое, мы тогда повернемъ эту поѣздку на Украину или Сѣверный Кавказъ,“ замѣчаетъ Барановъ. — „Ну, тогда уполномочьте меня переговорить съ моимъ начальствомъ о нашемъ участіи въ половинѣ чистой прибыли отъ экспедиціи и я заранѣе вамъ обѣщаю устроить предпріятіе,“ говоритъ Бакштъ, „завтра въ 12 ч. я вамъ позвоню на службу.“ — „По рукамъ,“ заключаетъ Барановъ и они возвращаются въ столовую. Вскорѣ Бакштъ уходитъ. Тетушку еще разъ вызываютъ къ телефону, потомъ приходитъ тоже сосѣдъ по квартирѣ, у котораго былъ утромъ Барановъ. Онъ съ таинственнымъ видомъ вызываетъ изъ столовой Дмитрія Ильича. Вскорѣ они возвращаются. Въ это время съ чернаго хода приходятъ еще двое сосѣдей, предлагаютъ брилліантовыя кольца и николаевскія деньги.

— „Однако, у васъ тутъ прямо биржа,“ замѣчаетъ Бунинъ Петру Петровичу. — „Да, флегматично

352

произнести Барановъ, „нашъ домъ похожъ на
прежнее кафэ спекулянтовъ: вы, не выходя изъ
него, можете все, что угодно, купить и продать.
Такая домашняя система вполне замѣняетъ кафэ
и совершенно безопасна, какъ показываетъ нашъ
двухлѣтній опытъ. Такихъ домовъ много въ
Москвѣ. Въ этомъ отношеніи коммунисты могутъ
быть довольны. Ихъ коммунистическій идеалъ
достигнуть. Созданъ новый институтъ „спекуля-
тивныхъ коммунъ“, въ шутку прибавляетъ Петръ
Петровичъ. Вскорѣ Бунинъ прощается и ухо-
дитъ, унося съ собой сахаринъ и какой-то свертокъ,
который ему передъ прощаніемъ передаетъ Вѣра
Ильинишна. Провожая, ему желаютъ счастливаго
пути и успѣха.

Приходитъ парикмахеръ Петра Петровича и при-
носитъ золотую десятирублевку. Барановъ уплачи-
ваетъ ему условленные 80 тысячъ рублей и
уходитъ къ себѣ, предупредивъ по телефону Ар-
цеулова о согласіи Бакшта на сдѣлку съ ко-
мандировкой. — „Ну вотъ, Дима, говоритъ онъ
черезъ нѣкоторое время своему бо-фрѣру, когда
тотъ входитъ въ кабинетъ, „начало твоему золо-
тому фонду положено. Могу тебѣ уступить де-
сятку за 95 тысячъ“. Сдѣлка окончена и они об-
суждаютъ, какъ провести совместно вечеръ. Рѣ-
шено вчетверомъ отправиться послушать музыку
и пѣніе. Дамы съ радостью принимаютъ при-
глашеніе и скоро вся компанія отправляется
въ ближайшій театрикъ. Уплачиваютъ одному
изъ вертящихся у театра барышниковъ по
10 тысячъ за билетъ и занимаютъ мѣста. Про-
грамма смѣшанная: концертъ, танцы и маленькій
водевильчикъ. Театръ полонъ. Въ залѣ душно, теп-
ло и стоитъ типичный избенный запахъ. Спектакль
идетъ по серіямъ. Въ антрактахъ публика лущитъ
сѣмячки и вслухъ выражаетъ свои сужденія по
поводу исполненія программы. Костюмы у акте-
ровъ до нельзя старыс. Артисты играютъ не-
брежно. Ясно чувствуется, что мысли ихъ, какъ
и у многихъ присутствующихъ, полны заботами
о завтрашнемъ днѣ. Тутъ не до игры. Скоро

серія заканчивается и наши знакомцы возвращаются домой пить чай.

— „Сегодня вечером“, заявляет Барановъ, „я иду къ мадамъ Крюгеръ. У этой милой соломенной вдовушки, мужъ которой бѣжалъ къ бѣлымъ и уже полтора года какъ безъ вѣсти пропалъ, устраиваются иногда картишки. Мой сослуживецъ по Жедострою, Шмидтъ, предлагаетъ къ ней отправиться. Такъ какъ мнѣ вчера повезло, я вновь хочу попытать счастья“, заявилъ онъ. — „Хоть я и съ дороги, но отъ такого соблазна мнѣ всегда трудно устоять“, замѣчаетъ Дмитрій Ильичъ, „я тоже пойду съ тобой, если ты меня возьмешь“. — „Разумѣется“, отвѣчаетъ Петръ Петровичъ, „вотъ, позволить ли только Екатерина Александровна тебѣ пойти“. — „Китти моя умница“, отвѣчаетъ Гудковъ, „она никогда ни во что не вмѣшивается, кромѣ вопросовъ чисто спекулятивныхъ, въ которыхъ она у меня большая мастерица. И такъ, пойдемъ. А пока мнѣ всетаки нужно будетъ зайти къ Бакшту поговорить съ нимъ о моей поѣздкѣ. Если хочешь, пойдемъ вмѣстѣ, Петя“, добавляетъ онъ.

Чай продолжается. Агафья Тихоновна приходитъ какъ разъ къ концу его. Она была у квартхо-за и дѣлится своими впечатлѣніями. — „Я опять надоѣдаю вамъ“, заявила я ему, „но мнѣ бы хотѣлось знать точно, могу ли я рассчитывать на помѣщеніе для устройства торговли. Я васъ поблагодарю за это. Онъ тогда мнѣ чуть ли не въ сердцахъ отвѣтилъ: „Я уже вамъ обѣщалъ, Когда только можно будетъ, сейчасъ же васъ предупрежу. Мнѣ самому ничего не нужно, а вотъ для другихъ учрежденій вы на всякій случай заготовьте милліона два рублей на подарки.“ Вотъ и все, что онъ сказалъ.“ — „Господа“, съ живостью замѣчаетъ Дмитрій Ильичъ, „вы поступаете неправильно. Надо не обѣщать этому вашему, какъ его, квартхозу, а прямо таки сунуть ему въ руку. Это было бы куда вѣрнѣе.“ — „Какъ бы не такъ“, возражаетъ Агафья Тихоновна, „дать ему деньги, а онъ ихъ за спасибо возьметъ,

а самъ вдругъ ничего не сдѣлаеть. Нѣтъ, ще подождемъ пару дней, а тамъ видно будетъ“. Раздается звонокъ. Лиза открываетъ. Оказывается, что пришли нѣсколько родственниковъ въ гости, узнавъ о благополучномъ возвращеніи Дмитрія Ильича съ женой изъ Кіева. По правдѣ же сказать, они рассчитываютъ получить подарки изъ числа продовольствія, привезеннаго съ собой молодыми.

Прислуга вновь ставитъ самоваръ. Ведется общій разговоръ, во время котораго Петръ Петровичъ и Гудковъ идутъ въ сосѣднюю квартиру къ Бакшту. Она представляетъ изъ себя цѣлую картинную галерею, такъ какъ Бакштъ спекулируетъ, между прочимъ, и картинами: скупаетъ ихъ и помаленьку, съ помощью нѣкоторыхъ иностранныхъ миссій сплавляетъ картины и фарфоровыя вещи за границу. Онъ сумѣлъ за хорошій кусъ получить особое охранное свидѣтельство на эти вещи, какъ якобы находящіяся на особомъ учетѣ у Наробраза и лишь временно оставленные у него на храненіи. Поэтому, когда къ нему однажды по доносу явилась чека, заинтересовавшаяся его отношеніемъ къ частному экспорту за границу картинъ, ему быстро удалось отвертѣться отъ непріятныхъ послѣдствій визита и даже онъ, какъ крупный совслужащій, получилъ извиненіе за причиненное ему безпокойство. Наши посѣтители застаютъ Бакшта въ его шикарномъ кабинетѣ. Онъ сидитъ съ какимъ-то господиномъ, предлагающимъ крупный, безукоризненной чистоты брилліантъ. Такъ какъ пришли свои люди, онъ проситъ продавца не безпокоиться. Петръ Петровичъ идетъ въ будуаръ къ женѣ Бакшта, Евгеніи Абрамовнѣ, а Дмитрій Ильичъ остается въ кабинетѣ и по окончаніи сдѣлки съ брилліантомъ, приступаетъ къ разсказу о своей поѣздкѣ и дѣлаетъ выкладки матеріальныхъ результатовъ отъ всей операціи на деньги, полученные при помощи Бакшта. Петръ Петровичъ тѣмъ временемъ бесѣдуетъ съ красивой, полной блондинкой изъ Харькова, которую Бакштъ когда-то подобралъ въ Парижѣ и на которой женился.

Попрощавшись съ хозяевами, оба возвращаются домой. Всѣ родственники сидятъ въ это время за лото. Раздается звонокъ и Петръ Петровичъ вспоминаетъ, что долженъ былъ прійти Лутугинъ и самъ идетъ открывать ему дверь. Дѣйствительно, въ приходшемъ онъ узнаетъ своего сослуживца, принесшаго два большихъ рулона кальки. Петръ Петровичъ благодаритъ его, поясняя, что это ему нужно для нѣкоторыхъ техническихъ работъ и прощается. — „Воображаю, какія это техническія работы“, думаетъ, спускаясь по лѣстницѣ, Лутугинъ: „очевидно, какая-нибудь спекуляція. Но какая? Вѣдь это — старая калька съ чертежами на ней. Кому она можетъ быть нужна?“

Тѣмъ временемъ Петръ Петровичъ относитъ кальку въ спальню, кладетъ рулонъ подъ кровать и возвращается въ столовую. Скоро онъ прощается и съ Димитріемъ Ильичемъ идетъ играть въ карты къ госпожѣ Крюгеръ. Въ первомъ часу ночи гости расходятся. Вѣра Ильинишна отправляется на кухню брать счетъ съ кухарки и заказывать ей обѣдъ на завтра. Происходитъ очередное столкновеніе съ послѣдней, уже обжившейся въ домѣ Барановыхъ, и потому держащей себя крайне вызывающе. Уходитъ она никуда не хочетъ, отлично понимая, что нигдѣ ей не получить такую ѣду. Поэтому, недоразумѣніе, какъ всегда, кончается слезами, съ упоминаніемъ, что барыня не цѣнитъ своихъ прислугъ, что подозрѣваетъ ихъ въ воровствѣ и проч. Вѣра Ильинишна возвращается къ себѣ и въ пеньюарѣ ложится на софу читать какой-то старый французскій романъ.

Въ два часа ночи Барановъ съ Гудковымъ возвращаются. Первый взволнованнымъ голосомъ рассказываетъ женѣ: — „Можешь себѣ представить дорогая, какой скандалъ! Я съ Димой проиграли немного и такъ какъ у насъ игра шла не шатко не валко — (не безпокойся, я пусяки проигралъ) — мы рѣшили итти домой. Я стоялъ и смотрѣлъ, какъ волновался и кипятился одинъ молодой студентъ, пріѣхавшій съ юга по

356

спекулятивнымъ дѣламъ и рѣшившій попытать счастья. Сначала ему какъ будто бы везло, а потомъ онъ началъ все больше и больше проигрывать. Повидимому, онъ сталъ слѣдить за партнеромъ, потому что вдругъ закричалъ на Шмидта: — „Вы сдѣлали накладку!“ — Мошенничество открылось. Студентъ бросился наносить Шмидту удары по лицу. Другой изъ партнеровъ, повидимому, бывший въ стачкѣ со Шмидтомъ, успѣлъ, однако, забрать деньги. Шуллеръ удралъ, а его партнеръ, введенный въ домъ Шмидта, сталъ всячески выгораживать себя. Въ общемъ, ужасная гадость! Имѣй въ виду, что это не въ какомъ-нибудь клубѣ, а среди знакомыхъ. Боже мой, до чего упали у насъ нравы! До чего довела насъ совѣтская власть!“

— „Ну, слава Богу, что ни ты, ни Дима не влопались“, замѣчаетъ Вѣра Ильинишна, раздѣваясь. Петръ Петровичъ продолжаетъ: — „Могу тебя, кстати, порадовать, сегодня я вновь досталъ кальку“ и онъ показываетъ рулонъ: „можешь опять ее вымыть и выкипятить и мы, какъ прошлый разъ, пустимъ въ продажу новый, только что изъ Англіи полученный батистъ двойной ширины по цѣнѣ 10 тысячъ рублей за аршинъ.“ — „Ну, и я тебя пораду“ отвѣчаетъ Вѣра Ильинишна, „я продала, пока ты бесѣдовалъ съ Бакштомъ, Бунину спиртъ, который намъ достался даромъ, причемъ взяла съ него 120 тысячъ рублей, тогда какъ его всюду можно получить, какъ ты знаешь, за 80 тысячъ.“ — „Да, ты у меня молодецъ“, говоритъ Петръ Петровичъ, поворачивая электрическую кнопку и погружая комнату во мракъ. — „Слава Богу“, отвѣчаетъ Вѣра Ильинишна, „кажется я не первый день живу и уже твердо усвоила главную коммунистическую заповѣдь: „кто не спекулируетъ — тотъ не ѣстъ“, заканчиваетъ она.

ГЛАВА XIV.

Н р а в ы.

Будучи сама по себѣ темной, совѣтская власть на всѣ стороны русской жизни наложила свой мрачный и грязный отпечатокъ. Во всѣ слои русскаго населенія проникла необыкновенная испорченность, которая лишь съ теченіемъ долгаго времени сможетъ постепенно исчезнуть.

Какъ будто бы совѣтская власть своей спеціальной задачей поставила расшатать тѣ устои общественной морали, которые доминировали въ русскомъ народѣ. Начать хотя бы съ воспитанія. Здѣсь, проводимая Наробразомъ политика, сводится къ тому, чтобы вырвавъ дѣтей изъ семьи, избавить ихъ отъ вліянія тлѣтворныхъ семейныхъ устоевъ и мѣщанской морали. Въ результатѣ школьные нравы дошли до такого состоянія, что печальныя явленія, бывавшія раньше въ видѣ исключеній въ женскихъ открытыхъ и закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, теперь къ сожалѣнію встрѣчаются на каждомъ шагу. Даже больше того, тов. Коллонтай поздравляла юную 12-лѣтнюю воспитанницу пріюта, произведшую на свѣтъ ребенка. Такимъ образомъ, совѣтская власть не видитъ ничего плохого въ томъ, что дѣти начинаютъ производить дѣтей. Въ школахъ занимаются мало. Педагоги больше заняты прирученіемъ обоихъ половъ; поэтому вопросы любви и проблемы пола начинаютъ интересовать молодежь въ болѣе раннемъ возрастѣ, чѣмъ раньше. Если обратиться къ болѣе маленькимъ дѣтямъ, то и тутъ поражаетъ перемѣна. Общая тяжелая и грубая обстановка современной жизни находитъ себѣ отраженіе и въ дѣтскихъ играхъ. Больше всего имѣютъ успѣхъ игры въ революцію, въ бѣлыхъ и большевиковъ, причемъ эти игры

сопровожаются изображеніемъ грабежей, на-
силій, арестовъ и казней. Огрубѣніе нравовъ
проникаетъ все глубже и глубже въ дѣтское сердце.
Я самъ былъ случайнымъ свидѣтелемъ финала
своеобразной современной игры, когда группа дѣ-
тей, связавъ кошку и введя ей внутрь довольно не-
красивымъ способомъ резиновую кишку, надувала
черезъ эту кишку несчастную, метавшуюся и
отчаянно мяукавшую кошку, пока она, наконецъ,
не лопнула. Какой будетъ нравственный уровень
у будущихъ взрослыхъ, когда они съ дѣтства
уже начинаютъ проявлять подобныя садистскія
наклонности!

Также послѣдовательно ведется и разрушеніе
религіозныхъ устоевъ. Дѣти распѣваютъ на
улицахъ частушки, вродѣ: „Богъ разгнѣвался
на насъ, улетѣлъ на небо и оттудова прислалъ
намъ осьмушку хлѣба“ и т. п. Легкомысленное отно-
шеніе къ Богу, антирелигіозная пропаганда, сати-
рическія каррикатуры дѣйствуютъ двояко. На
людей взрослыхъ они не производятъ большого
впечатлѣнія и, какъ я уже отмѣтилъ, обычно
вызываютъ эффектъ, обратный тому, котораго
ожидали бы отъ нихъ коммунисты. Что же ка-
сается вліянія этой пропаганды на подростающее
поколѣніе, то можно опредѣленно сказать, что,
поскольку это тлетворное вліяніе не парализуется
семьей, дѣти растутъ атеистами и не только
въ пассивномъ, но и въ активномъ отношеніи.
Я уже не говорю про непосѣщаемость церкви;
но самое отношеніе къ основнымъ началамъ хри-
стіанской морали и построеннымъ на нихъ совре-
меннымъ житейскимъ устоямъ, является ирониче-
скимъ и враждебнымъ. Коснулось это одинаково,
какъ христіанскихъ, такъ равно и патріархальныхъ
еврейскихъ семействъ. Не говорю уже про упомя-
нутый ранѣ мною коммунистическій союзъ моло-
дежи, ставшій главнымъ центромъ коммунисти-
ческой и всякой иной развращающей пропаганды
среди подрастающаго поколѣнія.

Видя, по отношенію къ себѣ, со стороны власти,
надувательство и обманъ, русское населеніе, по

поговоркѣ, „какъ аукнется—такъ и откликнется“, приучается придерживать такую же системы и по отношенію къ власти. Отдѣльныя черты этихъ отношеній изображены мною въ предшествующихъ очеркахъ и потому я не буду долго на нихъ останавливаться.

Одно, что мнѣ хотѣлось бы еще отфнить, это отношеніе къ исполненію своего долга вообще и трудовыхъ обязанностей въ частности. Уже бывшая до революціи война до извѣстной степени расшатала и понизила производительность русскаго труда и безъ того стоявшаго неизмѣримо ниже, по сравненію съ другими европейскими народами, не говоря уже про американцевъ. Совѣтская власть, введя исключительную регламентацію труда, отнюдь, какъ мы видѣли, однако, не способствовала подъему трудовой энергіи населенія и своими мѣрами лишь вызывала большую дезорганизацію, апатію и развращенность рабочихъ массъ. Послѣднія, не имѣя ни моральнаго, ни матеріальнаго импульса для максимальнаго напряженія своей трудовой силы, не проявляютъ никакого интереса къ труду и создаютъ лишь какую-то фикцію работы, зная напередъ, что высшее начальство въ своихъ донесеніяхъ въ центръ, каковы бы ни были реальные результаты работы, прекрасно сумѣетъ представить положеніе дѣла въ самыхъ благопріятныхъ тонахъ. Въ результатѣ, какъ въ трудѣ фабричномъ, такъ и въ конторскомъ, большинство отлыниваетъ отъ работы, отвыкаетъ отъ систематическаго труда, но зато мастерски научается инсценировать для начальства видимость работы, построенную всецѣло на обманѣ. Обманъ, взяточничество, казнокрадство, какъ уже мною не разъ отмѣчалось, махровымъ цвѣтомъ распустились по всей Совѣтской Россіи и, хотя съ этимъ явленіемъ какъ будто-бы и борются, но недостаточно интенсивно и неумѣло.

Наряду съ этимъ начинаетъ расти преступность въ Россіи. Такъ, напримѣръ, въ теченіе одного мая мѣсяца 1921 года въ Москвѣ аресто-

вано, не считая взрослых преступниковъ, — 1.180 малолѣтнихъ, въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ за кражи, нападенія и разбои. Точно также практикуются въ широкомъ масштабѣ грабежи и убійства, такъ какъ доходящіе до народа слухи о томъ, какими мѣрами расправляется правительство, въ лицѣ чека, со своими врагами, дѣйствуетъ на народное сознаніе тлетворно. Приведу только одинъ примѣръ такой художественно-отталкивающей работы Крымчека при массовыхъ казняхъ 1921 года. Обвиненныхъ приводили въ уборныя, заставляли опускать головы въ чашки, послѣ чего чекисты стрѣляли имъ въ затылокъ, а затѣмъ смывали водой кровь и вытекавшіе мозги. Трупы вывозились потомъ на городскую свалку, гдѣ и складывались въ цѣлые штабеля.

Продажа собственныхъ убѣжденій за деньги, лжесвидѣтельство, доносы и клевета привились къ народу, являясь также продуктомъ воздѣйствія на народную психику чрезвычайекъ и другихъ аналогичныхъ учрежденій. Эти отрицательныя качества составляютъ характерную черту современной Россіи. Дѣйствительно, тамъ никто не можетъ быть спокоенъ, что на него не донесутъ по злобѣ, изъ ревности, зависти или по недоразумѣнію. Одинъ весьма выдвинувшійся на военно-административной службѣ генераль былъ въ связи съ дѣвицей, служившей у него въ канцеляріи, и по неосторожности позволялъ себѣ иногда болтать съ ней много лишняго о своихъ сношеніяхъ съ бѣлыми. За это онъ и поплатился жестоко. Выдавъ его чекъ изъ ревности, когда онъ сошелся съ другой женщиной, покинутая, однако, просила чеку сохранить ему жизнь. Конечно, это обѣщаніе было дано, но сдержано не было и генераль отправился на тотъ свѣтъ, а дѣвица, какъ говорятъ, послѣ этого отравилась.

Местъ широко процвѣтаетъ, какъ и всякая провокація. Сколько было разстрѣловъ, сколько молодыхъ, полезныхъ для Россіи жизней унесено въ могилу, благодаря цѣлой системѣ провокаціи, разжиганія классовой ненависти, слѣжки, шпіон-

ства, въ которыя, съ грустью приходится признаться, втянулось и много представителей интеллигенціи. Впрочемъ, картинами изъ этой области пестрятъ обыкновенно сообщенія русскихъ, которымъ удастся выбратъся за границу и поэтому я на этомъ вопросѣ долѣе останавливаться не стану.

Вся эта мрачная картина, мною нарисованная, и исключительно тяжелыя условія жизни, въ которыя поставлено населеніе, отражаются на слабыхъ нервахъ. Дѣйствительно, выдерживаетъ тотъ, у котораго сильныя нервы; люди со слабыми нервами или уже ушли отъ жизни, или влачатъ жалкое существованіе, заглушая внутреннія страданія души кокаиномъ, морфіемъ и другими наркотиками, дающими забвеніе.

Нельзя, наконецъ, не остановиться на вопросѣ супружескихъ отношеній. Когда совѣтская власть кончится и придется приводить въ порядокъ всѣ, вновь создавшіяся при ней правоотношенія, трудно будетъ разобратъся, кто чья жена и кто чей мужъ, потому что многіе за это время, пользуясь простотой совѣтскаго законодательства, по нѣскольку разъ успѣвали жениться и выходить замужъ съ вѣдома или даже безъ согласія противоположной стороны. Семейныя устои за четыре года сильно расшатаны. Двоеженство и троеженство не представляютъ рѣдкаго явленія и это не только въ чисто коммунистической средѣ, но даже и въ кругахъ интеллигенціи. Развратъ царитъ широко. Конечно, въ связи съ тяжкими условіями эмигрантской жизни, за-границей много наблюдалось уродливыхъ и очень грустныхъ явленій, о которыхъ, между прочимъ, усиленно кричали совѣтскія газеты и, пожалуй, русскихъ эмигрантовъ, знающихъ константинопольскую жизнь, теперь многимъ не удивишь, но для рядового иностранца, съ трезвыми взглядами на жизнь, должно казаться совершенно непонятнымъ то, что теперь происходитъ во многихъ семьяхъ Россіи. Я самъ знаю, какъ доведенныя до отчаянія, многія молодые женщины, мужья которыхъ безслѣдно про-

падали во время какого-нибудь изъ бѣлыхъ „исходовъ“, говорили: — „Что же дальше ждать. Интервенція прекратилась. Помощи ждать неоткуда. Мужчина можетъ еще словчиться, устроить свою жизнь при помощи спекуляціи и службы. Женскій же трудъ поставленъ въ такія условія, что на него долго не просуществуешь. Остается лишь спекулировать на томъ, что есть, — пока оно не ушло: молодость и красота. Разъ онѣ въ спросѣ, остается только подороже продать ихъ, выйдя замужъ по совѣтски за какого-нибудь комиссара и высасывая изъ него то золото и тѣ брилліанты, которые къ нему, Богъ вѣсть, какимъ путемъ попали. Конечно, — это не бракъ; это равносильно прежнему понятію „на содержаніи“, но что же дѣлать, если нѣтъ никакихъ другихъ способовъ бороться за существованіе. Если только такимъ путемъ можно обезпечить жизнь себѣ и своему ребенку и наслаждаться тѣми минимальными эя благами, которыя еще можно получить за деньги! Что же касается житейской морали, то вѣдь это тоже вещь относительная. Съ разбойниками и предателями честныя государства заключаютъ мирныя и торговые договоры, назначаютъ къ нимъ представителей. Значитъ все относительно. Цѣль оправдываетъ средства. А до будущаго . . . Что говорить о немъ, если неизвѣстно, когда оно настанетъ. Хоть день, — да мой!“ — Вотъ та несложная, но глубоко трагическая точка зрѣнія на жизнь, которая, подъ вліяніемъ общаго поврежденія нравовъ въ Совѣтской Россіи, начинаетъ складываться въ психологіи новой русской женщины. Таковы, примѣрно, тѣ мысли, которыя назойливо лѣзутъ въ голову женщинъ, ранѣе привыкшихъ блистать въ обществѣ, привыкшихъ къ поклоненію себѣ и своей красотѣ, а теперь ничего не видящихъ вокругъ себя изо дня въ день, кромѣ голодной нужды и заботъ о хлѣбѣ насущномъ да перловой кашѣ. Увы, постепенно такія логическія построенія мысли приводятъ и къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ. И въ результатѣ, сколько теперь въ Россіи такихъ милыхъ и погиб-

шихъ, съ точки зрѣнія общей морали, созданий изъ бывшихъ буржуазныхъ семействъ, которыхъ, по моему, не обличать нужно, — а искренне жалѣть!

О б щ е с т в е н н ы я   н а с т р о е н і я .

Когда въ Западной Европѣ появляется какой-нибудь, вырвавшийся изъ Совдепіи русскій, его спрашиваютъ о настроеніи массъ въ Совѣтской Россіи, о характерѣ ихъ, объ ихъ чаяніяхъ. Точно также и въ Россіи, получившаго какимъ-нибудь чудомъ изъ Европы письмо, непрерывно атакуютъ знакомые, жаждущіе имѣть примѣрно, тѣ же свѣдѣнія относительно зарубежной жизни. Счастливецъ, обладающій возможностью удовлетворить этому чувству любопытства, сообщаетъ: Н. Н., выбравшись изъ Россіи, живетъ въ Парижѣ, видится со многими *hommes d'état*, Онъ сообщаетъ мнѣ опредѣленно, что за границей чаша терпѣнія переполнилась; большевистскаго режима, грозящаго опасностью для всей Европы, никто не перевариваетъ и что въ ближайшемъ времени ожидается предъявленіе Совнаркому ультиматума и проч. Черезъ день вы встрѣчаете другого знакомаго, который вамъ сообщаетъ, что имъ получено извѣстіе отъ Б. Послѣдній пишетъ, что общественное мнѣніе Франціи заинтересовано больше скачками, боксомъ и театрами, а русскимъ вопросомъ абсолютно никто не занимается. Черезъ нѣкоторое время опять, уже отъ третьихъ лицъ, слышишь другую оцѣнку царящихъ за границей общественныхъ настроеній: былъ грандіозный базаръ; въ концертномъ отдѣленіи колоссальный успѣхъ всего русскаго. Было засѣданіе въ Сорбоннѣ, посвященное русскимъ. Сколько горячихъ словъ высказано по адресу Россіи! Сколько подано новыхъ надеждъ! Ждите скорыхъ перемѣнъ! и т. д.

То же можно сказать и относительно оцѣнки настроеній въ Совѣтской Россіи. Если еще можно съ извѣстной степенью достовѣрности уловить теченія общественной мысли въ какихъ-нибудь

опредѣленныхъ кругахъ города, то какъ можно примирить и найти равнодѣйствующую общественно-политическихъ интересовъ, такихъ взаимно противоположныхъ элементовъ, какъ городъ и деревня, рабочіе и трудовая интеллигенція, коммунисты и безпартійные, спекулянты и трудящіеся, комиссары и совѣтскіе служащіе и т. д. Классовыя противорѣчія, на которыя такъ любятъ ссылаться въ своихъ популярныхъ брошюрахъ коммунисты, остаются не изжитыми и при коммунистическомъ строѣ, но проявляются въ нѣсколько иной формѣ. Взаимная ненависть и классовый антагонизмъ, отчасти подогрѣваемый макіавеллистической политикой совѣтской власти, растетъ и потому даетъ исчерпывающую характеристику всѣхъ теченій общественной мысли и трудно и, до извѣстной степени, бесполезно. Кромѣ того, сужденія, съ оцѣнкой царящихъ въ данный моментъ настроеній, всетаки до извѣстной степени индивидуальны, даже тогда, когда онѣ лишены какой-либо апріорной пристрастности.

Одно можно сказать вполне опредѣленно, что руководящимъ стимуломъ для всего населенія совѣтской Республики является желѣзный законъ борьбы за существованіе. Отсюда (поскольку рѣчь не идетъ о болѣзняхъ), вытекаетъ и выросшая за 4 года совѣтской власти сопротивляемость всего населенія суровой окружающей дѣйствительности. Передъ лицомъ грозной и одинаковой для всѣхъ опасности, вся страна обратилась въ одну большую „партію безпартійныхъ“. Представители городской и сельской интеллигенціи всѣ враждебны большевикамъ, но они не живутъ фантазіями. Не таковы теперь современныя условія. Отъ мала до велика, отъ дѣтей интеллигентныхъ родителей, на босу ногу продающихъ по цѣлымъ днямъ на улицѣ папиросы и спички, до ветхихъ стариковъ, за плату нанимающихся стоять въ очередяхъ для нѣсколькихъ семействъ, — всѣ твердо усвоили себѣ, что только реальной борьбой за завтрашній день можно обезпечить свое право на существованіе. Всѣ тѣ иллюзіи, всѣ надежды, которыя

раньше связывались съ движеніемъ бѣлыхъ генераловъ на центръ, теперь окончательно разбиты. Уже не приходится ждать чудесъ и неожиданной помощи откуда-нибудь, а самимъ всякими способами выкручиваться изъ небывало тяжелаго положенія, въ которомъ всѣ находятся. Ко всѣмъ вѣстямъ о внѣшней помощи, которыя, конечно, охотно выслушиваются, относятся, въ общемъ, довольно индифферентно и ждутъ, что совѣтская власть въ томъ положеніи, въ которомъ она сейчасъ находится, неизбежно должна эволюціонировать или погибнуть. Рядовые обыватели и совѣтскіе работники видятъ, что въ головокружительной работѣ современныхъ государственныхъ дѣятелей Совдепіи творится какой-то сумбуръ. Очевидно, что государственный мѣропріятія, вродѣ одновременнаго уничтоженія и восстановленія денежнаго обращенія, упраздненія и усовершенствованія бюджета и государственной отчетности, поощренія внѣшней торговли и проведенія мѣръ, дѣлающихъ ее невозможной — не могутъ вывести Россію изъ тупика, въ который она попала. Всѣмъ ясно, что развалъ продолжается, но что большевики уйдутъ еще не такъ скоро. Несомнѣнно, многими считается, что запасы, за счетъ которыхъ жила паразитическая власть, еще недостаточно исчерпаны для того, чтобы власть пала. Умираніе ея идетъ медленно, но вѣрно. Тѣмъ болѣе, что теперь исчезли всякія внѣшнія причины для ускоренія гибели этого режима. Всѣ достаточно привыкли къ экспериментамъ, которые производятъ большевики надъ Россіей и знаютъ прекрасно, что серьезныхъ реформъ отъ власти ожидать нельзя, что на практикѣ всѣ мѣропріятія „новаго курса“ сводятся лишь къ тому, чтобы отнять одной рукой то, что уже дано другой. Мѣропріятія въ области коммунистическаго капитализма проводятся въ жизнь совсѣмъ не такъ, какъ они излагаются въ декретахъ В. Ц. И. К.

Народъ сталъ очень терпѣливымъ. Когда нажимъ власти становится ужъ очень сильнымъ, нестерпимымъ, тогда городское и въ особенности

сельское населеніе начинаетъ выражать неудовольствіе не дѣлѣ, а не только въ словахъ. Опять таки всѣ эти выступленія, носящіе единичный разрозненный характеръ не приносятъ пользы. Такимъ образомъ, современное отношеніе крестьянъ къ власти можно квалифицировать, какъ довольно индифферентное по внѣшней формѣ. Съ внутренней же стороны деревня настроена къ ней отрицательно. Пока крестьянину было открыто широкое поле дѣйствія для осуществленія его завѣтнаго желанія, захватить землю помещика, крестьянство стояло на сторонѣ большевиковъ, кратко формулировавшихъ свое отношеніе къ аграрной реформѣ: „грабь помещика“. Когда же проведенный въ жизнь этотъ лозунгъ не принесъ крестьянину тѣхъ благъ, которыхъ онъ отъ него ожидалъ, и когда опекающая власть совѣтовъ стала въ свою очередь грабить награбленное, крестьянство, не видя для себя возможности отъ нея избавиться, стало элементомъ безусловно этой власти враждебнымъ.

Я въ самыхъ общихъ чертахъ остановился здѣсь на интересахъ главныхъ группъ населенія. Далѣе надлежитъ указать объ отношеніи къ власти другихъ, меньшихъ по численности группъ, а именно — рабочихъ, арміи и, наконецъ, всѣхъ тѣхъ, которые при совѣтскомъ режимѣ видятъ наиболѣе подходящую почву для своей дѣятельности.

Въ широкихъ рабочихъ массахъ процессъ перелома и недовольства совѣтской властью происходитъ лишь очень медленно. Фикція „своего завода“, а затѣмъ „вольность“, заключающаяся въ возможности лодырничать на государственный счетъ и особенно тогда, когда тебя превозносятъ за бездѣліе, какъ какую-то „соль земли“, еще туманить головы рабочихъ; но, впрочемъ, и здѣсь туманъ постепенно расходится, особенно въ центрѣ, гдѣ рабочій не довольствуется уже абстрактными формами, а требуетъ конкретнаго содержанія — „а чѣмъ я завтра буду питаться“. Поскольку продовольственные затрудненія для совѣтской власти консолидируются и поскольку не всегда

удается обойти ихъ частичной перегруппировкой продовольственныхъ запасовъ, — и рабочій классъ, главная опора на первыхъ порахъ коммунизма, переходитъ въ глухую, а затѣмъ уже и въ открытую оппозицію на заводахъ.

Выше я уже описалъ отношеніе большевиковъ къ красной арміи. Ими вполне опредѣленно учитывается, что при постепенной потерѣ симпатій въ рядахъ подлиннаго пролетаріата, для нихъ не остается другого исхода, какъ опираться на штыки. Отсюда исключительная забота о составѣ этой арміи и стремленіе замѣнить весь комсоставъ правыми коммунистами. Разумѣется, подобными мѣропріятіями армія, въ особенности нѣкоторыя благонадежныя ея части (курсанты, интернаціональные баталіоны, „вохра“) обращаются въ прежнихъ преторіанцевъ. И вотъ эти то группы войскъ арміи и составляютъ самую дѣйствительную поддержку власти. Они довольны, сочувствуютъ власти, такъ какъ вполне обезпечены и, если томятся въ мирной обстановкѣ, то только потому, что эта обстановка не отвѣчаетъ усвоенному ими лозунгу „война до побѣды — грабежъ до конца“. Остальная группа войскъ, не будучи враждебна къ власти, остается къ ней индифферентной, поскольку эта власть ее поитъ, кормитъ, одѣваетъ и обуваетъ. Элементъ она недостаточно надежный и, учитывая это, совѣтская власть принимаетъ противъ нея свои предохранительныя мѣры. Впрочемъ, въ чемъ эта группа войскъ единодушна съ другими привилегированными частями, такъ это въ грабежѣ. Если бы была объявлена какая-нибудь новая война, полки красной арміи шли бы на нее безъ всякаго одушевленія и безъ всякихъ иныхъ интересовъ, кромѣ вопросовъ личной наживы и обогащенія.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ лицъ, искренне преданныхъ коммунизму, которыхъ, конечно, лишь капля въ морѣ, а также и руководителей самой власти, — остановимся на послѣдней группѣ, матеріально процвѣтающихъ при коммунизмѣ лицъ, всей такъ называемой совѣтской буржуазіи: комис-

368

сарахъ, приспособившихся спецахъ и спекулянтахъ. Что касается послѣднихъ (я имѣю въ виду профессионаловъ, а не такихъ, которые слегка спекулируютъ и періодически этимъ дѣломъ занимаются, чтобы добавлять такимъ образомъ къ нехватящему на жизнь жалованію), то они въ большинствѣ случаевъ вполнѣ безразличны и нейтрально относятся къ совѣтской власти. Многіе изъ нихъ спекулировали и раньше; будутъ спекулировать съ неменьшимъ успѣхомъ и впредь. Но пока что имъ не приходится страдать отъ голода, какъ другимъ, а потому они стараются держаться, какъ можно аполитичнѣе, чтобы какъ-нибудь не скомпрометировать себя и потому даже слегка похваиваютъ отдѣльныя мѣропріятія власти, въ цѣлесообразность коихъ сами, однако, не вѣрятъ. Наконецъ, послѣдняя категорія лицъ, которая „пользуется“ отъ новыхъ порядковъ, комиссарствуетъ, засѣдаетъ, завѣдуетъ, управляетъ, заграждаетъ, отбираетъ и т. п., вѣритъ власти и ее сильно поддерживаетъ. Сюда же входятъ и рабочіе въ заводскихъ комитетахъ, которые пользуются ими въ цѣляхъ своего обогащенія. Эти всѣ отойдутъ отъ поддержки власти лишь тогда, когда нечѣмъ будетъ больше пользоваться. Но старымъ запасамъ, хотя и вдалекѣ, уже виденъ конецъ, въ то время, какъ новыхъ объектовъ эксплуатаціи не поступаетъ.

Изъ приведенной краткой сводки видно, что въ общемъ элементовъ, безусловно поддерживающихъ власть, очень немного — это, кромѣ самихъ комиссародержавцевъ, — дѣльцы, нагрѣвающіе у казеннаго достоянія себѣ руки и нѣкоторая часть рабочихъ. Зато вооруженная сила, въ лицѣ арміи, почти вся на сторонѣ власти, и кромѣ того, у послѣдней на лицо аппаратъ „твердой власти“. При такихъ условіяхъ ясно, что большинство въ Россіи не вѣритъ въ возможность переворота въ ближайшее время, развѣ только при вмѣшательствѣ извнѣ. Это отнюдь не „апатія“ и не „обломовщина“, которыми ошибочно квалифицируютъ на Западѣ современное общественное настроеніе въ

самой Россіи, являются причиной владычества меньшинства надъ угнетаемымъ большинствомъ. Реальная оцѣнка взаимнаго соотношенія силъ и возможностей, проверенная на неоднократныхъ опытахъ, именно и приводитъ все населеніе къ неизбежному отсюда выводу жить, приспособляясь къ тяжелымъ условіямъ дѣйствительности. Это приспособленіе и принимаютъ многіе за „апатію“, которой, какъ я указалъ, нѣтъ въ дѣйствительности и которая исчезнетъ, какъ скоро придетъ спасеніе. Избавителей, откуда бы они ни пришли, встрѣтятъ съ восторгомъ. Таково, насколько мнѣ самому удалось уловить, главное теченіе общественной мысли подавляющаго большинства населенія Совѣтской Россіи, враждебнаго въ душѣ совѣтской власти и не теряющаго надежды отъ нея избавиться.

Если обратиться къ интеллектуальной жизни населенія, то здѣсь приходится, дѣйствительно, констатировать полный почти параличъ и прострацію. Всякое проявленіе творчества духа, при той системѣ подавленія всякаго живого слова и живой мысли, которая практикуется коммунистами, совершенно остановилось. Я уже въ предшествующихъ очеркахъ указалъ на отношеніе совѣтской власти къ наукѣ и искусству, и потому здѣсь повторять этого не буду, но мнѣ хотѣлось бы дополнить эти очерки штрихами, характеризующими бѣдность проявленія духовной жизни въ обывательскихъ интеллигентскихъ кругахъ. Здѣсь тоже — апатія къ общественнымъ и художественнымъ интересамъ. Соціалистическія устремленія русской интеллигенціи значительно поблѣднѣли и будущее поколѣніе, кажется, будетъ отъ нихъ иммунизировано. Лекцій никакихъ нѣтъ, кромѣ устраиваемыхъ какими-нибудь ком-ячейками, политотдѣлами и главпрофобрами, на которыя интеллигенція не ходитъ, предпочитая сидѣть дома. Читать нечего, новой литературы почти нѣтъ. Изъ библіотекъ книгъ на домъ брать нельзя; можно пользоваться ими только въ читальнѣ и то въ то время, когда всѣ и безъ того

заняты на службѣ. Умственное развитіе попало въ какой-то тупикъ, изъ котораго и не пытается выйти. Увлеченіе религіей въ интеллигентныхъ кругахъ далеко не такъ глубоко, какъ его стараются изобразить за границей — это скорѣе лишь форма протеста противъ общаго угнетенія духа большевиками. Народныя массы Россіи чужды музыкальных исканій. Относительно попытки организовать въ Ростовѣ камерную музыку, я приведу слѣдующій фактъ, ярко характеризующій отношеніе совѣтской власти къ музыкальнымъ начинаніямъ. Маленькая группа любителей камерной музыки возбудила вопросъ о разрѣшеніи ей сорганизоваться въ опредѣленный кружокъ. Какъ всегда, начались безконечны хлопоты, запросы, анкеты и кончилось дѣло тѣмъ, что инициаторы бросили свою затѣю. Домашняя музыка, и та, подъ недремлющимъ окомъ власти, находится въ опасности. Всѣ музыканты пребываютъ въ вѣчномъ страхѣ, что ихъ музыкальные инструменты, даже зарегистрированные въ Наробразѣ, могутъ быть отобраны, если приглянутся какому-нибудь коммунисту изъ имѣющихъ силу. Клубы созданы только для коммунистовъ и красноармейцевъ—это своего рода какой-то государственный институтъ и то только для привилегированныхъ слоевъ населенія: арміи, рабочихъ и коммунистовъ. Въ библіотекахъ книги раскрадываютъ; поэтому созданы чрезвычайно тягостныя условія пользованія ими. Серьезныя научныя занятія брошены. Наука стоитъ, а мозгъ націи, бѣгаетъ по никчемнымъ лекціямъ, урокамъ и добываетъ съ величайшими трудностями хлѣбъ насущный. Словомъ всѣ, всѣ стороны духовной жизни убиты. Вотъ уже скоро четыре года, какъ Россія стоитъ на мѣстѣ и даже въ связи съ общимъ устремленіемъ назадъ, духовно регрессируетъ.

О т н о ш е н і е к ѣ э м и г р а ц і и.

Убѣжать за границу, скрыться отъ ненавистной власти, отдохнуть отъ ея кровавыхъ экспери-

ментовъ — вотъ мысли 99% интеллигенціи. Но какъ осуществить эту задачу, какъ пробраться за рубежъ, когда никакому рядовому гражданину ни при какихъ условіяхъ власти не даютъ разрѣшенія на выѣздъ за границу и когда каждый шагъ гражданина Совѣтской Россіи, не только при его поѣздкахъ, но даже въ мѣстѣ его постоянного жительства, опутанъ цѣлымъ рядомъ полицейскихъ, паспортныхъ, административныхъ и чисто чекистскихъ путовъ. На первыхъ порахъ совѣтской власти — это было куда проще; тогда сравнительно легко перебирались черезъ границу: уѣзжали на лодкахъ изъ Петрограда, переѣзжали на саняхъ по льду, перебирались въ другихъ мѣстахъ границы, пользовались наступленіями освободительныхъ отрядовъ, чтобы подъ защитой ихъ выбраться изъ Совдеціи. Теперь все это неимоვნно усложнилось. Гражданская война въ современномъ масштабѣ не даетъ прежнихъ возможностей. Заключенные съ окраинными государствами договоры еще болѣе усложнили возможность нелегальнаго перехода границы. Послѣднія бдительно охраняются. Пограничныя мѣста наводнены шпионами. Это, конечно, не значитъ, что эмиграція такимъ путемъ прекратилась. По-прежнему, слышишь, что то, то другое лицо выбралось изъ Россіи за границу. Но рискъ теперь отъ такихъ операцій значительно возросъ и при томъ не только при самомъ переходѣ границы, но даже и при слѣдованіи къ ней, благодаря наличію всякихъ желѣзнодорожныхъ милицій, заградительныхъ и иныхъ контрольных отрядовъ. Нѣкоторыя лица уже заплатились жизнью за попытку форсировать налегкѣ совѣтскую границу. Лѣтомъ и осенью 1920 года, при существованіи свободной Грузіи, главнѣйшій потокъ такихъ смѣльчаковъ изъ южной и юго-восточной полосы Европейской Россіи направлялся преимущественно на Ростовъ, избирая оттуда три пути: или по побережью Чернаго моря, или на Баку и дальше по грунтовымъ дорогамъ или, наконецъ, на Владикавказъ, а оттуда въ Тифлисъ. Многіе

избирали этотъ послѣдній путь, пріобрѣтая всѣми доступными путями документы, дававшіе право на въѣздъ или на транзитный проѣздъ черезъ Грузію. Но даже и снабженные надлежащими разрѣшеніями и свидѣтельствами, немало стоившими на совѣтскія деньги, путешественники—попадались на удочку Владикавказской пограничной чеки, если она замѣчала, что у кого-нибудь изъ такихъ лицъ, есть чѣмъ поживиться. Обыкновенно рядомъ провокаціонныхъ дѣйствій она узнавала, у кого есть съ собой запасъ золота и брилліантовъ, взимая мзду за свободный пропускъ всего этого и затѣмъ на пограничной совѣтской станціи Ларсѣ въ чистую раздѣвая такихъ пассажировъ. Въ результатѣ, ограбленные до-чиста буржуи оказывались вынужденными вмѣсто ожидавшагося отъѣзда, оставаться въ Россіи и еще отсиживать въ неприглядныхъ условіяхъ во Владикавказской или Ростовской тюрьмахъ. Очевидно, это стало отбивать охоту уѣзжать у лицъ, въ особенности у семейныхъ и притомъ такихъ, которымъ необходимо было вывозить свое имущество. Когда Грузія пала и кавказскій корридоръ оказался закрытымъ, продолжалось движеніе на Румынію и Галицію, а затѣмъ весной 1921 года центромъ такого исхода бѣженцевъ сдѣлался Минскъ. Здѣсь, за извѣстную мзду романовскими деньгами мѣстной чекѣ, можно было довольно безболѣзненно перебираться черезъ границу, пока, наконецъ, сами поляки, опасаясь наплыва русскихъ бѣженцевъ и отчасти занесенія ими холеры и другихъ заразныхъ заболѣваній, не стали чинить препятствій къ впуску бѣженцевъ въ Польшу. Такимъ образомъ, количество возможныхъ комбинацій для бѣгства продолжало сокращаться, а наряду съ этимъ сталъ необычайно прогрессировать аппетитъ совѣтскихъ властей въ размѣрахъ взятокъ, требуемыхъ ими за пособничество къ бѣгству. Это, естественно, начало сокращать эмиграцію и количество эмигрировавшихъ въ 1921 году русскихъ значительно ниже предыдущихъ лѣтъ.

Время отъ времени центральная власть пускаетъ

слухи, что будутъ допущены свободныя разрѣшенія на выѣздъ. Такъ, напримѣръ, въ маѣ мѣсяцѣ 1921 году въ Москвѣ усиленно циркулировали слухи о томъ, что Совнаркомомъ будетъ разрѣшенъ свободный выѣздъ для русскихъ подданныхъ за границу въ возрастѣ 50 лѣтъ и старше. Однако, слухъ этотъ не подтвердился и попрежнему совѣтскіе граждане лишены свободы передвиженія не только за границу, но даже въ предѣлахъ Совдеціи.

Немудрено послѣ всего этого, что доходящіе изъ за границы слухи о тамошней спокойной жизни вызываютъ зависть у оставшихся, что возможность переѣзда за границу рисуется какъ какая-то „синяя птица“, а самая за граница представляется чѣмъ-то вродѣ земли обѣтованной. Я утверждаю, что въ Совдеціи, несмотря на всю надлежащую обработку общественнаго мнѣнія прессой, создалось убѣжденіе, что русскіе эмигрантскіе круги находятся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ это оказывается на самомъ дѣлѣ. Извѣстія о хорошей жизни эмигрантовъ усугубляютъ зависть и вызываютъ чувство отрицательнаго отношенія къ тѣмъ, кто эмигрировалъ. Это вполне естественно и обвинять въ этомъ русскихъ, оставшихся въ Россіи, не приходится. Ихъ психологія до нельзя проста. Что, молъ, господа, удрали и устроились сами въ спокойномъ раю и дѣла вамъ нѣтъ до насъ остальныхъ, медленно гибнущихъ у себя тамъ на родинѣ отъ соціальныхъ экспериментовъ Ленина и его сподвижниковъ.

О дѣятельности русскихъ эмигрантскихъ круговъ населенію Россіи мало что извѣстно. Всю работу ихъ представляютъ, какъ дѣятельность, исподволь приготовляющую для себя руководство политической и общественной жизнью страны послѣ ея освобожденія отъ большевиковъ, которое должно, однако, произвести сама страна своими силами. — „Ничего,“ говорятъ не безъ злорадства такіе обыватели изъ интеллигенціи. „Напрасно наши эмигранты думаютъ, что мы для нихъ будемъ своими руками жаръ загребать. Никогда этого не будетъ. Ихъ до кормила пра-

вленія мы не допустимъ. Они тамъ ничего не дѣлають для нашего избавленія, а, можетъ быть, даже втихомолку и подторговываютъ съ нашими совѣтскими представителями за границей, не перенося и соотой доли тѣхъ страданій и мелкихъ униженій, которымъ ежедневно подвергаемся мы. Такъ и мы ихъ мнѣнія не спросимъ, когда настанетъ строительство освобожденной Россіи. Обходились безъ нихъ раньше, перетерпѣли, какъ могли, самое тяжелое время безъ всякаго участія съ ихъ стороны, такъ и впредь обойдемся безъ ихъ помощи. Повѣрьте, что звать ихъ къ себѣ мы не станемъ!“ — Вотъ какова, къ сожалѣнію, точка зрѣнія многихъ лицъ интеллигентнаго класса въ современной Россіи. Если бы они еще знали, что въ то время, какъ вся угнетенная Россія слилась въ одну безпартійную массу, за границей идутъ на всѣ лады академическо-политическіе споры разныхъ партій — приговоръ этихъ круговъ былъ бы еще рѣзче. Съ другой стороны, эти же круги удивляются и недоумѣваютъ, какимъ образомъ эмиграція, находясь за предѣлами досягаемости грозной В. Ч. К. не можетъ принимать никакихъ мѣръ, если не въ интервенціонномъ отношеніи, то хотя бы въ области контръ-агитаціи и организованнаго бойкота. Дѣйствительно, къ сожалѣнію, приходится констатировать, что эта пропасть между русскими эмигрантами и жителями Совдепіи существуетъ и къ этому можно лишь добавить, что по мѣрѣ накопленія горечи въ массахъ, нарастаетъ нѣкоторое огульное отрицательное отношеніе у живущихъ въ Россіи къ эмигрантамъ.

Другое отношеніе встрѣчаетъ къ себѣ эмиграція со стороны правящей партіи. Эта эмиграція, даже въ томъ положеніи простраціи, въ которомъ она нынѣ находится, является бѣльмомъ на глазу для кремлевскихъ владыкъ. Эти эмигранты, какъ извѣстно власти, портятъ все болѣе и болѣе благопріятно складывающуюся для нея конъюнктуру на Западѣ. При томъ фантастическомъ невѣдѣніи и нежеланіи подлинно знать, что творится въ дѣйствительности въ Совдепіи, которымъ

отличаются всѣ европейскія государства, эмигранты, какъ сами на себѣ испытавшіе въ большей или меньшей степени прелести совѣтскаго режима и имѣющіе возможность то тѣмъ, то другимъ путемъ получать полную информацію объ истинномъ положеніи вещей въ Россіи, — могутъ въ каждую минуту служить орудіемъ для подогрѣванія общественнаго мнѣнія въ странѣ, гдѣ находится та или иная эмигрантская группа. Поэтому, ими и принимаются мѣры къ тому, чтобы какъ-нибудь нейтрализовать эту возможную работу русскихъ эмигрантовъ.

Создаются спеціальныя печатныя органы, печатающіе опроверженія, радіо, интервью съ отвѣтственными совѣтскими представителями и все съ опредѣленной цѣлью показать, что большевизмъ вступилъ на путь экономическаго эволюціонированія, что въ коммунистической странѣ, отрицающей капиталистическое начало, поощряются операціи, которыя являются проявленіемъ высшихъ формъ капиталистическаго хозяйства. Все это дѣлается какъ предпосылка возобновленія промышленной и торговой дѣятельности, для которой нужны средства, но нужны и люди. Разбросанные за границей эмигранты, составляющіе цвѣтъ русской трудовой интеллигенціи, снабженные огромными запасами техническихъ знаній и опыта, нужны, молъ, Россіи. Они могутъ тамъ найти себѣ примѣненіе на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ, обеспечивающихъ имъ блестящее въ матеріальномъ отношеніи существованіе и полное забвеніе ихъ грѣховъ по отношенію къ совѣтской власти. Всѣ эти данныя на разные лады преподносятся за границей и муссируются усиленно въ совѣтской зарубежной прессѣ. Что же происходитъ на самомъ дѣлѣ? Въ дѣйствительности же, это одна изъ формъ обычнаго большевистскаго обмана, одна изъ рекламъ, пускаемыхъ для того, чтобы приманить къ себѣ такихъ лицъ, установить за ними надлежащее наблюденіе, препятствующее сношеніямъ съ за границей и тѣмъ или инымъ путемъ обезвредить ихъ враждебную

совѣтской власти работу въ Европѣ. Расчетъ этотъ до нельзя простъ. Чѣмъ больше такихъ оппозиціонныхъ элементовъ окажется въ предѣлахъ Россіи, тѣмъ соотвѣтственно менѣе интенсивна будетъ оппозиція за границей и давленіе ея на общественное мнѣніе странъ, пріютившихъ русскихъ эмигрантовъ.

Факты подтверждаютъ это предположеніе. Лица, довѣрившіяся по невѣдѣнію или по какимъ-либо другимъ причинамъ рекламѣ европейскихъ совѣтскихъ газетныхъ рептилій и иныхъ вербовщиковъ и переправившіяся въ предѣлы Совѣтской Россіи, быстро трезвѣютъ. Но уже поздно — они въ мышеловкѣ. Бдущіе, напримѣръ, черезъ Эстію, попадаютъ сначала въ легкій карантинъ въ Ямбургѣ, потомъ въ основательный въ Гатчинѣ и, наконецъ, въ мѣстѣ своего окончательнаго пребыванія. Во время такой политической изоляціи, сопряженной для бывшихъ офицеровъ съ отсидкой въ концентраціонномъ лагерѣ (Гатчина) до 1½ года, начинается работа чека. Сначала васъ милые молодые люди въ кожаныхъ курткахъ спрашиваютъ о жизни за границей, о тамошнихъ цѣнахъ, о событіяхъ общественной жизни, объ искусствѣ и наукѣ, а затѣмъ внезапно задаютъ вопросъ: — „а теперь, товарищъ, расскажите-ка подробно, чѣмъ вы занимались въ 1918—1921 г.г.“ И началось.... Въ результатѣ-аресты, тюрьмы и даже разстрѣлы, какъ это было въ Одессѣ съ вернувшимися солдатами арміи генерала Врангеля. Фикція о „рѣкахъ молочныхъ, берегахъ кисельныхъ“ въ Совдепіи быстро разсѣивается и приходится вздыхать о потерянномъ благополучіи и собственной глупости. Начинаются попытки обратнаго перехода. Такъ было и съ военноплѣнными солдатами и нѣкоторыми техниками, и съ латышами, поѣхавшими было на работу на Петроградскихъ заводахъ, и насилу вырвавшимся за границу, и съ бѣдными русскими эмигрантами изъ Америки, массами съ семьями прибывавшими весной 1921 года изъ Америки, и дочиста ограбленными, изголодавшимися и проклинающими себя и всѣхъ

агитаторовъ, которые толкнули ихъ на этотъ „великій исходъ“, сами благополучно оставаясь на мѣстахъ въ Америкѣ. За перепиской такихъ обманувшихся и обманутыхъ очень слѣдятъ и потому ихъ вопль отчаянія почти не доходитъ до тѣхъ, къ кому онъ адресованъ; но въ концѣ-концовъ все-таки письма прорываются и изъ нихъ получающіе узнаютъ, какое привольное житіе въ Совдеціи, какая тамъ свобода и равенство. Конечно, представителей буржуазнаго класса ждетъ еще больше горькихъ разочарованій, до потери, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже жизни. Всѣ рассказы о гарантіяхъ и безопасности распускаются только, чтобы усыпить бдительность и для того, чтобы заставить увѣрять Европу объ установленіи въ Совѣтской Россіи новой эры. Тамъ же, между своими, гдѣ не нужно стѣсняться, и некого морочить, совѣтскіе вожди высказываются по этому поводу безъ обиняковъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мы призываемъ сюда прежнихъ буржуевъ, капиталистовъ, и хозяевъ промышленныхъ предпріятій для того, чтобы они работали, сколько и какъ мы захотимъ. Если они не удовлетворяютъ этому условію, то у насъ подъ рукой есть много орудій для того, чтобы либо совсѣмъ ихъ ликвидировать, либо заставить ихъ пѣть такъ, какъ это болѣе нравится рабоче-крестьянскому правительству.“

ГЛАВА XV.

В ъ п у т и.

Чтобы нѣсколько пополнить сказанное мною выше о путяхъ сообщенія и дать попутно бытовья картинки современной жизни, наблюдаемой при нынѣшнихъ поѣздкахъ по Россіи, настоящей очеркъ будетъ заключать въ себѣ, въ формѣ воспоминаній то, что пришлось видѣть и перенести самому автору этихъ строкъ.

Когда въ апрѣлѣ 1920 года мнѣ нужно было выѣхать въ Ростовъ изъ только что занятого красными войсками Новороссійска, движеніе на Владикавказской желѣзной дорогѣ еще не было правильно возстановлено и до Екатеринодара она находилась во временной военной эксплоатаціи. Въ городѣ у дверей коменданта было вывѣшено объявленіе о томъ, что выѣздъ изъ города всѣмъ гражданамъ воспрещенъ. Кто-то посоветовалъ мнѣ отправиться въ мѣстное учрежденіе, вродѣ полиціи, при образовавшемся тогда Новороссійскомъ Ревкомѣ. Я отправился туда. Меня приняли послѣ безконечнаго ожиданія въ очереди. Очевидно, что многіе уже знали о способѣ обхода распоряженія коменданта. Когда до меня дошла очередь, то принимавшій отъ меня старый русскій паспортъ заявилъ, что выдать пропускъ не можетъ, такъ какъ выѣздъ изъ Новороссійска разрѣшенъ лишь лицамъ старше 50 лѣтъ. Когда я освѣдомился подлежать ли этому правилу и иностранцы, то онъ отвѣтилъ отрицательно; тогда я на другой день явился съ иностраннымъ паспортомъ. На этотъ разъ принималъ уже другой комиссаръ. Онъ посмотрѣлъ на паспортъ, недовѣрчиво обвелъ меня взглядомъ и заявилъ: „Разрѣшенія я вамъ дать не могу, пока вы не зарегистрированы, какъ иностранецъ“. — Я, однако, твердо рѣшилъ во

что бы то ни стало довести дѣло до желаннаго мною конца. Вскорѣ этотъ комиссаръ удалился и какой-то оборванецъ въ полу-морской формѣ смѣнилъ его. Когда я подалъ ему документъ, онъ даже не взглянулъ на него и сразу же безпрекословно приложилъ печать. Итакъ, первый шагъ былъ сдѣланъ. Надо было во что бы то ни стало скорѣе реализовать результатъ успѣха, ибо лица бывалыя (я же являлся новичкомъ при совѣтской власти) меня предупреждали, что данное разрѣшеніе можетъ быть легко аннулировано какимъ-нибудь новымъ распоряженіемъ или декретомъ. Къ сожалѣнію, никакихъ возможностей къ выѣзду пока не представлялось. Въ отчаяніи ходилъ я съ моими спутниками каждый день на станцію и все напрасно. Наконецъ, на третій день намъ посчастливилось. На запасныхъ путяхъ расположился воинскій эшелонъ, отправлявшійся въ Ростовъ. Многіе, такіе же несчастливцы, какъ и мы, обращались къ эшелону съ просьбой взять съ собою, но все напрасно; всѣмъ имъ отказывалъ въ самой категорической формѣ комендантъ эшелона, какой-то грубый на видъ человѣкъ, изъ бывшихъ писарей. Мы повели на него атаку иначе и въ результатъ, послѣ обѣда съ водочкой и закуской, мы всѣ четверо получили милостивое разрѣшеніе слѣдовать съ его эшелономъ. На другой день, къ нашему горю, вышло новое распоряженіе о воспрещеніи выѣзда изъ Новороссійска кому бы то ни было, безъ полученія служебной командировки, и съ предвареніемъ, что всѣ уѣзжающіе безъ спеціального командировочнаго пропуска, будутъ арестовываться, какъ собирающіеся скрыться изъ Новороссійска контръ-революціонеры. Я сбѣгалъ къ нашему вагонному комиссару узнать его точку зрѣнія на этотъ счетъ. Онъ, однако, меня успокоилъ, сказавъ, что сумѣетъ насъ провезти, но просилъ насъ всѣхъ придать своей внѣшности возможно болѣе пролетарскій видъ, что мы по мѣрѣ имѣвшейся у насъ возможности и выполнили. За часъ до фиксированнаго отхода поѣзда мы были уже на вокзалѣ. Поѣзда

еще не было. Наконецъ, его подали. Это былъ рядъ товарныхъ вагоновъ и два-три классныхъ, съ разбитыми стеклами. Вагонъ, спеціально отведенный, благодаря настойчивости нашего комиссара, исключительно подъ нашъ эшелонъ, оказался уже набитымъ до-верху какими-то людьми, повидимому преимущественно разбѣгавшимися съ фронта солдатами, везшими въ мѣшкахъ мануфактуру, расхвачанную при массовыхъ грабежахъ Новороссійскихъ пакгаузовъ и складовъ. Какъ мы не предлагали этой компаніи покинуть нашъ вагонъ, увѣряя, что онъ спеціально забронированъ за нами, они категорически отказались, такъ что уже нѣкоторые изъ состава эшелона (были тамъ и семейные) стали пытаться устроиться въ товарныхъ вагонахъ, гдѣ, впрочемъ, было тоже очень тѣсно, потому что съ момента ихъ подачи, въ эти вагоны непрерывно лѣзли мѣшочники, солдаты и бабы, давя другъ друга и отчаянно при этомъ ругаясь. Не знаю, чѣмъ окончилось бы дѣло, если бы не вмѣшательство нашего комиссара. Его манера ругаться и настойчиво, чуть ли не съ револьверомъ въ рукахъ добиваться своего, принесла свои плоды; комендантъ станціи далъ нарядъ красноармейцевъ, которые, послѣ кратковременной схватки съ засѣвшими въ нашъ вагонъ, очистили его, послѣ чего мы всѣ, числомъ около 30 человѣкъ, благополучно въ немъ водворились подъ крики и проклятія изгнанныхъ. Около вагона нашъ комиссаръ разставилъ часовыхъ съ ружьями, которые и не впускали въ него никого до самаго отхода поѣзда. Вскорѣ послѣ отхода поѣзда изъ Новороссійска, въ дверяхъ вагона появился военный контроль. Нашъ комиссаръ не пустилъ его дальше дверей, заявивъ, что въ вагонѣ ѣдетъ исключительно составъ такого-то учрежденія. Контроль удовлетворился предъявленнымъ общимъ мандатомъ и не свѣрилъ общее количество ѣхавшихъ съ пропускомъ, выданнымъ на сотрудниковъ этого учрежденія съ ихъ семьями. Комиссаръ предупредилъ насъ, чтобы мы по отношенію къ остальнымъ сотрудникамъ все же держались, какъ свои

Люди. На слѣдующій день довольно медленной ѣзды съ частыми остановками, мы подъѣзжали къ Екатеринодару. Дорога вдоль полотна была для меня знакома, но теперь весь путь былъ усеянъ трупами лошадей, павшихъ при отходѣ арміи генерала Деникина. Мостъ черезъ рѣку Кубань былъ взорванъ и потому поѣздъ доходилъ только до него.

Надо было выгружаться. Погода была дождливая, до станціи Екатеринодаръ — версты 2, и намъ лично не было бы возможности поднять всѣ вещи, которыя были съ нами, если бы не группа какихъ-то мальчишекъ, ожидавшихъ поѣздъ, которая за плату перенесла наши вещи черезъ мостъ и доставила ихъ на вокзалъ. Передъ самымъ мостомъ стоялъ военный контроль, котораго, казалось, нельзя было избѣжать. Однако, мы всѣ какъ-то благополучно прошмыгнули и только одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ задержанъ; однако, послѣ разговора „по душамъ“ наединѣ, и онъ былъ выпущенъ. Прибывъ на вокзалъ, мы стали придумывать, что дѣлать дальше. Широкія полномочія коменданта эшелона, къ которому мы присоединились, были внушительны только въ Новороссійскѣ. Здѣсь же съ ними никто не хотѣлъ и считаться. Эшелону предложили ждать очереди посадки, а желающихъ уѣхать на вокзалѣ была такая масса, что можно было рассчитывать провести на вокзалѣ нѣсколько дней. Опасаясь, что намъ четверымъ будетъ еще хуже безъ комиссара, мы рѣшили его обрабатывать дальше и отправились въ одинъ изъ ресторановъ, которые въ то время въ Екатеринодарѣ еще не были закрыты. При выходѣ изъ вокзала часовые спрашивали документы. При этомъ вокзальная чека многихъ задерживала. Предъявленный же мною паспортъ, хотя и не имѣлъ признаковъ пропуска, почему-то произвелъ хорошее впечатлѣніе и меня свободно пропустили. Когда мы возвращались изъ ресторана обратно, нашъ комиссаръ былъ всецѣло на нашей сторонѣ и обѣщалъ сдѣлать рѣшительно все, чтобы повезти

насъ дальше. Придя на вокзалъ и проходя черезъ его зданіе, я впервые видѣлъ картину, которая меня поразила, но къ которой я впоследствии въ Совѣтской Россіи вполне привыкъ. Всѣ залы, въ буквальномъ смыслѣ слова, были завалены людскими тѣлами, которыя покрывали ихъ сплошнымъ ковромъ. Лежали на шкапахъ, на баллюстрадахъ, другъ на другѣ, въ проходахъ и просто на полу. Между тѣмъ, приходилось идти по этому морю людей, поминутно оступаясь и рискуя упасть. Въ буфетѣ, который раньше всегда былъ заваленъ закусками, теперь можно было лишь съ трудомъ получить одну тарелку какой-то черноватой бурды. Нашъ комиссаръ, тѣмъ временемъ, навелъ справки и установилъ, что поѣздъ на Ростовъ, съ которымъ мы могли бы двинуться въ путь, отходить въ тотъ же день вечеромъ. Какими-то невѣдомыми путями ему удалось выхлопотать для своего эшелона особую теплушку. Насъ онъ таинственно провелъ куда-то на запасные пути къ одиноко стоявшему товарному вагону и предложилъ намъ немедленно въ него погрузиться безъ билетовъ со всѣми вещами и ждать, что мы и сдѣлали. Черезъ часъ томительнаго ожиданія въ полной темнотѣ, ибо тѣмъ временемъ уже наступилъ вечеръ, — началось составленіе поѣзда. Насъ то отцѣпляли, то прицѣпляли по нѣсколько разъ и, наконецъ, подвели къ станціи. Услышавъ, гдѣ-то по близости, голосъ нашего комиссара, мы обрадовались. Онъ отперъ вагонъ (погрузивъ насъ, онъ повѣсилъ на вагонъ свой замокъ и заперъ насъ на ключъ) и, наконецъ, мы увидѣли свѣтъ фонаря.

Станціонные агенты чеки провѣряли по списку нашего эшелона количество лицъ, подлежащихъ погрузкѣ въ этотъ вагонъ и поодиначкѣ ихъ пропускали. Въ самый вагонъ они, по счастью, не заглянули. Мы забились въ самый уголъ и въ большомъ волненіи дожидались результатовъ. Наконецъ, провѣрка окончилась и контроль удалился къ слѣдующимъ вагонамъ. Въ темнотѣ, при слабомъ свѣтѣ одного огарка, трудно было раз-

глядѣть лица, видно было только, что каніе-то люди шмыгали взадъ и впередъ изъ вагона и что онъ постепенно наполнялся вещами и людьми. Вмѣсто вечера поѣздъ отошелъ лишь на слѣдующее утро. Въ вагонѣ оказалось около 35 человѣкъ. Значитъ, въ него все-таки сумѣли проникнуть посторонніе. Одинъ изъ моихъ спутниковъ узналъ въ числѣ вновь попавшихъ своего знакомаго и, указывая на него, шепнулъ мнѣ, что это видный донской генералъ, лежавшій въ сыпномъ тифу при эвакуаціи Новороссійска и потому не смогшій выбраться со всѣми, теперь же подъ видомъ ветеринара съ другимъ офицеромъ пробирающійся къ себѣ на Донъ. Нашъ комендантъ почему-то счелъ нужнымъ привязаться къ одному изъ новыхъ пассажировъ и предложилъ ему покинуть вагонъ, такъ какъ онъ не изъ состава эшелона. Между ними начинается длительная перепалка. И тотъ, и другой повышаютъ тонъ, стараясь запугать другъ друга своей коммунистичностью и вѣсомъ въ партіи. Наконецъ, для вящей убѣдительности, нашъ комиссаръ вытаскиваетъ изъ кармана револьверъ, направляя его на спорщика. Этотъ аргументъ оказывается сильнѣе всѣхъ другихъ и тотъ сдается, покидая вагонъ на одной изъ ближайшихъ станціи.

Днемъ мы безконечно стоимъ на узловой станціи Тихорѣцкой. Нашъ вагонъ не трогаютъ, но остальные весьма основательно пересматриваются чекистами. Въ воздухѣ виситъ площадная ругань, слышенъ бабій визгъ. Кое-кого схватываютъ и арестовываютъ. Мѣшки съ мануфактурой у многихъ отбираютъ. Отъ нечего дѣлать выхожу на станцію. Та же грязь. Всюду коммунистическіе плакаты, листовки, воззванія, портреты новыхъ Кремлевскихъ владыкъ. Около перрона стоятъ лишь теплушки или сплошь исковерканные классные вагоны. Зато на запасныхъ путяхъ много вагоновъ перваго класса и довольно чистыхъ, обращенныхъ въ жилыя помѣщенія. /

Черезъ нѣкоторое время выѣзжаемъ и сравнительно быстро доѣзжаемъ до предпоследней стан-

ни передъ Ростовомъ — Батайска. Къ ужасу своему видимъ, что мы буквально покрыты вшами, — явленіе въ Совѣтской Россіи обычное, такъ какъ вагоны, очевидно, никогда не дезинфецируются. Уже темнѣетъ. На этой стайціи — опять основательная провѣрка документовъ. Кто-то сообщаетъ, что Батайская чрезвычайка въ послѣднее время весьма свирѣпствуетъ, стараясь ловить буржуевъ, не успѣвшихъ скрыться черезъ Новороссійскъ и теперь возвращающихся обратно на Ростовъ и далѣе.

Нашъ комиссаръ поэтому принимаетъ свои мѣры предосторожности. Онъ становится передъ выходомъ, рекомендуетъ всѣмъ молчать, не зажигать свѣта, и ждетъ прихода властей. Наконецъ, по лязгу оружія, мы слышимъ, что контроль подошелъ. Пытаются войти, но нашъ комиссаръ не пускаетъ — „Все свои, не беспокойтесь, вотъ мандаты и списки. Постороннихъ никого“. — Сердце у насъ стучитъ. Волнуемся, а вдругъ какъ войдутъ. Одинъ солдатъ все же вскакиваетъ въ вагонъ. Оглядываетъ всѣхъ, пытается считать число сидящихъ, но ему говорятъ, что нѣкоторые уже сошли въ первый моментъ, пока къ каждому вагону не подошли часовые. — „Да не беспокойтесь, тутъ все совѣтскіе служащіе“, говоритъ ему кто-то. — „То-то же“, замѣчаетъ чекистъ, спрыгивая изъ вагона, „а то тутъ много бѣлогвардейской сволочи таскается, въ послѣднее время. Такъ намъ наказъ далень ихъ ловить!“ —

Скоро поѣздъ трогается и мы доѣзжаемъ почти до моста черезъ Донъ. Дальше путь такъ забитъ вагонами, что въ Ростовъ изъ нашего состава уѣзжаетъ только одинъ вагонъ съ какими-то крупными большевистскими дѣятелями, прицѣпленный въ Екатеринодаръ, а насъ бросаютъ на путяхъ, кто говоритъ — до ночи, кто — до утра. Постепенно многіе разбираютъ свои пожитки и пѣшкомъ пускаются въ Ростовъ. Намъ приходится ждать до утра, потому что съ нами слишкомъ много вещей. Утромъ вагоны почти пустые. Всѣ уже успѣли разойтись. Когда поѣздъ остано-

вливается у семафора, около переѣзда, недалеко отъ станціи, я и мои спутники предпочитаемъ покинуть вагонъ, складываемъ вещи и переносимъ ихъ въ ближайшую будку, потомъ нанимаемъ какихъ-то носильщиковъ, которые берутся нести нашу поклажу. Еще рано, городъ спитъ, и мы благополучно по боковымъ улицамъ добираемся до дому.

Лѣтомъ 1920 года мнѣ по дѣламъ пришлось поѣхать въ Азовъ. Желая познакомиться съ условіями рѣчного транспорта, я взялъ специальное служебное удостовѣреніе на проѣздъ въ Азовъ на пароходѣ. Последнимъ этапомъ всѣхъ мѣтарствъ для полученія билета служить мѣстная водная Ортчека, которая выдастъ пропуска. Отправляюсь за этимъ пропускомъ и дѣлаюсь свидетелемъ слѣдующей любопытной бытовой сценки, характеризующей служебныя отношенія въ специфическихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Чека помѣщается въ грязной большой комнатѣ старой гостиницы для пріѣзжающихъ. Въ ней находятся нѣсколько молодыхъ людей въ матроскахъ и кожаныхъ курткахъ, которые открыто играютъ въ карты. Освѣдомляюсь, могу ли получить пропускъ въ Азовъ. — „Подождите, еще не пришелъ уполномоченный“, слѣдуетъ краткій и вразумительный отвѣтъ. Приходится терпѣливо ждать. Дѣйствительно, немного спустя появляется нѣкто, должно быть самъ уполномоченный, котораго другіе сотрудники чеки, однако, попросту величаютъ „Митькой“. Онъ просматриваетъ документы у ожидающей его публики. Нѣкоторымъ милостиво выдаетъ пропускъ, другимъ категорически отказываетъ. Не стѣсняясь присутствіемъ женщинъ, одинъ изъ агентовъ чеки громко заявляетъ — „А ну ка, Митька, махни пропускъ моей б . . . Лидкѣ. Ей чтой-то хоцца прокатиться въ Азовъ“. — Пожеланіе его немедленно удовлетворяется уполномоченнымъ. Черезъ нѣкоторое время я, получивъ разрѣшеніе на поѣздку, спускаюсь къ Дону.

Много пустыхъ барокъ, выброшенныхъ на бе-

386

регъ, растаскиваемыхъ на дрова. Пристаней нѣтъ; онѣ разваливаются, не ремонтируясь. Вдоль берега стоятъ нѣсколько пароходиковъ съ рѣющимися въ воздухѣ полинялыми красными флагами. Солнце палитъ нестерпимо и публика, которой набирается очень много (канунъ воскресенья) не знаетъ, куда спрятаться отъ палищей жары подъ открытымъ небомъ. На пароходъ рѣшительно никого не пускаютъ. Наконецъ, прибываетъ контроль, просматривающій пропуска и ловящій безбилетныхъ. Начинаютъ пускать на пароходъ. Пока вновь удалось навести порядокъ, всѣ безбилетные и бездокументные уже успѣли проникнуть на пароходъ. На пароходѣ уже всѣ углы забиты людьми. Жара, въ особенности въ центрѣ парохода у машины, такая нестерпимая, что потъ со всѣхъ льетъ ручьями. А народъ все прибываетъ и прибываетъ. Не только, что яблоку негдѣ упасть, но и перышку не найдется мѣста въ этой сплошной массѣ распаленныхъ, съ трудомъ дышащихъ людей.

На палубу, до минованія пароходомъ желѣзнодорожнаго моста черезъ Донъ, никого не пускаютъ, опасаясь покушеній. Всѣ молятъ объ отправленіи парохода, а онъ, какъ на зло, все стоитъ и стоитъ. Наконецъ раздается свистокъ и мы двигаемся въ путь. Нѣкоторые продолжаютъ прыгать съ берега, пока мы отваливаемъ. Кое-кто остается въ водѣ и спасательная лодка, стоящая на готовѣ, ихъ вылавливаетъ. Несмотря на движеніе парохода, жара не уменьшается. Со многими дѣлаются обмороки. Слышатся уже слезы и сѣтованія, что того или другого обокрали, утащили портмонэ, мѣшокъ и т. п. Когда мостъ пройденъ, новая толпа устремляется по трапу на палубу. Немногимъ счастливымъ это удастся. Я случайно очутился на палубѣ, и, снявъ, какъ и всѣ, съ себя, что только возможно, развѣшиваю и разстилаю, подобно другимъ пассажирамъ — многіе предметы моего туалета по краю парохода, такъ какъ они пріобрѣли такой видъ, будто бы ихъ долго и основательно мочили въ кипяткѣ. Погода

чудная. Настроеніе у находящихся на палубѣ, мѣняется къ лучшему. Многіе знакомятся. Завязываются общія бесѣды. Я разговорился съ помощникомъ капитана, который уже нѣсколько лѣтъ плаваетъ по Дону.

— „Такой навигаціи еще никогда не было“, сообщаетъ онъ мнѣ на мой вопросъ, „опредѣленнаго расписанія нѣтъ; его постоянно мѣняютъ. Въ дѣло эксплуатаціи пароходовъ вмѣшиваются, кому только не лѣнь, и гражданскія и военныя власти и профсоюзы. Пароходы ходятъ не регулярно. До послѣдней минуты, сплошь и рядомъ, не знаешь, отправится ли въ рейсъ пароходъ изъ-за недостатка угля или нѣтъ. Такъ было, наприимѣръ, и сегодня. По пути нѣтъ обозначательныхъ знаковъ. По ночамъ они не освѣщаются, ибо все это раскрадывается окрестнымъ населеніемъ. Хорошо еще пока, а вотъ какъ наступитъ осень съ ея туманами и темнотой, то частыя аваріи станутъ нерѣдкимъ явленіемъ. Движеніе разстраивается, а насъ засадили за статистическія вѣдомости. Служба сама по себѣ не выгодна и я только потому съ нея не ушелъ, что можно недурно спекулировать. Намъ, пароходной командѣ, имѣющей въ своемъ распоряженіи каюты, куда легче это, чѣмъ всѣмъ этимъ мѣшочникамъ!“ и онъ указаль рукой на окружающую публику. Дѣйствительно, вся палуба была покрыта ящиками, мѣшками, на которыхъ вся компанія сидѣла, лежала и обсуждала, что выгоднѣе и дешевле купить, какъ и у кого. Многіе достали хлѣбъ и ѣду и жевали ихъ, потому что на пароходѣ, со времени націонализаціи рѣчного флота, — буфета нѣтъ. Вскорѣ нашъ пароходъ, носившій названіе „Коммунистъ“, обогналъ другой, на которомъ было меньше публики и гремѣла музыка. Помощникъ капитана мнѣ объяснилъ, что это коммунисты изъ профсоюзовъ устраиваютъ увеселительную прогулку на взморье. — „Сколько вчера бочекъ пива привезли на этотъ пароходъ“, добавляетъ онъ, „даже завидно; намъ, небось, ни за какія деньги пива не достать, а имъ все можно“.

— Черезъ три часа мы въ Азовѣ. На пристань устремляется потокъ людей и почти всѣ благополучно проходятъ черезъ контроль, отбирающій билеты.

Такъ какъ гостинницъ нѣтъ, то всѣмъ спекулянтамъ, въ ожиданіи утренняго базара, приходится располагаться на ночлетъ на травѣ въ паркѣ, кому гдѣ придется, и только привилегированнымъ и хорошо заплотившимъ удастся переночевать въ паровой конторѣ или на самомъ пароходѣ на палубѣ. Чуть забрезжилъ свѣтъ, всѣ поднимаются и отправляются на ближайшій базаръ, гдѣ цѣны значительно ниже ростовскихъ и еще болѣе дешевѣютъ послѣ сигнала объ отходѣ ростовскаго парохода. Пароходъ рано утромъ возвращается обратно; поэтому всѣ наскоро совершаютъ закупки. У парохода опять происходитъ давка, но стража пропускаетъ продукты довольно снисходительно. Пароходъ отваливаетъ. Народу уже меньше, чѣмъ на пути изъ Ростова. Теперь пароходъ самъ напоминаетъ базаръ. Изъ кошелокъ, мѣшковъ, узловъ выглядываютъ головы куръ, гусей и утокъ, есть даже бараны. Мѣшки наполнены всякимъ продовольствіемъ и зеленью. Пароходъ еще болѣе грязнится, хотя и безъ того грязь, вонь и общая запущенность, столь характерны для современнаго совѣтскаго парохода. Его почти никогда не убираютъ. Вся команда слишкомъ важна для этого. Она больше занята своими пролетарскими интересами: выборомъ делегатовъ на разныя конференціи, съѣзды и т. п., а еще больше озабочена вопросомъ о спекуляціи, имѣя возможность безнаказанно заниматься ею, недурно увеличивая этимъ свой ничтожный основной заработокъ на пароходѣ.

Передъ самымъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, на обратной дорогѣ, навстрѣчу нашему „Коммунисту“ попадается пароходъ, везущій самого главковерха Азовско-Донского воднаго транспорта съ дамами, также на отдыхъ и для развлеченія на взморье. Наконецъ мы подъѣзжаемъ къ пристани. Съ берега бѣгутъ агенты водной чеки,

предвкушая богатую поживу. На этот раз, съ ихъ стороны приняты самыя дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы спекулянты не прорвали блокаду. Чекистовъ теперь интересуютъ не проѣздные билеты и не документы, а болѣе серьезный вопросъ — продовольствіе. Каждому спекулянту, если онъ только не въ стачкѣ съ чекистами, приходится проходить черезъ цѣлый рядъ продовольственныхъ агентовъ, внимательно осматривающихъ и ощупывающихъ привезенные товары, при видѣ коихъ у нихъ глаза разбѣгаются. У пассажировъ агенты отбираютъ, кому что захочется. Слышатся протесты, слезы, бабій визгъ. Ругань, самая отборная, виситъ въ воздухѣ. Кое-кого бьютъ. Кое-кого тутъ же для острастки, арестовываютъ, чтобы сторговаться съ ними потомъ, въ помѣщеніи чека, о размѣрѣ выкупа за возвращеніе свободы. Наконецъ, всѣ ряды загражденій пройдены. За ними стоитъ длинный рядъ ростовскихъ базарныхъ спекулянтовъ, перехватывающихъ товаръ, чтобы въ свою очередь продать его съ надбавкой на базарѣ. Спекуляція начинается еще на самомъ пароходѣ, гдѣ уже нѣкоторые перепродаютъ по болѣе высокой цѣнѣ другъ другу закупленные въ Азовѣ продукты.

Поднимаясь по горѣ къ Ростову, вижу освѣщенную яркимъ южнымъ солнцемъ картину: растяннулись съ парохода полосой пріѣзжіе и тащутъ привезенную провизію и живность, а чекисты весело возвращаются къ себѣ, подсчитывая полученные барыши натурой и деньгами. Передъ собой они гонятъ арестованныхъ, которые, несутъ на себѣ конфискованные у нихъ мѣшки, кошелки и ящики.

Слѣдующая моя поѣздка была въ самомъ концѣ марта 1921 года по желѣзной дорогѣ изъ Ростова въ Москву. Я давно сталъ къ ней готовиться, предполагая совсѣмъ выбраться изъ Совдепіи. Наконецъ, къ этому представился удобный случай. Въ результатѣ усиленныхъ хлопотъ я могъ получить мѣсто не только въ классномъ вагонѣ, но даже въ вагонѣ бывшаго международного

общества, такъ называемомъ но совѣтски „вагонъ особаго назначенія“. Тогда я сталъ хлопотать уже и о пропускѣ. Мнѣ лично удалось получить командировку. Для семьи я тоже съ большимъ трудомъ умудрился достать надлежащій мандатъ. Вслѣдъ за этимъ нужно было получить визу Особаго Отдѣла чека. Я нѣсколько разъ ходилъ мимо зданія, занимаемаго пропускнымъ бюро и не безъ ужаса видѣлъ тѣ хвосты, которые мнѣ приходилось преодолевать. Вставъ нарочно пораньше въ 5 час. утра, я сейчасъ же двинулся къ пропускному пункту.

Къ 10 час. утра народу было уже видимо-невидимо и я съ трудомъ протискался по узкой лѣстницѣ наверхъ до своего мѣста. Примѣрно въ 11 часовъ стали пускать по нѣсколько человекъ. Надо было являться къ двумъ чекистамъ, которые, ознакомляясь съ содержаніемъ документовъ, либо отклоняли выдачу разрѣшенія, либо соглашались на нее. Стриженная чекистка внимательно осмотрѣла меня, задумалась на мгновенье, затѣмъ поставила свою визу на командировочномъ мандатѣ. Я перешелъ въ слѣдующую комнату, гдѣ надо было заполнить краткую анкету и получить самый пропускъ, на которомъ не хватало только печати и подписи начальника отдѣла, злобнаго и блѣднаго латыша, сидѣвшаго въ первой комнатѣ. Всѣмъ пришлось долго ожидать, потому что при переѣздѣ въ другое помѣщеніе гдѣ-то затерялась печать учрежденія и только еще часъ спустя ее нашли. За это время пришлось слышать много слезъ, униженныхъ просьбъ и даже проклятій.

Получивъ пропускъ, я хотѣлъ еще закрѣпить за собой право на вывозъ моихъ кроватей. Для этого пришлось брать свидѣтельство сначала отъ домкома, скрѣпленное печатью квартальнаго комитета, а потомъ отъ отдѣла оборудованія коммунальнаго хозяйства. По знакомству я быстро получилъ и то, и другое и приступилъ къ послѣдней стадіи подготовительныхъ работъ къ отъѣзду. Дѣло въ томъ, что у меня было довольно много

вещей къ перевозкѣ, а также продовольствія, которое я долженъ былъ отвезти къ знакомымъ въ Москву и потому меня страшилъ тотъ грабежъ, который обычно имѣетъ мѣсто на вокзалахъ. Въ этихъ цѣляхъ, прежде всего, я постарался раздобыть оффиціальное разрѣшеніе на провозъ 4 пудовъ продовольствія, а затѣмъ, такъ какъ этого одного разрѣшенія было еще мало, то познакомился со станціоннымъ служащимъ изъ комендатуры, который очень любезно обѣщалъ оказать всякое содѣйствіе при отъѣздѣ. Далѣе все пошло такъ, какъ и у всѣхъ при поѣздкахъ. Изъ одного очень сильнаго учрежденія я заручился обѣщаніями на 2 мѣста, изъ другого еще на одно (насъ ѣхало трое взрослыхъ и ребенокъ).

Но вотъ и день отъѣзда. Съ утра я направляюсь въ пріемную Донисполкома, гдѣ въ такомъ же напряженномъ ожиданіи какъ я, томятся еще чловѣкъ двѣсти (распредѣленіе касается и мѣсть въ такъ называемыхъ „делегатскихъ“, т. е. классныхъ вагонахъ). Наконецъ прибываетъ и самъ товарищъ секретарь. Его облѣпляютъ со всѣхъ сторонъ. Мнѣ, къ величайшей радости, удастся получить номерки на всѣ 3 мѣста и я сейчасъ же отправляюсь на центральную станцію, гдѣ происходитъ самая выдача билетовъ. Здѣсь у одного окошка собираются и ѣдущіе со скорыми поѣздами на Москву и съ пассажирскими по разнымъ направленіямъ. Приходится проталкиваться къ окошечку и слышать по своему дѣлу массу попрековъ: — „Ишь ты, буржуй, имѣетъ право ѣхать на скоромъ и билеты внѣ очереди получаетъ.. А нашъ братъ красноармеецъ стой въ очереди по нѣскольку дней, не жрамши“. Другой останавливаетъ недовольнаго. — „Чортъ съ нимъ, оставь его. Должно комиссаръ какой съ важнымъ дѣломъ.“ — „Да знаемъ какое — очевидно спекуляція“, возражаетъ первый.

Въ результатѣ перебранки и проталкиванія (причемъ мнѣ нѣсколько разъ грозитъ опасность быть выброшеннымъ вовсе изъ комнаты) я уцѣли. Кассиръ, выдавая плацкарты, пытается,

какъ обыкновенно, спекулировать на общей суматохѣ и волненіи отъѣзжающаго, чтобы оставить лишнюю плацкарту за собою: онъ пытается вручить мнѣ двѣ плацкарты вмѣсто полагающихся трехъ и только потому, что я не очень тороплюсь отойти отъ окошечка, это ему не удается, и онъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ отдаетъ мнѣ третью плацкарту. Возвращаясь домой, я заѣзжаю въ учрежденіе, снабжающее командировочныхъ продуктами на дорогу, которое и получаю, въ размѣрѣ, по увеличенному масштабу, на дальнюю поѣздку, въ видѣ: 7 фунтовъ хлѣба, 1½ фунта соли, коробки спичекъ и 70 папиросъ. Это считается, что я удовлетворенъ пайкомъ на двѣ недѣли. Дома идетъ наспѣхъ ликвидація имущества, которое не берется съ собою. Въ 6 часовъ вечера я отправляюсь съ частью вещей на вокзалъ и беру носильщиковъ. Новый нашъ знакомый по комендатурѣ рекомендуетъ сдавать вещи заблаговременно, пока еще нѣтъ наплыва публики. Знакомитъ меня съ вѣсовщикомъ, который занимается самъ и даетъ указаніе, сколько нужно дать агенту военно-контрольнаго отдѣла, чтобы онъ вовсе не смотрѣлъ вещей. Все идетъ какъ по маслу. Показываютъ меньшій вѣсъ груза, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ (провозить въ багажномъ вагонѣ можетъ всякій только по 10 пудовъ на билетъ), а контролеръ даетъ 17 билетовъ съ надписью на каждомъ „багажъ досмотрѣнъ“.

Послѣ этого мы идемъ въ помѣщеніе бывшихъ парадныхъ комнатъ вокзала, а нынѣ комнатъ, куда комендатура помѣщаетъ своихъ знакомыхъ для ожиданія поѣзда. Когда поѣздъ подается, приходится идти наблюдать за погрузкой. Здѣсь опять дается порядочная сумма кондуктору. Потомъ погружаемся въ вагонъ. Случайно ѣдетъ еще одинъ знакомый и намъ удается всѣмъ устроиться въ одномъ четырехмѣстномъ купѣ бывшаго международнаго вагона.

Поѣздъ долженъ отойти въ 11 часовъ вечера. Народу очень мало, потому что никого, не имѣющаго плацкарты, на перронъ не пускаютъ. Ждемъ

отправленія поѣзда, и, такъ и не дождавшись, укладываемся спать. Онъ уходитъ только на слѣдующій день утромъ. Скорые поѣзда между Ростовомъ и Москвой ходятъ очень прилично и потому безъ замедленія мы доѣзжаемъ до Таганрога. Здѣсь на вокзалѣ происходитъ форменное сраженіе желѣзнодорожной администраціи съ цѣлой оравой разнузданныхъ матросовъ. Хотя первые и указываютъ, что этотъ поѣздъ служебный и въ ходу лишь одинъ разъ въ недѣлю, что въ немъ всѣ мѣста нумерованы и что вскорѣ идетъ ежедневный пассажирскій поѣздъ, на который матросы и могутъ сѣсть, послѣдніе все-таки порываются силой войти въ наши вагоны. Наконецъ вызываютъ военный караулъ и инцидентъ исчерпывается не въ пользу матросовъ. На нѣкоторыхъ другихъ станціяхъ я выхожу и убѣждаюсь, что, по мѣрѣ удаленія отъ Ростова, цѣна на муку и другое продовольствіе возрастаетъ. Международный вагонъ, въ которомъ мы ѣдемъ, хотя и грязнѣе прежняго, (о постельномъ бѣльѣ, разумѣется, и мечтать не приходится), во всякомъ случаѣ во сто кратъ опрятнѣе делегатскихъ вагоновъ. Преимуществомъ его является еще то, что количество ѣдущихъ строго согласовано съ числомъ мѣстъ, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ вагонахъ, въ томъ числѣ и делегатскомъ, набивается народу, сколько угодно. Въ нашемъ вагонѣ, какъ въ старое время, есть проводникъ, который на ключѣ держитъ свою каморку, содержимому которой можетъ позавидовать любой продпунктъ. Мой спутникъ по купѣ, знатокъ по части спекуляціи, сообщаетъ, что ловкіе проводники зарабатываютъ каждый разъ не менѣе миліона рублей совѣтскими на такихъ рейсахъ. Разумѣется, имъ приходится дѣлиться частью барышей кое съ кѣмъ изъ администраціи и съ заградилками.

Путь нашего слѣдованія лежитъ черезъ Донецкій бассейнъ и приходится видѣть воочию всю обратную сторону „совѣтской электрофикаціи“: безконечные ряды стоящихъ заводовъ, шахты, съ

развалившимися зданіями и трубами. Общій видъ какой-то космической катастрофы, какого-то всеобщаго разрушенія. Вотъ гдѣ бы побывать иностранцамъ, прислушивающимся къ старымъ большевистскимъ пѣснямъ „о новомъ курсѣ“. Въ Никитовкѣ, центрѣ Донбасса, поѣздъ стоитъ дольше и, какъ ни странно, отсюда начинается изъ-за недостатка въ топливѣ, участокъ самага сквернаго движенія вплоть до Харькова, несмотря на то, что поѣздъ идетъ по территоріи одного изъ наиболѣе мощныхъ каменноугольныхъ бассейновъ въ мірѣ. Въ Никитовкѣ наносится первый визитъ поѣзду со стороны агентовъ чека и военно-продовольственнаго контроля. Въ нашъ вагонъ, какъ мнѣ и предсказывалъ устроившій насъ въ Ростовѣ чинъ вокзальной комендатуры, однако, никто, дѣйствительно, не заглянулъ.

Я вышелъ пройтись по платформѣ. Около одного изъ делегатскихъ вагоновъ собралась большая толпа народа. Оказывается, что чека имѣла свѣдѣнія о томъ, что пассажиромъ этого вагона, бывшимъ „спецомъ“ изъ сочувствующихъ, производилась перевозка большой партіи брилліантовъ. Въ Никитовкѣ чека вскрыла его чемоданъ, разрѣзала мыло и извлекла такимъ путемъ на нѣсколько милліоновъ „царскихъ“ и брилліантовъ. „Спеца“ подъ усиленнымъ конвоемъ повели въ чека. Отъ Никитовки начинается зона дѣйствія Махновскихъ отрядовъ. Поэтому, поѣздъ переходитъ на военное положеніе. Его сопровождаютъ около 20 съ ногъ до головы вооруженныхъ красноармейцевъ, часть коихъ располагается на паровозѣ, а остальные по вагонамъ. Трогаемся въ путь. Послѣ безконечныхъ степей юго-востока все чаще и чаще начинаютъ попадаться перелѣски и лѣса — современные „Брянскіе лѣса“, такъ какъ атаки свои махновцы начинаютъ изъ нихъ, устраивая крушенія и творя скорый судъ и расправу надъ коммунистами, евреями и отвѣтственными работниками. Въ вагонѣ замѣчается нѣкоторое волненіе. На всякій случай мы прячемъ наши

командировочные мандаты и на сцену выступают иностранные документы. Коммунисты въ другихъ купѣ тоже кое-что прячуть. Разговоры идутъ на тему о повстанцахъ, объ ограбленіяхъ поѣздовъ и пр. Нашъ проводникъ еще нарочно застрачиваетъ публику, рассказывая, какія бывали здѣсь нападенія, какъ справлялись съ коммунистами, какъ пострадалъ цѣлый эшелонъ съ красными курсантами и ихъ комсоставомъ, направлявшимися изъ Москвы въ Севастополь и такъ и не доѣхавшими до мѣста назначенія.

Тѣмъ временемъ окончательно темнѣетъ. Дѣлается, дѣйствительно, жутко; вагонъ не освѣщается электричествомъ, а обычные огарки изъ предосторожности никто не зажигаетъ, опасаясь выстрѣла на свѣтъ. Поздно вечеромъ приѣзжаемъ, наконецъ, на станцію Соль, на которой всѣ ѣдущіе спѣшатъ зацѣпиться солью, стоящей здѣсь 17.000 руб. пудъ, а въ Москвѣ до 150 тысячъ рублей. Станція, равнымъ образомъ, не освѣщается. При слабомъ свѣтѣ луны на ущербѣ какія-то зловѣщія тѣни во мглѣ быстро снуютъ по станціи; выходятъ изъ вагоновъ, вынося пустые мѣшки. Къ нимъ сейчасъ же подбѣгаютъ другія тѣни. Одинъ мѣшокъ быстро пустѣетъ и содержимое его быстро переходитъ въ мѣшокъ пассажира. Одна группа смѣняется другой и все это дѣлается въ почти полномъ мракѣ; хотя и суетливо, но въ тишинѣ. Давъ время поѣзду достаточно нагрузиться солью, паровозъ, тяжело пыхтя, двигается въ дальнѣйшій путь. Вскорѣ на душѣ у всѣхъ дѣлается легче, такъ какъ наиболѣе опасный путь пройденъ. Понемногу, спрятавъ, кто куда могъ, добытую соль, всѣ засыпаютъ.

Утромъ мы въ Харьковѣ. Такъ какъ поѣздъ сильно задержался въ Ростовѣ, то стоитъ онъ въ Харьковѣ лишь 15 минутъ. Планы многихъ насчетъ того, чтобы успѣть сбѣгать на базаръ и зацѣпиться сахаромъ для перевозки въ Москву на предметъ спекуляціи, остаются неосуществленными. Поѣздъ, однако, подвергается осмотру Харьковской чеки. Юркій молодой человѣкъ въ

396

пенснэ и кожаной курткѣ, предводительствующій группой красноармейцевъ, обходитъ всѣ вагоны, въ томъ числѣ и нашъ. Обращаетъ вниманіе, главнымъ образомъ, на документы. Одинъ изъ спутниковъ его, въ матросскомъ одѣяніи, беретъ у насъ въ купѣ какой-то чемоданъ и взвѣшиваетъ его на рукѣ. Просить его открыть. Подозрительнаго ничего не оказывается и группа чекистовъ удаляется.

— „Теперь полегчало“, замѣчаетъ проводникъ, „а то еще недавно, до выхода декрета о вольной торговлѣ, здорово грабили!“ Поѣздъ уходитъ къ сѣверу. Сразу послѣ въѣзда въ Курскую губернію картина рѣзко мѣняется: хлѣба почти никто не продаетъ. Не говоря уже про буфеты, которые нигдѣ въ Совѣтской Россіи не функционируютъ, но даже такъ называемыя съѣстные лавки для красноармейцевъ, пустуютъ. Раньше здѣсь были главные заградительные пункты, грабившіе проѣзжающихъ съ юга съ продовольствіемъ, но съ конца марта 1921 года они уже сняты, такъ что до Москвы можно ѣхать спокойно. На станціяхъ безконечно стоятъ какіе-то поѣзда, облѣпленные проѣзжающими безъ пропусковъ и безъ документовъ. Такихъ пассажировъ время отъ времени на главныхъ станціяхъ сгоняютъ, но они опять влѣзаютъ и, какъ мухи, облѣпляютъ всѣ вагоны, ломая и уничтожая все желѣзнодорожное имущество страны. Нефтяные поѣзда съ цистернами и продмаршруты особенно излюблены мѣшочниками, потому что они движутся скорѣе и потому подходящій къ станціи поѣздъ такого типа издалека кажется похожимъ на пчелиный рой. Даже паровозы и тѣ почти полностью покрыты людьми. Естественно, что подвижной составъ еще скорѣе изнашивается, и поэтому вагонныя и паровозныя кладбища составляютъ принадлежность всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ станцій.

Послѣ Курска темпъ движенія поѣзда ускоряется. Временно паровозы въ этомъ районѣ ходятъ на дровахъ, но они приспособлены также

и подѣ нефтяное и угольное топливо. Быстро проходитъ ночь. Весь вагонъ спитъ, убаюканный мягкимъ вскидываніемъ рессоръ. Рано утромъ прѣзжаемъ въ Тулу. На вокзалѣ идетъ страшная спекуляція. Рабочіе Тульскихъ патронныхъ заводовъ, занимающіеся на заводѣ „самоснабженіемъ“, продаютъ тутъ на вокзалѣ въ свою пользу тѣ издѣлія, которыя они изготовляютъ изъ казенныхъ матеріаловъ въ казенныхъ мастерскихъ; тутъ предлагаютъ и замки, и зажигалки, и ключи и пр. Цѣны на все высокія, но рабочіе охотнѣе мѣняють ихъ на хлѣбъ. Масса голодныхъ ребятишекъ и женщинъ съ воспаленными искрящимися глазами просятъ хлѣба. — „Баринъ, дайте хоть корочку.“ Съ тяжелымъ чувствомъ поднимаемся мы обратно въ поѣздъ послѣ звонка. Отъ Тулы поѣздъ движется еще быстрѣе, точно стремясь наверстать потерянное время.

Составъ лицъ, находящихся въ нашемъ вагонѣ, пестрый. Ѣдутъ нѣсколько чекистовъ; одно купѣ занято членами Реввоенсовѣта республики; два, три крупныхъ спеца, а остальные несомнѣнные спекулянты, вывозящіе въ Москву изъ Ростова иностранную валюту (въ то время цѣна на фунтъ стерлинговъ была въ Ростовѣ до 50 тысячъ рублей совѣтскихъ, а въ Москвѣ свыше 100.000 рублей). Между прочимъ, въ одномъ купѣ ѣдетъ, въ качествѣ дипломатическаго курьера Ангорскаго Правительства, турецкій консулъ изъ Туапсе. Я вступаю съ нимъ въ бесѣду по французски, такъ какъ русскаго языка онъ совсѣмъ не понимаетъ. Онъ мало знаетъ Россію. Говоритъ со мной, не зная меня, довольно смѣло, что меня немного удивило. Смѣясь, онъ указываетъ, что и его правительство, и совѣтское стремятся другъ друга надуть. Турецкіе націоналисты желаютъ получить помощь деньгами и вооруженіемъ для осуществленія національнаго объединенія, отнюдь не желая у себя коммунизма и вовсе не предполагая играть въ руку коммунистическому Коминтерну. Съ другой стороны, и совѣтское правительство, обѣщая на словахъ больше, чѣмъ оно даетъ на самомъ дѣлѣ,

весьма недвусмысленно даетъ понять, что оно хотѣло бы турецкими руками жаръ загребать, т. е. перессорить англичанъ съ французами, разжечь революцію на Балканахъ и вообще создать рядъ всевозможныхъ международныхъ осложненій, которыя были бы на руку московской дипломатіи. — „Поэтому то“, заключилъ онъ, „въ дѣйствительномъ теченіи этой дружбы можетъ быть много неожиданностей и наспѣхъ заключенное соглашеніе можетъ легко разорваться съ самыми неожиданными для прежнихъ союзниковъ послѣдствіями.“ —

Вскорѣ мы подъѣзжаемъ къ Москвѣ. На перронѣ Курскаго вокзала никого нѣтъ. Спускаемся внизъ, платимъ носильщикамъ за вещи и выходимъ на улицу. Потомъ я отправляюсь въ багажное отдѣленіе и предъявляю квитанціи. Оказывается, ихъ нужно сначала предъявить въ вокзальную чеку. Поднимаюсь туда. Агенты внимательно оглядываютъ меня, потомъ квитанцію. Спрашиваютъ, что у меня за вещи въ багажѣ. Я объясняю и предъявляю удостовѣреніе продовольственнаго комитета въ Ростовѣ на провозъ продуктовъ, а также и другое разрѣшеніе на перевозку кроватей и домашнихъ вещей. Даютъ мнѣ пропускъ. Отправляемся въ пакгаузъ. Опять беру носильщиковъ. Какой-то мрачный типъ внимательно глядитъ на меня изъ-за угла. Идемъ въ мѣсто выдачи багажа; типъ этотъ, съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ, слѣдуетъ за нами. Я указываю на вещи, мрачный незнакомецъ требуетъ открыть всѣ чемоданы. Я осторожно замѣчаю ему, что у меня уже есть разрѣшеніе вокзальной чеки. — „Я уже сказалъ вамъ открыть всѣ вещи“, злобно повторяетъ онъ. Вижу, что шутить не приходится, надо повиноваться. Пока идетъ операція развязыванія и раскрыванія моихъ пятнадцати чемодановъ, въ багажное помѣщеніе приходитъ какая-то пара. У нихъ только два мѣста: корзина и чемоданчикъ. Имъ также предлагаютъ открыть ихъ вещи. Они почему то долго протестуютъ. Изъ-за этого чекистъ привязывается къ нимъ,

между тѣмъ, какъ у меня онъ заглянулъ только въ два-три чемодана и махнулъ рукой, сказавъ: „закрывайте вещи“, когда я предъявилъ ему мой командировочный мандатъ. Къ нимъ онъ дѣлается придирчивымъ, заставляетъ выбрать всѣ вещи, просматриваетъ дневники и наконецъ натыкается на кусокъ подошвенной кожи, которую онъ и конфискуетъ, несмотря на протесты владѣльцевъ и на указаніе на то, что кожа эта получена ими въ паекъ на совѣтской же службѣ. Пока я и мой спутникъ съ носильщиками завязывали чемоданы, у меня исчезъ кошелекъ, который я вынулъ для того, чтобы достать изъ него одинъ изъ ключей. Ищемъ повсюду и не находимъ. Я въ возмущеніи заявляю протестъ агенту чека, говоря, что удивительно, какъ въ присутствіи представителя чеки могутъ исчезать вещи. Дальше идти некуда! Онъ сконфуженно мнется, но портмонэ такъ-таки и не находится. Выходимъ, беремъ ломового, который за безумную плату и нѣсколько фунтовъ хлѣба берется доставить насъ по назначенію. Расплачиваемся съ носильщиками, причемъ они также выпрашиваютъ себѣ хлѣбъ, и двигаемся къ мѣсту своего временнаго жительства.

Въ силу ряда затрудненій технического характера намъ не удалось попасть на ближайшій эшелонъ, отходившій въ Эстію и поэтому пришлось больше мѣсяца прожить въ Москвѣ. Бумаги всѣхъ были отосланы въ В. Ч. К., которая, продержавъ ихъ около двухъ недѣль, не встрѣтила возраженій къ выѣзду всѣхъ на родину.

Нашъ эшелонъ сопровождаетъ представитель Центроэвака, коммунистъ, со своей дамой сердца, ѣдущіе въ отдѣльномъ вагонѣ, какъ на увеселительную прогулку. Этотъ центроэвакъ въ пути выдаетъ намъ паекъ, состоящій изъ хлѣба, соли, сахара и суррогата чая, и въ двухъ мѣстахъ кормитъ эшелонъ обѣдомъ обычнаго совѣтскаго типа. Поѣздъ ползетъ медленно. Подолгу стоитъ на всѣхъ станціяхъ, такъ что на передаточной станціи Тосно мы оказываемся лишь на слѣдующій вечеръ.

Въ Ямбургѣ вагоны нашего эшелона отдѣляются отъ прочаго состава и отводятся на запасной путь, гдѣ ихъ немедленно окружаетъ цѣнь часовыхъ съ винтовками въ рукахъ. Грубо предлагаютъ вытаскивать всѣ вещи изъ вагоновъ. Черезъ нѣкоторое время появляется группа мужчинъ и стриженныхъ женщинъ съ портфелями подъ мышкою. — „Вотъ они, инквизиторы,“ стиснувъ зубы говоритъ мой сосѣдъ. Не торопясь, эта группа подходитъ къ поѣзду, обходитъ весь эшелонъ, внимательно обводя глазами выгружаемые предметы и пассажировъ, и о чемъ-то тихо совѣщается.

Когда выгрузка багажа окончена, всѣмъ предлагаютъ взять документы и цѣнные вещи съ собой, и гонять, какъ стадо барановъ, на дворъ таможенного пункта. — „А какъ же вещи?“ спрашиваютъ многіе. — „Не беспокойтесь, онѣ въ полной сохранности. При нихъ остаются надежные часовые,“ отвѣчаетъ старшій чекистъ. Загнавъ всѣхъ во дворъ, начинаютъ провѣрять по одиночкѣ документы и отправляютъ въ помѣщеніе таможенного досмотра, гдѣ мужчинъ отдѣляютъ отъ женщинъ и гдѣ начинается раздѣваніе, ощупываніе и обшариваніе всѣхъ. Особенно женщины чекистки стараются показать свою приверженность совѣтской власти. Пограбивъ основательно, направляютъ всѣхъ въ слѣдующій залъ, гдѣ идетъ подсчетъ и провѣрка содержимаго ящиковъ, мѣшковъ, бумажниковъ и кошельковъ. Здѣсь быстрѣе заключаются отдѣльныя сдѣлки и кое у кого осмотръ сходитъ сравнительно благополучно. Другихъ разбираютъ въ чистую. Всякія удостовѣренія, корреспонденцію, русскіе аттестаты, фотографіи, особенно лицъ въ военной формѣ, отбираютъ, заявляя, что все это оптантамъ не нужно. Изъ „чистилища“ обыскиваемые выходятъ на улицу, откуда, по окончаніи всей операціи ихъ ведутъ обратно къ вагонамъ. Многіе при этомъ убѣждаются въ пропажѣ вещей, оставленныхъ на попеченіи „надежной“ охраны. Послѣ этого для всѣхъ насъ начинается „последній и рѣшительный бой“, какъ поется въ Интернаціоналѣ.

Товарищи ви́шторгисты, они же и чекисты, объявили намъ, что на основаніи секретнаго предписанія Петрогубкоммуны, они согласны въ предѣлахъ 10 - пудовой нормы пропустить за границу вещи лишь тѣхъ эстонтантовъ, которые предъявляютъ завѣренную опись своего имущества, къ тому же снабженную спеціальной визой Наркомви́шторга. Въ противномъ же случаѣ, всѣ вещи оптантовъ будутъ разсматриваться ими какъ обыкновенный пассажирскій багажъ и количество этихъ вещей, превышающее обыкновенную пассажирскую потребность въ пути, будетъ задержано въ Ямбургѣ. Это съ ихъ стороны была простая уловка, чтобы чѣмъ-нибудь оправдать предстоявшій грабежъ. Сообщенныя намъ въ Ямбургѣ новыя правила никому не были извѣстны. По указанію эстонской комиссій, всѣ оптанты имѣли 10 пудовъ багажа или меньше, но рѣшительно ни у кого не было тѣхъ особыхъ разрѣшеній, которыя требовала отъ насъ Ямбургская таможня. Напрасны были наши протесты со ссылками на то, что требованіе это идетъ въ разрѣзъ съ неотмѣненными правилами товарища Карахана, предложенными намъ къ руководству; ничто не помогало. Нужно было обязательно представить то, чего ни у кого изъ 250 пассажировъ не было — визу Наркомви́шторга.

Началось опредѣленіе таможенными чиновниками для каждаго оптанта его обыкновенной дорожной потребности. Это было очень индивидуально. Кто изъ нихъ не относилъ къ дорожной потребности ни одной серебряной ложки, а кто не возражалъ противъ отнесенія къ ней громоздкихъ вещей, въ видѣ кроватей и большихъ сундуковъ. Поэтому и результаты оказались довольно пестрыми. Но въ общемъ, въ равной степени, всѣ оказались ограбленными. Ви́шторгисты изъ эстонцевъ - коммунистовъ усиленно старались нанести матеріальный ущербъ своимъ же соотечественникамъ. Совѣтское правительство нарочно держитъ ихъ съ этой цѣлью, натра-

402

вливая на своихъ же, такъ же, какъ на Латвійской границѣ, латышей коммунистовъ. И тутъ, особенно старались женщины, которыя не стѣсняясь, забирали все до послѣдней нитки. Конечно, многимъ удалось вступить въ сепаратныя соглашенія, отдѣлавшись потерей золотыхъ или царскихъ денегъ. Однако, большинство сильно пострадало, что для многихъ было равносильно полному разоренію и пріѣзду на родину нищими.

Грабежъ продолжался съ 12 часовъ дня до 2 часовъ ночи, когда отъ нашего эшелона отѣхалъ послѣдній 30-ый возъ съ отобраннымъ добромъ, и ограбленнымъ стали выдавать особыя реквизиціонныя квитанціи. Ночь всѣ провели въ самомъ мрачномъ состояніи духа. Составили групповой протестъ по поводу возмутительнаго насилія и дали ему ходъ. Рано утромъ, чуть свѣтъ, нашъ эшелонъ отпавили въ дальнѣйшій путь. Мѣсто, которое мы покидали, представляло собой видъ какого-то современнаго Мамаева побоища: валялись разорванные мѣшки, бумага, стекла, помятыя шляпы, вата. Подѣзжая къ пограничной съ Эстіей станціи, поѣздъ идетъ по мѣстности, служившей ареной ожесточенныхъ боевъ во время русско-эстонской войны. Слѣды боевъ видны повсюду: вдоль желѣзнодорожнаго полотна лежатъ поваленные телеграфные столбы, на станціяхъ водокачки и другія помѣщенія совсѣмъ разрушены. На самой границѣ широкая просѣка въ лѣсу — нейтральная зона, съ наблюдательными вышками на русской сторонѣ и съ заборомъ изъ проволочныхъ загражденій вдоль эстонской границы. Поѣздъ останавливается. Изъ станціонной будки выходитъ группа оборванныхъ и грязныхъ красноармейцевъ, вновь внимательно провѣряющихъ спиоки и пересчитывающихъ ѣдущихъ. Всѣ еще разъ волнуются, испытывая унижительное чувство страха къ представителямъ ненавистной власти. Операція осмотра окончена; даютъ сигналъ къ отправленію. Ворота въ заборѣ, отдѣляющія насъ отъ буржуазнаго міра, растворяются и поѣздъ

медленно переходить на эстонскую территорию. Последний раз видимъ рваную полинялую красную тряпку, развѣвающуюся на сторожевой будкѣ, символъ коммунистическаго рая, который мы только что покинули... и мы въ Эстїи.

Оглушительное дружное „ура“ вырывается изъ груди всѣхъ при видѣ пограничнаго столба съ синимъ, чернымъ, бѣлымъ цвѣтами и рослаго молодцеватаго, прекрасно одѣтаго, солдата, стоящаго на часахъ. Поѣздъ на короткій срокъ опять останавливается. Идетъ провѣрка эстонцами правильности паспортовъ на право въѣзда. Операция заканчивается, и насъ отправляютъ въ Нарву, гдѣ, послѣ предварительнаго очищенія отъ совѣтской грязи въ банѣ, насъ помѣщаютъ въ Нарвскомъ карантинѣ. Послѣ 10-ти дневной политической и санитарной обсервации мы вновь садимся на поѣздъ, везущій насъ далѣе. Къ вечеру изъ вагоновъ мы уже видимъ на горизонтѣ Балтійское море, а передъ нимъ и самый Ревель съ его красивыми готическими постройками и шпицами соборовъ.

Путь нашъ отъ Чернаго до Балтійскаго Моря оконченъ!

Заключеніе.

Наступаетъ моментъ празднованія въ Россіи четырехлѣтія совѣтской власти. По обыкновенію, къ этому времени Государственнымъ издательствомъ будетъ выпущена серія книгъ и брошюръ рекламнаго характера, подводящихъ въ розовыхъ краскахъ итоги хозяйничанію большевиковъ на Руси. Я съ своей стороны, тоже тороплюсь закончить мою книгу, чтобы такимъ путемъ сдѣлать вкладъ въ юбилейную литературу. Правда, книга эта явится нѣкоторымъ диссонансомъ въ ряду того печатнаго матеріала, который будетъ подводить итоги 4 годамъ соціалъ-экспериментаторской дѣятельности кремлевскихъ владыкъ и, даже болѣе того, я увѣренъ, что Госиздатъ ее не пріобрѣтетъ и не пуститъ въ народное обращеніе, а наоборотъ, включить въ индексъ отреченныхъ книгъ. Такимъ образомъ, легально, она въ Россію сейчасъ, къ сожалѣнію, не попадетъ. Но не моя вина въ томъ, что кругъ читателей ея поневолѣ будетъ суженъ лишь до состава тѣхъ русскихъ, которымъ уже удалось вырваться изъ Совдепіи.

Съ моей стороны, было сдѣлано все возможное къ тому, чтобы дать безпристрастный и разносторонній матеріалъ о положеніи современной Совѣтской Россіи. Если книга подчасъ и пріобрѣтала обличительный характеръ, то, — да простятъ меня коммунисты, — нельзя же ихъ гладить по головкѣ за то, что они являются упорнымъ геніемъ разрушенія русскаго государства. „Что посѣешь — то и пожнешь“. При спѣшности работы и при тѣхъ необычайныхъ условіяхъ, въ которыхъ при-

ходило съ составлять и писать эту книгу, когда цѣлый рядъ необходимѣйшихъ статистическихъ данныхъ нельзя было никакими путями достать для использованія, а съ частію не менѣе любопытны матеріаловъ автору пришлось распротиться въ Ямбургѣ, гдѣ мѣстные представители совѣтской власти „взяли ихъ почитать вмѣстѣ съ его платьемъ и другимъ багажомъ“, — неизбѣжнымъ являются дефекты работы въ видѣ непропорціональности частей, нѣкоторыхъ повтореній, неравномѣрности освѣщенія различныхъ вопросовъ и ряда другихъ дефектовъ технического характера, за которые авторъ заранѣе просить его извинить. Во всякомъ случаѣ, пишущему эти строки хотѣлось бы привлечь общественный интересъ къ тѣмъ вопросамъ современной русской дѣйствительности, о которыхъ въ послѣдовательномъ порядкѣ программы коммунистовъ трактуется въ настоящей книгѣ. Насколько это ему удалось, покажетъ нелицепріятный судъ читателей. — „Feci quod potui — faciant meliora potentes.“

Каковы же выводы изъ всего здѣсь написаннаго. Авторъ предоставляет это сдѣлать каждому, кто одолѣетъ предыдущія страницы. Несомнѣнно, что всѣ вопросы эволюціи коммунизма, крушенія совѣтской власти и національнаго возрожденія новой Россіи должны вызвать рядъ глубокихъ аналитическихъ работъ, которыя и не замедлятъ, очевидно, появиться и которыя дадутъ тѣ или иные отвѣты на всѣ выдвигаемые этой книгой вопросы. Да позволено же будетъ здѣсь и автору въ самыхъ общихъ чертахъ высказать свое заключеніе по поводу царства Ленина къ моменту четырехлѣтія октябрьской революціи и дальнѣйшихъ его перспективъ.

Тѣ самыя лица, которыя въ моментъ большевистскаго переворота оказались у власти, продолжаютъ и нынѣ пребывать у кормила правленія русскаго государственнаго корабля. Это показываетъ, что правящая группа коммунистовъ достаточно спѣлась и передъ лицомъ грозной опасности распада власти сумѣла объединиться.

Внутреннія разногласія въ ней, какъ будто-бы, даже улеглись, но зато въ самой партіи неблагополучно. Подобно тому, какъ крысы спасаются вплавъ съ гибнущаго корабля, такъ и коммунисты въ послѣднее время массами покидаютъ партію, желая застраховаться заблаговременно на случай крушенія коммунистической диктатуры. Власть держится на поверхности, ведя въ международныхъ отношеніяхъ игру на міровой конкуренціи великихъ державъ и на экономическихъ противорѣчіяхъ націй, вызванныхъ Версальскимъ мирнымъ договоромъ. Правда, что въ этомъ отношеніи большевиками достигнуто уже многое и, въ частности, съ грустью приходится отмѣтить начавшуюся интервенцію въ пользу совѣтской власти въ видѣ торговыхъ договоровъ, заграничныхъ совѣтскихъ заказовъ и международной спекуляціи рабоче-крестьянскаго правительства на русскомъ голодѣ. Однако, и здѣсь все же надлежитъ подчеркнуть назрѣвающій переломъ въ настроеніяхъ западныхъ державъ. Не говоря уже про интеллигенцію, но и рабочіе повсемѣстно за границей трезвѣютъ, видя воочию, къ какимъ плачевнымъ результатамъ приводитъ строительство народной жизни на утопическихъ теоріяхъ. Въ виду этого приходится ожидать перемѣну отношеній къ совѣтской власти со стороны государствъ, придерживавшихся въ послѣднее время по отношенію къ ней благожелательной тактики.

Съ другой стороны, внутреннее положеніе Совѣтской Россіи не можетъ быть охарактеризовано иначе, какъ подлинное государственное банкротство. Предположеніе это получило и офіціальное себѣ засвидѣтельствованіе въ недавнихъ переговорахъ съ Польшей совѣтскаго правительства, въ которыхъ послѣднее признало, что въ данное время оно находится не въ состояніи уплатить полностью 49 мил. рублей золотомъ, причитающихся съ него по Рижскому договору. Развитіе этого универсальнаго банкротства находитъ себѣ выраженіе въ умираніи промышленности и въ окончательномъ крушеніи всей финансовой системы,

сопровождающемся бурнымъ потокомъ совѣтскихъ денежныхъ знаковъ, выпускъ которыхъ, предположенный на 1921 годъ въ суммѣ 22 триллионовъ рублей, настолько, однако, отстаётъ отъ все возрастающей въ нихъ потребности, что задолженность совѣтскаго правительства своимъ рабочимъ, и служащимъ и поставщикамъ выражается уже теперь въ сотняхъ миллиардовъ рублей. Какъ слѣдствіе отсюда — внутренняя стоимость и покупательная способность русскаго рубля быстро приближается къ нулю. Смѣшно сказать, что стоимость изданія настоящей книги въ переводѣ ея на совѣтскую валюту по современному ея курсу составляетъ свыше 30 миллионовъ рублей. Признавая свое банкротство, совѣтская власть всюду, однако, ищетъ денегъ, повсемѣстно обращается за кредитомъ, заранее соглашаясь на всѣ условія кредиторовъ, лишь бы только продлить свою начинающуюся агонію. Денежный сундукъ государства уже пустъ, быстро исчерпывается и запасъ награбленныхъ у государства и частныхъ лицъ драгоценностей, что неизбежно влечетъ за собой и суженіе ассигнованій на международную пропаганду и постепенное сокращеніе ея размѣровъ.

Изыскивая средства выйти изъ создавшагося безнадежнаго положенія, коммунисты усиленно проводятъ новый экономическій курсъ во всѣхъ сторонахъ жизни. Каждая почта регулярно приноситъ намъ новыя извѣстія: о замѣнѣ бесплатныхъ услугъ государства платными, объ измѣненіи тарифной системы вознагражденія трудящихся, объ отмѣнѣ пайковъ, о новыхъ налогахъ, о разрѣшеніи частной торговли, даже объ открытіи биржъ и т. п. мѣропріятіяхъ, возвращающихъ страну на всѣхъ порахъ на старыя капиталистическія позиціи. Въ январѣ 1921 года правители Россіи заявляли, что они открыли народу дверь въ царство подлиннаго коммунизма, но при этомъ не замѣтили, что дверь, въ которую они сами вошли — на турникетѣ, какъ въ большихъ отеляхъ, — и потому, войдя въ нее, по недо-

мыслию, не успѣли во-время выскочить и потому принуждены, продѣлавъ полный оборотъ, возвращаться туда, откуда пришли, т. е. — къ капитализму. Отъ свободы торговли, поощренія частной мелкой промышленности, открытія биржъ и т. п. мѣръ уже недалеско, пожалуй, и до признанія неприкосновенности личной собственности и предоставленія сферъ, какъ производства, такъ и всего торговаго оборота — для частной инициативы.

Но мѣропріятія этого послѣдняго рода, связанные съ неприкосновенностью личности и жилища и другими основными правами человѣка, декретированными еще Великой Французской Революціей, — находятся уже въ полномъ противорѣчій съ существомъ совѣтской власти въ Россіи, съ внутреннимъ ея содержаніемъ, съ той „твердой властью“, которая олицетворяется чрезвычайками, „вохрами“, ревтрибуналами, комиссарами и другими аналогичными атрибутами совѣтскаго режима. Въ этой области старыя большевистскія начала не потревожены и самое зданіе, на которомъ одновременно начертаны слова: и Карлъ Марксъ, и В. Ч. К., — стоитъ незыблемо. Напротивъ того, система эта періодически даетъ себя знать, усиленно закрашивая тогда кровью новыхъ жертвъ блекнуцій уже красный флагъ совѣтской Республики. Пока такая „твердая власть“ будетъ существовать, до тѣхъ поръ, пока съ голодомъ будутъ бороться особыми отрядами чека, пока безграмотные комиссары будутъ возстановлять русскую промышленность, а заслуженные профессора, за изученіе положенія нефтяного дѣла въ Россіи, будутъ ставиться подъ разстрѣлъ „к стенке“ въ подвалахъ чени, какъ контръ-революціонеры, — никакіе „новые курсы“ совѣтской политики не снадутъ положенія и не внесутъ оздоравлиющаго начала въ процессъ экономического разложенія страны.

По прежнему придется отмѣчать нарастаніе не только денежнаго, но и послѣдняго „бриллиантоваго“ банкротства Москвы и паденіе всѣхъ видовъ производства и въ особенности добычи

топлива, неуклонное сокращеніе котораго (въ августѣ 1921 г. въ Донбассѣ добыто уже только 2 мил. пуд. угля) приведетъ неизбежно къ параличу по плану и безъ всякаго плана, по очереди и внѣ всякихъ очередей послѣдніе остатки русской промышленности. Параллельно съ этимъ, какъ и раньше, придется констатировать и раскрытіе всемогущей чекой новыхъ фантастическихъ заговоровъ и пролитіе новыхъ потоковъ русской крови во славу III Интернаціонала и Краснаго Кремля, въ то время, какъ точно на пиру во время чумы во-вновь открывающихся повсемѣстно для потѣхи палачей Россіи театрахъ, ресторанахъ и кафѣ будутъ попрежнему предаваться безудержному ликованію и кутежамъ красные тираны, для которыхъ неумолимая рука судьбы выписываетъ уже на стѣнѣ роковыя слова: „Мани, Текель, Таресъ.“

Но оставимъ эту агонизирующую власть въ странѣ, гдѣ Царь-Голодъ и Ангелъ Смерти снимаютъ обильную жатву во славу великаго соціальнаго опыта Ленина и обратимся въ заключеніе къ тѣмъ живымъ клочкамъ Россіи, которые находятся въ добровольномъ изгнаніи за-границей. Что думаютъ здѣсь о томъ моментѣ, когда совѣтская власть, наконецъ, рухнетъ? Съ чѣмъ, съ какимъ багажемъ думаютъ выйти тогда находящіеся здѣсь русскіе навстрѣчу къ тѣмъ освобожденнымъ страдальцамъ, которые все время оставались у себя на родинѣ? Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, хотя и исписаны горы бумаги, реально сдѣлано очень мало. Между тѣмъ, русскимъ эмигрантамъ въ предвидѣніи наступленія двѣнадцатаго часа для совѣтской власти необходимо энергично готовиться къ этому моменту. Что же спросить съ нихъ страна?

Какъ я неоднократно указывалъ, Россія устала отъ всякихъ теорій, которыя она достаточно испытала на своей шеѣ въ видѣ опытовъ экспериментальнаго коммунизма. Все населеніе страны, въ подавляющемъ большинствѣ, стало безпартійнымъ. Это не надо понимать такъ, что у нахо-

дящихся теперь въ Россіи пропали всякіе политическіе интересы и отпалъ вкусъ къ обычному политиканству. Было бы глубокой ошибкой такъ понимать эту безпартійность. Но это означаетъ, что вопросы чисто политическаго характера отошли на второй планъ, такъ какъ превалирующими являются въ данный моментъ экономическіе интересы. Поэтому тѣ, кто вмѣсто реальной помощи продовольствіемъ, топливомъ, матеріаломъ и деньгами, придутъ въ Россію съ политическими платформами, — окажутся людьми чуждыми для своей родины.

Страна устала, она жаждетъ своего государственнаго возстановленія. Въ основаніе проекта національнаго ея возрожденія должна быть положена экономическая программа. Само русское населеніе пережило глубокую внутреннюю перемѣну и, подобно тому, какъ заживающая рана покрывается сначала неприглядной корой, таящей, однако, въ себѣ элементы новой здоровой жизни, такъ и у населенія нашей бѣдной страждущей родины замѣчаются признаки оздоровленія, какъ политически — въ смыслѣ отказа отъ увлеченія утопическими теоріями, такъ и экономически — въ видѣ необычайной сопротивляемости и личной трудовой энергіи, которая въ тяжелыхъ условіяхъ борьбы за существованіе выковываются въ новомъ русскомъ человѣкѣ. Вся Россія прекрасно понимаетъ, что совѣтская власть довела ее до такой степени разоренія и что встать ей вновь на ноги самой невозможно. Нужна помощь иностранцевъ. Условія, которыя послѣдніе могутъ поставить, будутъ суровыя, на этотъ счетъ иллюзій никто особыхъ не строить, зная, что придется идти въ экономическую кабалу къ иностранцамъ. И вотъ въ этомъ дѣлѣ населеніе Совѣтской Россіи ждетъ помощи и реальной работы отъ русскихъ зарубѣжныхъ эмигрантовъ. Послѣдніе должны въ деталяхъ и, главнымъ образомъ, практически подготовить схемы экономическаго возстановленія Россіи, чтобы во-время явиться съ ними. Должны быть накоплены надле-

жація средства и силы и сдѣлано это должно быть на наиболѣе выгодныхъ для будущей Россіи условіяхъ, съ предоставленіемъ ей широчайшихъ иностранныхъ кредитовъ. Должны быть практически разработаны и мѣры для того, чтобы ввести величайшую экономію въ жизнь страны, въ цѣляхъ построенія всей ея жизни на основахъ полного уничтоженія всякихъ соблазновъ и иныхъ поводовъ для расточительности и введенія во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія крайней расчетливости, подобно тому, какъ Іоаннъ Калита въ свое время заложилъ твердый фундаментъ для здороваго строительства и развитія Московскаго государства. Наконецъ, должны быть тщательно продуманы и разработаны мѣры по поднятію моральнаго уровня народныхъ массъ, который, какъ я выше указывалъ, повсемѣстно и во всѣхъ слояхъ населенія весьма понизился. Таковы тѣ основныя заданія, съ готовыми рѣшеніями для коихъ должны прійти въ Россію тѣ лица, которыя хотятъ быть допущенными къ участію въ ея будущемъ строительствѣ.

Тяжелыя условія, въ которыхъ будетъ протекать гигантская созидательная работа по государственному оздоровленію страны, съ проведеніемъ широчайшей мѣстной автономіи и децентрализациі ея управленія, не должна, однако, никого страшить. Чѣмъ больше по своему масштабу будетъ иностранная помощь, тѣмъ скорѣе станетъ на ноги страна. Какъ сейчасъ отдѣльныя лица и отдѣльныя семьи, преодолевая невѣроятно тяжелыя условія русской дѣйствительности, создаютъ свое собственное домашнее и семейное благополучіе, такъ и тогда, весь народъ русскій въ совокупности, съ той новой трудовой энергіей, которая выработалась у него, благодаря большевистскому режиму и которая дастъ ему возможность въ будущемъ не безъ успѣха конкурировать съ иностранцами, сумѣетъ своей производительной и систематической работой, подкрѣпленной въ отличіе отъ коммунистической системы, и стимуломъ матеріальной заинтересо-

ванности, — возстановить экономически свою родину, а русский рабочий и крестьянинъ повести ея по пути дальнѣйшаго экономического процвѣтанія.

Вотъ въ немногихъ словахъ неотложныя задачи момента для русской эмиграціи. Онѣ не такъ сложны, но онѣ не терпятъ отлагательства. Подготовительная работа въ той или другой области необходима для каждаго эмигранта въ тѣхъ видахъ, чтобы при возвращеніи на родину, послѣ паденія большевистскаго режима, дать отвѣтъ о сдѣланномъ въ ея пользу во время пребыванія своего въ лучшихъ условіяхъ за границей.

Но всѣ эти задачи облегчатся и фактически могутъ рассчитывать на успѣхъ только при условіи русскаго единенія. Если мы, русскіе, сейчасъ и безсильны, то только потому, что не объединены за границей. Мы не можемъ даже показать нашей любви къ гонимой родинѣ своимъ единствомъ на чужбинѣ. Иностранцамъ не понятны родственныя славянскимъ душамъ распри и склонность къ абстрактнымъ мечтаніямъ. Для того, чтобы съ успѣхомъ выступить сейчасъ передъ всѣмъ свѣтомъ, а потомъ и въ самой возрождающейся Россіи, — должны быть забыты партійныя распри и политическій антагонизмъ. Передъ лицомъ наступающаго часа освобожденія и строительства новой національной Россіи, русская эмиграція хоть временно, хоть въ глазахъ иностранцевъ, должны составить единое цѣлое, чтобы получить возможность авторитетно и практически проводить ту программу, которая вкратцѣ тутъ была набросана. Довольно раздоровъ! Протянемъ всѣ другъ другу руки и отдадимъ нашъ трудъ въ мѣрѣ посильной возможности и всѣ наши помыслы на эту работу подготовки воскрешенія нашей Россіи. Время не терпитъ. Приближается моментъ рѣшительныхъ событій: часъ возмездія и расплаты за всѣ злодѣянія. Довольно скрытыхъ интервенцій иностранцевъ въ пользу большевиковъ! Довольно коммунистическихъ опытовъ надъ нашей родиной!

Долой классовую диктатуру! Долой III Интернациональ и его прислужниковъ, засѣвшихъ въ сѣдомъ русскомъ Кремлѣ и краснымъ смѣхомъ измывающимся надъ Святой Русью! Будемъ готовы. Царство Ленина вступаетъ въ пятый, и да позволено будетъ высказать надежду, — послѣдній годъ своего существованія.

Берлинъ, октябрь 1921 года.